

ЯПОНСКИЙ ТИРАН

Й. П. ЛАМЕРС

ЕВРАЗИЯ

Й. П. ЛАМЕРС

ЯПОНСКИЙ ТИРАН

НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ЯПОНСКОГО ПОЛКОВОДЦА
ОДА НОБУНАГА

JAPONICA NEERLANDICA
МОНОГРАФИИ АССОЦИАЦИИ ЯПОНОВЕДЕНИЯ
КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ
Том VIII

JEROEN P. LAMERS

JAPONIUS
TYRANNUS

**The Japanese Warlord
Oda Nabunaga Reconsidered**

Leiden
Hotei Publishing
2000

И. П. ЛАМЕРС

ЯПОНСКИЙ
ТИРАН

**Новый взгляд на японского полководца
Ода Нобунага**

Санкт-Петербург

2012

Ламерс Й. П.

Л21 Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага / Пер. с англ. Р. В. Котенко. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-91852-015-4

Настоящее издание представляет собой биографию знаменитого японского полководца Ода Нобунага (1534–1582). Автор данного исследования Й. П. Ламерс ставит перед собой задачу «избежать как анахронизмов моральных суждений, так и психологического анализа». Основное внимание в книге уделяется «поступкам Нобунага, а не его душе». Именно эта авторская установка позволяет голландскому ученому нарисовать объективный исторический портрет знаменитого японского полководца. Стараясь рассмотреть личность «японского тирана» в соответствии со стандартами периода, воплощением которого был и сам Нобунага, ученный воссоздает на страницах своей книги картину последнего этапа эпохи Сражающихся царств. Обширный корпус источников, оригинальная методика проверки различных свидетельств эпохи и скрупулезная работа с фактами — вот далеко не полный перечень достоинств этой книги, делающих ее лучшим из существующих жизнеописаний Ода Нобунага.

**ББК 63.3(5Я)4
УДК 94(520).02**

ISBN 978-5-91852-015-4

- © Hotei Publishing and Jeroen P. Lamers, 2000
- © Котенко Р. В., перевод с английского, 2010
- © Лосев П. П., дизайн обложки, 2010
- © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

Для Анны,
наших детей
и моих родителей

1. Тикудзэн
2. Будзэн
3. Бунго
4. Тикуго
5. Хидзэн
6. Хюго
7. Хюга
8. Осуми
9. Сацума
10. Нагато
11. Суо
12. Ивами

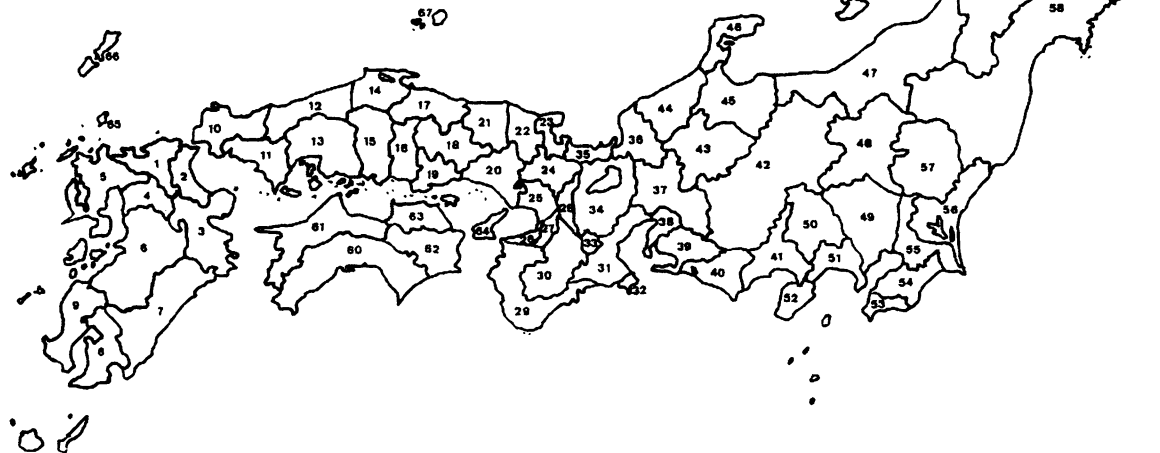
13. Аки
14. Идзумо
15. Бинго
16. Битто
17. Хоки
18. Мимасака
19. Бидзэн
20. Харима
21. Инаба
22. Тадзима
23. Танго
24. Танба

25. Сэтцу
26. Идзуми
27. Кавати
28. Ямасиро
29. Кири
30. Ямато
31. Исэ
32. Сима
33. Ига
34. Оми
35. Вакаса
36. Этидзэн

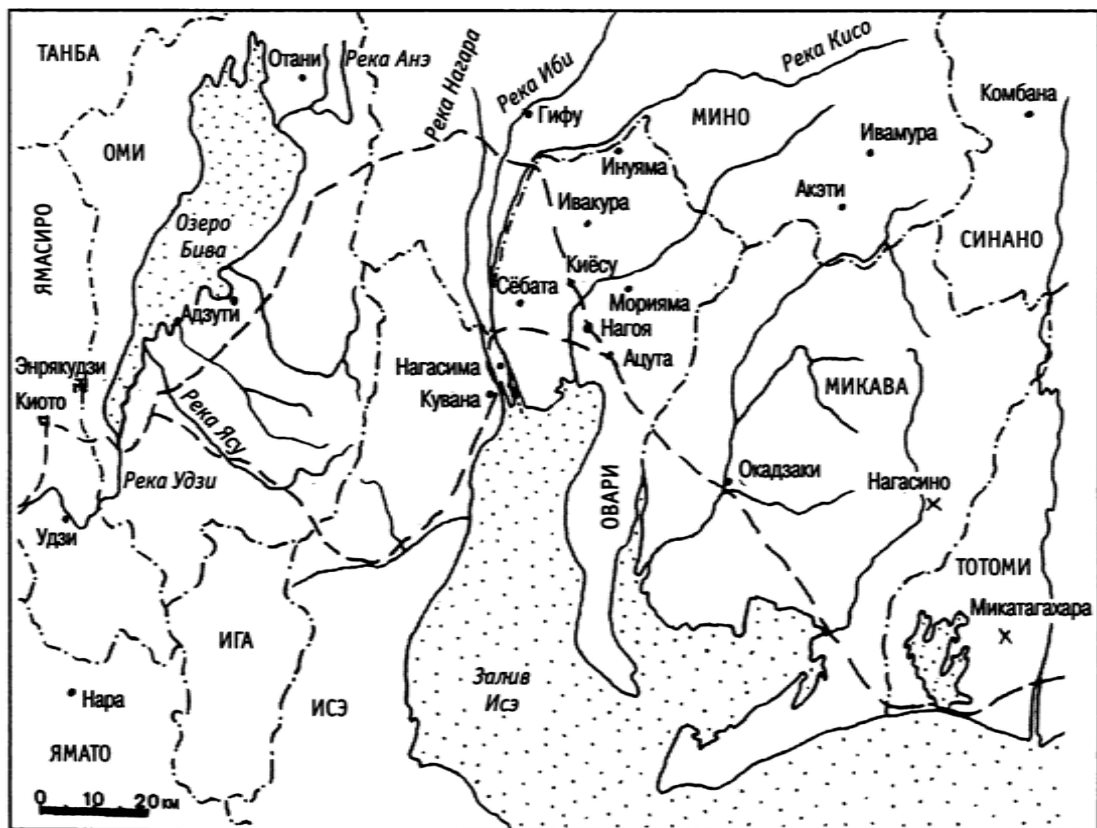
37. Мино
38. Овари
39. Микава
40. Тотоми
41. Суруга
42. Синано
43. Хидэ
44. Кага
45. Этто
46. Ното
47. Эттиго
48. Кодзукэ

49. Мусаси
50. Каи
51. Сагами
52. Идзу
53. Ава
54. Кадзуса
55. Симоса
56. Хитати
57. Симоцукэ
58. Муцу
59. Дэва
60. Тоса

61. Иё
62. Ава
63. Сануки
64. Авадзи
65. Ики
66. Цусима
67. Оки
68. Садо

Карта основных географических мест,
связанных с деятельностью Нобунага

ВСТУПЛЕНИЕ

Одной из первых европейских книг, в которой упоминается имя японского военачальника Ода Нобунага, была «Истории Индии», написанная в XVII столетии историком-иезуитом Джованни Маффеи. Индекс этой книги, который я обнаружил, собирая пыль в библиотеке Лейденского университета, содержал слова «Japōnius Tugannus», «японский тиран», представляющие поразительно точное определение карьеры и жизни Нобунага¹.

Маффеи (1544–1605), давая сведения о Нобунага, опирался на письма, написанные и отосланные в Европу одним из наиболее известных летописцев начального периода иезуитской миссии в Азии португальцем Луисом Фройсом (1532–1597). Маффеи был хорошо знаком с Фройсом, или, как минимум, с его письмами, и очень высоко оценивал его. Фройс был первым европейцем, встретившимся с Нобунага в японской столице Киото в 1569 году, которая перешла в руки Нобунага годом ранее. Вскоре после встречи с Нобунага, 1 июня 1569 года, Фройс дал следующую характеристику военному гегемону Японии²:

Правителю Овари около 37 лет, он высок ростом, худощав, с редкой бородой, необычайно звучным голосом, словно предназначенным для командования войсками, неутомим, склонен к справедливости и состраданию, надменный и честолюбивый, необычайно скрытен в своих замыслах, большой знаток стратегем, едва ли или совсем не обращающий внимание на замечания и советы своих подчиненных; его все очень боятся и уважают. Он не пьет вина, бесцеремонен в манерах, смотрит сверху вниз на всех остальных правителей и принцев Японии и разговаривает с ними пренебрежительно, словно со своими подчиненными. Ему беспрекословно повинуются все как единовластному повелителю, он обладает хорошей проницательностью и резкостью в суждениях, он презирает всех божеств,

будд, а также все иные виды идолопоклонства и языческих суеверий. Формально он заявляет, что принадлежит к школе Лотоса, но при этом открыто провозглашает, что нет ни создателя мира, ни бессмертия души, ни жизни после смерти. Его жилища всегда необычайно чисты и изысканны и всегда в идеальном порядке. Он ненавидит промедление и уклончивые речи, и даже принцы не появляются перед ним с мечом, с ним всегда две тысячи слуг или вооруженных воинов. Его отец был правителем провинции Овари, но сам он, благодаря своей неутомимой энергии, сумел за последние четыре года покорить семнадцать или восемнадцать провинций. Он завоевал восемь [так!] центральных провинций, включая столичную провинцию Ямасиро, за семь или восемь дней.

Фройс сделал некоторые дополнения к вышеприведенному описанию в своем главном произведении «История Японии», которое он написал в 1580-х годах, добавив пассаж, в котором он описывает интерес Нобунага к разным утонченным занятиям и турнирам сумо³:

Нобунага питал особую склонность к знаменитой чайной утвари, хорошим лошадям, мечам и соколиной охоте, а также любил смотреть на поединки обнаженных борцов как высших, так и низших рангов.

Нобунага доминировал на политической арене Японии в период между 1568 и 1582 годами, когда он постепенно подчинил центральные области и начал тем самым процесс военного и политического объединения страны. Один из современных западных историков Японии называл его «исторической необходимостью», вознесшей Японию из средневековья на порог периода Токугава (1603–1867)⁴. Тем не менее, эпитеты, которыми Нобунага награждают большинство западных историков, в сущности, ничем не отличаются от слов Маффеи. Нобунага описывали как «величественного варвара» или как «жестокого и бессердечного», а совсем недавно весь его период правления был вообще охарактеризован как «террор»⁵.

Характеристики, подобные вышеприведенным, представляют собой, в сущности, моральные оценки, больше говорящие об историке, нежели о его герое. Японские исследователи всегда были менее склонны осуждать Нобунага, но они, в свою очередь, любят порассуждать о его характере и взглядах на жизнь. Эту тенденцию

хорошо иллюстрирует то, как Такаянаги Сюнъити суммирует взгляды на Нобунага Наито Акира⁶:

Правитель [Нобунага] хорошо понимал неадекватность традиционных взглядов на мир периода Сэнгоку и со своим нигилистическим отношением к прошлому и экзистенциалистским отношением к настоящему воспринимал самого себя в качестве полновластного спасителя всех людей... Многие склонны полагать, что на его философию тэндо вполне могло оказать влияние христианское понятие Бога.

При первом прочтении такие высокопарные пассажи, как только что приведенный, могут показаться проявлением искренней симпатии со стороны автора. Тем не менее, они представляют собой только голую фразеологию и не подкреплены никакими доказательствами.

В настоящей биографии делается попытка избежать как ставших анахронизмом моральных суждений, так и психологического анализа. Основное внимание в ней будет уделено действиям Нобунага, а не его душе. Личность Ода Нобунага будет представлена как некий результат его собственных амбиций, с одной стороны, и существовавших в его время социальных и политических условий, с другой. Мы будем рассматривать его в соответствии со стандартами его времени, и его историческая роль будет оцениваться по его поступкам и наследию, оставленному им его последователям — Тоётоми Хидэёси (1537–1598) и Токугава Иэясу (1543–1616).

Биограф и лауреат Ричард Холмс полагал, что биография может не иметь никакого отношения к реальному историческому знанию, поскольку она «опирается на зыбучий песок писем, дневников, мемуаров и интервью, которые все неизбежно являются субъективными источниками». По его мнению, это основное «эпистемологическое возражение», которое можно предъявить биографии как историческому жанру⁷. Методология данного исследования нацелена на то, чтобы нейтрализовать данное возражение. Первичные и ранние вторичные источники по Нобунага богаты, ярки, драматичны и обильны. Тем не менее, эти самые источники могут также быть непонятными, своекорыстными, пристрастными и даже намеренно вводящими в заблуждение. Современных биографий Нобунага немало, но ни один из их японских авторов не отнесся с достаточной степенью критичности к имеющимся японским и западным источникам. Как итог, с полдюжины уже

существующих японских биографий можно смело отнести к разряду ненаучной литературы⁸.

Для изучения биографии Нобунага можно установить четыре группы источников.

1. Собрание писем Нобунага «Нобунага мондзё но кэнкю» Окуно Такахиро (в дальнейшем, «Нобунага мондзё») и аналогичные собрания писем других домов даймё периода Сэнгоку.
2. Самая первая биография Нобунага «Синтё-ко ки» (1610), написанная Ота Гюити, представляющая собой прекрасный экземпляр жанра военных историй (гунки моно) начала периода Токугава.
3. Материалы иезуитов, состоящие из писем, историй, учебников грамматики и словарей.
4. Дневники придворных аристократов и духовенства времен Нобунага.

Ни один из источников, касающихся Нобунага, не является абсолютно надежным или исчерпывающим, каждый имеет свои слабости или недостатки, которые обязательно следует учитывать. Важным аспектом филологического исследования настоящей книги стало использование различных источников в «синтетической» манере, или, другими словами, сравнение и перепроверка по разным источникам того, что они говорят о деятельности Нобунага. В период между 1568 и 1582 годами Нобунага «владел умами» в равной степени как японцев, так и иностранцев. Это достаточно очевидно уже из того, насколько часто он фигурирует в сочинениях своих современников — его описывают самые разные люди с самых различных точек зрения. Для того чтобы полностью использовать все имеющееся многообразие документов, в настоящей книге мы в первую очередь скомпоновали и синтезировали фундаментально различные источники, касающиеся Ода Нобунага.

Одного конкретного примера будет достаточно для того, чтобы проиллюстрировать, что означает наша методика на практике. В письме, датированном 27 мая 1573 года, португальский миссионер Фройс пишет, что по приказу Нобунага в окрестностях Киото было уничтожено 90 деревень. В письме подчеркивается, что эти деревни были разрушены вместе с монастырями и храмами божеств и будд, обнаруженных в них⁹. С другой стороны, японский хронист Ота Гюити (1527–1610?) сообщает об этом же инциденте следующее: «В третий день четвертого месяца [первого года под девизом правления Тэнсё (1573)] Нобунага поджег пригороды Киото, пощадив при этом храмы, пагоды и хижины отшельников»¹⁰. В том,

что в данном случае Фройс и Гюити описывают один и тот же поджог, нет никакого сомнения. Гюити датирует указанное событие 3-м днем четвертого месяца первого года Тэнсё, что соответствует 4 мая 1573 года по западному календарю. Согласно Фройсу, Нобунага совершил поджог «в воскресенье после Вознесения, в день Крестовоздвижения, через четыре дня после своего прибытия [в Киото], что соответствует 3 мая 1573 года. Очевидное расхождение объясняется третьим источником, письмом, написанным Нобунага и датируемым 6-м днем четвертого месяца первого года Тэнсё (7 мая 1573 года), в котором говорится, что грабеж пригородов Киото происходил «2-го и 3-го дня [четвертого месяца]», то есть 3 и 4 мая 1573 года¹¹. Что не поддается объяснению, так это то, намеренно ли Фройс упоминает о разрушении японских религиозных институтов, в то время как Гюити говорит о том, что Нобунага пощадил их. Ведь в некоторых других случаях Гюити подробно описывает примеры разрушения храмов по приказу Нобунага¹². Очевидно, Гюити был удивлен тем, что в данном случае Нобунага пощадил храмы, в то время как в иных случаях его не слишком заботило их разрушение. Фройс, в свою очередь, имел обыкновение изображать Нобунага в качестве «кары небесной», посланной Богом на японских буддистов. В своем письме, датированном 27 мая 1573 года, Фройс описывает поступки Нобунага, основываясь не на реальных событиях, а принимая желаемое за действительное.

Поскольку источники возникали независимо друг от друга, сходство между ними нельзя объяснять копированием друг друга. Короче говоря, синтетический метод данного исследования позволяет провести качественную проверку всех данных, предоставленных различными источниками, дает возможность разделить вероятное и невероятное и создать своеобразный ландшафт фактов с вершинами и долинами, в котором независимо созданные источники либо совпадают друг с другом, либо противоречат друг другу. На протяжении всего исследования источники спорят между собой, тем самым позволяя в итоге нарисовать сложную картину жизни Ода Нобунага и его деяний.

Несколько слов следует сказать и о структуре настоящего исследования. Хронологическое описание жизни и карьеры Нобунага составляет основу данной биографии. Описание начинается с 1530-х годов, когда так называемая эпоха Сражающихся царств (Сэнгоку) бушевала уже на протяжении половины столетия. Она заканчивается в 1582 году, с трагической смертью Нобунага в Хон-

нодзи. Главной темой исследования является политика и отношение Нобунага к военному правительству (*бакуфу*) клана Асикага и императорскому двору в Киото. Эти сложные и вызывающие множество споров вопросы лучше всего анализировать в соответствии с тем, как они возникали на протяжении времени. В ряде важнейших для карьеры Нобунага моментов хронологическое повествование прерывается главами, посвященными историографической проблеме или целому клубку проблем, которые окружали Нобунага. В главе шестой описываются строительные работы, которые Нобунага вел на горе Адзути и вокруг нее на берегах озера Бива, в главе восьмой обсуждается решение Нобунага религиозных вопросов, а глава девятая касается трансформации вассалитета Нобунага в начале 1580-х годов. Такая структура изложения выбрана для того, чтобы можно было соединить естественный порядок хронологического повествования с аналитическими преимуществами тематического. Завершается биография эпилогом, в котором синтезируются результаты исследования по разным темам.

О нашем герое имеется огромное множество современной литературы. Споры о Нобунага поспособствовали разделению исследователей на два противоположных лагеря, начиная примерно с 1970-х годов. С одной стороны, в Нобунага видят предвестника начала новой эры, эры Токугава. Данной точки зрения придерживаются такие влиятельные историки, как Асао Наохиро и Фудзика Хисаси. С другой стороны, Вакида Осаму является наиболее известным сторонником той точки зрения (менее влиятельной), что Ода Нобунага был «последним правителем средневековья». Исторические оценки Нобунага, принадлежащие западным исследователям, не столь противоречивы, как японские. Так, по мнению автора одной из последних биографий Тоётоми Хидэёси Мари Элизабет Берри, Хидэёси достиг мира и объединения Японии благодаря тому, что отказался от «централистской» политики Нобунага. Не склонный к полному уничтожению враждующих с ним даймё, Хидэёси благодаря своему более терпимому стилю управления смог преуспеть там, где Нобунага со своим автократическим способом правления потерпел неудачу¹³. Взгляды Берри полностью противоречат позиции Джорджа Элисона, который подчеркивает, что своими успехами Тоётоми и Токугава во многом обязаны Нобунага. «Его деятельность, — пишет Элисон, — явилась прототипом политики Хидэёси и Иэясу»¹⁴. Именно в рамках этих историографических споров и будет определяться наша позиция.

В этой книге мы не собираемся изучать посмертную славу. Конечно, то, как японцы периода Токугава представляли Нобунага, является очень интересным вопросом, и ответ на него мог бы пролить свет на историю эпохи Токугава и японского общества в этот период. Изучение его стало бы масштабным предприятием, но в настоящий момент мы вынуждены оставить его. Большое внимание в настоящем исследовании будет уделено тому образу Нобунага, который был создан историками-иезуитами в Европе начала Нового времени на основе сообщений своих собратьев, находившихся в Японии. Взгляд иезуитов на Нобунага по-прежнему сохраняет свое влияние и сегодня. При этом наиболее устойчивой является идея, или, скорее, миф, о том, что Нобунага был другом христианства и ненавистником буддизма, который, к великому сожалению, совершил смертный грех самообожествления.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗДАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОПОРЫ НОБУНАГА В КАЧЕСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

Япония вступила в период гражданских войн и политической раздробленности с началом войны Онин в 1467 году. Этот период японской истории получил название «Сэнгоку», «Сражающихся государств» (1467–1568). Непосредственной причиной войны Онин стало возрастание напряженности в *бакуфу* Муромати, военном правительстве Японии, базировавшемся в Киото и возглавляемом сёгуном из клана Асикага. Проблемы сёгуната усугубляли также ведущие сторонники, которые постоянно ссорились как с правительством, так и друг с другом. Конфликт разгорелся в столице Киото и распространился практически на все провинции страны. К концу XV века средневековый государственный строй Японии, сформированный вокруг императорского двора и сёгуната Муромати, практический перестал функционировать. Все требования центрального правительства игнорировались. Политическая власть в Центральной Японии быстро переходила из рук одного властителя в руки другого. Поначалу власть сёгунов Муромати *de facto* узурпировали представители клана Хосокава. Однако к середине XVI столетия клан Хосокава сместил с политической сцены Миёси Нагаёси, на смену которому, в свою очередь, пришел его подчиненный Мацунага Хисахидэ.

Одним из социальных феноменов, ассоциируемых с XVI столетием, стало *гэкокудзё*, «свержение высших низшими». Подобная форма узурпации власти была обычным делом как в провинциях Японии, так и в столичной области. В 1551 году Суэ Харуката уничтожил хозяина Западного Хонсю Оути Ёситака, регионального правителя, которого отличали космополитические устремления и огромный интерес к различным областям знания. Однако Суэ Харуката и его родственникам не удалось долго наслаждаться плодами победы: в 1555 году клан Суэ потерпел сокрушительное поражение

от Мори Мотонари в сражении при Ицукусима. С этого момента клан Мори стал непререкаемым властителем западной части Хонсю. На Кюсю, самом южном острове, набирали силу, подчиняя местных князей, клан Отомо из Бунго и клан Симадзу из Сацума. Клан Тёсогабэ постепенно распространил свое влияние на самом маленьком из четырех основных островов Японии, Сикоку, пока, в конце концов, не вытеснил полностью клан Итидзэ, который ранее главенствовал над Тёсогабэ. Аналогично складывалась ситуация и на востоке Японии: в 1541 году Такэда Харунобу (более известный как Сингэн) сверг своего отца Нобутора, занимавшего пост военного губернатора провинции Каи. Харунобу захватил власть в провинции и стал одной из самых легендарных фигур периода Сэнгоку. В 1550 году Нагао Кагэтора, вассал на службе у губернаторов провинции Этиго Уэсуги, ухитрился занять их место и *de jure*, и *de facto*. Знаменитый Сайто Досан, бывший торговец маслом, сместил губернатора Токи Ёринари в провинции Мино.

Приведенные выше примеры указывают лишь на некоторых представителей нового поколения правителей, выдвинувшихся в смутные годы периода Сэнгоку за счет своих прежних господ. Другими словами, так называемые *сюго даймё*, назначенные сёгунатом Муромати военные губернаторы, были вынуждены отступать перед новой порослью амбициозных и беспощадных провинциальных военачальников, даймё эпохи Сэнгоку, которые приходили к власти благодаря, в первую очередь, своей собственной военной доблести и организаторским способностям. Кроме восхождения новых даймё смута годов Сэнгоку позволила заполучить значительную политическую, экономическую и военную власть различным религиозным (буддистским) учреждениям, имевшим самые разные названия.

В период Средних веков в Японии буддистские храмы представляли собой одну из трех сторон, доминировавшую, в сотрудничестве или соперничестве с придворной аристократией и военными *буси*, в политической и экономической жизни страны. Религиозные институты школ Тэндай и Сингон, пришедших в Японию в начале периода Хэйан (794–1185) и представлявших собой основное течение ортодоксального японского буддизма, имели обширные владения *сёэн*, армии, состоявшие из воинов-монахов, и родственные связи с императорским двором. Главными центрами школ Тэндай и Сингон были монастырский комплекс Энрякудзи на горе Хиэй, что к северу от Киото, и монастырь Конгобудзи на горе Коя, нахо-

дящейся на территории нынешней префектуры Вакаяма. После войны Онин, когда система *сёэн* постепенно разрушилась, монастырские комплексы Тэндай и Сингон утратили контроль над большинством своих владений, которые перешли к даймё Сэнгоку, новым собственникам и самоуправляющимся деревням. Тем не менее, они продолжали оставаться мощными бастионами местного уровня и включали, как в случае с Энрякудзи, до нескольких сотен храмов. Они могли выставять армии, часто численностью в несколько тысяч воинов, и фактически контролировали всю торговлю, земли и деревни в окрестностях.

В течение периода Камакура (1185–1333) в Японии появилось несколько новых школ, таких, как школа Чистой земли, Истинная Школа Чистой Земли, Риндзай и Сото Дзэн, а также школа Лотоса. В целом, в новых школах уделялось меньше внимания доктрине и ритуалу, но больше самой вере и религиозному опыту. Как следствие, школы, появившиеся во время периода Камакура, распространили проповедь буддизма с почти исключительно аристократов на большую часть населения страны. Из этих новых школ, распространившихся в период Камакура, две вступили в конфликт с Нобунага в конце XVI столетия. Первой и наиболее могущественной стала «религиозная монархия» Истинной Школы Чистой земли; центром ее была неприступная цитадель Исияма Хонгандзи в Одзака (ныне — часть административного района Хигаси, город Осака) и десятки тысяч ее последователей (*монто*), распространенные по всей Центральной Японии. Второй была школа Нитирэн, или Лотоса, основанная монахом по имени Нитирэн (1222–1282). В XVI веке школа Нитирэн имела немало последователей среди городского населения в торговых центрах, таких как Сакай и Киото.

Истинная Школа Чистой Земли стала весьма популярной в Японии в средние века, подтверждая тем самым, что «вера может стать основой сплочения людей». В XV столетии священнослужитель Рэннэ (1415–1499) сумел возвысить Исияма Хонгандзи до главенствующего положения среди других храмов школы, до этого занимавших одинаково равное положение. Благодаря Рэннэ Хонгандзи вступила в XVI век в качестве могущественной военной силы, которую поддерживали хорошо организованные и верные последователи во всех центральных провинциях Японии. Сторонники Хонгандзи в немалой степени поспособствовали крушению системы *сёэн*, перестав платить налоги прежним землевладельцам. Вместо этого они сами устанавливали контроль над землями и жертвовали

деньги Хонгандзи. Они также создали так называемые *дзинайматы*, или «города внутри храмов», которые были «узловыми точками экономического могущества Хонгандзи в провинциях»¹⁵.

Имея в своем распоряжении хорошо организованных последователей, наставник Одзакя представлял собой военную силу, с которой было необходимо считаться. Его доминирующее положение не могло остаться незамеченным миссионерами-иезуитами, в частности, Лоуренсо Мехиа, который отмечал, что «крепость Одзакя принадлежит самому влиятельному бонзе в Японии, господину над двумя принцами и главе проклятой секты, распространившейся по всем провинциям Японии»¹⁶. Милитаризации приверженцев Истинной Школы Чистой Земли способствовала разразившаяся война Онин, и в целом ряде случаев объединения адептов школы, называемые *икки*, или «союзы», становились даже более могущественными, чем их противники, даймё эпохи Сэнгоку. В 1488 году военный губернатор провинции Кага (ныне — часть префектуры Исикава) Тогаси Масатика, был принужден *икки* покончить жизнь самоубийством, и провинцией Кага завладели крестьяне. *Икки* Истинной Школы Чистой Земли были особо сильны в последние десятилетия периода Сэнгоку; в начале 1560-х годов они серьезно угрожали правлению Токугава Иэясу в провинции Микава. В 1574 году под власть *икки*, хотя и на непродолжительный период, перешла провинция Этидзэн (ныне — часть префектуры Фукуи).

Организационная структура, экономическая независимость и военная мощь Хонгандзи и ее провинциальных *монто* были, конечно, несовместимы с той системой, которую стремились создать даймё, подобные Нобунага или Токугава Иэясу. Столкновение Нобунага с Хонгандзи в ходе завоевания Центральной Японии, где позиции Хонгандзи были особенно сильны, становилось, в конце концов, неизбежным. В сущности, борьба Нобунага с Хонгандзи была борьбой за установление контроля над независимым крестьянством и местными собственниками, объединенными общими религиозными верованиями.

В большинстве японских провинций примерно с середины XVI столетия, после центробежного хаоса, стала намечаться стабилизация. Возникли два типа местной администрации, которые обладали достаточной военной мощью и социальным единством для сохранения и защиты своей автономии: владения даймё и воензированные религиозные объединения Истинной Школы Чистой Земли¹⁷. Однако именно владения даймё стали тем краеугольным камнем,

который в конечном счете лег в основание объединения Японии в XVI столетии. К концу периода Сэнгоку появились даймё, контролировавшие одну или более провинций. В восточной области Канто Ходзё стали властителями, среди прочих, провинций Идзу, Сагами и Мусаси; Имагава хозяйничали в Микава, Тотоми и Суруга, а Мори правили не менее, чем девятью провинциями на западе Хонсю. Тенденция очевидна: начиная с 1550 года консолидация владений даймё вела к образованию провинциальных военных блоков. Одним из поднимающихся кланов даймё были Ода в провинции Овари, ныне западная часть префектуры Айти.

ПРОВИНЦИЯ ОВАРИ И КЛАН ОДА

Происхождение клана Ода может быть возведено к владениям Ода но Сё в провинции Этидзэн (ныне — Ота-тё, префектура Фукуи), где члены клана занимали достаточно высокое, по местным меркам, положение и служили одновременно в качестве управляющих поместьями и в качестве священнослужителей в святилище Ода Цуруги. Как следствие, свое имя клан Ода получил по названию местности. В начале XV столетия Ода покинули провинцию Этидзэн и осели в провинции Овари. В 1398 году их хозяин, Сиба Ёсисигэ (1371–1418), был назначен военным губернатором (*сюго*) провинции Овари, а вскоре после этого Ёсисигэ назначил человека по имени Ода Исэ Ньюдо Дзёсё заместителем военного губернатора (*сюгодай*) провинции Овари. Сиба являлись ветвью сёгунского клана Асикага и стали одним из трех домов, которые монополизировали должности представителей сёгуна (*канрэй*) в период Муромати. Кроме Овари представители клана Сиба традиционно занимали должности губернаторов в таких провинциях, как Этидзэн и Вакаса. Сиба находились на вершине власти во времена Ёсисигэ и особенно его отца Ёсимаса (1350–1410).

Сиба были официальными и легитимными правителями Овари благодаря губернаторству, дарованному им сёгунатом Муромати. Военные губернаторы периода Муромати обладали правом собирать некоторые виды налогов и несли ответственность за осуществление политики и судопроизводства на подвластных им территориях. Однако военные губернаторы редко оседали в провинциях, где они получали назначение, и имели в качестве собственного владения лишь незначительный участок земли. Как правило, они жили в Киото и оставляли почти все важнейшие вопросы местного

управления на попечение своих непосредственных подчиненных, заместителей военных губернаторов. В случае с Овари это означало, что каждодневные дела осуществляли не сами Сиба, а поколения представителей дома Ода. Однако к середине XV столетия споры о порядке наследования начали раскалывать дом Сиба. Эти семейные проблемы в конце концов вызвали драматические последствия в общегосударственном масштабе, поскольку именно они стали одной из причин войны Онин. Семейные споры между представителями клана Сиба привели также к тому, что, когда между ними разгорелся внутренний конфликт, клан Ода воспользовался представившейся возможностью, учитывая то, что именно он обладал реальной властью в провинции. В результате Сиба продолжали играть незначительную роль в Овари до 1561 года, когда Сиба Ёсиканэ был вынужден бежать из провинции, однако уже за столетие до этого Сиба утратили сколько-нибудь значительное влияние в ней.

Свержение клана Сиба в Овари подчиненным ему кланом Ода являет собой классический пример *гэкокудзэ*. Другие вассалы Сиба — клан Асакура в Этидзэн и клан Такэда в Вакаса — начали активно заявлять о себе одновременно с Ода, и точно так же стали фактическими правителями в своих провинциях. Клан Ода из Овари заплатил внутренним расколом за низвержение своих хозяев. В образовавшемся после падения Сиба вакууме власти возникли две соперничавшие ветви дома Ода. Одна из них, именовавшаяся Исэ но Ками, укрепилась в своем замке в Ивакура (ныне — Ивакура-тё, префектура Айти). Другая же имела наследственный титул «Ямато но Ками», и ее часто называли ветвь Ямато но Ками. Она располагалась в Киёсу (ныне — Киёсу-тё, префектура Айти), откуда контролировала «четыре нижних области» Овари (Кайто, Кайсай, Айти и Тита — области, наиболее удаленные от Киото). Ветвь Исэ но Ками, напротив, контролировала «четыре верхних области» провинции Овари (Нива, Хагури, Накадзима и Касугай — области, ближайšie к Киото). В смутные годы войны Онин перешел из рук в руки и пост *сюгодай*. Изначально его занимали представители ветви Исэ но Ками, но после 1478 года (10-го года правления под девизом Бунмэй) он оказался в руках Ямато но Ками, которая с тех пор и стала главной силой в провинции Овари.

Ветвь клана Ода, в которой родился Нобунага, была побочной по отношению к главному дому Ямато но Ками. Генеалогии периода Эдо свидетельствуют, что семья Нобунага принадлежала к ос-

новой ветви дома Ода, однако это неверно. Согласно этим же генеалогиям, родословную Ода можно проследить до Тайра но Сукэмори, сына блистательного командира Тайра Сигэмори (1138–1179), явившего один из наиболее знаменитых в Японии примеров мужества и верности¹⁸. В начале 1570-х годов Нобунага иногда называл себя именем Тайра, сознательно пытаясь дистанцироваться от номинального хозяина, сёгуна Асикага Ёсиаки (1537–1597), клан которого возводил свою родословную к клану Минамото, бывшему заклятому историческому врагу Тайра. В XVI веке было широко распространено мнение о том, что семьи клана Минамото, которые были гегемонами, периодически смещали в этом качестве семьи дома Тайра. Принимая имя клана Тайра, Нобунага ловко ассоциировал свое имя с этим хорошо известным и распространенным мнением. Однако документальные свидетельства подтверждают, что Ода считали себя боковой ветвью клана Фудзивара. В 1518 году Ода Митикацу (даты рождения и смерти неизвестны), занимавший должность заместителя военного губернатора провинции Овари с 1506 по 1549 год, направил документ одному из местных храмов, подписав его «Фудзивара но Митикацу». Более того, старейший из сохранившихся до наших дней документ, носящий имя Нобунага, направленный в 1549 году «восьми деревням Ацута» и представляющий собой официальное извещение о запретах, подписан «Фудзивара но Нобунага»¹⁹.

Согласно целому ряду японских источников начала XVII века, Нобунага был вторым сыном Ода Нобухидэ (1510–1551) и родился «в третьем году правления под девизом Тэнбун, год лошади, на 28 день пятого месяца»²⁰. Если перевести эту дату на использовавшийся в то время в Европе Юлианский календарь, то получится, что Нобунага появился на свет 9 июля 1534 года. По-видимому, он родился в замке Сёбата в провинции Овари (ныне — часть Саори-тё, префектура Айти). Казалось бы, установить дату рождения Нобунага не представляет особой сложности. Однако имеется один момент, делающий положение вещей более сложным, чем кажется на первый взгляд. 5 ноября 1582 года, через четыре с половиной месяца после смерти Нобунага в храме Хоннодзи, что в столице Киото, миссионер-иезуит Луис Фройс написал письмо об умершем гегемоне. В этом письме Фройс заявляет, что незадолго до своей смерти 21 июня 1582 года Нобунага обожествовал самого себя. Будто бы за девятнадцать дней до своей смерти в Хоннодзи Нобунага повелел большой толпе явиться в Сокэндзи, храм в Адзути,

и поклоняться ему по случаю дня его рождения. Выполнив обратный подсчет со дня смерти Нобунага, некоторые заключили, и другие это приняли, что Нобунага родился где-то «около 1 июня»²¹. Однако к любым расчетам даты рождения Нобунага на основе описания Фройса следует относиться с предельной осторожностью. Во-первых, утверждениям Фройса противоречат японские источники. Более того, в конце настоящего исследования будет показано, что, хотя история обожествления Нобунага получила поддержку со стороны некоторых ученых, скорее всего, она является продуктом фантазии Фройса, а не правдивым описанием.

В середине 1530-х годов власть в провинции Овари по-прежнему делили ветви Исэ но Ками из Ивакура и Ямато но Ками из Киёсу. Раскол клана Ода описывается в первом разделе самой ранней биографии Нобунага «Синтё-ко ки» следующим образом²²:

В то время провинция Овари состояла из восьми областей. В четырех верхних областях Ода Исэ но Ками [Нобуясу] держал под контролем всех самураев и свободно управлял из своего домашнего замка в Ивакура. Четыре области из нижней половины провинции управлялись Ода Ямато но Ками [Митикацу], и эта нижняя половина разделялась рекой на две части. Ямато но Ками разместил господина Буэи [Сибя Ёсимунэ] в замке Киёсу, занимался его воспитанием и сам также жил там.

В соответствии с традицией, непосредственные предки Нобунага занимали должность одного из трех «уполномоченных» (*бугё*) в доме Ямато но Ками. Отец Нобунага Нобухидэ, его дед Нобусада и прадед Ёсинобу находились на службе главной ветви Киёсу. По наследству от одного к другому переходил титул «Дандзё но Дзё», а их домом был замок Сёбата, расположенный в юго-западном уголке провинции Овари. Поэтому современные специалисты по генеалогии используют названия «линия Сёбата» или «Дандзё но Дзё Ода», чтобы отличать семью Нобунага от главной линии Ода.

«Синтё-ко ки» описывает отца Нобунага, Нобухидэ, как «очень умного человека», который «дружил со всеми способными людьми в семье и при этом управлял ими». Действительно, именно при жизни Нобухидэ боковая линия дома, к которой он принадлежал, начала возвышаться за счет ветви Ода Ямато но Ками и к середине 1530-х годов стала господствующей силой в провинции Овари. Успеху Нобухидэ, помимо его способностей, в немалой степени способствовало также и удачное географическое положение его замка

Сёбата. Не будучи очень крупной крепостью, он находился примерно в девяти километрах к западу от центрального города провинции Киёсу и примерно в четырех километрах к северо-востоку от Цусима, важного речного порта в плодородной дельте Кисо. Различные описания средневековых путешественников свидетельствуют, что между Цусима и Кувана в провинции Исэ (ныне — часть префектуры Миэ) действовало паромное сообщение. Порт Цусима являлся своеобразным ключом к равнине Ноби, нижней части провинций Овари и Мино, которую пересекали три главные реки: Кисо, Нагара и Иби. В то же время он оставался перевалочным пунктом для товаров и путешественников, следовавших с востока Японии на запад и обратно. В 1526 году он, по свидетельствам, насчитывал «несколько тысяч домов и храмов» и, несомненно, представлял собой большой и быстро развивающийся торговый город. Наличие в Цусима святилища, посвященного Годзу Тэнно, божеству, особо популярному в Восточной Японии, также в немалой степени способствовало процветанию всей области²³.

В 1524 году Ода из линии Сёбата включили Цусима в свои владения, заключив мир с Охаси, прежде главной семьей в городе. Пошлины на товары, проходившие через Цусима, непременно должны были увеличить их доходы; более того, они оказались в выигрыше также и потому, что Цусима была высокоразвитой сельскохозяйственной областью, даже в сравнении с плодородной провинцией Овари. Естественно, что существенная часть от производимой продукции стекалась в сундуки ее правителей в виде земельных налогов (*нэнгу*). Постоянные работы по защите от наводнений, поддержанию в порядке набережных и освоению земель требовали тесного сотрудничества между правителем и его вассалами в области. Действительно, так называемый «Отряд из Цусима» (*Цусима-сю*) стал ядром вассалов Ода в Овари при Нобухидэ, его сыне Нобунага и его внуке Нобутада (1557–1582). Существовали даже культурные связи между Цусима и Сёбата Ода: как минимум однажды Нобунага вместе со своими соратниками исполнил в Цусима танец в честь праздника Бон. В свою очередь, старейшины «пяти деревень Цусима» исполнили танец в замке Киёсу²⁴.

В целом, Ода Нобухидэ опирался на небольшую, но экономически прочную базу, когда он начал завоевание новых территорий в 1530-х годах. Однако в XVI столетии для территориальной экспансии недостаточно было только экономических средств, требовалась также готовность вести войну, а уж это Нобухидэ имел

в избытке. Во-первых, ему нужно было соперничать с другими ветвями клана Ода в Овари. К концу 1530-х годов он сумел освободиться от уз, связывавших его с Киёсу. В следующем десятилетии он бросил вызов двум даймё за пределами провинции Овари: Сайто Досан (1494–1556) из провинции Мино, лежащей к северу от Овари, и Имагава Ёсимото (1519–1560), потомку старого клана *сюго*, владевшему тремя провинциями к востоку от Овари: Микава, Тотоми и Суруга. Очевидно, весь клан Ода чувствовал, что эти два могущественных соседа представляют собой угрозу для него, и мы имеем основание предположить, что в некоторых случаях Нобухидэ действовал в качестве своеобразного лидера дома Ода. «Синтё-ко ки», описывая действия Нобухидэ осенью 1547 года, отмечает, что он «собрал войска со всей провинции» перед тем, как «начать кампанию против Мино в одном месяце и напасть на провинцию Микава в следующем»²⁵. Нобухидэ мог даже мобилизовать людей, входивших в ближайшее окружение его непосредственного хозяина, Ода Ямато но Ками Митикацу. Первая из осенних кампаний Нобухидэ в 1547 году закончилась поражением, когда Сайто Досан внезапно атаковал отступающие войска Овари. Потери были большими, среди прочих пал и Ода Инаба но Ками, который, как и Нобухидэ, занимал должность уполномоченного на службе у Ода Митикацу. Из чего следует, что именно Нобухидэ, а не заместитель военного губернатора Митикацу, мог заявить обоснованные претензии на лидерство в клане Ода в 1540-х годах. За пределами провинции Овари также признавали силу Нобухидэ. В 1549 году Нобухидэ женил своего второго сына и наследника Нобунага на одной из дочерей Сайто Досан по имени Китё но Ката, или Сагияма-доно. Эта женитьба не может рассматриваться в качестве знака признательности со стороны Нобухидэ, так как дочь Досан переехала в Овари. Скорее, этот брак свидетельствует о формальном признании военного паритета с Ода Нобухидэ со стороны Сайто Досан²⁶.

Другим подтверждением амбиций Нобухидэ может служить тот факт, что он намеренно в течение ряда лет переносил свой замок в глубь острова, ближе к центру провинции. Область Сёбата-Цусима представляла собой мощную экономическую базу, но и она отошла на второй план, когда Нобухидэ начал военную кампанию против Мино и Микава. Сначала, около 1538 года, он перебрался из замка Сёбата в замок Нагоя, расположенный в нынешнем административном районе Нака, город Нагоя. Однако, по причинам ныне

неведомым, Нобухидэ «находился в стесненных обстоятельствах» в Нагоя и временно удалился в добровольное затворничество в святилище Цусима. Чтобы покончить с возникшим кризисным положением, в 1542 году он пожаловал замок Нагоя Нобунага — в то время он еще носил свое детское имя Китибоси, а сам построил новый замок в Фуруватари, поблизости от святилища Ацута. Данное расположение было выбрано потому, что Ацута, второе главное святилище в провинции, попало в сферу влияния Нобухидэ в начале 1540-х годов. Это еще один пример того, что Нобухидэ расширял свое влияние преимущественно за счет главного дома Киёсу, поскольку Ацута перешла под контроль Ямато но Ками в 1530-х годах. Тем не менее, в конце 1540-х годов Нобухидэ разрушил Фуруватари и переменял ставку в третий раз, осев теперь в местечке Суэмори (ныне — административный район Тикуса, город Нагоя). Суэмори, вместе с Морияма, занятым братом Нобухидэ Нобуцугу (ум. 1574), обозначили границу восточной экспансии Нобухидэ в провинции Овари²⁷.

Ода Нобухидэ умер от заразной болезни 8 апреля 1551 года (в 20-й день третьего месяца третьего года под девизом правления Тэнбун). И Луис Фройс в своей «Истории Японии», и Ота Гюити в «Синтё-ко ки» отмечают, что буддистские молитвы его не спасли. Тем не менее, согласно Гюити, в память Нобухидэ был построен буддистский храм, и на его похоронах «собрались священнослужители со всей провинции». По легенде, один из приехавших священнослужителей из Кюсю распознал в Нобунага, который был назначен новым главой семьи, будущего властителя провинции Овари. Иезуит Фройс, напротив, полагает, что, поскольку буддистские монахи не смогли спасти жизнь отцу, Нобунага до конца своих дней отвернулся от буддизма²⁸.

Когда отец Нобунага лежал в Овари смертельно больной, Нобунага попросил бонз молиться о его здравии и спросил, оправится ли его отец от болезни. Они уверили его, что отец выздоровеет, но через несколько дней он умер. Тогда Нобунага приказал бросить бонз в храм и запереть дверь снаружи; он сказал им, что, раз уж они солгали ему по поводу здоровья его отца, то пусть теперь усерднее молятся своим идолам за свои жизни. Окружив их снаружи, он застрелил некоторых из них из аркебуз.

Свидетельство, высказанное Фройсом в его «Истории Японии», где Нобунага последовательно изображается «злым гением»

буддистов, кажется заслуживающим доверия, однако, если верить «Синтё-ко ки», как минимум один раз Фройс выдавал в отношении Нобунага желаемое за действительное.

Как бы то ни было, Нобухидэ не оставил после себя объединенную провинцию. Он завоевал область, в которую входила прибрежная часть провинции Овари, примерно соответствующая районам Кайто и Кайсай, а также западная часть Аити. Кроме того, он сумел создать стратегический военный альянс с Сайто Досан из Мино и военными действиями загнал в безвыходное положение Имагава из Микава. Нобухидэ не удалось стать полновластным правителем Овари. Соперничавшие ветви клана Ода были оттеснены, но не побеждены, и четыре из них к концу жизни Нобухидэ были настроены в высшей степени враждебно. И хотя эти противоборствующие силы не организовали единого фронта, они вместе по-прежнему контролировали большую часть провинции Овари. К концу 1540-х годов остальные ветви клана Ода окрепли в достаточной степени, чтобы снова бросить вызов единоличному превосходству Нобухидэ. Их нападение не оказалось успешным, но показало, что успехи, достигнутые Нобухидэ, оказались под угрозой сразу же после его смерти.

МОЛОДОЙ НОБУНАГА

Хотя Нобухидэ мог вести семью Ода в сражения против врагов за пределами Овари, его лидерство в самой провинции еще никоим образом не было надежно обеспечено. Уже на похоронах Нобухидэ чувствовались напряженные отношения с линией Сёбата. Согласно известному описанию в «Синтё-ко ки», церемония происходила следующим образом²⁹:

Князь Сабуро Нобунага прибыл в сопровождении своих старших вассалов Хаяси [Хидэсада], Хиратэ [Масахидэ], Аояма [Ёсозмон] и Наито [Сёсукэ].

Его младший брат князь Кандзюро Нобуюки прибыл в сопровождении своих вассалов Сибата Гонроку [Кацуиэ], Сакума Дайгаку [Морисигэ], Сакума Дзиэмон [Нобумори?], Хасэгава [Хасисукэ], Ямада [Ятаро] и других.

Нобунага вышел вперед, чтобы зажечь ладан для своего отца. На нем не было даже официальных шаровар (хакама), но при этом на поясе у него висели длинный меч с большой рукоятью, кинжал, обернутый грубой веревкой из соломы, а волосы его были повязаны хвостом пони. Он прошел к алтарю, затем

вдруг схватил горсть благовоний, просил ее на алтарь и пошел прочь.

На его младшем брате Кандзюро было одеяние без рукавов (катагину) и официальные шаровары со складками, и он держался так, как и должен был.

Многие порицали господина Нобунага, говоря, что всему виной было его обычное глупое себялюбие.

В другом месте «Синтё-ко ки» говорится, что молодой Нобунага вел себя необычайно странно, имел привычку гулять по городу и есть каштаны, хурму и дыню, «не обращая внимания на прохожих», или, стоя в центре города, набивать рот рисовыми пирожками³⁰.

Благодаря такому поведению молодой Нобунага заслужил у современников прозвище Оуцукэ, Большой дурак. Современные исследователи часто отмечали, что необычное поведение Нобунага было следствием того, что он был непослушным в юности³¹. Если это действительно так, то нелюбовь Нобунага к этикету и «дикие» поступки, совершавшиеся им порой в бытность его уже правителем государственного масштаба, следует возводить к привычкам молодости. Доказать подобные предположения невозможно. Тем не менее, поведение Нобунага на похоронах своего отца говорит о том, что его ведущее положение в семье Сёбата Ода было тогда еще далеко от непререкаемого. Его безукоризненно одетый младший брат Нобуюки (ум. 1557) имел все основания торжествовать. Он унаследовал домашний замок семьи в Суэмори, а также нескольких бывших вассалов Нобухидэ. Можно только гадать, способствовал ли укреплению его положения в семье тот факт, что госпожа Дота, мать Нобунага и Нобуюки, поселилась в Суэмори вместе с Нобуюки. Как бы то ни было, если добавить к раздору между братьями неослабеваемую вражду других Ода, станет очевидно, что положение молодого наследника Нобунага в начале 1550-х годов было непрочным как вовне, так и внутри его собственной семьи. Еще более усложняло ситуацию то, что в отряде вассалов, перешедших к Нобунага от его отца, также появились признаки раскола. Семья Ямагути из замка Наруми, расположенного к востоку от Нобунага, «восстала сразу же после смерти господина Нобухидэ и предложила воинам из Суруга напасть на внутренние области провинции Овари». Угроза с запада, где воины Икко из Нагасима вторглись в домашнюю область Цусима-Сёбата, замкнула кольцо враждебных сил вокруг Нобунага. Считалось, что Нобунага «должен

управлять нижней половиной провинцией Овари», но на самом деле ему пришлось защищать свои позиции на всех направлениях³².

Положение Нобунага оставалось шатким с 1551 года, года смерти его отца, до 1555 года, когда он захватил замок Киёсу и уничтожил ветвь Ямато но Ками. То, каким образом он сумел укрепить свои позиции в Киёсу, заслуживает более пристального внимания, поскольку показывает, что обман и вероломство были в порядке вещей в Японии периода Сэнгоку. В начале 1555 года младший заместитель (*косюгодай*) Киёсу Сакай Дайдзэн (даты рождения и смерти неизвестны) попросил дядю Нобунага, Ода Нобумицу, помочь его партии в борьбе против Нобунага. Дайдзэн сделал Нобумицу достаточно привлекательное предложение, пообещав совместную с Ода Нобутомо, смотрителем Киёсу, должность *сюгодай*. Нобумицу принял предложение, скрепив свое согласие официальной клятвой, но одновременно он заключил тайное соглашение со своим племянником Нобунага. По его условиям, если бы Нобумицу помог Нобунага заполучить Киёсу, они бы поделили между собой нижнюю часть провинции Овари. 19 мая 1555 года Нобумицу отправился на южную смотровую башню замка Киёсу под предлогом того, чтобы выполнить свои обязательства перед Дайдзэн и Нобутомо. Ему не пришлось затратить много времени, чтобы стать хозяином замка Киёсу. Он попытался убить Сакай Дадзэн, устроив засаду на следующий день после своего прибытия в замок. Но Дайдзэн почувствовал опасность и убежал просить убежища у Имагава Ёсимото из Суруга. Настоящему *сюгодай* Нобутомо повезло меньше — воины Нобумицу схватили его и вынудили покончить с собой. Затем Нобумицу передал замок Киёсу Нобунага, заняв при этом замок Нагоя, который покинул его племянник. Однако Нобумицу не пришлось долго наслаждаться плодами своего коварства. Через семь месяцев после неожиданного успеха его убил бывший воин Сакай Дайдзэн. Такой поворот событий стал, по выражению «Синтё-ко ки», «подарком судьбы» для Нобунага³³.

Укрепившись в Киёсу, Нобунага начал медленно выполнять задачу объединения под своим началом всего клана Ода, а вместе с ним и провинции Овари. В то же время он восстанавливал дисциплину и порядок в своем собственном доме. В 1556 году он справился не только с восстанием младшего брата Нобуюки, но и отразил нападение на свой новый замок Киёсу со стороны своего старшего единокровного брата Нобухиро (ум. 1574). Нобухиро, ви-

димо, снова заключил мир после «неоконченной битвы» за Киёсу; более же амбициозный Нобуюки не утратил надежд занять место Нобунага. В 1557 году Нобунага, получив информацию от Сибата Кацуиэ (ум. 1583) о том, что «Нобуюки хочет напасть снова», притворился больным. Он остался в замке Киёсу и «пожаловался своей матери, что его брат не навещает его». Мать заставила Нобуюки отправиться в Киёсу, где он и был хладнокровно убит несколькими людьми Нобунага в северной смотровой башне. После этого братоубийства Нобунага обратил внимание на замок Ивакура, дом семьи *сюгодай* и последний очаг сопротивления в Овари. Замок был захвачен летом 1559 года после трехмесячной осады. С этого момента Нобунага стал бесспорным лидером клана Ода и оставался им вплоть до своей смерти³⁴.

Занимаясь все 1550-е годы наведением порядка в родной провинции Овари, Нобунага потратил большую часть 1560-х годов на покорение провинции Мино. Нобунага получил поддержку здесь, когда пытался отобрать Имагава от Суруга в ту пору, когда тут правил его тесть Сайто Досан, но в 1556 году, когда Досан был убит и на его место взошел его сын Ёситацу (1527–1561), Мино опять стала враждебной территорией. Не изменилась ситуация и после смерти Ёситацу от болезни в 1561 году. Нобунага немедленно направил все усилия на завоевание провинции, но наследник Ёситацу Тацуоки (1548–1573) оказался, несмотря на свою молодость, упорным врагом, да и замок Сайто на горе Инаба представлял собой практически неприступную крепость. Долгое время не представлялось возможным определить, в каком году Нобунага овладел замком. Мацуда Рё, историк префектуры Гифу, был убежден, что Нобунага в первый раз захватил замок на горе Инаба в 1564 году, затем уступил его Тацуоки в 1565-м и, наконец, окончательно овладел им в июне 1567 года (в пятом месяце десятого года правления под девизом Эйроку). Для нанесения решающего удара по Тацуоки Нобунага использовал стратегию. В одну из ночей, когда две армии находились друг против друга, Нобунага направил свои главные силы вокруг лагеря Тацуоки и занял позицию позади него. Когда наступил рассвет, воины Нобунага приблизились к армии Сайто с тыла со знаменами вассалов Тацуоки в руках. Когда Тацуоки, будучи уверенным, что Нобунага находился перед ним, напал на небольшие силы, оставленные Нобунага на прежнем месте, Нобунага ударил сзади и сокрушил его³⁵.

Подчинив провинцию Мино в 1567 году, Нобунага стал хозяином двух самых плодородных провинций Японии и занял положение, о котором его предки не могли и мечтать. Его появление в ряду крупнейших региональных даймё было сразу признано другими сильными мира сего эпохи Сэнгоку. До конца года даймё Уэсуги Кэнсин (1530–1578) из Этиго и Кэннё Коса (1543–1592), первосвященник цитадели Исияма Хонгандзи в Одзака, прислали письма с признанием военных успехов Нобунага³⁶. Не отстал от них даже императорский двор — императорский эдикт восхвалял Нобунага «как олицетворение военной доблести и священного Пути Неба, великого военачальника всех времен»³⁷. Эти письма не были проявлением только любезности: их писали в полной уверенности, что Нобунага вынашивает серьезные планы организовать поход на Киото и поставить своего кандидата в сёгуны Муромати, Асикага Ёсиаки. «Я горячо приветствую Ваш план похода на Киото», — писал Кэннё. Поздравления Кэннё, очевидно, были направлены также на установление дружеских отношений с Нобунага в случае, если тому удалось бы осуществить свои планы. Вопрос о том, насколько Нобунага преуспел в этом, будет рассмотрен нами в следующей главе. Однако прежде необходимо ответить на другой вопрос: что за военную силу собрал Нобунага к тому времени, как он был готов начать свой знаменитый поход на Киото? Иначе говоря, каким образом происходило становление системы вассалитета Нобунага на протяжении 1550-х и 1560-х годов, вплоть до захвата замка Гифу³⁸?

ВАССАЛЫ ДОМА: КОННАЯ ГВАРДИЯ, КОМАНДИРЫ, РОДСТВЕННИКИ

Первыми вассалами, которых выделил Нобунага его отец около 1540 года, были Хаяси Хидэсада, Хиратэ Масахидэ (1492–1553), Аояма Ёсозмон и Наито Сёсукэ. Эти люди помогали своему молодому хозяину в управлении замком Нагоя в качестве «домашних старшин» (*каро*), вели финансовые дела (это было поручено Хиратэ), были вместе с ним, когда он достиг возраста мужчины в 1546 году, и сопровождали его при крещении огнем — вторжении на территорию Имагава на следующий год. Как уже указывалось выше, они также сопутствовали Нобунага во время похорон его отца. К большому сожалению, источники не дают точных цифр касательно количества людей, которыми Нобунага командовал че-

рез своих старших вассалов. По сути, такие данные отсутствуют и в отношении всех вассалов Нобунага: неизвестно, сколько людей он мог выставить в 1540-х годах.

После того как Нобунага возглавил семью после смерти отца, под его командованием находилось где-то между «семьястами и во-семьястами человек». В 1553 году, когда он посетил своего тестя Сайто Досан в провинции Мино, «его сопровождали 700–800 человек в тесном строю». В том же году он выставил «около 800 человек» против восставшего Ямагути из замка Наруми. Не все воины из этих восьмисот служили прежде его отцу, немало из них были ранее переданы Нобуюки. В дальнейшем стало очевидно, что этого ядра в 800 человек было недостаточно для борьбы с многочисленными врагами. В начале 1554 года Нобунага попросил и получил у Сайто Досан 1000 воинов в качестве временного подкрепления и направил их на защиту замка Нагоя от нападений из Киёсу. Позднее, в этом же году, Нобунага обратился за помощью к Сибата Кацуиз, вассалу своего брата Нобуюки, на этот раз для того, чтобы самому совершить нападение на Киёсу³⁹.

Первый раз Нобунага пополнил количество своих вассалов, когда подчинил местные соперничавшие ветви дома. В 1555 году он вынудил покончить с собой Ода Нобутомо из Киёсу, а в 1557 году убил своего младшего брата Нобуюки. Последнее было особенно важно. Перед убийством своего брата Нобунага не хватало воинов. Во время конфликтов со своими братьями Нобухиро и Нобуюки, переросших в военные столкновения между 1555 и 1557 годами, Нобунага мог выставить «примерно от семисот до восьмисот хорошо обученных и опытных бойцов»⁴⁰. Но после устранения Нобуюки Нобунага уже командовал армией в несколько тысяч. В 1558 году, в ходе сражения при Укино против войск Ивакура, Нобунага развернул «около 3000 человек», преимущественно пехотинцев (*асигару*)⁴¹. Два года спустя, в июне 1560 года, он одержал крупную победу над Имагава Ёсимото, своим восточным соседом. Хорошо известно, что Нобунага одержал победу в так называемой битве при Окэхадзама над превосходящими силами противника. Согласно «Синтё-ко ки», превосходство действительно было поразительным: Нобунага, имея в своем распоряжении «только 2000 человек», разгромил «огромную армию Имагава в 45000 воинов». Согласно современным оценкам, армия Имагава Ёсимото оценивается вполовину меньше, около 25000 человек, однако сведения «Синтё-ко ки» в отношении численности войск Нобунага в целом

принимаются. Некоторые исследователи называют цифру 3000 человек, что вполне правдоподобно⁴².

Можно даже примерно подсчитать, из кого состояла армия Нобунага. Осенью 1556 года Нобунага с семьями воинами сражался против отряда в 1700 человек под командованием Сибата Кацуиэ и Хаяси Хидэсада. Этот конфликт возник, когда Хидэсада, занимавший должность *каро* у Нобунага, согласился с вассалом Нобуюки Кацуиэ, чтобы Нобуюки стал главой семьи вместо Нобунага. Кацуиэ и Хидэсада, как сообщают, оставили на поле боя около 450 человек. Хотя эта цифра представляется завышенной, учитывая масштаб конфликта, вероятно, что большинство из этих 1700 человек перешло на службу к Нобунага после того, как Нобуюки был убит, и что благодаря этому численность войска Нобунага достигла 2000–3000 человек⁴³.

Таким образом, после 1557 года в распоряжении Нобунага появилась армия, достаточная для борьбы с врагами в провинции. И это не единственное изменение, произошедшее в армии его вассалов в конце 1550-х и начале 1560-х годов. Во-первых, в его войсках появилась конная гвардия, *умамаварисю*, элитный корпус, который будет служить Нобунага в течение всей жизни. Во-вторых, в ходе объединения Овари и своих первых столкновений за пределами провинции Нобунага приобрел способных и преданных командиров для руководства регулярной армией и конной гвардией. Эти люди, подобные Сибата Кацуиэ, Сакума Нобумори (ум. 1581), Киносита или Хасиба Хидэёси (1537–1598), Икэда Цунэоки (1536–1584), Маэда Тосиэ (1538–1599), Такигава Кадзумацу (1525–1586) и Сасса Наримаса (ум. 1558), впоследствии станут полководцами Нобунага. Наконец, в-третьих, с конца 1550-х годов Нобунага мог рассчитывать на безусловную поддержку всего клана. В дополнение к полководцам, Нобунага назначил своих сыновей, братьев, дядей и побочного племянника на высшие командные посты. Все эти изменения произошли еще тогда, когда все вассалы Нобунага были из Овари. Впоследствии, когда Нобунага предпримет попытку завоевать и подчинить Центральную Японию, вассалы из Овари станут главной опорой его военного и административного аппарата. Провинциальное происхождение (Овари) будущего режима Ода заслуживает нашего пристального внимания.

Только недавно исследователи начали обращать внимание на конную гвардию Нобунага, а также структуру и характер функционирования его элитного корпуса⁴⁴. Термин *умамавари*, который

встречается уже в военной повести XIV века «Тайхэйки», изначально означал стражу вокруг сидевшего на лошади командира⁴⁵. В ходе непрерывных войн периода Сэнгоку даймё из соображений своей безопасности были вынуждены создавать более внушительные отряды телохранителей, среди которых всегда находилось несколько их вассалов. Этих телохранителей называли *умамавари-сю*. Первые попытки Нобунага по созданию такого элитного корпуса относятся к 1555 году, после падения Киёсу, когда военные успехи позволил ему укрепить связи с семьями, находившимися у него на службе. Одной из таких семей была Сакай из области Накадзима в западной части провинции Овари⁴⁶:

Я жалуя вам пятнадцать канмон, взятых из владений Кавадзири Ёсабуру вместе с четырьмя канмон из владений Сайто, всего девятнадцать канмон. Это будет полностью ваш удел. Настоящим подтверждается.

Первый год правления под девизом Кодзи [1555]

Двенадцатый месяц, 28 день

Нобунага [монограмма]

Господину Сакай Бунсукэ [Тосисада]

По всей вероятности, Кавадзири Ёсабуру и Сайто были вассалами Ода из Киёсу, чьи поместья конфисковали после падения Киёсу. Часть их владений и была передана Сакай, видимо, в качестве вознаграждения за военную службу. Небольшой размер пожалования позволяет предположить, что они были из числа местных землевладельцев (*кокудзин*). Именно таким путем, собирая под свои знамена разные воинские семьи из Овари, Нобунага создал свою конную гвардию, воины которой были его телохранителями и составляли ядро вассалов дома Ода вплоть до его смерти. При захвате Киёсу под командованием Нобунага находились практически только те воины, которые впоследствии составил его конную гвардию. Основная причина, по которой Нобунага включил в элитный корпус именно их, — они на деле доказали свою преданность с самого начала его пути. В высшей степени типичным для Нобунага как восходящего даймё периода Сэнгоку являлся выбор вассалов в соответствии с их военной доблестью, а не происхождением. Таким образом, на передний план вышел нижний слой военного сословия, тот слой, который впоследствии станет правящим в период Момояма. Отсутствие семейных регалий эти люди компенсировали своими способностями и уверенностью в своих силах. Нобунага,

в свою очередь, тоже не испытывал «большой любви к предкам», особенно в отношениях с представителями старой придворной аристократии.

Естественно, что *кокудзин* из Овари, составившие конную гвардию Нобунага, поднялись по служебной леснице вместе с военными успехами Нобунага. Именно поэтому они всегда сохраняли безусловную верность режиму клана Ода. Сакай Тосисада получил в удел еще 20 *канмон*, когда Нобунага покорил провинцию Мино в 1567 году⁴⁷. Нобунага официально передал воинов Овари–Мино под командование своему сыну Нобутада в конце 1575 года. Когда Нобунага отправился в Адзути, значительная часть его конной гвардии отправилась вместе с ним в новый замок в провинции Оми. Однако Сакай Тосисада остался в Овари служить Нобутада; в качестве его вассала он нес гражданскую службу в должности смотрителя дорог (*мити бугё*). В его обязанности входило поддержание в должном состоянии и ремонт дорог и мостов, а также наблюдение за руслами рек в провинции Овари. В то же время Тосисада сохранял личные отношения с Нобунага, который в 1576 году дал ему в награду 45 *коку* в провинции Оми⁴⁸.

Конная гвардия выполняла двойную функцию: с одной стороны, это была ударная часть армии Нобунага, а с другой — воины конной гвардии являлись его личными телохранителями. Например, конная гвардия начала атаку армии Нобунага на замок Мицукури в провинции Оми в 1568 году. В следующем году в ходе кампании Нобунага в северной провинции Исэ конной гвардии было приказано охранять полевую ставку Нобунага вместе со «слугами, лучниками и стрелками с аркебузами»⁴⁹. Воины конной гвардии не только выполняли указанные военные задачи, но и занимали привилегированное положение в качестве «спутников» (*отомосю*) Нобунага. Их особая роль ярко описана в следующем сюжете о праздновании Нобунага Нового года во 2-м году правления под девизом Тэнсё (1574)⁵⁰:

В первый [день] первого месяца все воины из Киото и окружающих его провинций прибыли в Гифу, чтобы явиться перед Нобунага. Нобунага устроил пир, во время которого каждому гостю трижды поднесли сакэ. После того как «провинциалы» [«такокоюсю», буквально — «люди из других провинций»] удалились, начался другой пир, на котором могли присутствовать только воины конной гвардии его светлости. Во время этого

второго пира к сакэ были поданы необычайные и небывалые вещи. Это были головы:

Асакура Сакё но Дайбу Ёсикагэ

Адзай Симоцукэ [Хисамаса]

Адзай Бидзэн [Нагамаса]

Их головы захватили в прошлом году [1573] в северных провинциях. Пир начался, когда головы, покрытые золотой краской, вынесли на квадратных подносах вместе с сакэ. Все пропели песнь в честь его светлости и хорошо повеселились. Сам Нобунага был счастлив, потому что все было в его власти.

Откровенно говоря, то была весьма странная церемония, и многие историки приводят ее в качестве доказательства кровожадности, если не извращенности, Нобунага. Однако в том, что может показаться «сумасшествием», имелись свои резоны. Отметим различие между конной гвардией и «провинциалами». Только первым было дозволено насладиться видом последних трофеев Нобунага: позолоченных голов его бывших врагов. Из этого можно с полным основанием заключить, что воины конной гвардии были родом не из «других провинций», как Оми или Пять домашних провинций, но из родных мест клана Ода, из Овари и, в меньшей степени, Мино.

Преобладание воинов из Овари в конной гвардии Нобунага также отмечается в произведении неизвестного автора «Тодайки», которое представляет собой хронику, написанную в начале эпохи Эдо⁵¹. Этот достаточно надежный источник свидетельствует, что около 1568 года Нобунага «выбрал двадцать наиболее достойных людей из конной гвардии» для службы в рядах черных капюшонов (*курохоросю*) или красных капюшонов (*акахоросю*). Слово «хоро», в данном случае переведенное как «капюшон», означает большой мешок из ткани, который воины носили за плечами. Изначально эти мешки использовали в качестве защиты от шальных стрел; но уже к периоду Сэнгоку они в основном используются в качестве знака принадлежности к тому или иному подразделению: воины, входившие в одно подразделение, носили капюшоны одного цвета. В армии Нобунага капюшоны являлись знаком особого отличия, и «капюшоны» составляли особую касту даже в элитной конной гвардии. Из девятнадцати воинов, служивших, по сообщению «Тодайки», в красных или черных капюшонах около 1568 года шестнадцать происходили из провинции Овари, двое — из Мино и один — из провинции Микава. К сожалению, отсутствуют надежные

свидетельства об общей численности конной гвардии Нобунага. Если, согласно одному из них, было шестьдесят воинов конной гвардии, которые сами жили в замке Адзути, но оставили своих жен и детей дома, то тогда общая численность конной гвардии должна была составлять несколько сотен человек. С другой стороны, по косвенным данным, в 1582 году действующих воинов конной гвардии не могло быть намного более пятисот, поскольку в этом году во время военной кампании в области Канто Нобунага раздал «свыше 500 фазанов» своей конной гвардии⁵².

Еще одно преобразование имело место между 1558 и 1560 годами, когда Нобунага сформировал офицерский корпус, необходимый для руководства его разраставшейся армией и конной гвардией. В этот корпус вошли воины, которых можно разделить на три категории. В первую входили те, кто, подобно Сибата Кацуиэ и (вероятно) Сакума Нобумори, прежде служили под началом других лидеров клана Ода. Вторую группу составляли офицеры, которые, подобно Хасиба Хидэеси и Сасса Наримаса, не имели прежде связей с домом Ода и поступили сразу на службу Нобунага. Наконец, третью группу составили Кавадзири Хидэтака (1527?–1582), Маэда Тосииэ, Икэда Цунэоки, Нива Нагахидэ и Такигава Кадзумасу, те, кто служил Нобунага с момента смерти его отца или присоединился к нему вскоре после этого и занял ведущие позиции в конце 1550-х или в начале 1560-х годов. Все они родились в провинции Овари, в семьях достаточно низкого положения, однако благодаря своим военным способностям заняли посты военачальников у Нобунага. Будучи лучшими представителями конной гвардии своего господина, в 1560-х и начале 1570-х годов они командовали постоянно увеличивавшимися войсками. Примерно с середины 1570-х годов им начали выдавать в качестве уделов части провинций или даже целые провинции. Так они превратились в губернаторов провинций с полными административными полномочиями и отрядами собственных вассалов. Примечательно, что очень немного «чужаков», то есть выходцев не из Овари, вошло в число этих избранных после 1560 года. Одним из тех, кому это удалось в 1564 году, был Акэти Мицухидэ (ум. 1582) из Мино⁵³. Бывшие чиновники *бакуфу* Хосокава Фудзитака (1534–1610) и Араки Мурасигэ (1536–1585) также были приняты в этот элитный корпус после падения сёгуна Ёсияки в 1573 году. Наверное, не случайно, что двое из этих «чужаков», Мицухидэ и Мурасигэ, в конце концов предали Нобунага. Факт остается фактом, что вплоть до 1582 года практически все

ключевые позиции у Нобунага занимали выходцы из Овари, которые служили ему как минимум с конца 1550-х годов.

Помимо этих ветеранов *фудай* из провинции Овари в число высших офицеров в армии Нобунага входили почти исключительно члены его собственной семьи. Как говорилось выше, Нобунага постепенно объединил под своим началом весь клан Ода. Он уничтожил *сюгодай* Ода Нобутомо из Киёсу в 1555 году, своего младшего брата Нобуюки устранил в 1557-м и, наконец, в 1559 году победил в сражении Ода из Ивакура. С каждой победой все больше родственников переходило на службу Нобунага. Его дядя Нобуцугу и старший брат Нобухиро являют собой пример членов семьи, которые не слишком ладили с Нобунага около 1555 года, но верно служили ему, начиная с 1557 года и вплоть до своей смерти в битве в 1574 году⁵⁴. В последние годы режима Нобунага его братья и сыновья стали, как говорили в ту пору, его «ветвями», или *горэнси*. Высшие пять постов *горэнси* занимали Нобутада, Нобукацу (1558–1630), Нобуканэ (1543?–1614), Нобутака (1558–1583) и Нобудзуми (1558?–1582)⁵⁵. Нобутада, Нобукацу и Нобутака были первыми сыновьями Нобунага, Нобуканэ был его младшим братом. Наиболее примечательно нахождение среди *горэнси* Нобудзуми, поскольку он был сыном убитого Нобуюки. Нобудзуми и его двоюродные братья родились около 1558 года и выдвинулись на первые роли в начале 1570 годов. Сыновья Нобунага достигли зрелости в 1572 году. Подобно другим ветеранам из провинции Овари, *горэнси* командовали войсками и управляли провинциями либо их частями в последние годы правления Нобунага. В целом, если не принимать во внимание некоторых людей, которые не были уроженцами провинции Овари, режим Нобунага изначально и до самого конца фактически оставался режимом одного клана. Как следствие, он сохранил свой «местечковый характер» даже тогда, когда разросся до общенациональных масштабов.

ЛЮДИ ИЗ МИНО: СОЮЗНИКИ, НОВАЯ КОННАЯ ГВАРДИЯ И ТРИУМВИРЫ

Верхушка будущей политической иерархии Нобунага сложилась еще в период объединения Овари. С покорением провинции Мино отряд вассалов Нобунага вступил в новый этап — постепенного расширения среднего и нижнего слоев. Этот процесс шел медленно и постепенно и состоял не столько в одержании побед на полях

сражений, сколько в переманивании на свою сторону крупных и мелких землевладельцев провинции. В 1563 году Такаги Садахиса (даты рождения и смерти неизвестны) бежал от Сайто в лагерь Ода, поддавшись на уговоры другого перебежчика из Мино — Итихаси Нагатоси (1513–1585). В 1564 году их примеру последовали Сато Кии но Ками (ум. 578) и Сайто Сингоро (ум. 1582). В том же году Нобунага вступил в контакт с тремя главными вассалами Сайто Тацуоки, а именно Инаба Иттэцу (1515–1588), Удзииэ Бокудзэн (ум. 1571) и Андо Моринари (ум. 1582). В то время этих троих называли «триумвирами Мино» (*Мино саннисию*). Они делили между собой западную часть провинции Мино и играли ключевую роль в гражданской администрации Сайто Тацуоки. Но только в середине 1567 года, непосредственно перед захватом горы Инаба, эта тройца окончательно покинула Тацуоки и перешла на сторону Нобунага. Основная же часть вассалов Сайто, в особенности Такэи Сэкиан (даты рождения и смерти неизвестны), впоследствии ставший главным секретарем Нобунага, Фува Мицухару (ум. 1583) и Такэнака Сигэхару (1544–1579), перешли на службу к Нобунага после захвата Инаба. С 1568 года, когда Нобунага начал постепенно подчинять все новых и новых даймё, он взял на вооружение гибкий и прагматичный подход к тем, кто прежде служил его врагам. Действительно, для Нобунага было обычным делом практически целиком принимать к себе на службу вассалов умерших или покоренных врагов. Таким образом, он постоянно обновлял и увеличивал свой военный потенциал. В этом отношении чрезвычайно интересно более подробно рассмотреть, как происходило присоединение к армии Ода землевладельцев из провинции Мино, поскольку они стали только первыми из многих.

Хасидзумэ Сигэру утверждает, что «поскольку владения Нобунага расширялись, включая Мино, Исэ и Оми, постольку он принимал к себе в качестве вассалов военачальников своих врагов, которые покорились ему», и большинство этих новых вассалов передавались в качестве «союзников» (*ёрики*) под контроль старых вассалов, служивших Нобунага еще со времен Киёсу⁵⁶. В целом, данное заключение является правильным, хотя более внимательное исследование процесса вхождения в число вассалов людей из Мино показывает, что на самом деле процесс был более сложным. Вассалов Нобунага из провинции Мино можно разделить на три группы. Первую и самую большую составляли те, кто действительно присоединился к Нобунага в качестве союзников. Они, как ука-

зывает Хасидзумэ, становились вассалами Нобунага, но передавались под командование одного из военачальников из Овари. В другую входили те, кто пополнял ряды конной гвардии Нобунага, элитного корпуса, состоявшего, напомним, из воинов Овари и Мино. Третьей и особой группой были триумвиры Мино.

Такэнака Сигэхару и Такаги Садахиса являют собой два примера *ёрики* из Мино. Первый стал союзником Хасиба Хидэёси, и вся его жизнь с 1570 года до 1579-го — года его смерти — станет свидетельством того, как союзник будет следовать за своим военачальником на полях сражений. Такэнака сражался под началом Хидэёси в битве при Анэгава (1570) и продолжал активную борьбу в северной части провинции Оми до тех пор, пока Хидэёси не закончил там военную кампанию в 1573 году. В 1577 году он вновь присоединился к Хидэёси, чтобы участвовать во втором продолжительном походе, на это раз на запад острова Хонсю. Именно в ходе этой кампании, при осаде замка Мики, в 1579 году под командованием Хидэёси Такэнака заболел и умер. «В качестве замены Нобунага послал его младшего брата Такэнака Кюсаку [Сигэнори], который прежде служил в конной гвардии»⁵⁷.

Нобунага лично решал, кого из своих вассалов назначить *ёрики* и к какому военачальнику. Решать же, как именно использовать нового союзника, предстояло их непосредственным командирам. Большинство *ёрики* на протяжении своей активной жизни оставались под началом одного военачальника, но временные перестановки также имели место. Например, Такэнака Кюсаку служил под началом Хидэёси лишь непродолжительное время. К 1582 году он снова стал конным гвардейцем Нобунага. Другой эпизод с участием Такэнака Сигэхару интересен тем, что показывает, как Нобунага контролировал союзников. В пятом месяце шестого года правления под девизом Тэнсё (1578), за год до своей смерти, Сигэхару ехал из Бидзэн (ныне — южная часть префектуры Окаяма) в Адзуту к Нобунага, чтобы сообщить о кампании Хидэёси в области Тюгоку. Сигэхару был принят Нобунага 29 июня 1578 года и проинформировал своего господина о том, что Хидэёси недавно убедил смотрителя замка в провинции Бидзэн (ныне — Явата, город Окаяма) стать союзником Нобунага. «Будучи обрадован услышанным, Нобунага наградил Хасиба Тикудзэн Хидэёси сотней золотых, а Такэнака Ханбёэ [Сигэхару] сотней серебряных». Сигэхару, очевидно, получил свою награду как принесший хорошие вести, но различие в наградах между Хидэёси и Такэнака Сигэхару показывает,

что оба они являлись вассалами Нобунага и что раздавать им награды было исключительно его прерогативой. Если бы Сигэхару был вассалом Хидээси, то и награду ему выдавал бы сам Хидээси, но никак не Нобунага⁵⁸.

Случай с Такаги Садахиса позволяет сделать вывод о том, что даже если Нобунага отказывался от непосредственного военного руководства над своими союзниками, он не забывал об иных средствах контроля над ними. Перед тем как присоединиться к Нобунага, Садахиса служил даймё Сайто Тацуоки в качестве союзника под командованием Андо Моринари, одного из триумвиров Мино, и он остался подчиненным Андо после того, когда вместе с ним перешел на службу к Нобунага. Однако закрепить за Такаги Садахиса его «нынешние владения» (*томигё*) мог только их общий господин Нобунага, что он и сделал в 1567 году, сразу после того, как была полностью подчинена провинция Мино⁵⁹. На протяжении всей своей жизни Нобунага рассылал многочисленные письма с подтверждениями (*андодзё*), при этом не делал никакого различия между вассалами, находившимися под его непосредственным командованием, и союзниками. Кроме того, Нобунага единолично производил все новые назначения в отношении своих союзников, подобных Садахиса. Например, в 1574 году Нобунага, а не Андо Моринари, назначил Такаги Садахиса командующим гарнизоном в замке Имао в провинции Мино, и Садахиса, по-видимому, кроме своего домашнего замка Комано занял также и новый замок Имао. Следующий приказ Нобунага к Садахиса датируется началом 1575 года⁶⁰:

Поскольку я собираюсь на охоту с ловчими птицами, я запретию использование огнестрельного оружия на охоте, но поскольку я не буду следовать в вашем направлении [в этом году], вы можете разрешить стрелять в журавлей, гусей и других птиц в ваших владениях в течение зимы и весны.

P. S. Нужно охотиться на них, но не убивать их.

2-й год правления под девизом Тэнсё

12-го месяца 9-го дня

Нобунага [печать красного цвета]

Господину Такаги Хикодзаэмон [Садахиса]

Давая совет Садахиса, Нобунага, казалось бы, исходил из гуманных соображений, однако на самом деле чисто из эгоистических: чем больше птиц прогонит Садахиса и чем меньше он их убь-

ет, тем больше останется Нобунага, который был страстным охотником. Более того, данный документ свидетельствует, что Нобунага в известной степени контролировал и то, каким образом его союзники, в данном случае Садахиса, хозяйничали в своих владениях. Другими словами, между Нобунага и его *ёрики* существовали обычные отношения господина и вассала. Нобунага продолжал широко использовать союзников вплоть до последних годов своей политической карьеры. В период Гэнки (1570–1573) большинство воинов «отряда Оми» (*Оми-сю*) были приписаны в качестве *ёрики* к военачальникам, таким как Сакума Нобумори, Сибата Кацуиэ, Акэти Мицухидэ, Нива Нагахидэ и Хасиба Хидэёси, но только сам Нобунага имел право давать во владение уделы в провинции Оми и подтверждать права на них⁶¹.

Второй группе князей из Мино было позволено влиться в конную гвардию Нобунага, а не поступить на службу в качестве союзников. К сожалению, у нас нет возможности установить, по какому критерию вассалы Мино отбирались или же не отбирались в конную гвардию. Учитывая, что это подразделение было элитное, логично предположить, что зачисляли в конную гвардию в первую очередь самых умелых в военном отношении людей. Наиболее яркими примерами князей из Мино, принятыми в конную гвардию, являются Фува Мицухару и Сайто Сингоро. Вплоть до 1573 года в качестве конных гвардейцев они неотступно следовали за Нобунага из битвы в битву. Однако на следующий год Сайто Сингоро стал одним из ведущих командиров отряда вассалов Ода Нобутада (1557–1582). Фува Мицухару, с другой стороны, ожидала более увлекательная карьера. В 1575 году его назначили смотрителем, *мэцукэ*, к Сибата Кацуиэ, новому губернатору провинции Этидзэн, поставленному приказом Нобунага. Фува занимал этот пост вместе с двумя *фудай* из Овари, Маэда Тосииэ и Сасса Наримаса, которые служили Нобунага с 1550-х годов и, более того, являлись командирами «капюшонов». Имеются некоторые основания полагать, что среди «триумвиров Футю», как их вместе называли, именно «чужак» Фува Мицухару имел самый высокий ранг. Называя всех их вместе, хронист Ота Гюити неизменно ставит имя Мицухару на первое место, за ним следуют Тосииэ и Наримаса⁶².

Хотя большинство конных гвардейцев Нобунага происходили из провинции Овари, среди них всегда было небольшое количество воинов, происходивших из других мест. Так, в 1560-х годах ими стали бывшие вассалы Сайто из провинции Мино, подобные Фува

Мицухару и Сайто Сингоро. Позднее, в 1570-х и 1580-х, когда Нобунага овладел большей частью Центральной Японии, ряды конной гвардии пополнили выходцы из центральных провинций, таких как Оми и Сэтцу. Весной 1580 года Фусэ Кимиясу (даты рождения и смерти неизвестны) из Оми и Такаяма Укон (1553?–1615) из Сэтцу, доказавшие свою преданность Нобунага при чрезвычайных обстоятельствах, получили в награду земли в Адзути, чтобы они могли поселиться там среди конных гвардейцев Нобунага. Открытость конной гвардии для новичков свидетельствует, что люди, присоединившиеся к Нобунага в 1570-х и 1580-х годах, вполне могли самостоятельно сделать карьеру. Даже если новичкам было чрезвычайно трудно достичь вершин политического режима клана Ода, они вполне могли рассчитывать на средние и высокие ранги в военной иерархии.

Последнюю группу вассалов из Мино составляли Инаба Иттэцу, Удзииэ Бокудзэн и Андо Моринари. Эти так называемые «триумвиры Мино» (*саннинсю*) занимали уникальное положение при Нобунага⁶³. Они не стали ни союзниками, ни конными гвардейцами, но к ним относились как к непосредственным вассалам Нобунага (*дзикинин*). Триумвиры вступили в первую кампанию под командованием Нобунага в 1568 году, когда он начал поход на Киото. «Синтё-ко ки» сообщает об этом следующим образом:⁶⁴

В предыдущем году Нобунага подчинил большую провинцию Мино. Поэтому, воины из Мино думали, что на этот раз Нобунага определенно использует их как авангард, но у Нобунага не было такого плана. Нобунага отправил атаковать замок Мицукуру свою конную гвардию. Говорили, что триумвыры из Мино — Инаба Иё, Удзииэ Бокудзэн и Андо Ига — выражали свое восхищение и говорили, что это действительно неожиданная стратегия.

Вышеприведенный пассаж показывает, что, хотя триумвиры из Мино не входили в состав конной гвардии, они находились под непосредственным командованием самого Нобунага. Подобно Фува Мицухару и Сайто Сингоро, они следовали за Нобунага во всех его военных кампаниях между 1568 и 1573 годами. Они были в Исэ в 1569-м, в Оми в 1570-м, снова в Исэ в 1571-м и опять в Оми, Киото и Этидзэн в 1572-м и 1573-м. При этом они имели более высокий ранг по сравнению с другими вассалами из Мино, такими как Фува Мицухару или Сайто Сингоро. 28 мая 1573 года семь военачальников Нобунага принесли клятву (*кисёмон*), адресованную семерым

чиновникам *бакуфу*. Военачальники поклялись, что они вместе с Нобунага будут безусловно выполнять условия недавнего мирного соглашения между Нобунага и сёгуном Ёсиаки. Примечательно, что триумвиры из Мино подписали клятву совместно, то есть одной подписью за всех трех, а остальными подписавшимися были *фудай* из Овари: Хаяси Хидэсада, Сакума Нобумори, Сибата Кацуиэ и Такигава Кадзумасу. Из этого можно сделать вывод, что триумвиры занимали равное с ведущими военачальниками Нобунага положение, но только не каждый по себе, а вместе⁶⁵.

Положение триумвиров из Мино не изменилось и в 1575 году, когда Нобунага передал контроль над провинциями Овари и Мино Нобутада. Они по-прежнему подчинялись непосредственно ему. И впоследствии, когда Нобунага начал собирать конную гвардию в своем замке в Адзутти и раздавать новые завоеванные провинции своим военачальникам, это опять-таки не затронуло положения триумвиров. Их не просили и не заставляли переселиться в Адзутти, равно как и не доверили губернаторский пост. Вместо этого они по-прежнему оставались крупными местными землевладельцами в западной части провинции Мино. Однако, в 1580 году Нобунага сместил Андо Моринари и его сына Хисанари на том основании, что их «военное искусство оказалось не на должном уровне»⁶⁶. В действительности то был не более чем формальный предлог для того, чтобы избавиться от Андо. На самом деле они стали жертвами перетряски, устроенной Нобунага своим вассалам. Но так как вопросы, касающиеся целей и намерений, с которыми Нобунага производил реорганизацию в системе вассалитета между 1580 и 1582 годами, будут рассматриваться ниже, здесь достаточно будет отметить только то, что два других триумвира, Инаба и Удзиэ, оставались на службе у Нобунага вплоть до его смерти.

Осенью 1568 года Нобунага начал свой поход на столицу Киото, намереваясь сделать своего протеже Ёсиаки пятнадцатым сёгуном *бакуфу* Муромати. Согласно сообщению Луиса Фройса, отправленному в Сакай через несколько дней после вступления Нобунага в Киото, он задействовал для этой цели «60 000 воинов»⁶⁷. Даже принимая во внимание явную завышенность этой оценки, очевидно, что Нобунага к тому времени, как он впервые предстал в качестве военного лидера государственного масштаба, мог легко выставить армию в несколько десятков тысяч человек. И цифра эта окажется еще более поразительной, если вспомнить, что в 1551 году Нобунага начинал с отряда численностью 700–800 человек.

Уже к 1560 году Нобунага сумел увеличить численность своего войска до 3000 только за счет воинов своей родной провинции Овари. Самый значительный в цифровом отношении скачок произошел в период с 1560 по 1567 год с завоеванием Мино и включением воинов этой провинции в систему вассалитета Нобунага. Благодаря этому многократному увеличению численности армии Нобунага теперь мог позволить посвятить «делам государства» (*тэнка но ги*) последние четырнадцать лет своей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУТЬ НА КИОТО

1533–1568

Практически все исследователи, писавшие о Японии XVI столетия, подчеркивали слабость императорского двора и сёгуната Муромати, являвшегося центральным военным правительством страны. Тем не менее, даже при том хаосе, что поразил страну в период Сэнгоку, столица и ее институты все еще имели определенное влияние и сохраняли привлекательность для провинциальных властителей. Существовал феномен, получивший название «Киото-ориентация» даймё эпохи Сэнгоку, его можно проследить и на примере Ода Нобунага и его клана⁶⁸. Провинциальные властители, подобные Ода Нобунага, управляли практически автономными владениями, но при этом стремились подкрепить свою власть, основанную на военной мощи, авторитетом власти центральной. Даймё стремились повысить свой статус и тем самым создать для себя дополнительную опору в своих владениях, получая придворные ранги и должности, совершая путешествия в Киото для аудиенций у императора и сёгуна и предлагая жертвования в императорскую и сёгунскую казну. Императорский двор и сёгунат, в свою очередь, использовали свою номинальную власть и авторитет для того, чтобы вступать в союзы с даймё в надежде повысить политический вес и улучшить финансовое состояние. Короче говоря, императорский двор и сёгунат могли не иметь реальной власти, но значения своего они никогда не теряли.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ДВОРОМ

С начала войны Онин обедневшие придворные аристократы отправлялись в провинции, чтобы непосредственно управлять своими земельными владениями, просить помощи у региональных военачальников или предложить им свои знания в обмен на деньги или

иные ценности⁶⁹. Один из таких визитов состоялся в седьмом месяце второго года правления под девизом Тэнбун (1533), за год до рождения Нобунага, когда Ямасина Токицугу (1509–1579) и Асукай Масацуна (род. 1489) отправились в провинцию Овари, где их развлекали местные воины и где они заработали немного денег, преподавая им искусство стихосложения и игры в мяч. Среди принимавших их был отец Нобунага Ода Нобухидэ — провинциальный землевладелец уровня, очевидно, выше среднего, поскольку Токицугу отметил в своем дневнике, что заново построенная часть замка Нобухидэ была «поразительна»⁷⁰.

Контакты между провинциальными землевладельцами и императорским двором продолжились и после возвращения аристократов в столицу. В 1540 году (9-м году правления под девизом Тэнбун) Нобухидэ сделал пожертвование на реконструкцию Внешнего Святилища Исэ. В качестве награды императорский двор на следующий год назначил его на номинальный пост губернатора провинции Микава (*Микава но Ками*). И хотя титул этот не давал никакой реальной власти над Микава (ныне — восточная часть префектуры Айти), он повысил престиж Нобухидэ в родной провинции Овари. Через два года после назначения, в 1543 году (12-м году правления под девизом Тэнбун), бывший канцлер (*канбаку*) и первый министр (*дайdzэ дайdzин*) Коноэ Танэиэ (1503–1566) посредничал от имени Нобухидэ при пожертвовании двору суммы в 4000 *кан*, предназначавшейся для ремонта стен императорского дворца. И опять в следующем году заслуги Нобухидэ перед двором оказались вознаграждены. Император Го-Нара (1496–1557), узнав, что поэт, мастер «нанизанных строф» Тани Собоку (ум. 1545) собирается отправиться в путешествие по восточным провинциям, попросил его передать Ода императорское письмо и копию императорской антологии стихов «Кокин вакасю». Нобухидэ, который только что потерпел крупное поражение от Сайто Досан, даймё, доминировавшего в провинции Мино, на аудиенции, данной Собоку, пообещал, что он будет неизменно выполнять просьбы императорского двора о помощи, «как только решит проблему Мино»⁷¹.

Сообщения о контактах линии Ода из Сэбата с императорским двором отсутствуют вплоть до конца 1550-х годов, когда Нобунага стал главной силой в провинции Овари после затяжной внутриклановой междоусобицы. Нобунага отправился в Киото во втором месяце 2-го года под девизом правления Эйроку (1559) и получил аудиенцию у сёгуна Асикага Ёситэру (1536–1565). Первый визит

Нобунага в столицу вызвал, по-видимому, некоторое возбуждение в стане его врагов. «Синтё-ко ки» утверждает, что Сайто Ёситацу послал из Микава убийц, чтобы уничтожить Нобунага в Киото⁷². В дневнике Ямасина Токицугу имеется следующая запись: «Говорят, что Ода Кадзуса но Сукэ прибыл в столицу из провинции Овари. С ними около 500 человек, многие из которых, как говорят, имеют странную наружность». Автор дневника должен был знать, что Ода Кадзуса но Сукэ является сыном того человека, который тепло и гостеприимно принимал его в 1533 году. Тем не менее, данная короткая запись свидетельствует, скорее, о его недоумении⁷³.

Аудиенция, данная в 1559 сёгуном Ёситэру Нобунага, дает нам возможность сравнить отношения Нобунага и других даймё с сёгуном, а также позволяет немного узнать о политическом весе Ёситэру. Хроника «Киёсу кассэнки» («Описание сражения за Киёсу») говорит, что, пользуясь случаем, сёгун Ёситэру назначил Нобунага на пост военного губернатора провинции Овари⁷⁴. На основании одного источника нет возможности удостовериться, действительно ли Ёситэру произвел это назначение. Однако, если он это сделал, то тем самым объединение провинции Овари Нобунага было официально санкционировано. Также чрезвычайно интересно определить, что данная аудиенция могла значить для самого Ёситэру. Принимая во внимание упадок центральной власти в 1540-х и 1550-х годах, можно предположить, что то была попытка восстановить в известной степени пошатнувшийся авторитет. Ёситэру вернулся в Киото всего за несколько месяцев до аудиенции после второй пятилетней ссылки. Тринадцатого сёгуна Муромати дважды вынуждал покинуть столицу фактический хозяин *тэнка* Миёси Нагаёси (1523–1564), и Ёситэру провел восемь из девяти с половиной лет между июлем 1549 года и январем 1559 года в разных провинциях. Столь длительное отсутствие сёгуна в столице лишней раз подтверждает тот факт, что реальной власти у сёгунов Муромати в XVI столетии не было.

Ёситэру был смелым человеком и стремился играть насколько можно более активную роль в политической жизни страны даже при том, что его фактически вытеснил Миёси — отсюда и назначение Нобунага военным губернатором (*сюго*) провинции Овари. Помимо Нобунага аудиенции у Ёситэру в начале периода Эйроку, которые возымели политические последствия, имели Нагао Кагэтора (более известный как Уэсуги Кэнсин) и миссионер-иезуит Гаспар Вилела (1525–1572). Иезуиты вынуждены были участвовать

в политической игре, чтобы элементарно выжить в Японии эпохи Сэнгоку, и именно это впоследствии погубило их, когда Япония стала переходить от раздробленности периода Сэнгоку к политическому единству при правлении Тоётоми и Токугава. Ведь только в такое смутное время, как эпоха Сэнгоку, миссионеры-иезуиты могли пользоваться определенной свободой передвижения даже при том, что полной безопасности им никто не гарантировал. Пребывание Вилела в японской столице в период с 1560 по 1565 год стало яркой иллюстрацией этой дилеммы. Вскоре после аудиенции у Ёситэру он получил от сёгуна специальный документ (*киндзэй*), что «приравнялось к разрешению свободно проповедовать христианскую религию». Безусловно, что не любовь к христианству заставило Ёситэру выдать такой документ Вилела. По сообщениям, при встрече с Вилела сёгун, по свидетельствам, не задал ни единого вопроса ни о христианском «законе», ни о Европе. Управление полицией в Киото являлось, подобно праву назначить *сюго*, одной из официальных функций сёгуна. Предоставление юридической защиты миссионеру-иезуиту стало в этих условиях для Ёситэру одним из способов показать, что он по-прежнему обладает властью над столицей и ее обитателями. Таким образом, предоставление «охранной грамоты» миссионеру можно истолковать как еще одну попытку со стороны Ёситэру восстановить хотя бы частично свой пошатнувшийся авторитет⁷⁵.

Тот факт, что иезуиты могли оставаться в Киото до конца 1565 года, свидетельствует о том, что сёгунские *киндзэй* еще что-то значили. Миёси Нагаёси последовал примеру Ёситэру и тоже выдал Вилела аналогичный документ. Очевидно, даже сам Мацунага Хисахидэ (1510?–1577), признанный враг иезуитов и ревностный последователь школы Нитирэн, узурпировавший к тому времени власть Нагаёси, зашел настолько далеко, что гарантировал свободу пребывания в Киото одному из миссионеров-иезуитов⁷⁶. Тем не менее, защита со стороны сёгуна действовала, лишь пока был жив сам сёгун. Яростный противник христиан Мацунага начал выдавливать иезуитов из столицы сразу же после убийства Ёситэру в июне 1565 года. Не прошло и шести недель, как императорский двор выпустил эдикт об изгнании, направленный против проповедников «Дайиусу». Отцы Вилела и Фройс оказались в безвыходном положении: им ничего не оставалось делать, как оставить миссию в Киото и перебраться в город Сакай⁷⁷.

Особенно теплыми были отношения Асикага Ёситэру и Уэсуги Кэнсин, что в определенной степени объясняет то, что некоторые исследователи назвали «восстановлением авторитета сёгунов при Ёситэру»⁷⁸. Уэсуги Кэнсин впервые посетил Ёситэру в пятом месяце двадцать второго года правления под девизом Тэнбун (1553), когда последний временно проживал за пределами столицы, или, точнее, был вынужден ее покинуть под давлением Миёси Нагаёси. 9 мая 1559 года Кэнсин покинул провинцию Этиго (ныне — большая часть префектуры Ниигата) в сопровождении эскорта из примерно 5000 воинов для того, чтобы совершить второй визит в Киото. Он вступил в столицу 27 мая, о чем сразу же стало известно. 6 июня он прибыл на аудиенцию к императорскому двору, а вскоре после этого поклялся в верности сёгуну⁷⁹:

Что касается моего нынешнего визита в Киото: если когда-нибудь возникнет необходимость выказать мою верность сёгуну и если он позовет меня, я немедленно оставлю мои земли и отдам все силы для защиты его светлости, даже если в моих землях начнется смута. Я не покину сёгуна и останусь в столице, даже если провинция Каи [то есть Такэда] нападет на Этиго.

В знак благодарности Ёситэру выпустил четыре официальных сёгунских письма (*гонайсё*), в которых даровал Кэнсин разные привилегии и поддержал его позиции против Такэда и Ходзё, главных противников Кэнсин в Восточной Японии⁸⁰.

Ёситэру вплоть до своей смерти продолжал играть роль посредника между враждующими даймё не только в Восточной Японии, но и между Ито, Симадзу и Отомо на Кюсю, а также между Мори и, опять, Отомо на западе Хонсю. И если в назначении Нобунага военным губернатором Овари можно сомневаться, то имеются недвусмысленные письменные свидетельства того, что Ёситэру назначил Мори Такамото (1523–1563) военным губернатором провинций Аки, Биттю, Бинго, Нагато и Суо⁸¹. Ёситэру был знающим и амбициозным политическим деятелем и всегда стремился лично влиять на ход событий, несмотря на продолжающееся снижение властных полномочий сёгуната.

Контакты Нобунага с императорским двором начинают расширяться в 1564 году, за год до гибели Ёситэру. Член городского управления Киото Татэри Мунэцугу (1528–1622), посланный двором в Овари к Нобунага, покинул столицу в ноябре этого года. Это была именно его идея отправить императорское письмо (*ринси*)

Нобунага. Данное письмо означало призыв восстановить императорские и аристократические поместья в провинции Овари и пожертвовать средства на ремонт императорского дворца. Получив послание из рук Мунэцугу, Нобунага (который только вернулся с соколиной охоты) поклялся выполнить требования в течение нескольких лет. Как минимум один историк, Такао Кадзухико, высказал предположение, что императорский призыв отремонтировать дворец был равнозначен согласию на поход на столицу и, следовательно, что императорский двор тем самым уполномочивал Нобунага вмешаться в политическую жизнь Киото. Взаимосвязь между военными успехами Нобунага и инициативой императорского двора представляется вполне правдоподобной. В 1564 году Нобунага достиг значительного прогресса в борьбе против Сайто Тацуоки из провинции Мино, он даже захватил на какое-то время ставку Сайто на горе Инаба. Видимо, именно этот последний успех косвенным образом повлиял на желание двора вступить в контакт с Нобунага⁸².

Переговоры о совместном наступлении на Киото, которые Нобунага провел с будущим сёгуном Ёсиаки и которые начались в конце 1565 года, побудили Нобунага сблизиться с императорским двором. В 1566 году он преподнес двору коня, длинный меч и 30 000 монет и стал именовать себя — а другие его — Губернатором Овари (*Овари но Ками*), в соответствии с титулом, полученным от императорского двора. Нобунага именовал себя титулом *Овари но Ками* вплоть до июля 1568 года, после чего он предпочел титул Секретаря Палаты цензоров (*Дандзё но дзё*).⁸³ И хотя к середине XVI столетия титул этот не имел никакого реального значения, благодаря ему Нобунага мог считаться членом придворного круга. Палата цензоров была сформирована при императорской бюрократии *рицурё* в VII веке, ее основными функциями были наблюдение за чистотой церемоний и выдвижение обвинений против чиновников. Когда в 1567 году Нобунага окончательно покорил провинцию Мино, императорский двор поздравил его, назвав «лучшим полководцем всех времен» и выразив надежду, что в скором будущем Нобунага одержит еще больше побед. Безусловно, к тому времени весть о намерениях Нобунага выступить в поход на Киото с целью оказать поддержку притязаниям Ёсиаки на сёгунат уже достигла двора. Поэтому, императорскую грамоту, адресованную господину Ода Овари но Ками и датированную 9-м днем одиннадцатого месяца одиннадцатого года правления под девизом Эйроку

(8 декабря 1567 года), можно считать императорской санкцией на прибытие Нобунага в Киото⁸⁴.

«Синтё-ко ки» полагает, что Нобунага вынашивал идею «управления домашними провинциями (*тэнка*)» еще с конца 1550-х годов. Ота Гюити приводит историю, которая, впрочем, может быть выдуманной, о некоем Акадзава Кага но Ками из провинции Танба, который, возвращаясь из Канто через Овари, предложил на выбор Нобунага одного из двух ястребов (*куматака*), которых он поймал. Нобунага якобы отверг такое предложение и обещал: «Я возьму одного, когда буду управлять *тэнка*, так что пока побереги их». Когда слух об ответе Нобунага достиг Киото, над ним только посмеялись. Общее мнение было таково: осуществить это, да еще из столь отдаленной провинции, при том что еще одна провинция лежит между ними, невозможно. Гюити подводит итог этой истории следующим образом: «Тем не менее, не прошло и десяти лет, как Нобунага пошел в поход на Киото. Поистине замечательный и поразительный подвиг». Насколько нам известно, приведенный выше пассаж может быть плодом воображения самого Гюити. Ведь он относит возникновение у Нобунага желания покорить столицу к весьма раннему периоду. Так или иначе, но Нобунага казался современникам весьма маловероятным кандидатом на роль национального гегемона⁸⁵.

НОБУНАГА И ИЭЯСУ

Нобунага подготовил базу для своего похода на Киото еще в 1560 году, когда в битве при Окэхадзама наголову разбил войско Имагава из провинций Микава, Суруга и Тотоми. Вскоре после этого Нобунага заключил мир с Токугава Иэясу, представлявшим собой новую силу из провинции Микава. Это был весьма дальновидный альянс, благодаря которому Нобунага обеспечил безопасность на своем восточном фланге. Теперь Нобунага мог полностью сосредоточиться на провинции Мино, лежавшей к северу, а также на провинции Исэ и дельте Нагасима на западе. Заключенный Нобунага и Иэясу договор действовал более двадцати лет и не раз сослужил первому добрую службу. Один известный историк охарактеризовал отношения между Нобунага и Иэясу как коалицию, в которой обе стороны действовали «как хорошие компаньоны»⁸⁶. Тем не менее, остается неразрешенным вопрос, были ли Нобунага

и Иэясу равноправными партнерами, или в их отношениях существовала иерархия.

Только в 1567 году Иэясу официально запросил императорский двор и получил разрешение на изменение своей фамилии на Токугава. До этого он носил семейную фамилию (*мёдзи*) Мацудайра. Мацудайра осели в провинции Микава в начале XV столетия и получили фамилию по названию горной деревушки в своей провинции. Мацудайра смогли распространить свое влияние из первоначального опорного пункта в западной части Микава на восток и юг провинции благодаря военному и политическому таланту Мацудайра Нобумицу (1404–1488), который разместил своих многочисленных сыновей в стратегически важных местах провинции и выдавал своих не менее многочисленных дочерей замуж за других местных землевладельцев. Одновременно с этим Мацудайра ухитрились привлечь к себе на службу в качестве вассалов немало местных самурайских семей. Именно эти семьи, такие как Хонда, Окубо, Сакай и Исикава станут впоследствии знаменитыми *фудай*, наследными вассалами сёгуната Токугава. В первой половине XVI столетия Мацудайра Киёясу (1511–1535) окончательно взял под контроль большую часть провинции Микава. Но после его неожиданного убийства в 1535 году клан Мацудайра стал сталкиваться с трудностями.

К моменту рождения Иэясу перед Мацудайра стояли две смертельные угрозы. Дом Имагава из провинции Суруга упорно подминал под себя земли и воинов в провинции, что заставило Мацудайра перейти от наступления к обороне. Кроме того, Мацудайра угрожал своими экспансионистскими планами Ода Нобухидэ, даймё из западной провинции Овари, начавший в 1530-х и 1540-х годах совершать регулярные набеги на провинцию Микава. Эти вызовы неизменно стояли перед Иэясу, пока он взрослел.

Мацудайра выбрали меньшее из двух зол и присоединились к Имагава, чтобы вместе отразить нападение Ода. Однако защита со стороны военного губернатора *сюго* была не бесплатной. Отец Иэясу Хиротада (1526–1549) был женат на женщине по имени Одай (1528–1602) из клана Мидзуно. Женитьба Хиротада на Одай имела, как было принято в ту пору, политическое значение и должна была скрепить связь между Мацудайра и Ода, с которыми Мидзуно находились в хороших отношениях. Однако смена лидерства в Мидзуно, сделавшая клан еще более ориентированным на союз с Ода, заставила Мацудайра пересмотреть свои связи с Мидзуно,

дабы они не угрожали связи Мацудайра с Имагава. Когда в 1544 году Хиротада открыто порвал с Мидзуно, он отправил Одай — мать Иэясу — в родительский дом. В результате этой семейной политики Иэясу был разделен с родной матерью, когда ему едва исполнился один год.

И это было еще не все для Иэясу, который в то времени носил имя Такэтиё. В качестве платы за свою существенную помощь в битве с Ода военный губернатор Имагава Ёсимото в 1547 году потребовал, чтобы Мацудайра Хиротада отправил своего старшего сына Такэтиё в ставку Имагава в Сунпу, провинция Суруга (ныне — город Сидзуока, префектура Сидзуока) в качестве заложника. Четырехлетнего ребенка по дороге в Сунпу захватила одна из партий клана Тода и доставила его не к Имагава Ёсимото в провинцию Суруга, а к Ода Нобухидэ в провинцию Овари. Следующие два года Такэтиё провел в Ацута, провинция Овари, в качестве заложника семьи Ода. Весной 1549 года в Ацута пришла весть, что отец Такэтиё Хиротада неожиданно умер возрасте 23 лет. Как и его отец, Хиротада погиб от руки недовольного вассала. Со смертью молодого лидера клан Мацудайра охватил хаос: вассалы разошлись кто куда, земли были захвачены, а замки заняты Имагава. Позднее, в том же году, войска Имагава сумели овладеть замком Андзё, цитаделью Ода в западной части Микава. Захватив замок, они взяли в плен старшего сына Ода Нобухидэ, Нобухиро, который в течение более шести месяцев защищал замок от Имагава. Тогда Ода и Имагава согласились обменять Такэтиё на Нобухиро. Такэтиё было позволено вернуться на короткое время в родной замок Окадзаки (город Окадзаки, префектура Айти), однако это не изменило его статуса заложника. Через десять дней его отправили в Сунпу, где Имагава будет держать его в качестве пленника до 1560 года, когда Нобунага уничтожит войска Имагава в сражении при Окэхадзама.

Очень немного известно нам об одиннадцатилетнем пребывании Такэтиё в Сунпу. В 1555 году в возрасте двенадцати лет он, отметив выход из детского возраста, принял имя Мотонобу. Еще через два года он женился на несчастной госпоже Цукияма (1542?–1579), дочери Сэкигути Удзихиро (ум. 1562 году), вассала Имагава высокого ранга. Одновременно он опять сменил имя, выбрав на этот раз Мотоясу (окончательное имя Иэясу было принято им в 1563 году). В 1558 году, в возрасте пятнадцати лет, он впервые принял участие в сражении, когда Ёсимото приказал ему напасть на одного из землевладельцев Микава, вставшего на сторону

Ода. Иэясу сыграл заметную роль в хорошо известном, хотя и неудачном наступлении Имагава Ёсимото на Киото весной 1560 года. В армии Ёсимото Иэясу действовал в качестве так называемого «красного воина» (*акамуся*), возглавляя наступление на Овари⁸⁷. Однако Нобунага внезапно напал на полевую ставку Ёсимото и убил его вместе с помощниками. Лишившись главнокомандующего, войско Имагава рассыпалось и беспорядочно отступало. Сражение при Окэхадзама стало поворотным пунктом в карьере не только для Нобунага, пришедшего в восторг при виде отрубленной головы Ёсимото, но и для Иэясу, освобожденного, наконец, из плена и от подчинения Имагава. Символично, что сразу же после обретения свободы Иэясу вернулся в замок своих предков Окадзаки.

После сражения при Окэхадзама кланы Ода и Мацудайра находились в состоянии вражды еще почти год; только со временем обе стороны поняли, что от мира они могут получить больше, чем от войны. В начале 1561 года они заключили договор о ненападении, в соответствии с которым стороны обещали не нарушать границы и не нападать друг на друга. Этот договор позволил Нобунага сконцентрироваться на завоевании провинции Мино, для чего ему потребовалось еще шесть лет. Альянс с Нобунага знаменовал собой большие политические изменения для Иэясу и клана Мацудайра, ведь прежде они в течение десятилетий вынуждены были прибегать к помощи Имагава для отражения угрозы, исходящей от Ода. Решение Иэясу было вполне благоразумным, поскольку благодаря договору он обеспечил спокойствие на своем западном фланге и мог теперь начать усмирение провинции Микава. Подобно Нобунага, Иэясу провел большую часть 1560-х годов, укрепляя свои позиции в провинции. Только в 1566 году вся провинция Микава перешла под его полный контроль. Столь длительный период завоевания был вызван, в первую очередь, сильным влиянием сторонников школы Икко, которые ожесточенно сопротивлялись амбициозным планам Иэясу по овладению провинцией.

В первой половине 1560-х годов Нобунага и Иэясу изредка встречались друг с другом. Так, Иэясу посещал Нобунага в замке Киёсу в первом месяце пятого года под девизом правления Эйроку (1562). Этот визит был не просто актом вежливости, поскольку явил собой официальное подтверждение союза Ода–Токугава, заключенного годом ранее. Примечательно, что Иэясу отправился в Овари на встречу с Нобунага, а не наоборот, что свидетельствовало: именно Нобунага уже на раннем этапе отношений между

ними являлся старшим партнером в альянсе. Через год, в 1563 году, Нобунага и Иэясу решили устроить брак между дочерью Нобунага Токухимэ (1559–1636) и старшим сыном Иэясу Мацудайра Нобуясу (1559–1579), чтобы укрепить связь между кланами Ода и Токугава. Мацудайра Нобуясу так же, как и его отец, носил в детстве имя Такэтиё. Брак официально заключили в 1567 году, когда обоим новобрачным было только по восемь лет. Можно сделать вывод, хотя он и требует дальнейших исследований для окончательного подтверждения, что в брачных отношениях Японии периода Сэнгоку существовало такое правило: более сильная, в социальном или военном отношении, семья отдавала дочь замуж за сына из более низкой по положению семьи. Если это действительно было так, то брак между Нобуясу и Токухимэ является еще одним свидетельством главенствующего положения Нобунага в союзе с Иэясу.

Нобунага совершал свой знаменитый поход на Киото, сразу же выдвинувший его на авансцену национальной политики, осенью 1568 года. Войска Иэясу в немалой степени поспособствовали успеху предприятия Нобунага, что подтверждается источниками периода Эдо. До 1568 года Нобунага и Иэясу в основном были заняты собственными проблемами, не помогая друг другу в их решении. Однако с 1568 года и вплоть до гибели Нобунага в 1582 году многие свои боевые действия Иэясу будет координировать с Нобунага или проводить их под его непосредственным надзором.

В течение 1570 года по приказу Нобунгага Иэясу метался между своей домашней ставкой в провинции Микава и полями сражений в Центральной Японии. Весной этого же года Иэясу откликнулся на вызов Нобунага прибыть в Киото и явиться на службу к сёгуну. При этом он привел с собой в столицу не менее 3000 воинов. Иэясу последовал за Нобунага, когда в конце мая тот покинул Киото и начал закончившуюся болезненной неудачей кампанию против Асакура из Этидзэн. После этого бесславного похода Нобунага вернулся в Гифу, а Иэясу отправился в замок Окадзаки. В середине лета Нобунага и Иэясу вышли на ставшую знаменитой битву, на этот раз против коалиции Асакура и Адзай (к тому времени выступившего против Нобунага), произошедшую на реке Анэ в провинции Оми. Согласно сообщению самого Нобунага:⁸⁸

Сегодня, в час змеи [около 10 часов утра], армия Этидзэн вместе с Адзай Бидзэн но Ками [Хисамаса] направилась к деревне под названием Нономура, намереваясь освободить Ёкояма.

Они развернули войска в двух местах: армия Этидзэн насчитывала около 15000 воинов, а армия Адзай — от 5000 до 6000 воинов. В тот же час мы атаковали их и вступили в битву по всему фронту. Мы одержали великую победу. Что касается голов врагов, в настоящий момент я не знаю [сколько мы захватили], поэтому ничего не могу сказать. [Но] луга и рисовые поля покрыты телами убитых. Спросите себя, может ли быть что-либо более радостное для блага государства.

Постскриптум сообщения о битве проливает свет на распределение полномочий между Нобунага и Иэясу.

В походе участвовал Иэясу из Окадзаки. Между моими собственными последователями и Иэясу возникли разногласия, кому напасть первым. Поэтому я поручил это Иэясу. Вместе с Икэда Сэсабуро [Цунэоки] и Нива Городзаэмон [Нагахидэ] он атаковал и сокрушил армию Этидзэн.

Здесь Нобунага проводит различие между Иэясу и собственными вассалами, которых он называет *тэмавари но монодомо*. В словаре японского языка той эпохи, составленном иезуитами, фраза *тэмавари но монодомо* переводится как «люди, обязанные кому-либо, например вассалы, сторонники и т. п.»⁸⁹. Если интерпретировать слова Нобунага согласно словарю иезуитов, можно сделать следующий вывод. Во-первых, Иэясу не был прямым вассалом Нобунага и его не связывали с ним узы долга. Во-вторых, он имел самостоятельный ранг, наравне с высшими военачальниками Нобунага. В-третьих, Иэясу не обязан был выслушивать высших военачальников Нобунага, он принимал приказы непосредственно от него. Нобунага мог решать, где и когда следует Иэясу развернуть силы и вступить в сражение. Данный вывод подтверждается и событиями, произошедшими позднее в том же году. Осенью объединенные силы Асакура и Адзай, оправившиеся после поражения у реки Анэ, внезапно двинулись в южном направлении через провинцию Оми, тем самым поставив под серьезную угрозу положение Нобунага в столице. В тот момент Нобунага в Киото не было — он вел кампанию против Миёси в провинциях Сэтцу и Кавати. Узнав о случившемся, Нобунага сразу же направился к столице, приказав Иэясу соединиться с Киносита (впоследствии Хасиба) Хидэёси и Нива Нагахидэ в провинции Оми и разбить лагерь на восточной границе Киото⁹⁰.

Был только один случай, когда Иэясу, а не Нобунага действовал в качестве главнокомандующего коалиционными силами. Это

произошло в сражении при Микатагахара и имело драматические последствия. Эта битва началась 25 января 1573 года, и противником был Такэда Сингэн, армия которого начала просачиваться через провинции Тотоми и Микава еще с октября предыдущего года. Иэясу столкнулся с войсками Сингэн в открытом поле при Микатагахара (ныне — Микатагахара-тё, город Хамамацу), что противоречило четким инструкциям Нобунага, который приказал Иэясу ждать нападения Сингэн на замок Хамамацу (ныне — в городе Хамамацу, префектура Сидзуока). Решение Иэясу противостоять Сингэн было смелым, но безрассудным, ведь войска противника превосходили по численности войско Иэясу почти в четыре раза. В результате Иэясу потерпел сокрушительное поражение. Относительно небольшой экспедиционный отряд в 2000 человек под командованием Такигава Кадзумасу и Сакума Нобумори, посланный Нобунага, не смог остановить Такэда и тоже был разгромлен.

Но Иэясу был не из тех, кто дважды совершает одну и ту же ошибку. Письмо, написанное им через два месяца после разгрома при Микатагахара, показывает, что Иэясу понял: для борьбы с Такэда нужна помощь Нобунага. «Через несколько дней Нобунага придет на поле боя, и я убежден, что тогда мы победим»⁹¹. Нобунага не обманул ожиданий Иэясу и активно участвовал вместе с ним в боевых действиях на востоке вплоть до июня 1575 года, когда в битве при Нагасино клану Такэда был нанесен такой удар, от которого тот уже не оправился. После чего Нобунага оставил Иэясу вести затяжную и трудную, но локальную борьбу за провинцию Тотоми (ныне — западная часть префектуры Сидзуока), продолжавшуюся до 1581 года. Тем временем Нобунага сконцентрировался на других противниках: Уэсуги в Кага и Этиго, Исияма Хонгандзи в Одзака и Мори в западной части Хонсю. Позднее, когда Иэясу установил полный контроль над провинцией Тотоми, а Хонгандзи и Уэсуги перестали представлять значительную угрозу, Нобунага вновь обратил внимание на восток, на этот раз для последнего решающего сражения с Такэда. В марте и апреле 1582 года войска коалиции Ода и Токугава обрушились на провинции Суруга, Каи, Синано и Кодзукэ, практически не встречая сопротивления со стороны некогда могущественной армии Такэда. Провинции Каи, Синано и Кодзукэ, или их части, Нобунага раздал своим вассалам в качестве уделов. Провинция Суруга была целиком передана Иэясу, что стало важной вехой в отношениях между Нобунага и Иэясу. Отдав значительную область Иэясу в качестве награды за

его прежние и будущие военные заслуги, Нобунага при этом установил иерархию в их отношениях. Ведь приняв щедрый дар Нобунага, Иэясу *de facto* вступил с ним в отношения вассалитета. Смерть Нобунага в Хоннодзи всего через три месяца после этого стала для Иэясу, скорее всего, той неприятностью, которая оборачивается благом.

Несмотря на успешное сотрудничество между Нобунага и Иэясу, их коалиция имела и темную сторону. Наиболее печальным моментом в их отношениях было, несомненно, вынужденное самоубийство первой официальной жены Иэясу — госпожи Цукияма, а также их старшего сына Мацудайра Нобуясу. Как указывалось выше, Нобуясу женился на старшей дочери Нобунага Токухимэ в 1567 году. Поначалу брак казался счастливым, у них родились двое дочерей. Однако отношения между Нобуясу и Токухимэ становились с годами все напряженнее, чему, видимо, в немалой степени способствовали интриги со стороны матери Нобуясу. В конце концов, они окончательно разладились. В 1579 году Токухимэ написала своему отцу письмо, в котором обвиняла своего мужа и свекровь в том, что они якобы вступили в тайную связь с Такэда и составили заговор против дома Ода. Нобунага отнесся к обвинению очень серьезно и сделал радикальный, хотя и логичный вывод: порядок в своем доме должен восстановить сам Иэясу. А это означало, что Нобуясу и госпожа Цукияма должны умереть. Иэясу оказался перед страшным выбором: или принести в жертву свою жену и сына, или разорвать союз с Нобунага. Первое стало бы для него личной трагедией, но выбор второго варианта ставил бы под угрозу существование самого дома Токугава и мог свести на нет все то, чего Иэясу достиг в течение двух десятилетий. В результате долгих и мучительных колебаний Иэясу приговорил к смерти своего старшего сына и первую жену. Видимо, он готов был заплатить самую высокую цену за союз с Нобунага⁹².

История, приведенная в «Синтё-ко ки», ярко иллюстрирует отношения между Нобунага и Иэясу. В середине 1574 года Такэда Кацуёри осадил замок Такатэндзин в провинции Тотомии, который защищали Огасавара, семья, преданная Нобунага. В ответ на провокацию со стороны Кацуёри Нобунага и его наследник Нобутада выступили из замка Гифу, чтобы отбить замок Такатэндзин. Однако замок сдался и перешел в руки Кацуёри еще до того, как Нобунага достиг Такатэндзин. К своему большому разочарованию, Нобунага не удалось вступить в сражение с Такэда. Очевидно, он

чувствовал также, что подвел Иэясу. Чтобы как-то компенсировать свое опоздание, Нобунага отправил Иэясу два кожаных мешка с золотыми монетами, которые последний мог использовать на пополнение казны. Однако Иэясу принял дар со смешанными чувствами.⁹³

В резиденции Сакай Дзаэмон но Дзэ [Тадацугу] двое человек принесли Иэясу кожаный мешок: знатные и простолюдины, старшие и младшие вассалы [Иэясу] выражали восхищение этим необычайным зрелищем. Все они были поражены и говорили, что никогда не видели подобного прежде. Все были впечатлены могуществом господина Нобунага, но трудно было сказать, что в тот момент творилось на сердце у господина Иэясу.

Данный эпизод подтверждает, что именно Нобунага, а не Иэясу, играл главенствующую роль в коалиции Ода–Токугава, с чем Иэясу порой мирился с огромным трудом. Главным в союзе между Нобунага и Иэясу было взаимодействие в военной сфере. Так, Нобунага помогал Иэясу во время конфликта последнего с кланом Такэда из Каи между 1573 и 1575 годом, и снова в 1582 году. Иэясу, в свою очередь, оказал существенную поддержку Нобунага в Центральной Японии в 1568 и 1570 годах. По сути, Иэясу был единственным союзником Нобунага на протяжении всей его жизни. Кроме того, Иэясу оказался единственным человеком в военном аппарате Нобунага, который был ничем не должен Нобунага и имел свою собственную независимую военную базу. Этот факт невозможно переоценить, ведь все остальные представители из окружения Нобунага, от Хасиба Хидэёси до Акэти Мицухидэ, были обязаны своему господину Нобунага всей своей карьерой и всем, чего они достигли в жизни.

ПОХОД НА КИОТО

Поход Нобунага на Киото и водворение его протезе Асикага Ёсиаки на должность пятнадцатого сёгуна военного правительства Муромати ознаменовало восхождение Нобунага на вершину национальной политики и начало его близких отношений с императорским двором и сёгунатом Муромати. Это исполненное драматизма восхождение стало следствием убийства, или, точнее, вынужденного самоубийства, Асикага Ёситэру, тринадцатого сёгуна Муромати, под давлением Мацунага Хисахидэ и Миёси Ёсицугу (1541?–1573).

В «Истории Японии» иезуита Фройса дается краткое описание обстоятельств смерти Ёситэру, которое позволяет читателю почувствовать «аромат» эпохи Сэнгоку⁹⁴:

В Киото находился сёгун, занимавший второе место в японской иерархии после императора, и хотя ему никто не повиновался, все признавали его первенство. У сёгуна был губернатор по имени Миёси Ёсицугу, правитель Кавати, живший в крепости Иимори на расстоянии одиннадцати лиг от Киото, он завоевал несколько провинций и правил в них. В то время ему было двадцать три или двадцать четыре года. У Миёси Ёсицугу был в подчинении еще один губернатор по имени Мацунага Хисахидэ, правитель провинции Ямато, старый, могущественный, богатый, внушающий страх и очень жестокий тиран, и благодаря своему упорству и дальновидности именно он правил тэнка [домашними провинциями], хотя и будучи вассалом Миёси Ёсицугу. И ничто не происходило там без его воли. Чтобы получить еще больше власти и избавиться от необходимости подчиняться сёгуну, Мацунага Хисахидэ решил прибегнуть к жестокости. Он посоветовался с Миёси Ёсицугу, еще молодым в ту пору человеком, как им избавиться от сёгуна и поставить на его место близкого родственника, жившего в провинции Ава. В таком случае последний только носил бы титул сёгуна, а они бы вдвоем правили тэнка.

Однако получилось так, что осуществилась только половина плана Мацунага Хисахидэ. Вскоре, когда стали враждебными отношения между Хисахидэ и триумвирами Миёси, регентами, правившими от имени Ёсицугу, коалиция Миёси–Мацунага распалась. Еще больше запутало ситуацию то, что в начале 1567 года Миёси Ёсицугу перешел на другую сторону и воссоединился с Мацунага против его бывших опекунов⁹⁵. Предполагаемый «лже-сёгун» Асикага Ёсихидэ (1540–1568) так и не добрался до Киото, а стал лагерем в храме Фумондзи в Тонда, провинция Сэтцу (ныне — Тонда-гё, город Такацуки, префектура Осака). В домашних провинциях творился такой хаос, что, несмотря на многократные просьбы о назначении его сёгуном, императорский двор сделал это только 6 марта 1568 года⁹⁶.

Тупиковая ситуация, в которой оказались триумвиры Миёси с одной стороны и коалиция Хисахидэ–Ёсицугу — с другой, разрешилась только в 1568 году, когда Асикага Ёсиаки и Нобунага вмешались в ход событий в столице. К моменту внезапной смерти своего старшего брата Асикага Ёсиаки занимал пост настоятеля

в монастыре Интидзёин в Нара, приняв имя Каккэй. Несмотря на заверения убийц Ёситэру, что они не причинят ему вреда, Каккэй предпочел бежать из монастыря Интидзёин 23 августа 1565 года. Ему помогли сделать это преданные сторонники *бакуфу*, среди которых был и Хосокава Фудзитака (1534–1610). В соответствии с семейной традицией, Фудзитака принадлежал к узкому кругу приверженцев будущего сёгуна Ёсиаки и от его имени поддерживал дипломатические контакты с ведущими домами периода Сэнгоку, такими как Ода и Асакура. Сначала Каккэй направился из монастыря Интидзёин в замок Кока в Оми, которым владел Вата Корэмаса (1530–1571), еще один сторонник сёгуна. Семья Вата не имела большого влияния в Оми, поэтому и Каккэй, и Фудзитака хорошо понимали, что им необходима поддержка куда более серьезная, чем та, которую могли предоставить Вата, для защиты от Миёси или Мацунага.

Вскоре Фудзитака отправился вместе с будущим сёгуном в Оми Ясима, входившую в сферу интересов Роккаку, ведущего дома в южной части провинции Оми. Находясь в Ясима у семьи Роккаку, в феврале или марте 1566 года Каккэй отказался от церковного звания и принял мирское имя Ёсиаки. Он отрекся от сана настоятеля монастыря не только вследствие опасений за свою жизнь, но и потому, что решил побороться за сёгунское кресло. Для успеха в этом предприятии он должен был опереться на военную силу одного из провинциальных даймё, который мог бы сопроводить его в Киото. Однако Роккаку Дзётэй (1521–1598), глава дома Роккаку, был гораздо более заинтересован поддерживать хорошие отношения с Миёси, нежели помогать Ёсиаки в достижении его целей. В конце концов, согласно одной из хроник, «Дзётэй безжалостно прогнал Ёсиаки из Оми, едва извинившись перед ним. Увы, но дерево, которое искал Ёсиаки, чтобы укрыться в непогоду, не защищало от дождя»⁹⁷.

Ёсиаки бежал из провинции Оми и направился в провинцию Вакаса (ныне — западная часть префектуры Фукуи), где искал защиты у Такэда Ёсимунэ (ум. 1580). Однако Вакаса также не оказалась землей обетованной: клан Такэда был слишком занят внутренними проблемами, чтобы оказать Ёсиаки помощь. Как следствие, Ёсиаки снова отправился в путь, на этот раз в провинцию Этидзэн (ныне — восточная часть префектуры Фукуи), находившуся в ту пору под контролем Асакура Ёсикагэ (1533–1573). Ёсиаки прибыл в Этидзэн 20 октября 1566 года, но Асакура также не пожелал оказать

ему поддержку в борьбе за титул сёгуна. Как не без злости отмечает «Синтё-ко ки», «в своей родной провинции Асакура могли делать все, что хотели, но перспектива помочь Ёсиаки вернуться в Киото их не слишком привлекала»⁹⁸.

Имеются письменные свидетельства, подтверждающие, что первым, кого Ёсиаки выбрал в качестве сторонника, был Уэсуги Кэнсин. Уже через неделю после бегства из монастыря Интидзёин Ёсиаки просил Кэнсин помочь ему получить титул сёгуна. Между 1565 и 1568 годами они регулярно обменивались письмами по поводу похода на Киото, и настойчивость, проявляемая при этом Ёсиаки, лишней раз подтверждает, что именно на Кэнсин, а не на Нобунага, он поначалу возлагал главные надежды⁹⁹. Ёсиаки продолжил вести ту политику военного правительства, которую исповедовал его брат, и, подобно своему несчастному брату, он вскоре понял, что прежде, чем Уэсуги Кэнсин поможет ему, мир между Такэда, Ходзё и Уэсуги станет реальностью. Более того, Ёсиаки продолжал писать письма Кэнсин еще за несколько недель до начала похода на Киото с Нобунага, поэтому их отношения можно рассматривать в качестве некоего противовеса возросшей зависимости Ёсиаки от Нобунага.

Начало контактов между Ёсиаки и Нобунага по поводу похода на Киото восходит к концу 1565 года. Уже на столь ранней стадии переговоров Нобунага выражал полную решимость поддержать претензии Ёсиаки на сёгунат. Очевидно, что Нобунага прекрасно понимал, что амбиции Ёсиаки могут помочь ему самому добиться власти в общегосударственном масштабе¹⁰⁰. Однако к октябрю будущего года Ёсиаки утратил оптимизм по поводу будущего союза с Нобунага¹⁰¹. Это произошло сразу же после того, как Нобунага потерпел унизительное поражение от Сайто Тацуоки из провинции Мино. Родина Нобунага Овари находилась гораздо ближе к Киото, нежели Этиго Кэнсин, но перед ними стояли схожие проблемы. Непрерывные войны, которые Кэнсин вел с соседними даймё, не позволили ему выполнить свое обещание. А путь Нобунага к столице закрывал Сайто Тацуоки, поэтому было ясно: пока Нобунага его не одолеет, он не сможет оказать Ёсиаки поддержку. Нобунага не произносил праздных слов, просто ему требовалось время, чтобы исполнить обещанное.

Как отмечалось выше, Нобунага потребовалось семь долгих лет, чтобы окончательно покорить провинцию Мино. Последний рубеж Сайто Тацуоки, гора Инаба, пал в июне 1567 года. Чтобы открыть

себе дорогу на Киото, Нобунага, как и многие другие даймё периода Сэнгоку, активно использовал «политику браков». Брак в Японии эпохи Сэнгоку являл собой не столько официальное подтверждение любви между супругами, сколько форму политического договора, во многом схожую с той, что существовала на протяжении столетий у европейской аристократии¹⁰². Однако, в отличие от Европы, где браки между представителями элит обычно заканчивались непрекращающимися спорами о наследстве, в Японии эпохи Сэнгоку браки между представителями крупнейших кланов даймё являлись в первую очередь залогом политического союза региональных правителей. Если дочь или сын, вступая в брак, уходили в другую семью, прежние родственники не имели никаких прав наследования. Поэтому брак в период Сэнгоку не был способом расширить свои владения, укрепить власть или увеличить богатство, как в Европе. В 1565 году (8-й год правления под девизом Эйрёку) Нобунага выдал приемную дочь из семьи Тояма замуж за Такэда Кацуёри (1546–1582) из Каи, будущего наследника великого даймё Сэнгоку Такэда Сингэн (1521–1573), явно стремясь тем самым изолировать своего врага Сайто в провинции Мино. Через два года Нобутада, наследник Нобунага, был помолвлен с дочерью Сингэн, хотя свадьба впоследствии так и не состоялась¹⁰³. Знаменитым и стратегически важным стал брак между младшей сестрой Нобунага Оити (1547–1583) и Адзай Нагамаса (1545–1573) из северной Оми, заключенный в конце 1567 или начале 1568 года, хотя переговоры, видимо, начались гораздо раньше, в 1565 году. Брак Нагамаса и Оити был так важен для Нобунага потому, что он обеспечивал ему безопасный проход через северную часть провинции Оми¹⁰⁴. То был известный, или, как будет вернее сказать, печально известный союз, ведь в 1570 году Нагамаса решил разорвать коалицию с Нобунага, несмотря на брак с Оити. Через три года Нобунага заставил Нагамаса покончить с собой, и Оити с тремя дочерьми вернулась в лоно родной семьи. В 1582 году Оити, после гибели ее брата в Хоннодзи, снова выдали замуж в интересах дома, на этот раз за Сибата Кацуиэ.

Ёсиаки и Нобунага были готовы двинуться на Киото летом 1568 года, когда путь на столицу открылся благодаря принятым военным и дипломатическим мерам. 18 августа четверо посланцев Нобунага сопровождали Ёсиаки из Этидзэн в Мино. Последней проблемой оставалась возможность безопасного прохода через южную часть провинции Оми, в то время находившуюся в руках Роккаку

Дзётэй. В конце августа представители Нобунуга и Ёсиаки в течение недели вели переговоры с Дзётэй, обещая ему даже пост губернатора Киото (*тэнка сёсидай*) в случае успеха предприятия, но уговорить непреклонного Дзётэй им так и не удалось. Он не только не гарантировал свободного прохода через провинцию Оми и не соглашался на передачу заложников Нобунага, но и заявил, что поддерживает триумвиров Миёси. Поскольку переговоры с Роккаку не увенчались успехом, Нобунага решил с боем проложить себе дорогу через Оми.

27 сентября Нобунага вышел в поход. Армия его состояла из примерно 60 000 воинов, собранных из четырех провинций: Овари, Мино, Исэ и Микава. Его войска пронеслись по Оми и домашним провинциям, сметая на своем пути все очаги сопротивления, которые пытались организовать Роккаку и Миёси. Сёгун-марионетка Асикага Ёсихидэ погиб при попытке к бегству. Наступление армии Нобунага оказалось коротким, решительным и закончилось полной победой. В течение одного месяца войска завладели всеми землями вокруг столицы. Теперь Ёсиаки мог спокойно переправиться через озеро Бива в непосредственной близости от Киото. Убийцы Ёситэру Миёси Ёсицугу и Мацунага Хисахидэ прибыли выразить почтение новым властителям *тэнка*. Тот факт, что Нобунага и Ёсиаки приняли этот жест, свидетельствует, что победители вынуждены были находить общий язык с имеющимися военными силами столичной области. Тем временем Ёсиаки попытался проверить: действительно ли военный успех обеспечивает официальный статус. Подтверждение пришло на удивление быстро — 7 ноября императорский двор даровал ему титул «Великого сёгуна, покорителя варваров» (*сэйи тайсёгун*).

С получением Ёсиаки титула сёгуна началась новая эра. Немногие, если вообще кто-нибудь, мог тогда предположить, что эта цепь событий, в конце концов, приведет Японию к миру, политическому объединению и социальной трансформации. Новый сёгун всеми силами стремился включить Нобунага в сёгунскую иерархию и обеспечить длительный союз со своим защитником. Он неоднократно предлагал Нобунага на выбор новые должности вице-сёгуна (*фуку сёгун*) или заместителя сёгуна (*канрэй*) и, кроме того, одну из вновь покоренных пяти провинций: Оми, Ямасиро, Сэтцу, Идзуми или Кавати. В двух благодарственных письмах сёгун даже называл Нобунага «мой досточтимый отец». Однако, к изумлению «верхов и низов в городах и деревнях», Нобунага категорически отказался

от всех этих наград, попросив только полномочия, чтобы поставить заместителей (*дайкан*) в торговых центрах Оцу, Кусацу и, что наиболее важно, Сакай¹⁰⁵. Ведь если бы Нобунага принял одно из сёгунских назначений либо земли в удел, он стал бы вассалом Ёсиаки, а тот, в свою очередь, его господином. Но последнее, чего хотел Нобунага, это превратиться в непосредственного вассала сёгуна. Отказ Нобунага от сёгунских почестей ознаменовал начало периода двоевластия в стране, сложившегося к концу 1568 года и сохранявшегося в начале 1570-х годов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДВОЕВЛАСТИЕ

1568–1571

Современники Нобунага сочли его решение отказаться от поста в военном правительстве в 1568 году экстраординарным. И только теперь, оглядываясь назад, можно предположить, что Нобунага, скорее всего, предчувствовал, что его политический союз с сёгуном Ёсиаки не просуществует. Он предпочел занять положение, в котором он бы не зависел от сёгуната, полагая, видимо, что в таком случае его не будут связывать формальные отношения вассалитета, если вдруг он вздумает пойти против воли сёгуна. Вполне вероятно, что если бы Нобунага занял пост в военном правительстве Муромати и перешел на службу к Ёсиаки, в результате Япония получила бы сильную сёгунскую власть. Вместо этого Нобунага выбрал систему двоевластия, при которой существовали два центра силы: он сам и сёгун.

Ёсиаки и Нобунага оказались обречены на взаимозависимость, поскольку после их совместного похода на Киото положение дел в Центральной Японии оставалось нестабильным. При подобной системе двоевластия если кто-то хотел усилиться, ему не обойтись было без другого, но из этого не следует, что обе силы были равными или имели одинаковый вес. Каждый играл собственную роль и имел то, что отсутствовало у другого: Нобунага имел единоличную власть, а Ёсиаки — освященный временем аппарат и ауру легитимности. Нобунага, разумеется, прибыл в Киото не затем, чтобы восстановить власть сёгуна в полном ее величии. Ведь хотя он и овладел столицей молниеносно, базой его по-прежнему оставались провинции Овари и Мино. Поэтому очевидно: если Нобунага отказался от поста в военном правительстве, это значит, что у него не было институциональной опоры в домашних провинциях и что он вынужден был бы поначалу опираться на власть Ёсиаки, чтобы

держат их под контролем. Пройдет еще пять лет, прежде чем Нобунага почувствует в себе достаточную уверенность, чтобы править самостоятельно.

НЕЛЕГКИЙ СОЮЗ

Слабость военной власти Ёсиаки в домашних провинциях проявилась уже в начале 1569 года. В конце предыдущего года Нобунага вернулся в замок Гифу, оставив тем самым все дела в Кинай на усмотрение нового сёгуна. Однако 21 января 1569 года триумвиры Миёси атаковали временную резиденцию Ёсиаки, находившуюся в храме Хонкокудзи в Киото. После того как Миёси вытеснили из Киото, они перегруппировали войска в Сакай и вновь попытались установить контроль над столицей. Однако их нападение окончилось безрезультатно, поскольку было отбито войсками сёгуна и бывшими приверженцами Миёси, перешедшими на сторону Ёсиаки. Нобунага находился в провинции Мино, когда до него дошли вести о случившемся. Он незамедлительно выступил и достиг Киото не за три дня, что обычно требуется, а за два, несмотря на снежную бурю, в которой погибли несколько его носильщиков. К тому моменту, как Нобунага достиг Хонкокудзи, обстановка уже нормализовалась, и жизни сёгуна ничего не угрожало, однако этот инцидент имел далеко идущие политические последствия.

Нобунага сумел быстро воспользоваться возможностями, предоставленными ему этим неудачным нападением. Он решил, что необходимо возвести мощную резиденцию для сёгуна. В качестве места для сёгунского дворца были выбраны земли Нидзё Кадэ но Кодзи Муромати. По сути, перестройке подлежала старая сёгунская резиденция, в которой встретил свою смерть сёгун Асикага Ёситэру. Строительные работы в замке Нидзё начались 17 февраля. Масштаб производимых работ и общая атмосфера, в которой они производились, нашли отражение в «Синтё-кё ки»¹⁰⁶:

Воинам четырнадцати провинций — Овари, Мино, Оми, Исэ, Микава, пяти домашних провинций, Вакаса, Танго, Танба и Харима — было приказано явиться в Киото. По приказу Нобунага они вырыли ров вокруг старой резиденции Нидзё.

В двенадцатом году под девизом правления Эйроку, в год змеи, в двадцать седьмой день второго месяца, в час дракона [то есть около 8 часов утра] была проведена церемония начала строительных работ. Высокая каменная стена была воздвигнута

со всех четырех сторон. Нобунага назначил Мурай Минбу [Садакацу] и Симада Токоро но Сукэ [Хидэмицу] ответственными за ведение строительства. Он призвал всех кузнецов, плотников и лесорубов из Киото и его окрестностей и приказал свезти лес со всех ближайших провинций и деревень. В каждой группе рабочих Нобунага назначил старшего. Ремесленники работали непрерывно, и благодаря этому работу удалось выполнить быстро. Нобунага украсил дворец золотом и серебром, что и полагалось сделать для резиденции сёгуна. В передней части сада он выложил источник, узкий ручей и маленький холм и приказал разместить в саду сёгуна большой камень «Фудзитоииси», хранившийся в резиденции господина Хосокава в течение многих лет. Нобунага лично отправился за ним, обернул этот знаменитый камень парчой, украсил его всевозможными цветами и привязал канаты. Затем он приказал, чтобы камень везли под сопровождение флейт и барабанов. Кроме того, был еще известный камень «Кусан хаккай», славящийся по всей стране, хранившийся в саду Дзисёдзи в Хигасияма за несколько лет до этого¹⁰⁷. Нобунага также привез его в новую резиденцию и разместил его в сёгунском саду. И, наконец, он собрал знаменитые камни и деревья в Киото и его окрестностях, он старался изо всех сил, чтобы создать красивый пейзаж. По бокам дорожек для верховой езды Нобунага посадил вишни и назвал это место «Сакура но банба», что означает «дорожки среди цветов вишни». Нобунага во всем навел превосходный порядок. Кроме того, главные вассалы сёгуна построили свои дома, каждый на свой вкус, спереди и позади, справа и слева от резиденции сёгуна. Таким образом, теперь сёгуна окружали и охраняли его могущественные вассалы. В качестве подарка Нобунага преподнес сёгуну меч и коня. Нобунага вызвали к Ёсиаки, который изящно наполнил его чашу в соответствии с ритуалом сангон и преподнес ему меч и другие дары¹⁰⁸. Все могли ясно видеть почести, воздаваемые Нобунага. Многие воины из близлежащих провинций в течение длительного времени оставались в столице по этому случаю, отдавая все свои силы. Нобунага поблагодарил их всех и разрешил им вернуться в свои домашние провинции.

Описание, приведенное в «Синтё-ко ки», показывает, что строительство было превосходно организовано. Нет ничего удивительно в том, что весь этот спектакль привлек огромное количество блистательной аристократии, поэта (там присутствовал Сатомура Дзёха), жителей Киото и даже иностранного миссионера. Луис Фройс присутствовал, среди многих других зрителей, на строитель-

ной площадке в апреле 1569 года. Увиденное так потрясло его, что он сравнил строительство резиденции сёгуна с «возведением храма в Иерусалиме» и с «творениями Дидоны в Карфагене». Фройс оценивает общее количество рабочих в 25 тысяч человек, и даже в относительно спокойный день на строительстве трудилось не менее 15 тысяч человек. Нобунага непрерывно находился на строительной площадке, постоянно отдавал приказания. Его можно было часто видеть с мотыгой или тростью в руках. Стены резиденции возводились из камня, что было новшеством для Японии, и по приказу Нобунага даже буддистские статуи превращали в строительный материал. Вокруг крепости выкопали широкий ров, через который перекидывался подъемный мост. В воде, заполнившей ров, плавали утки. Перед мостами соорудили трое больших ворот, а внутри крепостных стен вырыли еще один, уже меньший, ров. Внутренний двор отличался изысканностью и чистотой. Однако более всего удивляла та необычайная скорость, с которой был выполнен замок Нидзё: за 70 дней Нобунага сделал то, на что определено требовалось четыре или пять лет¹⁰⁹.

Нобунага превратил замок Нидзё в крепость, равной которой не было ничего, в символ своей власти и могущества. Ведь для выполнения строительных работ он приказал явиться в столицу даймё и воинам из четырнадцати провинций. Многие из них действительно пришли, и Нобунага сумел поставить под свой контроль во имя сёгуна тех, кто в ином случае вполне мог и не подчиниться ему. По окончании работ именно Нобунага дал разрешение трем провинциальным даймё вернуться домой. Одетый «в простые и грубые одежды, с тигровой шкурой, завязанной вокруг пояса, чтобы сидеть на ней», он лично руководил строительством замка Нидзё. Такой контраст между дисциплинированно ведущимся строительством и неопрятно одетым, но суровым и непреклонным главным руководителем работ производил неизгладимое впечатление на окружающих. Согласно Фройсу, «все подражали Нобунага, одеваясь в шкуры, и никто не осмеливался явиться перед ним в дворцовых одеждах». Время от времени появлялся сёгун, чтобы посмотреть на ход работ, но в остальных случаях он выражал мало заинтересованности в их исходе. Неудивительно, что все внимание присутствовавших было приковано к Нобунага, который вызывал порой диаметрально противоположные чувства: от изумления и восхищения до страха и ужаса¹¹⁰. Формально строя резиденцию для своего номинального господина, сёгуна Ёсиаки, Нобунага, в то же время, работал и на

себя самого. Ведь, в конце концов, «все могли ясно видеть почести, воздаваемые Нобунага», а не сёгуну. В этом отношении замок Нидзё стал своеобразным символом союза Нобунага и Ёсиаки между 1568 и 1573 годами.

30 января 1569 года Нобунага издал документ, названный «Постановления о резиденции сёгуна» («Дэнтю Онъокитэ»), который тесно связан со строительством замка Нидзё. «Постановления» состоят из девяти статей, к которым два дня спустя добавились еще семь в качестве «Дополнения» («Цуика»). В начале текста стояла монограмма Ёсиаки, подтверждавшая согласие сёгуна; таким образом, «документ имел государственный характер и юридическую силу и регулировал деятельность окружения сёгуна». По мнению Вакита Осаму, в этом документе устанавливаются традиционные процедуры управления военного правительства Муромати. Другие исследователи, такие как Фудзика и Элисон, подчеркивают тот факт, что те, кто не занимал посты в военном правительстве, в данном случае Нобунага, диктовали свои правила сёгуну¹¹¹. В действительности же «Постановления» представляют собой некую смесь официальных распоряжений и правил для сёгуна и его вассалов. Ниже приводится полный текст этого документа¹¹²:

Постановления о резиденции сёгуна

[Монограмма сёгуна]

1. *Количество слуг, используемых его светлостью, должно быть точно таким же, как и у его предшественников. Это относится к его слугам спальни, его постоянным камердинерам, его пажам и пр.*

2. *Придворная знать, личные слуги и герольды должны сопровождать его светлость везде, где ему это необходимо.*

3. *Все телохранители могут по одному появляться перед сёгуном.*

4. *Если слуга сёгуна направляется на террасу резиденции сёгуна, телохранители, стоящие на страже, должны приказывать ему вернуться. Любой, кто не сделает этого, будет нести ответственность.*

5. *Сёгун положит конец хранению жалоб.*

6. *Сёгун, спрашивая мнения своих чиновников, должен оценивать их с точки зрения правильного и неправильного.*

7. *День для выслушивания сёгуном тяжб должен быть тем же, что и прежде.*

8. *Нельзя обманывать герольдов, находящихся на службе, отправляя с докладом к сёгуну других лиц.*

9. Управляющих домами настоятелей, воинов-монахов с горы Хизэй, докторов, предсказателей и прочих запрещается свободно допускать к сёгуну. Кроме того, пехотинцы сёгуна и актеры должны приходить во дворец только по требованию сёгуна.

В двенадцатый год под девизом правления Эйроку, в первый месяц 14-го дня

Дандзё но дзё [монограмма]

Дополнение

1. Незаконное завладение первоначальными и нынешними земельными владениями храмов и святилищ строго запрещается.

2. Неправомерное присвоение запрещается.

3. Раздоры и споры запрещаются, нарушители спокойствия будут наказаны в соответствии с законом. Кроме того, всех сообщников надлежит считать в равной степени виновными.

4. Вымогательство строго запрещается.

5. Жалобы непосредственно сёгуну запрещаются.

6. Люди, подающие иск, должны обращаться к сёгуну через его чиновников.

7. Что касается нынешних земельных владений, распоряжения сёгуна должны основываться на документах.

В двенадцатый год под девизом правления Эйроку, в первый месяц 16-го дня

Дандзё но дзё [монограмма]

В основном тексте оговаривается количество и ранги приближенных, которым позволено обслуживать сёгуна (статьи с 1-й по 4-ю и 9-я), а также устанавливаются общие правила, в соответствии с которыми сёгун должен вершить правосудие (статьи с 5-й по 8-ю). В Дополнении рассматривается более специфичная проблема, которая появится только с течением времени и, в конце концов, испортит отношения между Нобунага и Ёсиаки. Речь идет о незаконном присвоении земель и власти, которой наделены вассалы сёгуна. Примечательно, что, несмотря на все административные усилия, предпринятые военным правительством после того, как Ёсиаки стал сёгуном, у него практически не было поместий. Сёгун мог гарантировать земельные владения, но не мог их раздавать в качестве награды своим вассалам. Причиной тому было его финансовое положение: количество земли, которой он владел, явно

не соответствовало его статусу. Это было время, когда любой землевладелец, подобный сёгуну Ёсиаки, неспособный награждать своих последователей землями, в принципе не мог править. В 1570 году Нобунага вновь предупредил сёгуна: «Если ваша светлость желает воздать почести и наградить своих верных слуг, но не имеет возможности выдать награду из своих собственных владений, Нобунага предоставит собственные земли, которые сёгун может распределять по своему усмотрению»¹¹³. Однако сёгун продолжал нарушать одну из аксиом Макиавелли, относящихся к успешному правителю: не трогать частную собственность своих подданных. Нобунага в последний период сотрудничества с Ёсиаки резко критиковал политику Ёсиаки в этом вопросе. Тем не менее, все то время, пока Ёсиаки оставался у власти, Нобунага так и не смог заставить его подчиненных отказаться от практики узурпации законных владений, и тяжбы, вызванные этими нарушениями, нередко тянулись по несколько лет. «Постановления» свидетельствуют, что политический союз между Ода Нобунага и Асикага Ёсиаки с самого начала был неудобен для обоих.

В начале правления Ёсиаки и его чиновники явно стремились как можно быстрее установить власть сёгуната над областью Кинай. Приказы об утверждении земельных владений, освобождении от налогов, общественных запретах и назначениях военных губернаторов плодились быстро и в огромных количествах. Есть свидетельства, что органы военного правительства, такие, как, например, канцелярия административных дел (*мандокоро*) и низшие эшелоны правительства Киото, в буквальном смысле ожили вскоре после того, как Ёсиаки стал сёгуном. Однако Ёсиаки не мог править независимо, потому что не имел военной силы. Эффект от введения любого закона или распоряжения зависит от способности издающей его власти привести его в исполнение, а войска сёгуна по своей мощи не могли сравниться с армиями Нобунага. В 1573 году Фройс оценивал численность сёгунских формирований, выступивших против Нобунага, в 5000 человек. Ограниченность войск сёгуна едва ли подкрепляет мнение Вакиа о том, что они были единственными, кто патрулировал в Кинай без всякой помощи со стороны сил Нобунага, но прекрасно объясняет, почему в конце 1560-х годов Нобунага направил огромное множество распоряжений храмам, святилищам, настоятелям и даже вассалам сёгуна¹¹⁴.

Все вокруг понимали, что, как минимум в течение какого-то времени, в стране будет совместное правление Нобунага и военного правительства *бакуфу*. Когда в 1568 году императорский двор вмешался от имени члена двора Ямасина Токицугу, чтобы обеспечить возвращение ему его старых владений, соответствующие приказы направлялись как Нобунага, так и сёгуну¹¹⁵. Очевидно, императорский двор прекрасно понимал, что наилучшим способом достичь желаемого было положиться на обе правящие партии. Помимо императорского двора и знати многие землевладельцы Центральной Японии стремились получить гарантии незыблемости своих владений как от сёгуна, так и от Нобунага. Крупные буддистские храмы, такие как Киёмидзудэра, Дайтокудзи и Хонкодзи, а также знаменитое святилище Камо получили «извещение о запрете» (*киндзэй*) и от Нобунага, и от Ёсиаки. Теперь будет уместно более подробно рассмотреть данный тип документов.

В «Словаре японского языка» 1603–1604 годов слово «киндзэй» переводится как «запрет». Формат такого документа хорошо виден на следующем примере¹¹⁶:

В шести деревнях в области святилища Камо запрещаются:

1. *Грабеж и жестокости моих воинов.*
2. *Расположение лагерем воинов, поджоги и незаконные действия.*
3. *Рубка бамбука и деревьев в горных лесах.*

Любой, кто нарушит вышеуказанные запреты, будет жестоко наказан.

Одиннадцатый год правления под девизом Эйроку [1568], девятый месяц, ... день

Дандзё но Дзё [Нобунага].

Непрерывные военные кампании, которые вел Нобунага, заставляли его принимать необходимые меры для наведения порядка в только что завоеванных или уставших от восстаний землях. Некая форма «административного усмирения» всегда использовалась Нобунага, где бы ни появлялись его армии. Направление *киндзэй* храмам, святилищам или деревням обеспечивало спокойствие и стабильность, поэтому правители эпохи Сэнгоку часто прибегали к такому способу для быстрого установления административного контроля во вновь завоеванных землях. Нобунага пользовался *киндзэй* на протяжении всей своей жизни, и, зная места, куда он

направлял эти послания, вполне можно составить карту его военной экспансии. Нобунага направлял *киндзэй* религиозным институтам и другим землевладельцам в столичной области, как, например, святилищу Камо в 1568 году. За три месяца до своей смерти в 1582 году он направил *киндзэй* большому количеству храмов и святилищ, расположенных в провинциях Каи и Синано.

Подобное «извещение о запрете» имело выгоды как для отправителя, так и для получателя. Землевладелец, как, например, святилище Кано, благодаря *киндзэй* получал гарантию неприкосновенности своих владений и собственности и мог продолжать выступать в качестве своеобразной местной административной власти. Нобунага же, в свою очередь, признавая старые или даруя новые привилегии, мог взамен обязать религиозные институты помочь восстановить стабильность в потревоженных войной землях, что, несомненно, играло ему на руку. Более того, храм или святилище, получившие *киндзэй* за его подписью, косвенным образом признавали его власть. Ведь они имели те же права, что и прежде, но теперь благодаря особому благорасположению Нобунага. И еще одним весьма важным преимуществом *киндзэй* было то, что они помогали наполнять сундуки даймё эпохи Сэнгоку. В 1569 году Нобунага отказался принять от Луиса Фройса десять золотых в качестве платы за *киндзэй*, поскольку святой отец был чужестранцем. Фройс перевел это слово как «разрешение» и объяснил одному из своих корреспондентов, что эти документы «очень небольшие и краткие, но имеют огромное значение». *Киндзэй*, выданный Нобунага, позволял Фройсу «находиться в Миако, где его дом не должен предоставляться на постой воинам, и с него запрещается брать уличные поборы или подати». В другой раз Нобунага вернул заплаченные за *киндзэй* деньги храму Киёмидзудэра¹¹⁷. Эти исключения свидетельствуют, что обычно в качестве платы за *киндзэй* вносилась внушительная сумма. Очевидно, что для землевладельцев было весьма накладно получать *киндзэй* и от Нобунага, и от сёгуна, ведь им, видимо, приходилось платить дважды. Святилище Камо получило *киндзэй* не только от Нобунага в 1568 году, о чем уже говорилось, но и от военного правительства, которое было подписано двумя чиновниками *бакуфу*. Причем *киндзэй*, полученный от сёгуна, практически идентичен тому, что был направлено Нобунага.

Среди документов, направленных Нобунага в этот период и адресованных тем, кто не подчинялся ему напрямую, больше всего

тех, которые так или иначе касаются распоряжений сёгуна. Перед Нобунага и Ёсиаки стояла большая общая проблема: как вернуть земельные поместья их законным владельцам? Например, в 1569 году аристократ Карасумару Мицуясу (1513–1579) получил от Нобунага не менее трех писем, в которых подтверждались его права на собственность в Канмаки в провинции Сэтцу (ныне — Канмаки, город Такацуки, префектура Осака). Все три документа подтверждают, что это было решение сёгуна восстановить права Мицуясу на владения, утраченные им в последние годы. Очевидно, что роль Нобунага сводилась к тому, чтобы укрепить власть сёгуна. Третье письмо Нобунага к Мицуясу, написанное 25 сентября 1569 года, содержит твердое обещание со стороны Нобунага разобраться с теми, кто конфисковал части поместья Канмаки¹¹⁸. В другом случае Нобунага просит Ёсиаки одобрить его решение, придав ему тем самым дополнительный вес. Как уже говорилось выше, Нобунага выдал *киндзэй* Луису Фройсу в апреле 1569 года. А через неделю Фройс получил также *киндзэй* от сёгуна практически идентичного содержания, который Ёсиаки направил по просьбе Нобунага¹¹⁹.

В системе двоевластия Нобунага и Ёсиаки имелся и дипломатический момент. После того как Ёсиаки стал сёгуном, он продолжал выдвигать инициативы, направленные на заключение мира между крупнейшими даймё Японии. Главным адресатом его усилий был Уэсуги Кэнсин, который вел непрерывные войны с Такэда Сингэн и Ходзё Удзиясу (1515–1571). Нобунага поддерживал эти мирные инициативы, по крайней мере формально, о чем можно судить по письмам, направленным им в 1569 году Наоэ Кагэцуна, сподвижнику Кэнсин. Нобунага написал так называемые сопроводительные письма (*соэдзё*), в которых просил Кагэцуна поддержать стремление сёгуна к заключению мира¹²⁰. На основании этих сопроводительных писем можно сделать вывод, что в то время Нобунага имел власть, а Ёсиаки — авторитет. Трудно, однако, установить, действительно ли Нобунага настолько всецело поддерживал мирные инициативы сёгуна, насколько об этом можно судить по сопроводительным письмам. В любом случае, усилия Ёсиаки оказались напрасными: военное противостояние между Уэсуги, Такэда и Ходзё продолжалось вплоть до смерти последнего в 1571 году.

В целом, в 1568–1569 годах сотрудничество Нобунага и Ёсиаки было достаточно конструктивным как в военном, так и в административном отношении. Однако парадокс такого положения вещей

заклучался в том, что хотя Нобунага и был *de facto* бесспорным правителем, он понимал, что для придания легитимности его приказам и документам ему необходим авторитет Ёсиаки.

СМУТА ГОДОВ ГЭНКИ

Хрупкое сотрудничество между Ёсиаки и Нобунага могло продолжаться ровно столько, сколько оба лидера были согласны мириться со сложившимся статус-кво, ведь оба стремились к тому, чтобы получить больше власти, но понимали, что сделать это можно только за счет своего союзника. Первая открытая ссора между Нобунага и сёгуном произошла в конце 1569 года. Осенью того года Нобунага начал военную кампанию против клана Китабатакэ из Исэ, старинного и вполне уважаемого рода, правившего Исэ еще с периода Нанбоку-тё (1336–1392). После длительной борьбы, в ходе которой войска Нобунага понесли большие потери, 12 ноября 1569 года он в конце концов овладел главным замком Китабатакэ Окоти. Нобунага принял сдачу Китабатакэ при условии, что его второй сын Отясэн (Ода Нобукацу) со временем станет наследником клана Китабатакэ. (Глава клана Китабатакэ Томонори (1528–1576) был убит по приказу Нобунага в 1576 году, и Нобукацу действительно стал новым главой клана Китабатакэ.) После посещения великих святилищ Исэ Нобунага отправился в столицу, чтобы сделать доклад сёгуну. 19 ноября он прибыл Киото, но всего шесть дней спустя неожиданно вернулся в Гифу.

В дневнике «Тамонъин никки» сообщается, что причиной внезапного отъезда Нобунага стал его спор с сёгуном. Причина спора неясна до сих пор, но принято считать, что Нобунага и Ёсиаки разошлись во мнениях по поводу смещения Китабатакэ. В дошедшем до нас императорском письме имеется свидетельство тому, насколько встревожила императора эта ссора¹²¹. В ту зиму придворный Ямасина Токицугу отправился к Нобунага в Гифу, возможно, для того, чтобы помирить Нобунага и Ёсиаки. Такую возможность исключить нельзя, ведь незадолго до своего отъезда Токицугу имел переговоры с Ёсиаки. Определенно можно утверждать, что Нобунага сообщил гостю по секрету, что в настоящий момент он не думает о Киото, но что он позаботится о столичных делах, когда придет в столицу к концу будущей весны¹²². В той поспешности, с которой Нобунага решил порвать с сёгуном, в очередной раз мы видим проявление его несдержанного характера. Уже по этому

эпизоду можно сделать вывод о том, что сотрудничество Нобунага и Ёсиаки подходило к концу. В следующем году между ними вновь будет заключен мир, но Нобунага воспользуется этой возможностью, чтобы поставить Ёсиаки в заведомо невыгодное положение.

Начало 1570-х годов ознаменовалось некоторыми наиболее ожесточенными сражениями всего периода Сэнгоку. Согласно японскому традиционному календарю, 1570–1573 годы получили название «периода Гэнки». Вплоть до 1573 года Нобунага так и не смог подчинить своих противников. Однако к концу 1573 года главные враги Нобунага — Такэда Сингэн, Асакура Ёсикагэ, Адзай Нагамаса и Миёси Ёсицугу — были мертвы, а сёгун Ёсиаки оказался вынужден покинуть столицу Киото. Японские историки обычно называют войны этого периода «Смутой годов Гэнки» (*Гэнки но ран*).

Нобунага никогда не вел военные кампании зимой, это время года он неизменно проводил сначала в Гифу, а затем в Адзуги. Зима всегда была временем восстановления сил и подготовки. Проводя зиму 1569/70 года в Гифу, Нобунага думал о том, как ему решить две проблемы, которые могли поставить под угрозу его положение в новом году. Одна проблема была политической — сёгун Ёсиаки набирал силу и становился все более независимым. Другая — военная, связанная с даймё Асакура Ёсикагэ и триумвирами Миёси, которые так и не покорились ему. Главный дипломатический удар он нанес 27 февраля 1570 года, издав два важнейших документа.

Первый из них известен под названием «Капитуляции» («Дзёдзё»). Подобно «Постановлениям», появившимся годом ранее, «Капитуляции» подтверждались черной печатью Ёсиаки в начале текста. Пять статей документа адресовались двум людям, выполнявшим функции связных между Нобунага и Ёсиаки: Асаяма Нитидзё (умер в 1577) и Акэти Мицухидэ, и их следует интерпретировать отнюдь не как свидетельство растущего неудовольствия Нобунага в отношении Ёсиаки, связанного с тем, что тот нарушает правила поведения сёгуна, установленные в «Постановлениях». Таким образом, «Капитуляции» были нацелены на подтверждение взаимоотношений между Нобунага и Ёсиаки, свидетельством чему являлась печать Ёсиаки в начале текста¹²³.

На первый взгляд, эти пять статей окончательно подрывают политический вес Ёсиаки. Статья первая запрещает сёгуну отправлять неофициальные письма (*гонайсё*) в провинции без сопроводительного

письма Нобунага. В 1569 году Ёсиаки выступил с мирными инициативами как в Восточной, так и в Западной Японии, направленными на урегулирование конфликта между Мори и Отомо. По-видимому, Ёсиаки вел переговоры от своего имени, поскольку нам неизвестны какие-либо сопроводительные письма Нобунага к *гонайсё*, отправляемым Ёсиаки кланам Мори, Киккава и Отомо¹²⁴. В статье 2 прямо говорится, что все исходящие от сёгуна директивы, касающиеся собственности на землю, являются недействительными. В статье 3 оговаривается предоставление сёгуну свободных земель, которыми он мог бы награждать своих подчиненных. Статья 4 провозглашает преимущественное право Нобунага заниматься делами государства (*тэнка но ги*), в то время как Ёсиаки должен был устраниваться от этого. А в статье 5 говорилось: «Государство (*тэнка*) пребывает в мире, следовательно, сёгун не должен быть непочтительным по отношению к императорскому двору». В целом, «Капитуляции» были направлены на то, чтобы свести к нулю любую политическую деятельность сёгуна, которая бы проводилась без надзора со стороны Нобунага. Роль Ёсиаки виделась Нобунага исключительно церемониальной, но отнюдь не несущественной: сёгун, по его мнению, должен был выполнять функцию связующего звена с императорским двором и одновременно ответственного за должные отношения с ним.

Историки считают ключевыми словами данного документа «*тэнка*» и «*тэнка но ги*». *Тэнка* обычно переводится как «государство» и часто интерпретируется как идеологическое основание права Нобунага на управление. Согласно Асао Наохиро, «осознавая себя воплощением государства, он [Нобунага] чувствовал себя призванным изменить старее порядку»¹²⁵. Фудзики и Элисон называли отождествление Нобунага с *тэнка* «умным политическим ходом»¹²⁶. Однако остается без ответа главный, по нашему мнению, вопрос: действительно ли этот ход угрожал традиционному японскому государственному строю конца эпохи Сэнгоку?

В XVI столетии слово «*тэнка*» имело несколько значений. Один из свидетелей этой эпохи иезуит Алессандро Валиньяно (1536–1606) географически отождествлял *тэнка* с Киото и окружающими его «пятью домашними провинциями» (*гокинай*): Ямасиро, Ямато, Идзуми, Кавати и Сэтцу. В политическом смысле Валиньяно приравнивал его к японскому «государству». «Словарь японского языка», составленный в то время, дает также определяя *тэнка* как «государственный строй, или государство»¹²⁷. С самого начала японской

письменной истории фраза «*тэнка* — *амэ но сита*» в ее архаическом прочтении связывалась с местом, где, и с территорией, над которой осуществлялась власть императора. К XIV столетию слово «*тэнка*» использовалось «для обозначения политической власти, которой наделялись сёгуны Асикага», что возвращает нас назад, к основателю предыдущего сёгуната Камакура Минамото но Ёрито-мо (1147–1199)¹²⁸. Из всего вышеприведенного следует, что политическое понятие *тэнка* сложилось задолго до времени Нобунага.

Все это не может не навести нас на мысль, что Нобунага действительно представлял себе *тэнка* и свою роль в нем в качестве некоего «универсального миропорядка под его собственным покровительством»¹²⁹. Во-первых, использование Нобунага слова «*тэнка*» имеет оттенки значения «Киото и окрестности». Он даже придумал такую фразу: «Ради Киото и Нобунага», в которой вместо Киото использовалось слово *тэнка*¹³⁰. Во-вторых, Нобунага говорил *тэнка но ги*, подразумевая тем самым «дела государства». Приведенные выше слова из «Капитуляций» 1570 года очень известны. Однако статья 5 документа свидетельствует, что, по мнению Нобунага, император и сёгун занимают главное положение в системе государства, в противном случае не было бы причинной связи между заботами сёгуна об императорском дворе и миром в государстве. Уже с древних времен в Японии существовала прочная взаимосвязь между политическим понятием *тэнка* и Киото как местом нахождения центрального правительства, откуда управлялось государство. В 1570 году Нобунага писал Мори Мотонари (1479–1571): «Когда я находился в Киото, я взял заложников от всех даймё Кинай. Когда положение дел в стране нормализовалось, я вернулся в Гифу в середине пятого месяца»¹³¹. Японская хроника «Синтё-ко ки» сообщает также, что Нобунага был вынужден находиться в Киото «для приведения в порядок государственных дел». Находясь в Гифу или Адзути, он никогда этим не занимался¹³².

Таким образом, если *тэнка* Нобунага понимается как «государство», а не как «сфера его власти», ничего революционного в этом, по-видимому, нет. В таком случае термин этот обозначает порядок, возглавляемый императором и эффективно поддерживаемый военным лидером. Отождествляя самого себя с государством, Нобунага подрывал положение сёгуна Ёсиаки в качестве защитника государства и принимая его обязанности на себя. По сути, Нобунага определил свое место в традиционной иерархии государства в следующих

знаменитых словах: «Тэнка но тамэ, Нобунага но тамэ», что означает «ради государства, ради Нобунага».

Данный документ, и принятие его сёгуном Ёсиаки, не стоит рассматривать как явно выраженное желание Нобунага полностью подчинить себе сёгуна. Скорее, он является великолепно удавшейся попыткой открыто его дискредитировать. К сожалению для Нобунага, Ёсиаки было нелегко перехитрить. Через два года Нобунага вынужден был признать, что с помощью «Капитуляций» не удалось обуздать Ёсиаки. В «Увещевании» («Икэнсё») 1572 года, третьем и последнем документе предостерегающего характера, который Нобунага адресовал сёгуну, говорилось, что Ёсиаки «пошел против прежних договоренностей». Под этими словами подразумевалось, что даже после «Капитуляций» сёгун продолжал посылать в провинции неофициальные письма *гонайсё*, незаконно присваивать и раздавать земельные владения, игнорировать императорский двор и вообще неправильно себя вести. В период 1570–1572 годов Ёсиаки абсолютно не обращал внимания на запреты «Капитуляций». Кроме того, нет никаких свидетельств, которые бы подтверждали, что директивы сёгуна лишились бы юридической силы. Тем не менее, даже если бы в эффективности «Капитуляций» у нас не было никаких сомнений, можно с уверенностью говорить, что этот документ ознаменовал начало нового периода, в ходе которого Нобунага и Ёсиаки прошли путь от натянутых взаимоотношений до вооруженного конфликта.

Второй документ, который был издан Нобунага в феврале 1570 года, можно рассматривать как первый шаг против Асакура из провинции Этидзэн, которые продолжали оказывать упорное сопротивление. В том виде, в каком документ дошел до нас, он представляет собой своеобразную «повестку», или «уведомительное письмо» (*фурэдзё*). Эти письмо за подписью Нобунага предназначалось для отправки практически всем даймё Центральной Японии, включая таких известных людей, как Китабатакэ Томонори (1528–1576), Токугава Иэясу, Миёси Ёсицугу, Мацунага Хисахидэ, Бэссё Нагахару (ум. 1580), Такэда Мотоаки (1552–1582), Адзай Нагамаса, Роккаку Дзётэй и других. Сообщение Нобунага было передано всем провинциальным самураям: «Поскольку я буду в столице в середине следующего месяца с тем, чтобы произвести ремонт императорского дворца, посетить сёгуна, а кроме того, обеспечить в государстве постоянный мир, каждый должен прибыть в Киото и выразить почтение сёгуну. Прибытие всех обяза-

тельно, опоздания недопустимы». Цель данного документа заключалась в том, чтобы намеренно привести в ярость тех даймё центральной Японии, кто не желал подчиняться Нобунага. Он очень умело использовал факт присутствия сёгуна Ёсиаки в Киото для достижения своих целей. Среди прочих получил это письмо и Асакура Ёсикагэ, даймё из провинции Этидзэн, но на собранном им семейном совете было принято решение проигнорировать брошенный вызов точно так же, как и ранее, в 1568 году, когда Асакура отказались выполнить приказ Нобунага о выступлении в поход. Асакура считали Нобунага выскочкой, который не имеет ни малейшего права им приказывать. Кроме того, они опасались, что их отсутствие Нобунага использует для того, чтобы выбить их из провинции Этидзэн. Отказ Асакура дал Нобунага повод для объявления им войны¹³³.

Нобунага покинул Гифу и прибыл в Киото 5 апреля 1570 года, чтобы как следует подготовиться к военной кампании против Асакура. В дневниках того времени отмечается, что все население столицы, независимо от занимаемого положения, с нетерпением ожидали прибытие Нобунага. Нобунага преподнес императорскому двору дары и деньги, проинспектировал ход ремонтных работ в императорском дворце и принял огромное количество придворных аристократов и иных благожелателей. В соответствии с его вызовом, множество даймё из Кинай и соседних провинций собралось в Киото, все вместе они составили внушительную силу в 30 тысяч воинов. 24 мая вся эта армада выступила из Киото в поход против Асакура. Всего через три дня после начала этой кампании девиз правления Эйроку сменился на Гэнки. Первоначально вопрос о смене девиза правления поднял сёгун Ёсиаки в четвертом месяце двенадцатого года под девизом правления Эйроку (1569). В одном из императорских дневников имеется следующая запись: «Сёгун говорит, что название правления следует изменить как можно скорее, в седьмом месяце». Однако на самом деле он был изменен лишь после долгих колебаний, затянувшихся на целый год¹³⁴. Ёсиаки вбил себе в голову, что Гэнки будет его эпохой, эпохой его сёгуната. К сожалению для него, она таковой не стала. С началом периода Гэнки слава сёгуната оказалась утраченной в борьбе Ёсиаки и Нобунага, борьбе, которую сёгун полностью проиграл.

Чем сильнее становились враждебные Нобунага силы, тем более сёгун Ёсиаки дистанцировался от него и предпринимал попытки вступить в контакт с представителями противоположного

лагеря. Ёсиаки считал, что если эти силы одержат верх, перед ним откроется великолепная возможность укрепить свою власть. Трудности, с которыми столкнулся Нобунага в период «смуты годов Гэнки», объясняются в первую очередь тем, что «Капитуляции» 1570 года оказались практически бесполезными. Ёсиаки не видел никакого смысла прислушиваться к запретам Нобунага в то время, когда господству его покровителя ничто не угрожало. Военные действия эры Гэнки быстро разрушили остатки доброй воли и сотрудничества, которые еще сохранялись в отношениях между Ёсиаки и Нобунага.

Для того чтобы рассмотреть «смуту годов Гэнки», необходимо сначала уяснить для себя, насколько возросли ряды противников Нобунага. Фортуна повернулась к Нобунага спиной в четвертом месяце первого года правления под девизом Гэнки (1570), когда экспедиция Нобунага против Асакура провалилась из-за предательства вассалов и союзников, что вообще стало характерным признаком эры Гэнки. Наступление Нобунага в Этидзэн продолжалось уже более недели, когда пути его возвращения в Мино и Оми оказались внезапно перерезаны из-за восстания на севере провинции Оми, во главе которого стоял Адзай Нагамаса. Нагамаса предал Нобунага под давлением со стороны Асакура Ёсикагэ, а поскольку он приходился зятем Нобунага, его поступок застал последнего врасплох. Узнав о случившемся, Нобунага немедленно свернул кампанию в провинции Этидзэн и начал поспешно отходить на Киото через Вакаса. 3 июня 1570 года он благополучно вернулся в столицу¹³⁵. Когда весной 1570 года Нагамаса нарушил семейный союз с Нобунага, основными врагами последнего были Асакура Ёсикагэ, Сайто Тацуоки, Роккаку Дзётэй, триумвиры Миёси и сторонники Икко из Оми. В течение первого года правления под девизом Гэнки все эти разношерстные силы составили первую, весьма сильную коалицию против Нобунага, которая постепенно набирала силу вплоть до конца 1572 года, когда, наконец, и злой гений Нобунага Такэда Сингэн тоже присоединился к ней.

В летние месяцы 1570 года Нобунага провел несколько успешных кампаний против Асакура, Адзай, Роккаку и Икко в Оми. 30 июля Нобунага, при поддержке Токугава Иэясу, одержал победу в сражении против Асакура и Адзай на реке Анэ, что, по-видимому, позволило ему перехватить инициативу, потерянную после предательства Нагамаса. В конце сентября того же года он начал поход против «южных областей», то есть провинций Сэтцу и Кав-

ти. Основными целями его наступления были крепости Нода и Фукусима (расположенные в нынешних административных районах Миякодзима и Фукусима, город Осака), занятые войсками триумвиров Миёси. Воины Нобунага, при поддержке войск сёгуна и значительного количества воинов-монахов из Нэгоро и Сайка в провинции Кии (ныне — префектура Вакаяма), непрерывно штурмовали крепости Миёси. Согласно одной из хроник, «гром аркебуз с обеих сторон сотрясал небо и землю день и ночь. Гарнизоны Нода и Фукусима неоднократно обращались с просьбами о заключении мира, но Нобунага не соглашался, полагая, что крепости не смогут продержаться долго и что враг вскоре будет уничтожен до последнего человека»¹³⁶. Однако этого не произошло. Ночью 12 октября в цитадели Одзака наставник Истинной Школы Чистой Земли Кэннэ Коса мобилизовал своих сторонников и выступил на стороне осажденных Миёси против Нобунага. Во второй раз за год Нобунага столкнулся с неожиданным предательством.

Коса боялся сдачи крепостей Нода и Фукусима, так как считал, что следом настанет черед и Одзака, поэтому-то он и объявил войну Нобунага. Кроме того, у Коса с Нобунага имелись давние счеты: в 1568 году последний обложил Хонгандзи налогом в 5000 *канмон*. Под влиянием наставника, по всей Центральной Японии сторонники Истинной Школы Чистой Земли, так называемые Икко *икки*, выступили против Нобунага. Перед этим Коса вступил в союз с Асакура и Адзай, которые, действуя одновременно, должны были напасть на Нобунага с тыла¹³⁷. 22 октября 1570 года Нобунага узнал, что войска Асакура и Адзай движутся в южном направлении. Эта новость не оставляла ему выбора, он был вынужден закончить военную кампанию в области Одзака и максимально быстро отступить к Киото. К этому времени наступающие силы Асакура и Адзай уже убили младшего брата Нобунага — Ода Нобухару (1545?–1570) в замке Усаяма, сожгли деревни Дайго и Ямасина и собирались войти в Киото. Вернувшись из Одзака, 23 октября Нобунага выступил из Киото против объединенных армий Этидзэн и северной Оми. Однако войска из Этидзэн и северной Оми решили избежать решающего сражения и вернулись в лагерь на горе Хизэй к северу от Киото, где находился известнейший храмовый комплекс Энрякудзи. Несмотря на предупреждение Нобунага, монахи Энрякудзи присоединились к Асакура и Адзай, вызвав тем самым страшный гнев Нобунага, за что им пришлось дорого заплатить на будущий год. В результате сложилась патовая ситуация:

Нобунага ожидал у подножия горы Хиэй, а Асакура и Азай не хотели спускаться и вступать в сражение. Положение в области Одзака также стабилизировалось, поскольку триумвиры Миёси не могли сломать линию обороны Нобунага в Сэтцу (состоявшую из замков Итами, Ибараки, Такацуки и Катано)¹³⁸.

Наконец, в начале января 1571 года сёгун Ёсиаки и представители императорского двора вмешались, чтобы провести переговоры о заключении мира между Нобунага с одной стороны и альянса Асакура–Адзай–Энрякудзи — с другой. Наступила зима, поставившая под угрозу пути снабжения войск Асакура и Азай. Немало воинов с обеих сторон погибло от холода, страдал от холодов и сам Киото. 1 декабря 1570 года Луис Фройс сообщал из Киото, что всеобщее беспокойство о том, кто же победит в этом противостоянии, в течение месяца преобразовалось «в подобие ожидания Божьего Суда»¹³⁹.

Войска Нобунага тоже устали от бесконечных сражений, вследствие чего он все более склонялся к тому, чтобы побыстрее завершить этот беспокойный год, принесший огромные потери. И хотя сейчас невозможно определить, какая из сторон инициировала переговоры, можно с уверенностью сказать, что обе с готовностью приняли решение императорского двора о перемирии. После обмена клятвами под наблюдением сёгуна Ёсиаки Нобунага отступил в Гифу 9 января 1571 года. Днем позже спустились с горы Хиэй войска Асакура и Адзай¹⁴⁰.

Необходимо отметить, что еще в конце 1570 года сёгун Ёсиаки по-прежнему играл важную политическую роль, раз он участвовал в переговорах о заключении перемирия противоборствующими сторонами, хотя бы и с помощью императорского двора. Кроме того, Ёсиаки имел еще достаточно власти, раз он мог потребовать от Нобунага гарантий неприкосновенности храмового комплекса Энрякудзи на горе Хиэй¹⁴¹. Однако, в скором будущем Ёсиаки утратит независимость и перейдет на сторону врагов Нобунага.

ГНЕВ НОБУНАГА

Зимой 1570/71 года Нобунага покинул храмовый комплекс Энрякудзи. По свидетельству «Синтё-ко ки», он сделал это потому, что «хотел приспособиться ко времени и обстоятельствам»¹⁴². В тот момент шансы определенно были не на стороне Нобунага, и, по настоянию сёгуна, он временно удалился от дел. Однако уже в конце

сентября 1571 года Нобунага представилась возможность отомстить воинам-монахам Хиэйдзан. Потерпев в июне этого года унижительное поражение от Икко в дельте Нагасима (провинция Исэ), Нобунага, начав в середине сентября военную кампанию в северной Оми, всеми силами стремился повернуть ход событий в свою пользу. После нескольких стычек с войсками Адзай Нагамаса Нобунага направился к Киото и подошел к горе Хиэй 29 сентября. На следующий день воины Нобунага атаковали храмовый комплекс, разрушили его и сожгли.

Разрушение Энрякудзи является, видимо, одним из наиболее известных и печально знаменитых деяний Нобунага. Одно это уже заставляет нас рассмотреть его более подробно. Иезуит Луис Фройс, бывший свидетелем произошедшего и встречавшийся с Нобунага в Киото всего за три дня до того, составил следующее описание о событиях 30 сентября 1571 года, когда пепелище Энрякудзи еще не остыло¹⁴³:

На следующий день, последний в сентябре, день славного святого Иеронима, сначала был сожжен великий храм Канон [Санно], расположенный на вершине горы, а затем Нобунага отправил в горы и леса множество воинов с аркебузами, чтобы охотиться за монахами, которые могли скрываться там. Воинам было приказано не щадить никого, и они точно исполнили повеление Нобунага. Однако победа не умерила пыл Нобунага. Он желал отомстить и тем самым укрепить свою репутацию, поэтому он приказал своей армии незамедлительно опустошить оставшиеся дома монахов и разрушить все 400 или около того храмов знаменитого университета [Хиэйдзан]. В тот же день все храмы были разграблены, сожжены и обращены в пепел. [...] Мне говорили, что погибло около 1500 монахов и такое же количество мирян, женщин и детей. Я не могу даже передать Вашему преподобию, какой страх, ужас и восхищение вызвало это во всех провинциях Японии. Слава всемогуществу и бесконечной доброте Господа за то, что он ограничил число убиенных немощными, чтобы в один прекрасный день Его священный закон распространился в этих землях в изобилии.

Начало конфликта между Нобунага и монахами Хиэйдзан восходит к 1569 году, когда он приказал конфисковать некоторые владения, принадлежавшие Энрякудзи. Именно это заставило монахов Энрякудзи бросить вызов Нобунага, отказаться вступить в коалицию с ним и присоединиться к войсками Асакура и Адзай в 1570 году. Нобунага же стал считать Энрякудзи убежищем непокорных

воинов-монахов, находившихся в стратегической близости от Киото, да к тому же в союзе с его врагами Асакура и Адзай. Монахи с горы Хиэй представляли серьезную угрозу для него, которую, однако, он мог устранить и устранил одним решительным ударом. Кроме того, Нобунага не мог забыть, что за год до того монахи с успехом противостояли ему. Нобунага первоначально предложил Энрякудзи неприкосновенность в обмен на нейтралитет в его конфликте с Асакура и Адзай, однако монахи отвергли это предложение. Для Нобунага разрушение Энрякудзи стало делом чести и восстановления авторитета. «Так Нобунага выместил накопленную за годы злобу»¹⁴⁴. После сожжения храмового комплекса Нобунага конфисковал обширные земельные владения Энрякудзи в провинции Оми и раздал их своим воинам, в особенности Акэти Мицухидэ и Сакума Нобумори. Мицухидэ начал восстановление Сакамото уже в феврале 1572 года. Сожжение Энрякудзи радикальным образом изменило политическую и экономическую ситуацию в провинции Оми, ведь центральная роль, которую монахи играли на протяжении всего японского средневековья, оказалась мгновенно сведена к нулю. Образовавшийся вакуум был заполнен властной структурой самого Нобунага¹⁴⁵.

Как отмечалось Фройсом, японцы встретили разрушение Энрякудзи с куда меньшей радостью, нежели горстка миссионеров-иезуитов. Действительно, там, где Фройс видел деяния руки Божьих, японские даймё, такие как Такэда Сингэн, лицезрели творения дьявола. Глубоко потрясены были и придворные круги Киото, издавна тесно связанные с Энрякудзи. Для Ямасина Токицугу, который вел собственный дневник, сожжение и разграбление Энрякудзи было подобно «разрушению самого закона Будды. Я не могу объяснить это, не могу. Что будет с законом Императора?» В другом дневнике под названием «Оюдоно но уэ но никки», хранившемся при императорском дворе, говорится: «Это несчастье для всего государства. Невозможно описать его словами»¹⁴⁶.

Нам неизвестно, однако, как войны самого Нобунага относились к разрушению Энрякудзи. По сообщениям, Сакума Нобумори, в то время один из главных полководцев Нобунага, осуждал его за столь жестокий поступок, но его протест был проигнорирован¹⁴⁷. «Синтё-ко ки» Гюити, в которой обычно события тракуются в пользу Нобунага, описывает нападение на храмовый комплекс Энрякудзи во многом аналогично тому, как это делает Фройс. Однако, по всей видимости, даже Гюити испытывает смешанные чув-

ства по поводу печальных итогов жестокости Нобунага по отношению к святым святым Японии. С одной стороны, он сожалеет об убитых монахах. «Печально было видеть, как [храм] превращен в пепелище. [...] Несколько тысяч мертвых тел валялись повсюду, какой печальный конец». С другой стороны, монахи Энрякудзи сами навлекли на себя несчастье, оказав вооруженное сопротивление Нобунага. В конце концов, они вели распущенную жизнь, немало не беспокоясь о том, что навлекают на себя «гнев Неба»¹⁴⁸.

Однако исключительность варварского деяния Нобунага не стоит переоценивать. Например, Мацунага Хисахидэ, ревностный сторонник школы Нитирэн, в 1567 году сжег Зал Великого Будды в Нара. Кроме того, Нобунага был отнюдь не первым, кто вынашивал идею напасть на монахов Энрякудзи. Та же мысль высказывалась в средневековой хронике «Тайхэйки». Нобунага, не обращавший ни малейшего внимания на то, какое влияние столь священный религиозный институт, как храмовый комплекс Энрякудзи, мог оказывать на его подчиненных, оказался первым японским правителем, вышедшим из средневековья, который смог собрать столь большое войско, требовавшееся для выполнения такого замысла¹⁴⁹.

Источники не дают нам сведений о том, как воспринял разрушение Энрякудзи войсками Нобунага сёгун Ёсиаки. Он должен был быть в ярости, учитывая те усилия, которые он затратил ранее для защиты Энрякудзи от Нобунага. Нам известно, что на следующий день после случившегося Нобунага имел аудиенцию у сёгуна в Киото. Видимо, именно тогда он получил от сёгуна приказ уничтожить Такэути Суэхару (1518–1571), приказ, который Нобунага исполнил в течение пяти дней. Как отмечается в одном из дневников того времени, причины, по которым Такэути навлек на себя гнев сёгуна, неизвестны, но в данный момент они для нас и не слишком существенны¹⁵⁰. Гораздо важнее другое: даже если Ёсиаки шокировало разрушение войсками Нобунага Энрякудзи, это отнюдь не положило немедленно конец его сотрудничеству с Нобунага, иначе он вряд ли стал бы отдавать ему приказ (или, во всяком случае, едва ли Нобунага согласился бы на его исполнение).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАСПАД СЁГУНАТА

1572–1573

Разрушение Энрякудзи не принесло облегчения Нобунага. Остаток 1571 года прошел тихо, однако в 1572 году давление на Нобунага усилилось со всех сторон. Несмотря на то что под его контролем находились провинции Мино и Овари, а также столица Киото с окрестностями, Нобунага по-прежнему со всех сторон окружали территории врагов. Как и прежде, ему ожесточенно сопротивлялись приверженцы Икко из цитадели Одзака (и их союзники в провинциях Этидзэн, Оми и Исэ), Адзай из северной Оми и Асакура из Этидзэн. В 1572 году к этим старым врагам добавились новые: Миёси Ёсицугу из Кавати и Мацунага Хисахидэ из Ямато выступили против Нобунага. Однако главная угроза исходила с востока: 8 ноября 1572 года Такэда Сингэн выступил на запад. Вдобавок оппозиция Нобунага появилась и на контролируемой им территории: с осени 1572 года Нобунага и сёгун Ёсиаки находились в открытой конфронтации.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТАКЭДА СИНГЭН

Такэда Сингэн стал готовиться к походу на запад против Иэясу и Нобунага с начала 1572 года. Он получил такую возможность после смерти Ходзё Удзиясу, которая существенным образом изменила баланс сил в области Канто зимой 1571/72 года. Хотя традиционно Ходзё и Уэсуги составляли альянс против Такэда, новый лидер Ходзё, Удзимаса (1538–1590), вступил в союз с Сингэн, освободив его тем самым от необходимости бороться с Кэнсин и его союзником Нобунага. Одновременно Сингэн усилил дипломатические контакты с ведущими фигурами, входившими в коалицию против Нобунага, сформировавшуюся в Центральной Японии. Например, Сингэн установил дружеские отношения с Мацунага Хисахи-

дэ как минимум в середине 1571 года и продолжал их поддерживать в 1572 году.

28 января Кэннэ Коса, опасаясь, что Нобунага может окружить его, обратился к Сингэн с просьбой выступить против Нобунага с тыла¹⁵¹. Нобунага определенно хотел изолировать от внешнего мира провинции Сэтцу и Кавати. 12 июня двое монахов-посланников, отправленных Асакура Ёсикагэ к Миёси Ёсицугу в Кавати, были сожжены на костре в Киото. Неизвестный хронист указывает, что о подобном «никогда ничего не слышали в предыдущие века. Это произошло по приказу Нобунага»¹⁵². Два месяца спустя Нобунага отправил письмо Хосокава Фудзитака, войска которого находились за пределами Одзака, в котором он приказывал хватать всех, кто стремился попасть в город, «смешиваясь с торговцами»¹⁵³. Через десять дней после написания письма Фудзитака Нобунага известил храм Сэнпукудзи в Мино, что всем его последователям во владениях Нобунага запрещается путешествовать в Одзака под угрозой смерти¹⁵⁴.

Действительно ли Сингэн намеревался достичь Киото, или это была очередная из его военных кампаний местного масштаба? Косвенным доказательством того, что Сингэн действительно направлялся к главному городу страны, служит письмо, написанное Луисом Фройсом в столице 20 апреля 1573 года, в котором утверждается, что главной целью вторжения Сингэн в провинции Микава и Тотоми в конце 1572 года было «прибыть и восстановить университет и храмы» горы Хиэй и Сакамото, которые разрушил Нобунага, «поскольку эти два человека являются полными противоположностями» во всем, что касается почитания синто и буддизма¹⁵⁵. К сожалению, письма самого Сингэн не дают окончательного ответа на этот вопрос. 23 декабря Сингэн сообщает своему союзнику Асакура Ёсикагэ, что «я выступил с оружием против Нобунага, моего теперешнего врага». Однако в данном письме не объясняется, что конкретно хотел предпринять Сингэн¹⁵⁶.

В любом случае, сёгуну Ёсиаки западное наступление Сингэн придало мужества, и он все более дистанцировался от Нобунага, своего прежнего покровителя. И хотя нам трудно установить, действительно ли Ёсиаки играл ведущую роль в первой коалиции, направленной против Нобунага, некоторые эпизоды показывают, что отношения между ними непрерывно ухудшались. В конце мая 1572 года смена девиза правления была отменена, поскольку военное правительство не предоставило необходимых средств. Это

привело в ярость Нобунага, который позднее осуждал Ёсиаки за то, что тот не смог «предоставить даже требуемые жалкие гроши»¹⁵⁷. Безусловно, сёгун нес ответственность за это, поскольку именно он имел право обратиться к императору с петицией о смене девиза правления и, разумеется, должен был нести связанные с этим расходы. Нобунага расценил неспособность сёгуна сделать это как нерадивость и вред интересам государства.

Другой проблемой, занимавшей внимание Нобунага, была дипломатическая деятельность Ёсиаки. 23 июня 1572 года Ёсиаки благосклонно откликнулся на клятву верности со стороны Такэда Сингэн, призвав его «применить военную силу и неустанно прилагать усилия ради мира в государстве»¹⁵⁸. Слова эти прозвучали как санкция со стороны сёгуна на действия против Нобунага. Ёсиаки предпринимал действия для заключения мирного соглашения между Такэда Сингэн, Ходзё Удзимаса и Уэсуги Кэнсин, причем с Нобунага и Асакура Ёсикагэ в роли посредников, а также между самим Нобунага и Кэннё Коса с Сингэн в роли посредника¹⁵⁹. Однако эти мирные инициативы закончились ничем, и предложение Ёсиаки о посредничестве Сингэн между Нобунага и Кэннё Коса так и осталось амбициозной попыткой. Предпринимая ее, Ёсиаки, видимо, пытался усилить роль Такэда Сингэн в политической игре.

ПРОТЕСТ

Растущее напряжение в отношениях между Нобунага и сёгуна Ёсиаки достигло апогея осенью 1572 года, когда Нобунага опубликовал открытое обвинение против сёгуна в семнадцати статьях. Этот документ получил название «Протест» («Икэнсё»). Нам представляется важным показать в первую очередь то, каким образом комментирует этот документ Ота Гюити (его «Синтё-ко ки» является одним из первичных источников по этому документу) и как этот комментарий может легко привести к неправильному пониманию не только самого документа, но и того, что произошло перед этим, а также его последствий. Другими словами, то, каким образом Гюити передает документ, может привести к неверному пониманию того, как эволюционировали отношения между Нобунага и Ёсиаки к 1572 году и как правление Ёсиаки закончилось в ходе военного противостояния двух соперников в 1573 году.

Учитывая тот факт, что Гюити использует хронологический подход при описании событий, удивительно, что он ничего не сообщает об этом документе в Книге 5, которая посвящена событиям 3-го года правления под девизом Гэнки (1572) года, в котором был выпущен «Икэнсё», но упоминает его в следующей Книге 6. Но здесь мы имеем дело отнюдь не со случайной путаницей в датах. Введение Гюити к «Икэнсё» показывает, что он прекрасно знал, когда был написан этот документ.¹⁶⁰

Около этого времени [начало 1573 года] стало всем известно, что сёгун тайно вынашивает замысел восстать против Нобунага. Причина заключается в том, что в предыдущем году [1572] Нобунага выступил против сёгуна с «Протестом» в семнадцати статьях, в которых говорилось, что поведение сёгуна является нетерпимым.

Далее Гюити приводит полный текст документа и дает после него следующий комментарий: «Когда Нобунага предостерегал сёгуна, как сказано выше, его мудрые слова оскорбили сёгуна».

Обычно Гюити, цитируя в своей «Синтё-ко ки» те или иные документы, делает это в книге, посвященной тому году, в котором соответствующий документ был выпущен. Данный случай, однако, представляет собой исключение и является лишь одним из немногих эпизодов, когда Гюити устанавливает причинную зависимость между выпуском Нобунага «Протеста» в 1572 году и решением сёгуна вступить на путь вооруженного сопротивления Нобунага. Следуя Гюити, современные историки высказывали предположение, что, выпустив свой «Протест», Нобунага не оставил сёгуну иного выбора, кроме как или полностью подчиниться ему, или начать вооруженное сопротивление¹⁶¹. Однако остается без ответа вопрос: намеренно ли Нобунага составил документ, чтобы спровоцировать окончательный разрыв с сёгуном? Чтобы дать на него ответ, нам необходимо рассмотреть два аспекта: обстоятельства, при которых был составлен документ, и его содержание.

До 1572 года между Ёсиаки и Нобунага существовали стабильные рабочие взаимоотношения. Как обычно, зиму 1571/72 годов Нобунага провел в своей провинциальной ставке, в то время расположенной в замке Гифу. 24 апреля 1572 года Нобунага прибыл в Киото, где, вскоре после его прибытия, «сёгун обратил внимание императора на то, что если господин Нобунага приезжает в Киото столь часто, обязательно возникнут вопросы, если у него не будет

постоянного места, чтобы остановиться». Император согласился с предложением сёгуна, что Нобунага может использовать в качестве своей резиденции место в верхнем Киото. Получив поддержку императора, сёгун приказал Нобунага начать строительные работы, Но Нобунага не обратил никакого внимания на этот приказ. На самом деле он не обращал на них никакого внимания «несколько раз», но сёгун продолжал настаивать, и «в конце концов Нобунага согласился»¹⁶². Этот эпизод показывает, что не только Нобунага использовал императора, чтобы поставить сёгуна в затруднительное положение — случалось порой и обратное. Кроме того, если в данном случае сёгун «упорно продолжал отдавать Нобунага приказания», это означает, что еще в 1572 году Ёсиаки имел над Нобунага некоторую власть, которую последний не мог всегда игнорировать.

Что касается «Протеста» в целом, то, как уже отмечалось, этот документ в настоящее время интерпретируется как намеренная провокация Нобунага против сёгуна, которая не оставляла Ёсиаки иного выбора, кроме как прибегнуть к вооруженному сопротивлению. Однако, если рассматривать этот документ в контексте событий 1572 года, когда над головой Нобунага сгустились тучи, его можно в равной мере рассматривать как последнюю попытку со стороны Нобунага убедить Ёсиаки не вступать в конфронтацию. Сингэн, находившийся в контакте с Ёсиаки, начал военную кампанию против Нобунага 8 ноября 1572 года, а Нобунага (совпадение?) выпустил свой документ всего за несколько недель, если не дней, до этого¹⁶³. Таким образом, если рассматривать документ в контексте времени, можно предположить, что Нобунага хотел остановить Ёсиаки, а не спровоцировать его. Об этом же говорит и Луис Фройс в своем докладе вышестоящему лицу, святому отцу Франсиско Кабралю (1533–1609)¹⁶⁴:

Нобунага, правитель Овари, имеет (как хорошо известно Вашему преподобию) высокие заслуги перед сёгуном, он восстановил статус сёгуна и построил ему крепость и покои, которые Ваше преподобие имели возможность видеть здесь, в Мияко. Будучи управляющим при сёгуне, он время от времени посещал его, а когда не мог прибыть лично, направлял своих посланников. Очевидно, поскольку произошли некоторые события [в резиденции сёгуна], которые вызвали его неудовольствие, так как они противоречили здравому смыслу и порядку, который он призвал [сёгуна] поддерживать, Нобунага выпустил пятнадцать [так!] «Капитуляций» из Мино против сёгуна, осуждая его нарушения.

В том же параграфе Фройс говорит том, что Нобунага не обвинял открыто самого сёгуна, а обличал одного из его чиновников, Уэно Хидэмаса, как злого гения Ёсиаки, поскольку Уэно «управлял сёгуном», и сёгун «не делал ничего, что не приказывал Уэно». Если верить Фройсу, Нобунага прибегнул к классическому и универсальному приему, осуждая не самого правителя, а его продажных подчиненных, давая тем самым Ёсиаки возможность сохранить лицо и исправиться.

Более подробно узнать об истинных намерениях Нобунага мы сможем, лишь проанализировав текст «Икэнсё»¹⁶⁵.

1. Господин Когэнъин [сёгун Асикага Ёситэру] пренебрегал делами императорского двора и, как следствие, столкнулся с неприятностями. Поэтому я советовал Его светлости с самого начала его пребывания в Киото никогда не быть невнимательным по отношению к Его Величеству. Однако вскоре Его светлость забыли об этом, и его небрежение стало невыносимым в последние годы.

2. Ваша светлость направляли неофициальные письма в разные провинции с просьбой в лошадях и тому подобном. Поскольку я беспокоюсь о том, что скажут об этом люди, я бы рекомендовал Его светлости сдерживать себя. Тем не менее, если возникали какие-либо вопросы, которые не могли быть решены без издания Его светлостью приказов, Его светлости следовало известить меня (как я много раз говорил ранее), чтобы я мог одобрить это¹⁶⁶. И хотя Его светлость соглашались с этим, они не поступали соответствующим образом. Вы направляли письма в различные провинции и просили о помощи, что противоречит нашему первоначальному соглашению. Я неоднократно говорил, что если Ваша светлость что-нибудь узнает о подходящих лошадях и тому подобном в любой области, я отдам все свои силы, чтобы преподнести Вам это. Я не могу принять то, что вы поступали недолжным образом и вместо этого направляли секретные инструкции.

3. Что касается главных вассалов сёгуната, Ваша светлость никогда не давали подобающие награды тем, кто всюду следовал за Вами и преданно служил Вам. Вместо этого вы поддерживали новоприбывших неизвестного происхождения. Если вы делаете это, исчезает различие между преданными людьми и предателями. Люди не могут одобрить это.

4. Всем известно, что слухи недавно побудили Вас вывезти свое имущество из города. Я был поражен, узнав об этом, поскольку известие об этом вызвало огромный интерес в Киото.

Я затратил огромные усилия и средства, чтобы построить резиденцию Вашей светлости, и вместо того, чтобы находиться в ней, Вы вывозите свои вещи. Вы снова планируете перебраться куда-нибудь еще? Я глубоко сожалею об этом. Если это действительно так, то все усилия Нобунага оказались бесполезными.

5. Вы сообщили Иванари [Томомоти] о святилище Камо и якобы приказали ему разузнать о крестьянах, ответственных за выплату налогов, но на самом деле тайно инструктировали его, чтобы он не слишком усердствовал. У меня есть свои планы касательно конфискации земель у таких святилищ и храмов. Вы приняли решение в его пользу, потому что Иванари якобы борется с тяжелыми денежными бедами, и Вы не слушали никого, полагая, что Иванари может когда-нибудь снова сослужить Вам службу. Я знаю, что это неправильно, когда Вы совершаете тайные дела в этом направлении.

6. О Вашей светлости говорят, что Вы проявляете пристрастие по отношению к людям (и их женам), которые преданно служат Нобунага. Это беспокоит меня. Я бы принял с глубокой благодарностью известия о том, что Вы с добротой относитесь к тем, о ком я слышал, что они преданны мне, однако вы придерживаетесь другого мнения. Какова может быть причина этого?

7. Есть некоторые люди из Киото, которые находятся в трудном положении оттого, что их неустанная и безупречная служба сёгуну не принесла им никаких наград, и которые доверили свои жалобы Нобунага. Я надеялся вызвать в Вас сострадание, когда говорил Вам об этом. С одной стороны, во мне пробудилась жалость к ним, но с другой, я думал о Ваших интересах (коги но онтамэ)¹⁶⁷. Поэтому я поднял вопрос о Ваших земельных владениях, но Вы так ничего и не выделили этим людям. Я говорю о Кандзэ Ёдзаэмон [Кунихиро], Фурута Кабэ, Уэно Кию но Ками [Нобутамэ] и других.

8. Авая Магохатино подал жалобу против заместителя сёгуна в Ага но Сё, провинция Вакаса. Я полагал, что это было неизбежно и обговорено не раз, однако Вам по-прежнему необходимо разобраться в этом деле.

9. Люди говорят, что Вы конфисковали различное имущество, вверенное Вам женой Коидзуми вместе с отданным в залог мечом и кинжалом. Если бы Коидзуми был предателем или вовлеченным в незаконные дела, тогда было бы естественно вырвать злые корни и ветви, однако он погиб в случайной стычке, поэтому наилучшим было бы для Вашей светлости наказать его в соответствии с действующими законами. Вся

Поднебесная будет думать теперь, что Ваша светлость совершила этот поступок из жадности.

10. Я докладывал Вашей светлости, что так как название девиза правления Гэнки неблагоприятно, в Киото изобилуют слухи (тэнка но сата), что его следует изменить. И даже когда императорский двор неоднократно требовал изменить его, Вы не предоставили даже жалкие гроши, и это продолжается и по сей день¹⁶⁸. Так как данный вопрос касается репутации государства (тэнка но онтамэ), я полагаю, что Вы не должны пренебрегать вашими обязанностями.

11. Ходили слухи, что Карасумару [Мицуясу] вызвал Ваше неудовольствие¹⁶⁹. Неизбежно, что Вас также рассердил его сын [Мицунобу], но я был глубоко разочарован, когда узнал, что вы приняли от неизвестного посланника взятку и позволили Карасумару снова служить Вам. Иногда можно потребовать компенсацию, в зависимости от человека и преступления. Однако, поскольку Карасумару имеет доступ в императорский дворец и поскольку нынешние придворные подобны ему, я полагаю, это производит плохое впечатление на людей.

12. Всем известно, что даймё из других провинций оказывают Вам почтение и преподносят золото и серебро, поэтому какой смысл в том, чтобы тайно хранить его там, где вы не можете использовать его?

13. Акэти [Мицухидэ] собрал ренту и произвел закупки, но Ваша светлость заявили, что это были [деньги из] владений Энрякудзи, и захватили то, что отдал Акэти¹⁷⁰.

14. Сообщают, что прошлым летом [1572] Вы продали рис из замка за золото и серебро. Я никогда не слышал, чтобы сёгун в древние или нынешние времена занимался бы торговлей. Времена таковы, каковы есть, но я полагаю, что на людей произвело бы более хорошее впечатление, если бы рис был в амбарах сёгуна. Я считаю это просто вопиющим.

15. Всякий раз, как только Ваша светлость дает малое вознаграждение юношам, находящимся в ночном дозоре, целый город плохо говорит о том, что Вы назначаете одного из них заместителем сёгуна или побуждаете их подавать незаконные иски.

16. Говорят, что Ваши вассалы не имеют склонности ни к оружию, ни к провизии, ни к чему-либо подобному, а только к сбережению денег. Я полагаю, что они готовятся стать ронинами. Когда сёгун копит золото и серебро и при малейших слухах покидает свою резиденцию, неудивительно, что даже самые низшие считают это признаком того, что сёгун хочет покинуть столицу. Разве так должен держать себя тот, кто командует людьми?

17. Вы проявляете жадность к многим вещам и, видимо, не заботитесь о несправедливости или вашей репутации. Поэтому даже простые крестьяне называют Вас «злым сёгуном». Я помню, что точно так же называли господина Фукоин, но то был особый случай¹⁷¹. Почему люди должны говорить такие отвратительные вещи за Вашей спиной? Возможно, сейчас самое время подумать об этом. На этом все.

Более пристальный взгляд на приведенный выше документ позволяет предположить, что, несмотря на его резкий и порой провокационный тон, Нобунага на самом деле стремился изменить поведение сёгуна. Какова была причина? Безусловно, не в том, что Нобунага был мудрым и готовым на компромисс, а сёгун капризным нарушителем спокойствия. Вероятнее всего то, что Нобунага получал от в большей степени номинального сёгуната Ёсиаки гораздо больше, нежели сам сёгун, и стремился сохранить благоприятное для него положение вещей. Ёсиаки являлся лишь номинальным главой режима, а настоящим хозяином был Нобунага. Сохранение статус-кво между ними было гораздо важнее для Нобунага, чем для Ёсиаки, и особенно в конце 1572 года. Это было крайне невыгодное для Нобунага время, чтобы он мог разорвать отношения с сёгуном, особенно если принять во внимание наступательные планы Такэда Сингэн.

Семнадцать статей «Протеста» представляют собой упреки общего и конкретного содержания. Первые три и последние три статьи (1–3, 15–17) являются предостережениями общего характера, в остальных же разбираются конкретные вопросы и частные случаи неправильных действий сёгуна. Статьи общего характера являются своеобразным «руководством по правильному поведению». Ёсиаки должен: «не быть невнимательным» по отношению к императорскому двору (статья 1); поддерживать контакты с провинциями только через должные каналы, а именно, через самого Нобунага, и строго придерживаться прежних соглашений по этому вопросу (статья 2); награждать правильных людей, а не «новоприбывших неизвестного происхождения» (статья 3); не относиться с пренебрежением к тем, кто «преданно служит Нобунага» (статья 6); не потакать юношам (статья 15); подавать правильный, а не дурной пример своим подчиненным (статья 16); и, наконец, больше думать о своей репутации, а не о своей казне.

Все предупреждения Нобунага основываются на существовавшей тогда воинской этике. Тем не менее, удивляет, что, критикуя

Ёсиаки, Нобунага чаще всего говорит о той негативной реакции, которую его действия вызывают в обществе. То есть речь идет не об абстрактном идеале, столь часто ассоциируемом с японским военным сословием, а о простой, но убийственной людской молве, являющейся главной судьей сёгуна. Например, в статье 3 утверждается, что если сёгун продолжит выдавать награды недостойным людям, «исчезнет различие между преданными людьми и предателями». «Люди не могут одобрить это», — утверждает Нобунага, а в последней статье недвусмысленно говорится: «Даже простые крестьяне называют Вас „злым сёгуном“... Почему люди должны говорить такие отвратительные вещи за Вашей спиной? Возможно, сейчас самое время подумать об этом». Нобунага никогда не проявлял большого сострадания к крестьянам, и многие из десятков тысяч сторонников Икко, которых он уничтожил, принадлежали именно к этому сословию. В своем «Протесте» Нобунага напомнил сёгуну, что для военного лидера нет ничего опаснее, чем общественное мнение, направленное против него. «Что подумают люди» — эти слова являются доминантой всего документа.

В статье 10 осуждается неспособность сёгуна предоставить «жалкие гроши», необходимые для смены девиза правления, что являлось давним желанием императорского двора. Фудзики и Элисон полагают, что в данном пункте Нобунага практически заявил о неспособности сёгуна править, но нам такая интерпретация представляется слишком далеко идущей¹⁷². Как и в ряде других статей, здесь Нобунага призывает сёгуна исправить свое управление, чтобы не показать себя полностью неспособным в глазах общества. Точно так же в статье 4 высказывается сожаление о беспокойной ситуации в столице, возникшей после того, как сёгун вывез свое имущество. В статье 9 Нобунага предупреждает сёгуна, что теперь «вся Поднебесная будет думать, что Ваша светлость совершила этот поступок из жадности». В статье 11 Нобунага снова предостерегает о «плохом впечатлении», который произвел на людей поступок сёгуна. Наконец, в статье 14 говорится, что «на людей произвело бы более хорошее впечатление», если бы рис находился в амбарах сёгуна, а не был бы обменен на золото и серебро.

Нобунага вовсе не случайно говорит об общественном мнении как о главном судье. Как следует из отдельных разбросанных по «Синтё-ко ки» замечаний, жители Киото отличались резкостью суждений¹⁷³. Кроме того, многочисленные письма Нобунага, в особенности инструкции непосредственным подчиненным, свидетельствуют

о том, что он придавал чрезвычайно важное значение авторитету своему и своих подчиненных. Например, в 1580 году он недвусмысленно порицал отца и сына Сакума (в противоположность Акэти Мицухидэ, Икэда Цунэоки, Сибата Кацуиэ и Хасиба Хидэёси) за то, что они пренебрегли своей репутацией и не попытались приобрести славу, вступив в ратный поединок.

«Протест» не оставляет никаких сомнений, что главной причиной дурной славы сёгуна была его жадность. Он оказался настолько скаредным, что не пожелал выделить средства даже на смену девиза правления. Кроме того, проводимая им незаконная конфискация частной собственности не могли не сформировать у всех впечатление о его неумолимой алчности (статьи 5, 9, 13). Не чурался сёгун и взяток, о чем свидетельствует статья 11. Никогда прежде, заявляет Нобунага в статье 14, сёгун не бывал замечен в занятиях торговлей, продавая провиант, предназначенный для военных целей. Примеру своего господина с легкостью следуют и его подчиненные, о которых говорят, что они «не имеют склонности ни к оружию, ни к провизии, ни к чему-либо подобному, а только к сбережению денег». У нас нет свидетельств, которые бы подтверждали, что Ёсиаки совершал насилие по отношению к женам или сыновьям своих подчиненных, однако, как можно судить из статьи 9, сёгун совершил второй из смертных грехов правителя, указанных Макиавелли: он отнимал у своих подчиненных собственность.

Нобунага на самом деле бросил не столь уж большую тень на Ёсиаки, обличая от имени *vox populi* различные прегрешения и упущения сёгуна. По нашему мнению, Нобунага в первую очередь стремился сохранить существующий статус-кво, ситуацию, при которой он сам являлся фактическим властителем, а сёгун играл преимущественно церемониальную роль. Однако его «Протест» возымел обратное действие, поскольку Ёсиаки не потерпел унижения. Сёгун отреагировал радикальным образом и начал военную подготовку для окончательного разрыва с Нобунага.

КОНФРОНТАЦИЯ

В то время, когда Нобунага адресовал Ёсиаки свой «Протест», Такэда Сингэн готовился к походу на запад. С конца августа до конца октября Нобунага вел военные действия в Оми против Асакура и Адзай. Принято считать, что Нобунага свернул операцию в Оми 22 октября 1572 года после того, как получил известие о том, что

нападение Такэда неминуемо¹⁷⁴. Сомэя Мицухиро, с другой стороны, выдвинул версию, что Нобунага вернулся в свой замок Гифу, поскольку в его военном присутствии в Оми более не было необходимости, так как Асакура Ёсикагэ упорно избегал решающего сражения¹⁷⁵.

Источники в определенной степени свидетельствуют в пользу обеих версий. Факт направления сёгуну «Протеста» говорит о том, что Нобунага знал о готовности Сингэн выступить против него. Но даже при этом Нобунага сохранил хладную голову и не проявил видимых признаков беспокойства. 20 октября, за два дня до отступления Нобунага из Оми, автор дневника Ёсида Канэми получил в Киото информацию от двух чиновников сёгуна из Оми, Хосокава Фудзитака и Мицубути Фудзихидэ (ум. 1574), что «Нобунага в прекрасном расположении духа»¹⁷⁶. Нобунага написал три письма Уэсуги Кэнсин между 4 сентября (27-го числа седьмого месяца третьего года правления под девизом Гэнки) и 24 декабря (20-го числа одиннадцатого месяца третьего года правления под девизом Гэнки), что показывает, что отношение Нобунага к Такэда Сингэн изменилось только в конце 1572 года, от сдержанного дружеского до открыто враждебного.

В первом письме, написанном 4 сентября 1572 года, Нобунага информирует Кэнсин о мирной инициативе сёгуна, с которой тот выступил весной того же года, направленной на примирение Уэсуги Кэнсин и Такэда Сингэн. Нобунага пишет, что находится «в близких отношениях с Вашей светлостью в течение многих лет» и что он также «очень близок с Сингэн». По его мнению, стремление сёгуна к миру между Кэнсин и Сингэн «трудно проигнорировать», поэтому он, хотя и иносказательно, призывает Кэнсин принять все усилия для достижения этой цели. Первое письмо носит явно дипломатический характер, поэтому трудно определить, что на самом деле стоит за признаниями Нобунага о мире и дружбе. Тем не менее, Нобунага не показывает Кэнсин никакого страха по поводу возможного нападения Такэда Сингэн. Вместо этого он призывает Кэнсин последовать мирному плану сёгуна и подчеркивает, что у него с Сингэн хорошие личные отношения¹⁷⁷.

Второе письмо к Кэнсин написано 1 ноября и касается в основном военной кампании Нобунага в провинции Оми, закончившейся за десять дней до того¹⁷⁸. Эта была очень важная во всех отношениях кампания. Во-первых, как сообщает «Синтё-ко ки», а не письмо, она стала боевым крещением для старшего сына и наследника

Нобунага — Ода Нобутада¹⁷⁹. Во-вторых, и это ясно из письма Нобунага, он сумел принудить Асакура Ёсикагэ и Адзай Нагамаса к ведению оборонительных действий, хотя так и не смог нанести им решающего удара. Первоначально операция была направлена против замка Отани, принадлежавшего семье Адзай. Адзай оказались под столь мощным давлением, что были вынуждены, прибегнув ко лжи, просить о помощи своих союзников Асакура из провинции Этидзэн. Они сообщили Асакура ложную информацию о том, что пути возвращения Нобунага в Мино и Овари отрезаны сторонниками Икко из Нагасима, и что если Асакура придут на поле боя, с армией Нобунага можно будет покончить раз и навсегда. Асакура Ёсикагэ принял поступившую информацию за истинную и выступил к Отани на помощь Адзай. Однако, прибыв в Отани, Ёсикагэ понял, что положение Нобунага не было таким уязвимым, каким его рисовал Адзай. Тогда Ёсикагэ разбил лагерь у подножия горы Одзуку (на границе нынешних Кохоку и Адзай-тё, префектура Сига). Он оставался в западне довольно долгое время и сумел вырваться из рук Нобунага только во время ночного рейда. Кроме того, Нобунага воздвиг фортификационные сооружения в различных районах Оми, например, у горы Торагодзэ и Миябэ (расположенных в нынешнем Накано, Торахимэ-тё, префектура Сига). О чем письмо умалчивает, так это о том, что два ключевых вассала Асакура Ёсикагэ — Маэба Ёсигугу (ум. 1574) и Томита Нагасигэ (1551–1574) — перешли на сторону Нобунага в ходе этой кампании¹⁸⁰.

В целом, экспедиция Нобунага в провинцию Оми в 1572 году серьезно ослабила позиции Адзай Нагамаса и Асакура Ёсикагэ. Это сыграет решающую роль в начале 1573 года, когда станет известно, что Асакура Ёсикагэ является союзником Такэда Сингэн только на бумаге. Нобунага завершает второе письмо Уэсуги Кэнсин следующими словами: «Попытаемся побольше узнать о восточных провинциях. Очень важно, чтобы линии обороны в Ваших землях были укреплены. Мы должны продолжать контакты»¹⁸¹. Нобунага написал эти слова за семь дней до того, как Сингэн выступил в поход на запад. Они проникнуты чувством тревоги, но, тем не менее, из них отнюдь не следует, что Нобунага уже готовился к сражению с ним.

В третьем и последнем письме, отправленном Кэнсин 24 декабря 1572 года, Нобунага сетует, что 8 ноября Сингэн начал свое наступление. Уже по первым строчкам письма видно, что Нобунага

чувствует себя обманутым: «Действия Сингэн в высшей степени несправедливы; более того, он знает, что такое честь воина. К сожалению, он не обращает никакого внимания на то, что над ним насмеются в городах и деревнях». Нобунага клянется уничтожить друга, ставшего врагом. В письме Нобунага пять пунктов, причем наиболее важный из них — первый, поскольку он свидетельствует о заключении союза между Нобунага и Кэнсин против Сингэн¹⁸².

Теперь, когда отношения с Сингэн зашли столь далеко, очевидно, что я вынужден навсегда порвать с ним, так, как я обещал вам в Сэнрюсай. [...] Вражда будет омрачать отношения между Нобунага и Сингэн в гораздо большей степени, чем вы можете себе представить. Поэтому, даже если минует вечность, я не восстановлю их. Я согласен со словами вашей клятвы и, учитывая эту уникальную возможность, перевернул бумагу с клятвой и скрепил ее своей кровью перед глазами Тё Ёити. Если ваша светлость начнет сотрудничать с Нобунага, не понадобится много времени, чтобы уничтожить Сингэн. Нам следует почаще координировать нашу стратегию¹⁸³.

Общий тон остальной части письма столь же позитивен. Может показаться, что Нобунага очень сожалеет о вероломстве Сингэн, но при этом он убежден, что в конце концов Сингэн будет повержен. Нобунага, «пребывая в сомнениях», дает Кэнсин совет, как справиться с угрозой со стороны Икко в провинции Эттю. Нобунага прекрасно понимал, что эту проблему необходимо держать под контролем, ведь в противном случае Кэнсин не смог бы обратить внимание на Сингэн, поскольку был бы занят устранением угрозы в своих землях. Столь же оптимистично оценивает Нобунага и положение дел на севере провинции Оми. Его войска (переданные под командование Хидзёси) «вскоре» уничтожат загнанные в угол вражеские силы. В пятом пункте письма делается вывод:

Как я уже неоднократно сообщал вам, я разместил множество воинов на горе Торагодзэ и в других замках, а также сделал необходимые приготовления, чтобы можно было свободно переезжать с места на место. Я отдал своим людям приказ быть в полной готовности, так что они не совершат ошибок. Как только представится хорошая возможность, вы сможете почувствовать себя в безопасности. Тё Ёити на словах передаст вам все более подробно.

Однако действительность лишь частично оправдывала оптимизм Нобунага; он был спасен только благодаря тому, что Асакура Ёсикагэ не проявил боевого духа в Оми. Первоначальный план Сингэн заключался в том, чтобы окружить Нобунага: Асакура и Адзай должны были наступать с запада, а Сингэн — с востока. Нобунага, скорее всего, не смог бы длительное время вести борьбу на два фронта. Однако 6 января 1573 года Асакура Ёсикагэ отступил из Оми и вернулся в свою родную провинцию Этидзэн. К тому времени Ёсикагэ вел военную кампанию уже пять месяцев — необычайно длительный период для того времени. Сингэн, увидев, что все его планы оказались разрушенными из-за отступления Ёсикагэ, был вне себя от ярости. 31 января он написал Ёсикагэ: «Меня поразило известие о том, что большая часть ваших войск вернулась домой. Конечно, ваши воины измотаны, но разве ваше великодушное отступление в тот момент, когда настало время падения Нобунага, не означает, что все наши усилия окажутся напрасными^{184?}»

Несмотря на события в Оми, наступление войск Сингэн должно было казаться неодолимым любому беспристрастному свидетелю тех времен. Это еще один довод, подтверждающий, что настроение Нобунага, выраженное в письме к Кэнсин, было слишком оптимистичным. Нобунага и его союзник Токугава Иэясу непрерывно отступали перед войсками Такэда, которые вихрем пронеслись по провинции Тотоми, где главным их успехом стал захват замка Футамата (расположенного на территории нынешней Футамата-тё, город Тэнрю, префектура Сидзуока). Авангард армии Сингэн, ведомый Ямагата Масакагэ (ум. 1575), вступил на территорию Микава, родной провинции Иэясу. 18 декабря 1572 года в провинции Мино один из военачальников Сингэн Акияма Нобутомо (1531–1575) захватил замок Ивамура (находящийся в сегодняшней Ивамура-тё, префектура Гифу). А сам Сингэн нанес Нобунага и Иэясу еще более сокрушительный удар в сражении при Микатагахара 25 января 1573 года. В этом году Сингэн встречал новый год по лунному календарю в Осакабэ, провинция Тотоми (ныне — территория Хосоэ-тё, префектура Сидзуока), а затем направился в провинцию Микава, где осадил замок Нода (расположенный на территории сегодняшнего города Синсиро, префектура Айти) и взял его в середине марта 1573 года.

Тем временем находившийся в столице сёгун Ёсиаки, увидев военные успехи Сингэн на востоке, решил, что настало время выступить против Нобунага. В марте 1573 года он сообщил Адзай На-

гамаса и Асакура Ёсикагэ (а также, предположительно, Кэннэ и Сингэн), что он восстал против Нобунага¹⁸⁵. Он начал спешно укреплять замок Нидзё и мобилизовал свои силы в Кинай. По его приказанию вокруг замка вырыли ров, а в самом замке собралось около 5000 воинов, у которых было более 1000 аркебуз. Монах Сэнкэй, сюго Верхней Ямасиро, один из командиров Ёсиаки, начал вести борьбу против Нобунага в Оми, где он соорудил укрепленные рубежи у Исияма и Имагатата. Решение Ёсиаки выступить с оружием в руках против Нобунага будет иметь далеко идущие последствия. Оно приведет к изгнанию Ёсиаки из Киото и падению военного правительства Асикага.

Историки склонны считать изгнание Ёсиаки из Киото Нобунага исторической необходимостью, которую Нобунага реализовал при первом же подходящем случае¹⁸⁶. Единственным исключением в этом отношении является совместная статья Фудзика Хисаси и Джорджа Элисона, которая называется «Политическое положение Ода Нобунага». Фудзика и Элисон доказали, что Нобунага не изгнал Ёсиаки из Киото прежде, чем тщательно обдумал всевозможные последствия такого шага¹⁸⁷. Однако трудно согласиться с мнением Фудзика и Элисона о том, что причины, побудившие Нобунага попытаться сохранить Ёсиаки в качестве номинального легитимного главы существующего режима, были исключительно «внешнего характера». Необходимо подчеркнуть, что разрыв между Ёсиаки и Нобунага в 1573 году инициировал первый, а не последний. Тот факт, что весной 1573 года (а затем и осенью того же года) Нобунага пытался урегулировать расхождения с Ёсиаки, имел скорее «внутренние», а не «внешние» причины. Разорвав отношения с Ёсиаки, Нобунага окончательно лишился бы того, что так или иначе формально санкционировало его власть. В «Синтё-коки» отмечается, что Нобунага чувствовал, что его драгоценная честь была под угрозой: «Нобунага не мог вынести даже мысли о том, что его долгое преданное служение сёгуну окажется тщетным и что над ним будут насмехаться в городах и деревнях»¹⁸⁸.

Хотя в итоге решение Ёсиаки порвать с Нобунага оказалось губительным для него, само по себе оно было весьма логичным и своевременным. Фройс написал из Киото 27 мая 1573 года, что никто тогда не верил, что Нобунага может представлять угрозу для Ёсиаки: с востока Нобунага угрожал Сингэн (с 30 000–40 000 воинов), с северо-запада — Асакура Ёсикагэ (с 20 000 воинов), а с юго-запада — Кэннэ и Миёси Ёсицугу (с 15 000 воинов). Даже

«самые низшие» пребывали в убеждении, что Нобунага будет окружен наступающими войсками Сингэн, а также Асакура и Адзай¹⁸⁹. Ёсиаки определенно чувствовал, что лучшего момента для того, чтобы выбить Нобунага из политического центра страны, более не предвидится. Поэтому, только смотря на ситуацию из сегодняшнего дня, может показаться, что объявление Ёсиаки войны Нобунага было актом отчаяния, обреченным на провал. Политическая борьба 1573 года (1-го года правления под девизом Тэнсё) с многочисленными битвами этого года оказалась настолько кровопролитной и происходила настолько быстро, что даже тот, кто извлек из всего случившегося наибольшую выгоду — Ода Нобунага, — оказался не полностью готов к произошедшему.

В период между 26 марта и 8 апреля 1573 года Нобунага направил из Гифу одно за одним четыре письма Хосокава Фудзитака, находившемуся в то время в столичной области. Кроме того, 7 мая, находясь уже в Киото, Нобунага написал письмо Токугава Иэясу, своему союзнику в провинции Микава. Все эти письма предоставляют уникальную информацию о том, как оценивал Нобунага происходящие события в один из решающих моментов своей жизни. Мы используем эти письма (вместе с другими источниками) для анализа первого столкновения Нобунага и Ёсиаки¹⁹⁰. Тот, факт, что первые четыре письма направлены Хосокава Фудзитака, отнюдь не является случайностью, поскольку он был одним из чиновников сёгуна, в критический момент предал его и стал одним из наиболее доверенных вассалов Нобунага. Хосокава не только переметнулся на другую сторону, но и сменил фамилию на Нагаока (по названию удела, полученного от нового господина), тем самым символизируя свою преданность Нобунага.

Эти письма показывают, что Нобунага вовсе не собирался высылать сёгуна Ёсиаки из Киото после того, как последний объявил ему войну. По сути, возможность такого изгнания даже не упоминается. Нобунага не только неоднократно везло в течение этого переломного года. Он сумел справиться с кризисной ситуацией, проявив редкое сочетание отваги и осторожности, что и позволило ему, в конце концов, одержать верх. Его первое письмо к Фудзитака, написанное 26 марта 1573 года, состоит из заявления и семи пунктов и позволяет нам получить представление о стратегических вопросах, занимавших Нобунага в то время: а) переговоры с Ёсиаки (пункт 1); б) военная ситуация в Центральной Японии (пункты 2 и 6); в) наступление Сингэн на Микава и Тотоми (пункт 7); г) не-

обходимо или нет ему вмешиваться с использованием военной силы в ситуацию, сложившуюся в Киото (пункт 7). В своих последующих письмах к Фудзитака и Иэясу Нобунага постоянно возвращается к этим вопросам.

Седьмой пункт первого письма является ключевым для понимания той стратегии, которую Нобунага применил для разрешения многостороннего кризиса. Начинается этот пункт следующими словами: «Что касается областей Микава и Тотоми, 17-го числа [20 марта 1573 года] Сингэн отступил из Нода». Письмо, написанное Сингэн 19 марта (16-го числа второго месяца) свидетельствует, что незадолго до 19-го числа замок Нода пал: «Я взял замок Нода, захватил смотрителя замка и других и отправил их в провинцию Синано»¹⁹¹. Поэтому вполне возможно, что Сингэн, захватив замок Нода, вскоре покинул его. Его отход стал неожиданным подарком для Нобунага, который, более того, получил эти сведения о нем, когда его противники в Кинай их еще не имели. Ёсиаки ожидал, что Сингэн будет продолжать наступление, в то время как Нобунага уже знал, что Сингэн болен и возвращается в домашние провинции. Вскоре после этого, 13 мая 1573 года, Сингэн умер в Команба, провинция Синано. Клан Такэда безуспешно пытался скрыть его смерть — тело не хоронили вплоть до 1576 года. Тот факт, что, начиная с июня 1573 года, войска Нобунага и Иэясу начали контрнаступление против Такэда в Микава и Суруга, позволяет сделать вывод, что командирам было известно: Сингэн более не вместе со своими войсками. Что же касается союзников по коалиции против Нобунага, то они оставались в неведении о смерти Сингэн вплоть до конца июня 1573 года. 22 июня Кэннэ Коса написал письмо в ответ на приказ Ёсиаки, по которому можно судить, что они не знали о смерти Сингэн¹⁹². Таким образом, обманутыми оказались только союзники Сингэн.

Нобунага, пользуясь известными ему сведениями, попытался исправить положение, сложившееся после предательства сёгуна, прибегнув к переговорам, стремясь отложить наступление на Киото, насколько это возможно. Он всеми силами стремился избежать применения силы против Ёсиаки. Нобунага решил остаться в Гифу, чтобы, с одной стороны, быть поближе к Микава и Тотоми, а с другой, проводить мирные переговоры с Ёсиаки, для чего он отправил своих людей в столицу. В своем первом письме Нобунага информирует Фудзитака¹⁹³:

Я отправил в столицу Наомаса и передал [через него] свои предложения его светлости, после чего его светлость выдвинули свои условия, и я согласился с ними со всеми. Затем я хотел снова послать Наомаса, но, поскольку у него болели глаза, я доложил его светлости через [Мурай] Юкан и Симада [Хидэмицу]. Я предоставил заложников и рассеял слухи, ходившие в Киото. Однако меня интересует: изменил ли его светлость намерения и хочет ли он примириться со мной.

Ожидания, которые имел в отношении этих переговоров Нобунага, можно увидеть в его письмах к Фудзитака. В постскриптуме ко второму письму, написанному 29 марта, Нобунага по-прежнему надеется, что «если сёгун изменит свою позицию, государство может быть спасено»¹⁹⁴. Эти слова лучше всего подтверждают, что Нобунага не рассматривал себя самого в качестве воплощения государства и что он считал фигуру сёгуна необходимой для поддержания мира и спокойствия. В третьем письме, написанном 1 апреля, Нобунага снова заявляет, что «хочет спасти государство», а в четвертом и последнем письме, датированном 8 апреля, говорится: «Поступки его светлости превзошли все границы. Однако мое отношение к нему остается отношением вассала к своему господину, и он передумал только после того, как я неоднократно и резко протестовал. Поэтому я отправил ему своего ребенка в качестве заложника. [...] Пока этого достаточно»¹⁹⁵. Но Ёсиаки прервал переговоры с Нобунага в то самое время, когда последний писал эти слова. Девочку-заложника отослали обратно.

Последний поступок Ёсиаки вызвал гневный отклик Нобунага и переполнил чашу терпения. 26 апреля Нобунага выступил из замка Гифу на Киото. 30 апреля Хосокава Фудзитака и Араки Мурашигэ встретили его у Аусака в провинции Оми. Измена двух бывших сторонников сёгуна позволила Нобунага увеличить численность своей армии до примерно 16 000 человек. Прибыв в Киото и разбив свою ставку в храме Тионъин у Хигасияма, Нобунага потратил еще четыре дня на попытки переубедить Ёсиаки, но безрезультатно. Нобунага сообщил Иэясу о предпринятых им шагах: «Я сделал несколько предложений его светлости, но он не принял их, поэтому у меня не осталось выбора. Я полностью сжег окрестности Киото 2 и 3 [3 и 4 мая 1573 года], а 4 [5 мая] сжег Верхний Киото»¹⁹⁶. Один из жителей Киото в своем дневнике записал о случившемся следующее: «от Нидзё весь Верхний Киото был сожжен, не осталось ни одного дома. [...] Много жителей было убито в окрестно-

стях Киото и в Нижнем Киото». По сведениям Луиса Фройса, который сам едва избег смерти, полыхало от 6 до 7 тысяч домов. Нобунага пощадил Нижний Киото, но не бесплатно: впоследствии он разделил со своими вассалами деньги, заплаченные жителями¹⁹⁷.

Массивный удар армии Нобунага и последовавшее за ним окружение замка Нидзё убедили Ёсиаки, что мир с Нобунага лучше, чем война. На следующий день после того, как Верхний Киото был сожжен в прах, делегация императорского двора в составе трех знатных придворных аристократов, возглавляемая канцлером Нидзё Харунага (1526–1597) перемещалась туда-сюда между замком Ёсиаки Нидзё и ставкой Нобунага в Тионъин, чтобы договориться о мире, пока столице не нанесен еще больший ущерб. Ёсиаки принял посредничество со стороны императорского двора хотя бы для того, чтобы выиграть время. 8 мая трое представителей Нобунага — его старший брат Цуда (или Ода) Нобухиро, Сакума Нобумори и Хосокава Фудзитака (к тому времени укрепивший свое положение в лагере Ода) — предстали перед сёгуном, и мир был заключен. Сразу после этого Нобунага покинул Киото и вернулся в Гифу. В письме Фройса содержатся некоторые дополнительные детали касательно заключения мира. Якобы Нобунага хотел поставить на место сёгуна второго сына императора. Никакой другой источник не упоминает о таком намерении Нобунага. Фройс также утверждает, будто бы Нобунага знал, что сёгун согласился на мир только для того, чтобы выиграть время. Именно поэтому Нобунага и его сын Нобутада не встретились с сёгуном лично, а направили своих представителей. Другим примером недоверия, сохранившегося между сторонами, стал факт обмена заложниками, в лице которых с обеих сторон выступили командующие¹⁹⁸.

В середине марта 1573 года со стороны по-прежнему казалось, что Ёсиаки находился в более выигрышном положении по сравнению с Нобунага. То, что всего за каких-то полтора месяца Нобунага сумел коренным образом изменить положение вещей, стало следствием, скорее, его исключительной удачливости (внезапная болезнь Сингэн). Однако не следует полностью отбрасывать и стратегический талант Нобунага. Некоторые исследователи подвергали критике военные способности Нобунага¹⁹⁹. Однако та линия поведения, которая была им выбрана в период между мартом и маем 1573 года, свидетельствует о его незаурядном даре стратега. Ведя переговоры с Ёсиаки, Нобунага внимательно следил за изменением военной обстановки в Кансай. Письма к Фудзитака показывают,

что Нобунага был хорошо информирован о том, кто из подчиненных сёгуна поддерживает его, как, например, Араки Мурасигэ и Вата Корэнага (ум. 1628), а кто сохраняет верность Ёсиаки, как Итами Тикаока (ум. 1574) и Иванари Томомити (ум. 1573). Одновременно Нобунага разрушил укрепленные рубежи, сооруженные офицерами Ёсиаки в Исияма и Имагатата, провинция Оми. Благодаря этому, когда переговоры о мире закончились безрезультатно, Нобунага мог пройти через провинцию Оми в направлении Киото, не встречая никакого сопротивления.

Дальнейшие события 1573 года лишний раз показали стратегическую дальновидность и тактический гений Нобунага. Несмотря на заключенный мир, и Нобунага, и Ёсиаки сразу же начали подготовку ко второй и, как были убеждены они оба, решающей схватке. Ёсиаки уже имел план покинуть Киото в мае и укрыться в речном замке Макиносима, лежавшем к югу от столицы (на территории нынешней Максима-тё, город Удзи). Фройс в своем письме из Киото, датированном 27 мая, сообщает, что жители Нижнего Киото страшно перепугались, узнав, что сёгун со своими войсками собирается отбыть в Макиносима: они боялись, что их дома разграбят²⁰⁰. Ёсиаки проинформировал Мори из Западной Японии о своих намерениях «начать войну с Нобунага» в середине июля и просил предоставить ему провиант²⁰¹. При этом Ёсиаки продолжал поддерживать контакты со своими старыми союзниками Асакура Ёсикагэ и Кэннё Коса. Нобунага же, со своей стороны, понимал, что при любом новом столкновении с Ёсиаки контроль над озером Бива будет иметь первостепенное значение. В середине июня Нобунага перебрался из замка Гифу в Саваяма в провинции Оми (ныне на территории Саваяма-тё, город Хиконэ, префектура Сига) и приказал строить большие корабли на берегу реки Сэригава, протекавшей от подножия Саваяма к озеру Бива²⁰².

К счастью для Нобунага, к тому времени, как Ёсиаки объявил ему войну, первый корабль был уже готов. 31 июля 1573 года Ёсиаки покинул замок Нидзё и укрепился в замке Макиносима около Удзи, который он считал самым лучшим. Ёсиаки оставил гарнизон в замке Нидзё в Киото под командованием Хино Тэрусукэ (1555–1607), Такакурэ Нагасукэ, Исэ Садаоки (1559–1582) и Мицубути Фудзихидэ. Нобунага отреагировал на действия Ёсиаки следующим образом. 3 августа он посадил своих воинов на корабли и пересек озеро Бива по направлению к Сакамото. Теперь, когда угрозы со стороны Такэда не существовало, Нобунага бросил на

Ёсиаки все силы. Он осадил замок Нидзё и быстро принудил его к сдаче. Гарнизон замка был настолько поражен численностью войска Нобунага, что «они просили у него прощения, предоставили заложников и все перешли на его сторону»²⁰³. Произведя в Киото перегруппировку своих войск, 13 августа Нобунага выступил на Макиносима, переправился через реку Удзи (представлявшую собой внушительную естественную преграду) и 14-го числа атаковал внешние укрепления замка. На следующий день, 15 августа, Нобунага фактически положил конец сёгунату Ёсиаки.

Сёгун просил о пощаде и предлагал в заложники годовалого сына. Нобунага согласился, «пощадил его» и позволил отправиться в Бива но Сё в Верхнем Ямасиро (на территории нынешней префектуры Киото). Вдобавок ко всем напастям, выпавшим на долю свергнутого сёгуна, по пути к Бива на него напали и ограбили «мятежники». Однако, не найдя там надежного убежища, через два дня Ёсиаки снова отправился в путь, на этот раз в сопровождении Хасиба Хидзёси в замок Миёси Ёсицугу Вакаэ в Кавати (на территории нынешнего города Осака). Бегство Ёсиаки было поистине унижительным. «Верхи и низы насмеялись над ним, называя нищим сёгуном, и показывали на него пальцем»²⁰⁴. И в Вакаэ Ёсиаки не задержался надолго. В конце 1573 года он отправился в Сакай, а оттуда — в храм Кококудзи в Юра (ныне — Юра-тё, префектура Вакаяма). В начале 1576 года Ёсиаки был вынужден перебраться в Томо но Цу в провинции Бинго (на территории нынешнего города Фукуяма, префектура Хирোসима), где он и оставался до самой смерти Нобунага.

Сёгун оказался не единственной крупной фигурой на японской политической сцене, чье падение пришлось на 1573 год. До конца этого года Нобунага покончил со всеми своими противниками, за исключением давнего врага Исияма Хонгандзи. В течение сорока дней после сдачи Ёсиаки Нобунага отправил головы Асакура Ёсикагэ, Адзай Хисамаса и Адзай Нагамаса (его зятя) в Киото для выставления на всеобщее обозрение. Еще двумя его жертвами стали Иванари Томомити и Миёси Ёсицугу. Детали успешной операции Нобунага изложил в своем письме к Кобаякава Такакагэ (1533–1597) и Мори Тэрумото (1533–1625) в конце 1573 года²⁰⁵:

Я вынудил Ёсикагэ покончить с собой и отправил его голову в столицу. Я принял на службу большую часть его войска, теперь провинция [Этидзэн] пребывает в мире. Там я закончил свой поход. Я оставил вместо себя начальников областей и быстро

вернулся в северную Оми 26-го числа [22 сентября]. Ночью 27-го я немедленно атаковал замки Адзай и захватил их на следующий день. Я получил головы отца и сына Адзай и отослал их в Киото, чтобы жители столицы и окрестностей могли посмотреть на них. Именно вследствие козней Адзай клан Такэда из Каи и клан Асакура из Этидзэн стали в последние годы моими врагами. Также именно они виновны в том, что сёгун имел предательские замыслы. Вы не можете себе представить, как я был счастлив, когда уничтожил их всех, поскольку я глубоко ненавидел их. Если нынешнее положение вещей сохранится, я [вскоре] присоединю к своим владениям Кага и Ното. В течение многих лет я нахожусь в хороших отношениях с Уэсуги Кэнсин из Этиго, так что проблем не возникнет. Что касается северных провинций, они полностью мне подчиняются. Сингэн из Каи умер от болезни, и наследование будет трудной задачей.

Отрубленные головы Асакура Ёсикагэ, Адзай Хисамаса и Адзай Нагамаса вошли в историю. Одна из самых известных историй о Нобунага та, в которой рассказывается, что он велел покрыть лаком эти головы, покрасить золотой краской и преподнес гостям во время пира в честь своей конной гвардии по случаю нового года, устроенного в 1574 году.

На первый взгляд кажется странным, что столь подробный отчет, из которого выше приведен только отрывок, Нобунага направил именно Мори. Они представляли собой один из самых сильных союзов на Хонсю и всячески оказывали знаки внимания Ёсиаки после его отъезда из Киото. Что более важно, если будущее Центральной и Восточной Японии действительно казалось столь же безоблачным, каким его изображал в своем письме Нобунага, то обе стороны не могли не понимать, что отношения между ними обострятся. Если Нобунага ничто не угрожало на восточном фронте, он мог спокойно двигаться в западном направлении, где в конце концов обязательно дошел бы до земель Мори. Однако на тот момент Нобунага был определенно не готов к такой конфронтации и поэтому стремился поддерживать дружеские отношения с Мори как можно дольше. (Что ему удавалось делать вплоть до начала 1576 года.)

Так или иначе, но к августу 1573 года конфликт Ёсиаки и Нобунага казался непримиримым. По просьбе Нобунага императорский двор изменил девиз правления с Гэнки на Тэнсё уже через 10 дней после того, как Ёсиаки сошел с японской политической сцены. Ра-

зумеется, смена девиза правления символизировала окончание эры Ёсиаки (Гэнки) и начало эры Нобунага (Тэнсё). Однако до конца года была предпринята еще одна попытка помирить Нобунага и Ёсиаки. Она представляет собой весьма интересный эпизод, поскольку иллюстрирует состояние отношений Нобунага и Ёсиаки в самом конце 1573 года.

Сразу же после выдворения из Киото Ёсиаки начал взывать о помощи к Мори, самому сильному клану на западе острова Хонсю. Его обращения поставили Мори в затруднительное положение. С одной стороны, они не хотели полностью отворачиваться от сёгуна. (Не один раз они оказывали помощь его погибшему предшественнику и брату Ёситэру.) С другой, они стремились на как можно более длительный срок отложить конфронтацию с Нобунага. Из этой весьма щекотливой ситуации они нашли следующий выход: они отправили в центральные провинции своего лучшего дипломата, монаха Анкокудзи Экэй (ум. 1600), дав ему указания действовать в качестве посредника между Нобунага и Ёсиаки. 29 ноября 1573 года в Сакай представитель Нобунага Хидзёси встретился с Ёсиаки и Экэй, чтобы обсудить возможность возвращения сёгуна в столицу²⁰⁶. Еще до этой встречи Хидзёси направил Мори Тэрумото письменное подтверждение, в котором выражалось согласие Нобунага на окончательное возвращение сёгуна в Киото²⁰⁷. Однако переговоры в Сакай вскоре зашли в тупик, поскольку Ёсиаки отказался снять свое требование об отправке ему заложников Нобунага. Хидзёси не имел полномочий на подобные уступки, его господин мог принять только возвращение без всяких условий, поэтому Хидзёси был вынужден прервать переговоры²⁰⁸.

Этот эпилог произошедшей драмы лишний раз подтверждает, что высылка Ёсиаки из Киото не была ни логичным, ни необходимым следствием политики Нобунага после направления им своего «Протеста». Готовность Нобунага к поиску компромисса с Ёсиаки, как в начале, так и в конце 1573 года, свидетельствует о том, что идею о разрыве между гегемоном и сёгуном вынашивал именно последний, а не первый. Не иначе, как иронией судьбы можно назвать то, что в конце концов от этого разрыва выиграл Нобунага, а не Ёсиаки, но из этого отнюдь не следует, что Нобунага стремился к конфронтации с сёгуном, начиная с осени 1572 года.

Ко времени Ёсиаки власть сёгуната уже ограничивалась только Киото и его окрестностями. Назначив Мурай Садакацу губернатором Киото сразу же после высылки Ёсиаки, Нобунага фактически узурпировал полицейские функции сёгуната. «Синтё-ко ки»

характеризует следующим образом это назначение: «Нобунага назначил Мурай Нагато но Ками губернатором Киото, он остался в столице и следил за государственными делами»²⁰⁹. Многие чиновники бывшего военного правительства продолжали выполнять свои прежние функции и при новом властителе. Как уже отмечалось выше, четыре командира гарнизона замка Нидзё — Хино Тэрусукэ, Такакура Нагасукэ, Исэ Садаоки и Мицубути Фудзихидэ — перешли на сторону Нобунага. Тэрусукэ и Нагасукэ служили под началом Нобунага с 1573 года, а Садаоки начал служить у Акэти Мицухидэ в 1575-м, в 1582 году он погиб в битве при Ямадзаки. И только переход Фудзихидэ оказался не более чем уловкой, поскольку в следующем, 1574, году он был убит по приказу Нобунага. Садаоцу единолично правил Киото только до начала 1575 года. После чего ему в значительной степени помогал Акэти Мицухидэ, переманивший на свою сторону немало бывших чиновников сёгуната среднего ранга, которые стали его вассалами. Эти чиновники должны были знать Мицухидэ, ведь в период между 1568 и 1573 годами он не раз действовал в качестве связного между Нобунага и Ёсиаки²¹⁰.

Замечание Окуно о том, что с безоговорочной сдачей Ёсиаки «военное правительство Муромати перестало существовать и *de jure*, и *de facto*», представляется, все-таки, преувеличением²¹¹. Многие бывшие высокопоставленные чиновники сёгуната были среди участников масштабного парада, устроенного Нобунага в Киото в марте 1581 года. Их присутствие весьма показательно, поскольку Нобунага устроил этот парад в честь своего несокрушимого режима, достигшего к тому времени всегосударственного размаха. Поэтому представляется гораздо более логичным видеть в Нобунага наследника Ёсиаки, под властью которого находились огромная армия и административный аппарат сёгуната. То, что сам Нобунага именно таким образом понимал свою роль, подтверждается его интерпретацией высылки Ёсиаки из столицы. Ёсиаки, по словам Нобунага, «изменил государству»²¹². Очевидно, Нобунага имел в виду, что сам он этого не делал, и потому взял на себя функции Ёсиаки.

Став к концу 1573 года крупнейшим военным лидером страны, Нобунага стремился обратить свою военную власть в политическую везде, где это только было возможно. Наиболее логичным выбором являлся императорский двор. Неудивительно поэтому, что после 1573 года мы наблюдаем очевидную интенсификацию отношений Нобунага с двором.

/

ГЛАВА ПЯТАЯ
ГОДЫ УСПЕХА
1574–1575

Монах-дипломат Анкокудзи Экэй записал в двенадцатом месяце первого года Тэнсё, наверное, наиболее беспокойного и сложного в жизни Нобунага года, следующее предсказание: «Эра Нобунага продлится еще от трех до пяти лет. Я предвижу, что где-нибудь в следующем году [2-й год правления под девизом Тэнсё, 1574] он станет придворным аристократом, но затем, как мне представляется, наступит крах»²¹³. Экэй, который только что провел переговоры между Хидэёси и Ёсиаки, должен был быть хорошо информирован о последних изменениях в политике. Другие источники также подтверждают, что сразу после того, как Ёсиаки исчез с политической сцены, Нобунага начинает более пристально заниматься делами двора. Смена девиза правления произошла по просьбе Нобунага в августе 1573 года. А под 31 декабря 1573 года в дневнике одного из аристократов «Такатика-ко ки» имеется следующая запись: «Ода Дандзё но Дзё [Нобунага] неоднократно предлагал организовать церемонию отречения для его величества». Дальнейшие консультации на этот счет между Нобунага и представителями императора (среди которых был и автор дневника «Такатика-ко ки» Накаяма Такатика), имели место в тот же день. Очевидно, Нобунага «с благодарностью» принял известия о реакции императора на эту инициативу. Однако он решил «устроить [все] в начале следующей весны, поскольку этот год уже заканчивается»²¹⁴.

Нам неизвестно, почему отречение императора Огимати так и не произошло будущей весной, да и вообще вплоть до времени Хидэёси. Однако предложение Нобунага, видимо, задало тон всей его последующей политической карьере, в которой контакты с императорским двором учащались год от года и приобретали все более символическое значение с каждой новой фазой войны за объединение страны. Еще в 1570 году Нобунага предупреждал Ёсиаки

«никогда не пренебрегать делами императорского двора». Нобунага дал это указание, поскольку «в государстве царил мир». В 1572 году Нобунага напомнил Ёсиаки о судьбе его предшественника Ёситэру, заявив, что «господин Когэнъин [сёгун Ёситэру] пренебрегал делами императорского двора и, как следствие, плохо кончил». В том же году Ёсиаки не предоставил двору необходимых средств на покрытие расходов на изменение девиза правления. Впоследствии Нобунага подверг сёгуна критике: «Поскольку это дело касается благосостояния государства, думаю, вы не можете пренебрегать вашими обязанностями».

Приведенные выше отрывки из писем Нобунага показывают, что он, безусловно, признавал важность императорского двора как легитимного и символического источника власти и что его заботило правильное и своевременное выполнение должных ритуалов при дворе. С удалением Ёсиаки из столицы Нобунага стал гегемоном государственного масштаба и в этом качестве волей-неволей был вынужден поддерживать отношения с императорским двором так, как он требовал от своего предшественника. В этом контексте факт участия и, порой, вмешательства в дела двора нельзя интерпретировать как желание продемонстрировать свою власть императору и придворной аристократии или заменить авторитет двора своим собственным. Скорее, для того, чтобы преуспеть в качестве гегемона государственного масштаба, Нобунага был вынужден стремиться представить дело в глазах общественного мнения таким образом, что его военные кампании совершаются с одобрения императора, и что именно благодаря ему двор процветает. Нобунага должен был понимать, что гегемон, который способен гарантировать безопасность двору, будет иметь и положение, и власть, а потому сможет утвердить мир в государстве.

УСМИРЕНИЕ НАГАСИМА

1574 год оказался посвященным в первую очередь военным делам, поскольку Нобунага практически все внимание уделял одному-единственному врагу — хорошо организованной и вооруженной организации Истинной Школы Чистой земли (известной также как *Икко*). Целью Нобунага была ставка противника — крепость Исияма Хонгандзи в Одзака, а также его сторонники в провинциях, составившие союз, известный как «Икко *икки*». Уделить все внимание Икко было вполне логично, так как клану Такэда, глав-

ному врагу Нобунага, требовалось время, чтобы сплотиться вокруг нового лидера Такэда Кацуёри. До поры до времени Такэда представляли только символическую угрозу восточному флангу Нобунага.

22 апреля наставник Икко Кэннэ Коса мобилизовал войска в цитадели Исияма, тем самым положив конец перемирию, заключенному им с Нобунага в конце предыдущего года. В ответ Нобунага организовал военную экспедицию, правда, не слишком масштабную, в область Одзака. Вскоре она вернулась, проведя несколько стычек с противником и уничтожив урожай в окрестностях Исияма. Однако главный удар по Кэннэ и его сторонникам Нобунага нанес во второй половине 1574 года, осадив в конце лета укрепленную базу Нагасима в провинции Исэ (Нагасима-тё, район Кувана, префектура Миэ). Местность вокруг Нагасима была труднопроходимой, многочисленные реки, бравшие начало в провинции Мино, сливались там, образуя огромную дельту, и впадали в залив Исэ. По всей дельте были разбросаны замки, укрепленные храмы и крепости сторонников Икко. Нобунага безуспешно пытался выбить их из этой «водяной крепости» в 1571 и 1573 годах. Понимая, что не имеет права на еще одно поражение, на этот раз Нобунага собрал свои лучшие силы. Осада завершилась через два с половиной месяца, когда войска Нобунага сумели блокировать две последние цитадели противника, Накаэ и Янагасима, и сожгли их. Если бы при этом присутствовал португальский миссионер, он, наверное, описал бы сожжение сторонников Икко как массовое аутодафе. Всего около 20 000 мужчин, женщин и детей оказались в западне. Таким образом, численность погибших в результате осады достигла примерно 40 000 человек, так как еще около 20 000 умерли от голода²¹⁵.

Как мы должны охарактеризовать это побоище? Вот что пишет о сторонниках Хонгандзи, противостоявших Нобунага в провинции Оми в 1570 году, первый биограф Нобунага Ота Гюити, взгляды которого можно назвать «типичными для самурая»: «Сторонники Хонгандзи в Оми подняли мятеж и попытались отрезать путь в Овари и Мино, но они были крестьянами и подобными им, а потому это не имеет значения»²¹⁶. Ота Гюити и подобные ему полагали, что цитадели сторонников Икко в Нагасима словно магнит притягивали разного рода «дезертиров и мятежников из близлежащих провинций». А сами приверженцы учения, говорит Гюити, «не относились серьезно к учению Хонгандзи о практике *нэнбуцу* и погрязли

в невежестве. Они проводили дни в праздном пении и танцах, а все внимание уделяли таким земным вещам, как строительство многочисленных военных постов. Они с презрением относились к интересам землевладельцев и не повиновались его светлости». Кроме того, они являлись «хорошим убежищем» для тех, «кто был изгнан со службы Нобунага в Овари»²¹⁷. Отметим, что Гюити был сам родом из провинции Овари и, безусловно, имел возможность лично оценить результаты их деятельности.

В ходе трехмесячной кампании в Исэ в 1574 году Нобунага написал ряд писем, в которых нашла отражение его решимость раз и навсегда покончить с последователями Икко. Эти письма адресованы как некоторым его старым военачальникам, служившим ему еще со времен Овари, так и разным сановникам области Кинай, вставшим на его сторону позднее. Можно предположить, что со своими старыми товарищами Нобунага говорил достаточно откровенно. На основании этих писем можно сделать вывод, что Нобунага был изначально настроен не щадить в Исэ никого. Так, 9 августа 1574 года, через 10 дней после начала кампании, он сообщает: «Последователи Икко молят о пощаде, но так как я намерен навсегда покончить с ними, я не собираюсь прощать им их преступления»²¹⁸. В другом письме, датированном этим же днем, Нобунага отмечает, что поход начался удачно: Нагасима, главная цитадель противника, окружена его войсками «и вскоре обязательно падет»²¹⁹. В Нагасима укрылось большое количество пехотинцев (*дзонинбара*), что создало «невообразимую панику. Мне сообщили, что много мужчин и женщин в замке уже умерли от голода»²²⁰. Уже к 21 августа Нобунага знал, что положение осажденных стало безнадежным: «Они практически лишены запасов. В любом случае замок неизбежно падет». Однако цитадель Нагасима сумела продержаться дольше, чем предполагал Нобунага, и пала только 13 октября. Очевидно, Нобунага не считал исход кампании достаточно достойным для того, чтобы быть запечатленным на бумаге. Верный своему слову, данному ранее, он отдал приказ «убивать как мужчин, так и женщин»²²¹. Отметим, что сообщения о масштабных истреблениях людей часто встречаются и в отчетах о кампаниях против других противников.

Асао Наохиро выдвинул предположение, что именно фанатизм защитников Хонгандзи побудил Нобунага предпринять ряд мер, чтобы подвести под свой режим также и религиозное основание и сформировать вокруг своей персоны своеобразный «культ лично-

сти»²²². Однако, на наш взгляд, подобная интерпретация необоснованна. Во-первых, Нобунага с презрением относился к крестьянам. В одном из своих писем он характеризует их как не имеющую воли, беспринципную массу, «которая всегда смотрит, в чью сторону дует ветер»²²³. Еще более резко высказывался Нобунага о последователях Икко, среди которых были преимущественно крестьяне, мелкие землевладельцы и дезертиры. Они, писал он в 1575 году, были «проклятием для народа, и если бы я не подавил их, этому никогда не было бы конца. Вот почему я уничтожил их». И что наиболее показательно, Нобунага буквально теми же словами, что и Гюити, говорит о сторонниках Икко: *моно но кадзу ни арадзу*, «не имеет значения»²²⁴. Нобунага считал, что, ведя свой образ жизни, последователи Икко подрывают самые основы системы вассалитета. Он отвергал форму их социальной организации, поскольку она не основывалась на отношениях верности между господином и вассалом, а наоборот, давала крестьянам возможность вырваться из системы, при которой власть находилась в руках воинов. Главной причиной ненависти Нобунага по отношению к сторонникам Икко была невозможность включения их в выстраиваемую им систему вассалитета. Именно эта «системная несовместимость» и привела к истреблению десятков тысяч людей.

Обычно при захвате земель и провинций других даймё Нобунага придерживался следующей тактики: менять только самую верхушку властной иерархии, то есть самого даймё и его семью. Все остальные — вассалы даймё, местные землевладельцы, храмы, владеющие землями, и пр., сохраняли свою собственность и включались во властную структуру Ода при условии подчинения Нобунага. Обычно Нобунага не менял ни провинциальных законов, ни налогов, хотя довольно часто отменял всевозможные местные пошлины. Совершенно другой выглядит ситуация с последователями Истинной Школы Чистой земли: и в 1574 году в Исэ, и в 1575 году в Этидзэн Нобунага не успокоился до тех пор, пока практически все они не были окружены и убиты. В ходе этих кампаний он стремился вырубить под корень не только лидеров противника, но и самих солдат, что породило необычайную жестокость: более 40 000 мужчин и женщин погибли в 1574 году в Исэ. На следующий год в провинции Этидзэн по приказу Нобунага были истреблены еще 30 000–40 000 человек, и еще неизвестное количество было взято в плен.

Нобунага никогда не считал Хонгандзи и его сторонников в провинциях серьезным военным противником. Он относился

к ним как к дилетантам, недостойным сражаться с профессиональной армией. При этом Нобунага прекрасно видел, в чем различие между его собственной системой вассалитета и организационной структурой, во главе которой стоял Кэннэ Коса. Если сам он возглавлял военный режим, скрепленный феодальными узами, то Кэннэ вел за собой вооруженных крестьян и воинов, вдохновляемых и связываемых воедино общим религиозным чувством. И поскольку сторонников Истинной Школы Чистой земли не было никакой возможности включить в феодальную иерархию Нобунага, их следовало уничтожить перед тем, как утвердить власть над деревенскими общинами Центральной Японии. Не случайно сам Нобунага однажды произнес: «либо мое время пришло, либо наставника» из Одзака²²⁵.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Как уже говорилось, в 1574 году Нобунага уничтожил сторонников Икко в Нагасима, провинция Исэ. Однако для нас также важно посмотреть, что происходило в этом же году на политической сцене Киото. Нобунага провел в столице лишь небольшой промежуток времени: прибыв туда в начале апреля, он вернулся в Гифу практически два месяца спустя. За это время произошли, или, точнее, по всей видимости, произошли, два события с участием императорского двора и Нобунага.

Обычно принято считать, что Нобунага впервые вошел в круг придворной знати (*кугё*) 9 апреля 1574 года (18-й день третьего месяца второго года правления под девизом Тэнсё), когда он был возведен в младший третий ранг (*дзю санми*) и назначен императорским советником (*санги*). Однако Хасимото Масанобу приводит веские доказательства, что данное назначение на самом деле произошло не в 1574 году и что возведение в *кугё бунин* случилось лишь в 1575 году. Хасимото полагает, что впервые Нобунага получил ранг *кугё* в 1575 году, когда 6 декабря (4-й день одиннадцатого месяца третьего года правления под девизом Тэнсё) его назначили Временным главным советником (*гондайнагон*), а через три дня — командующим правой стражи внутреннего дворца (*удайсё*). Подобные назначения назывались *дзикинин*, что означает, что Нобунага благополучно перескочил через ряд промежуточных должностей и получил сразу высокий пост. Хасимото выдвигает предположение, что императорский двор специально записал возведение Нобу-

нага в *санги* задним числом, чтобы создать видимость постепенности назначений²²⁶.

В качестве подтверждения своей версии Хасимото ссылается, среди прочего, на ряд писем, которые Нобунага уже в октябре 1575 года по-прежнему подписывал «Дандзё но дзё». Он начал подписываться этим низким придворным титулом еще в начале своей карьеры в 1568 году. Если бы Нобунага действительно был возведен в *санги* в 1574 году, у него не было бы причин подписываться прежним титулом год с лишним спустя. Кроме того, Хасимото указывает, что в дневниках, таких как «Канэми-кё ки», не упоминается факт назначения Нобунага в 1574 году, а кроме того, его самого не именуют этим титулом, а называют либо «Нобунага», либо «Дандзё но дзё». Отметим, что обычно авторы дневников были чрезвычайно внимательны к подобным вещам, и после декабря 1575 года в том же «Канэми-кё ки» Нобунага практически неизменно именуется в соответствии с новым титулом. Все это заставляет предположить, что Нобунага назначили на пост *санги* задним числом и что впервые он получил ранг *кугё* не в 1574, а в 1575 году.

Хасимото сделал важное открытие, ведь это означает, что возведение Нобунага в 1574 году не имело никакой связи с усмирением Кинай годом ранее. никоим образом назначение на пост *санги* не может быть связано и с другим примечательным событием, произошедшим в том же году: получением Нобунага благоухающего дерева Рандзятай, знаменитого императорского сокровища, хранившегося у монахов Тодайдзи в Сёсоин, императорском хранилище в Нара. Это также следует отметить, поскольку если предположить наличие такой связи, что делают Фудзики и Элисон, то требование и получение Нобунага благоухающего дерева следует расценивать как «яркую демонстрацию той власти, которую он имел над императором». Печати на воротах Сёсоин могли взламываться только для императора либо во время посещения сёгуном святилища Касуга. «Если принять во внимание данную традицию, — говорят Фудзики и Элисон, — становится ясно, что, когда Нобунага приказал сломать печати и отрезать ему кусок *Рандзятай*, он, по сути, вынудил императора признать его право на привилегии, равные сёгунским»²²⁷. Однако все это не слишком убедительно, что будет показано в дальнейшем. Источники того времени отмечают, что поступок Нобунага привлек всеобщее внимание. В «Синтё-ко ки» говорится, какое впечатление произвел он на окружение Нобунага²²⁸.

[17-го числа третьего месяца] Нобунага впервые остановился в Сёкокудзи. Он донес до Его величества сведения, что он хотел бы получить [кусок] Рандзятai из Тодайдзи в Южной столице.

После чего императорские посланники господин Хино Тэрусукэ и господин Асукай Дайнагон, с великодушного одобрения Его величества, в 26-й день третьего месяца провозгласили императорский декрет и немедленно доставили его в Нара. Нобунага принял это к сведению и на следующий день, 27-го числа третьего месяца, направился к [замку] Тамон в Нара.

Вместе с Нобунага следовали: Бан Куродзаэмон [Наомаса], Суганоя Куэмон [Нагаёри], Сакума Уэмон [Нобумори], Сибата Сюри [Кацуиэ], Нива Городзаэмон [Нагахидэ], Хатия Хёго но Ками [Ёритака], Араки Сэцу но Ками [Мурасигэ], [Такэи] Сэкиан, [Мацуи] Юкан.

Его главным слугой был Цуда Бо [Ода Нобудзуми].

Императорская сокровищница была открыта в час дракона²²⁹, в двадцать восьмой день третьего месяца. Драгоценное дерево хранилось в прямоугольном сундуке размером в шесть сяку²³⁰. Его немедленно доставили в Тамон, где он был представлен взору Нобунага на возвышении в Зале посещений сёгуна. В соответствии с ритуалом, Нобунага отрезал один сун восемь бу²³¹ для себя и своей конной гвардии, поскольку он приказал им получить [по кусочку] в качестве доказательства для последующих поколений. С одной стороны, [это свидетельствует о] доблести его светлости, а с другой — о его сострадании. Невозможно описать, с какой благодарностью хранили его люди дома сёгуна, которые желали [того же] с тех пор, как господин Хигасияма [сёгун Асикага Ёсимаса] получил это, но тщетно, ведь это не обычная вещь. Нобунага получил этот шедевр, прославленный в Трёх государствах, с благословением Будды. Что может сравниться в нашей империи со славой и почестями Нобунага!

Учитывая симпатии Гюити по отношению к Нобунага, вполне естественно, что он подчеркивает тот факт, что Нобунага получил то, что в последний раз удалось взять сёгуну Асикага в 1465 году. Кроме того, Гюити специально упоминает о том, что Нобунага разделил дары со своими вассалами, чтобы они могли рассказать об этом своим потомкам. Исходя из вышеприведенного описания, можно предположить, что Нобунага сознательно стремился показать не только императору, но и своим вассалам и всему народу, что он является новым военным гегемоном в стране, наследником

клана Асикага, которому удалось стать еще сильнее бывшего сёгуната. Разумеется, императору ничего не оставалось делать, как дать свое согласие, но не следует забывать, что Нобунага, обращаясь к нему с просьбой, строго следовал установленному ритуалу. Принимая также во внимание, что и при вскрытии печатей Нобунага придерживался правил, следует заключить, что едва ли этот его поступок был хоть в какой-то степени направлен на запугивание кого-либо.

К счастью, у нас есть возможность познакомиться с версией произошедших событий, представленной человеком совершенно иного, нежели Гюити, круга. Ее дают нам «Тэнсё нинэн сэкко ки» («Записи об отрезании дерева во втором году Тэнсё»), написанные монахом по имени Дзёдзицу, который в 1574 году занимал административную должность в Тодайдзи («*нэнгё*», или «назначенный на год»). Дзёдзицу сделал соответствующие записи на следующий день после того, как Нобунага получил *Рандзятай*, и в целом ход событий в его описании соответствует версии Гюити. Кроме того, мы имеем возможность познакомиться с некоторыми новыми деталями, а также узнать о том, какова была реакция монахов Тодайдзи на просьбу Нобунага. «Тэнсё нинэн сэкко ки» лишней раз подтверждают предположение о том, что назначение Нобунага *санги* в 1574 году было оформлено задним числом, поскольку везде в этом источнике титул Нобунага звучит как «Додзё но дзё».

Описание начинается с того момента, как 14 апреля монахов Тодайдзи изрядно удивили два посланца Нобунага, Бан Наомаса и Цуцуи Дзюнкэй, которые заявили, что их господин желает получить кусок благоухающего дерева *Рандзятай* и что если монахи согласятся, то в ответ они могут ожидать возвращения многих из ранее принадлежавших храму земельных владений. Цуцуи также передал монахам, что времени на размышления у них только до вечера, так как на следующее утро посланцы должны были вернуться в Киото для доклада Нобунага. Заявленные требования привели монахов в изумление: они немедленно собрали «совет старших и младших», но никак не могли решить, что ответить, несмотря на неоднократные призывы представителей Нобунага. Монахи оказались в безвыходном положении: согласно традиции, ворота Сёсоин могли открываться только тогда, когда сёгун посещал святилище Касуга. Однако этого не случалось со времен визита сёгуна Ёсима-са (в 1465 году), поэтому монахи «были абсолютно не готовы». Если бы монахи нарушили древний обычай, благоухающее дерево,

безусловно, утратило бы свою ауру исключительности, однако в случае отказа на просьбу Нобунага они могли навлечь на себя его гнев. В конце концов, они остановились на компромиссном варианте, ответив следующее: так как Нобунага восстановил императорский дворец и выделил на него средства, он может увидеть дерево, однако необходимо тщательно следовать установленной церемонии. Фактически это означало, что взломать печати Сёсоин (и затем заново поставить их) должен был посланник императора. Согласно Дзёдзицу, таким посланником был Хино Тэрусукэ, и хотя при этом присутствовали представители Нобунага, сам он получил *Рандзятai* в замке Тамон. Если бы Нобунага действовал слишком открыто, это могло вызвать «ненужные пересуды»²³².

«Тэнсё нинэн сэкко ки» показывает нам, что в отношениях с императорским двором и иными освященными временем институтами, подобными Тодайдзи, Нобунага нередко прибегал к тактике внезапности. Начал он с того, что, попросив *Рандзятai*, столкнул императорский двор и Тодайдзи. Ведь, по сути, это было требование о церемониальном признании его прав в качестве преемника сёгуната Асикага. Получив согласие обеих сторон, Нобунага согласился с тем, чтобы все прошло в строгом соответствии с принятым ритуалом. Сделать все в соответствии с обычаем было на руку Нобунага, ведь это в куда большей степени возвысило его в глазах окружающих, чем если бы он начал «своевольничать», по выражению Дзёдзицу. Одновременно, слегка нарушив правила, он продемонстрировал всем и свое могущество.

Получив *Рандзятai*, Нобунага обратился с просьбой о получении еще одного благоухающего дерева *Кодзин*, которое хранилось в «северной кладовой» Сёсоин. Впоследствии он, правда, отозвал свою просьбу на том основании, что прежде имелся прецедент получения сёгуном только *Рандзятai*, хранившегося в «центральной кладовой». Затем Нобунага лично посетил обе кладовые, осмотрел их изнутри и отправился в Большой Зал Будды в Тодайдзи. А по пути туда Нобунага, снова поразив всех, отправил Сакума Нобумори обратно в Сёсоин с последним требованием: «Так как дерево *Кодзин* также является сокровищем государства, оно должно храниться не в боковой кладовой, а в центральной вместе с *Рандзятai*». Это последнее заявление кажется обыкновенным капризом, и рассматривать его нужно только как «пробный шар» со стороны Нобунага в отношении того, насколько далеко он может зайти. Как ни странно, но монахи и императорский посланник согласились

с Нобунага, и названия обоих деревьев были написаны на разных сундуках, «так как впоследствии отличить их друг от друга было бы очень трудно». Неудивительно поэтому, что, после того как все благополучно закончилось, Дзэджицу написал, что «из-за всех бед и беспокойств, [пережитых мной] в качестве одного из *нэнгё*, я чувствую себя так, словно за одну ночь превратился в дряхлого старика»²³³.

Просьба Нобунага и получение им *Рандзятэй* не было ни прихотью, ни показной силой, проявленной в отношении императорского двора. «Тэнсё нинэн сэкко ки» показывают, что «случай с *Рандзятэй*» представлял гораздо большую угрозу Тодайдзи, нежели императорскому двору. Как в «Синтё-ко ки», так и в «Тэнсё нинэн сэкко ки» подчеркивается необычность просьбы Нобунага. Оба источника подтверждают, что после падения военного правительства Нобунага прилагал все силы к тому, чтобы быть признанным в качестве фактического преемника сёгунов Асикага, не занимая, однако, формально этой должности. Безусловно, Нобунага достиг положения, сравнимого со статусом сёгунов, намного раньше 1582 года. Эпизод с *Рандзятэй* позволяет заключить, что уже в 1574 году он обладал властью, ничуть не меньшей, чем та, что имели бывшие военные правители страны, и даже если кому-то этот вывод покажется преждевременным, то его военные и политические успехи в следующем, 1575 году уже точно поставили его в один ряд с сёгунами Асикага.

НОВЫЕ ПОБЕДЫ

Третий год правления под девизом Тэнсё (1575) в полной мере иллюстрирует тесную взаимосвязь военной и политической стратегии, которые Нобунага использовал в ходе восхождения на вершину власти. Подробнее о деятельности Нобунага в 1575 году, о сражениях в провинциях и о делах в Киото, мы будем говорить ниже. Мы увидим, во-первых, что к концу 1575 года Нобунага олицетворял уже ведущую военную и политическую силу в Японии, и, во-вторых, что в течение этого года императорский двор неоднократно выражал признание его в этом качестве.

В 1575 году основными объектами военных кампаний Нобунага были: Такэда Кацуёри на востоке, Хонгандзи в области Одзака и *икки* в провинции Этидзэн. Первая кампания в этом году началась 15 мая, когда Нобунага отбыл из Киото в 15-дневный поход

против Исияма Хонгандзи и их местных союзников²³⁴. Ее незначительный масштаб позволяет предположить, что она имела целью лишь предотвратить нападение из Одзака, после чего Нобунага в течение всего года мог спокойно вести борьбу с главными врагами: кланом Такэда из Каи и *икки* из провинции Этидзэн.

13 апреля, перед выступлением на Одзака, Нобунага прибыл в столицу, пройдя дорогой через Оми, восстановленную по его приказу. Сразу же по прибытии Нобунага был вынужден заниматься делами двора и знати. «Канэми-кё ки» сообщает, что 14-го числа в покоях Нобунага в Дзисёин, храмовом сооружении Сёкокудзи, собралось «огромное множество придворных». Однако Мурай Садакацу, губернатор Киото и представитель Нобунага, заявил собравшимся, что сегодня Нобунага не принимает посетителей²³⁵. Нам неизвестно, стало ли это известие разочарованием для аристократии, но если да, то спустя десять дней Нобунага, безусловно, его смягчил, издав эдикт об отмене долговых обязательств (*токусэй-рэй*) для того, чтобы облегчить тяжелое финансовое положение знати. Это было весьма примечательное решение; любопытно, что им он защитил интересы той социальной группы, которая, по мнению некоторых историков, была абсолютно бесполезной для него. Очевидно, что Нобунага нуждался и в аристократии: они могли поспособствовать легитимации его положения.

Весной 1575 года Нобунага активно занимался вопросами двора. 30 апреля на территории храма Сёкокудзи по предложению Нобунага состоялась игра в мяч (*кэмари*) с участием знатных особ. Эта игра являлась распространенным времяпрепровождением аристократии с конца эпохи Хэйан, и весьма удивительно, что Нобунага, страстный охотник и болельщик сумо, проявил интерес к этой статичной и очень церемониальной игре. Однако занятия Нобунага «изысканными вещами» не следует рассматривать как чистую любовь к искусству. Чайная церемония или игра в мяч предоставляли отличную возможность для установления и укрепления связей в политических кругах, а также знакомства с людьми родом не из воинского сословия, как, например, с купцами в ходе чайной церемонии или аристократами во время игры в мяч. Эти занятия имели, скорее, социальную направленность. Вполне допустимым представляется установить взаимосвязь между спонсорством Нобунага, указом об отмене долгов и желанием аристократов сыграть в мяч по просьбе военного лидера.

Для нового правителя, подобного Нобунага, чрезвычайно важно было создать и поддерживать в окружающих впечатление о величественности и таинственности собственной персоны, и ничто не способствовало этому в такой степени, как встречи с аристократией. На них Нобунага и просто знакомился с разными представителями двора. В то время один из участвовавших в игре в мяч игроков, Асукай Масанори (1520–1594), служил специальным посланником наследного принца Санэхито при Нобунага. В период Муромати семья Асукай вообще славилась своими «мастерами мяча» благодаря поддержке ряда императоров и сёгунов Асикага. Вместо теперь уже бывших сёгунов покровительство Асукай стал оказывать и Нобунага, который однажды даже назвал самого себя «учеником Масанори по игре в мяч»²³⁶. Сложные и запутанные отношения клана Ода и императорского двора достигли кульминации 8 мая 1575 года, через восемь дней после игры в мяч и непосредственно перед выступлением Нобунага на Одзака. В этот день Нобунага выдал одну из своих приемных дочерей замуж за аристократа Нидзё Акидзанэ (1556–1619) — выбор был сделан весьма многообещающий, поскольку Акидзанэ оказался последним аристократом, занявшим пост канцлера, после чего обязанности канцлера принял Тоётоми Хидэёси²³⁷.

«Синтё-ко ки» сообщает, что Нобунага «решал разные государственные дела» не только до, но и после военной экспедиции в Одзака, однако, несмотря на всю важность подобного заявления, никаких дальнейших разъяснений источник не даёт²³⁸. В дневнике «Оюдоно но Уэ но никки», запечатлевшем повседневную жизнь двора, отмечается, что 30 мая, в день возвращения Нобунага из Одзака, к нему были отправлены с поздравлениями представительные делегации двора²³⁹:

Нобунага вернулся из Нижней области [область Одзака]. Меч, посланный ему Его величеством, называется Уридзанэ. Кадзюдзи Дайнагон [Харумиги] говорит, что он стоит тысячу монет. Меч доставили посланцы императора Кадзюдзи Дайнагон и Канродзи Тюнагон [Цунэмото]. Наследный принц отправил Асукай Дайнагон [Масанори] с чернильным камнем и дощечкой для письма, изготовленными специально для Нобунага. Нобунага поблагодарил всех.

Очевидно, что подарки были преподнесены в ознаменование благополучного возвращения Нобунага из похода в Одзака. Можно также сделать вывод, что императорский двор всеми силами

стремился показать, что он признает Нобунага в качестве своего сторонника и защитника. На следующий день Нобунага вновь встречался с придворной аристократией. Факт проведения этих встреч заставляет нас предположить, что Нобунага решал государственные дела не столь авторитарно, как утверждают некоторые современные исследователи, и что он в целом заботился о соблюдении принятых правил.

Нобунага вернулся из столицы в Гифу 6 июня 1575 года, чтобы сразиться с Такэда Кацуёри из Каи. Спустя короткое время, 29 июня, Нобунага победит его в знаменитой битве при Нагасино, самом известном из всех сражений, в которых он участвовал. Годом ранее Нобунага дважды не успел отреагировать на наступление Кацуёри: в результате замок Акэти на востоке провинции Мино и замок Такатэндзин в провинции Тотоми перешли в руки последнего. В первые месяцы 1575 года Кацуёри неоднократно совершал набеги на Микава, родную провинцию союзника Нобунага Токугава Иэясу. 19 июня около замка Нагасино Такэда Кацуёри собрал около 15 000 воинов. Замок этот (располагавшийся на территории нынешней Хорай-тё, префектура Айти) занимал стратегическое положение на границе между провинциями Микава и Тотоми. Кацуёри уступил его Иэясу в 1574 году и всеми силами стремился вернуть его себе, чтобы создать базу для дальнейшего продвижения в глубь провинции Микава. Нобунага немедленно отреагировал на провокацию Кацуёри и лично выступил на помощь гарнизону Нагасино в сопровождении своего наследника Нобутада. У Нагасино Нобунага соединился с силами Иэясу, общая численность их войск достигала 30 000 человек. Сражение началось через десять дней после начала осады Нагасино армией Кацуёри. Пять раз конница Такэда атаковала трехкилометровую деревянную преграду, возведенную Нобунага вдоль всего фронта, и пять раз стрелки и лучники Нобунага, укрывшись за стеной, расстреливали нападавших воинов Такэда в упор²⁴⁰.

Согласно общепринятой версии, Нобунага при Нагасино использовал следующую стратегию: «Он расположил 3000 стрелков в три ряда и научил их стрелять залпами, тем самым создавая сплошной шквал огня»²⁴¹. Действительно ли Нобунага использовал три ряда стрелков? Это на основании достоверных свидетельств определить невозможно. Цифра 3000 человек впервые появилась в «Синтёки» Одзэ Хоан, но в гораздо более достоверном и раннем «Синтё-ко ки» говорится только о 1000 стрелков. Кроме того, боль-

шая часть стрелков, задействованных при Нагасино, не входили в состав собственных войск Нобунага и временно использовались его военачальниками. Они присоединились к армии Нобунага всего за несколько дней до битвы, поэтому большой вопрос, действительно ли Нобунага сумел обучить их столь простому делу, как залповый огонь²⁴².

Кроме того, исход сражения при Нагасино предопределили не только аркебузы. Незадолго до начала битвы Нобунага сообщил переднему краю своих войск, что он передвинет их поближе к позициям противника, что, как он написал, «даст хорошую возможность разорвать [врага] на части»²⁴³. Цель таких перемещений вблизи лагеря Такэда очевидна: Нобунага хотел свести к минимуму расстояние между сторонами. Тем самым он сузил поле битвы до 2–3 километров, чего, определенно, знаменитой коннице Такэда было недостаточно для маневрирования. Так, она не могла обойти укрепления Нобунага с фланга, поскольку с севера пространство ограничивала горная гряда, а с юга — река. Кацуёри лишился своего главного оружия — стремительности, и оказался вынужден раз за разом биться о выстроенную Нобунага линию обороны, подставляя конницу под огонь аркебуз. В результате клан Такэда понес столь большие потери, что больше так никогда и не поднялся. Однако в оценке точного количества потерь сильно расходятся уже источники того времени. Через 5 дней после сражения Нобунага писал: «Мы уничтожили десятки тысяч людей, [но] еще не нашли голову Сиро [Кацуёри]. Поскольку нами убито подавляющее большинство воинов противника, и много трупов плавают в реке, его тело, наверное, среди них»²⁴⁴. В «Синтё-ко ки», тем не менее, численность потерь Такэда оценивается в 10 000 человек. Еще более скромные цифры приводит «Канэми-кё ки»: «По сообщениям, было убито несколько тысяч человек»²⁴⁵.

Весть о том, каким образом Нобунага одержал победу при Нагасино, была с энтузиазмом встречена в столице, что подтверждает политическую важность победы над Такэда. Кроме того, сам победитель ожидал, что одержанная победа «приведет к спокойствию в государстве»²⁴⁶. Минуло более месяца после сражения при Нагасино, прежде чем Нобунага возвратился из провинции в столицу. Он прибыл в Киото 3 августа и остановился, как и прежде в том же году, в Сёкоудзи. Его посетили посланники императора, весь цвет придворной аристократии и даймё из Кинай и других провинций, как, например, Бэссё из Харима. Можно с уверенностью

сказать, что все посетители стремились поздравить Нобунага с военным успехом. Императорский двор также не остался безучастным к подвигам Нобунага на востоке. Через пять дней после прибытия Нобунага в столицу наследный принц Санэхито (1552–1586) и более двадцати знатнейших придворных особ сыграли четыре игры в мяч в Сэйрёдэн, саду перед покоями императора. По этому случаю в качестве зрителей присутствовали Нобунага и воины его конной гвардии. Все участники игры были одеты в изысканные одежды в соответствии с «должными образцами». Так, облачение наследного принца состояло из высокого головного убора (*татээбоси*), двухцветного плаща (*носи*) и окаймленных панталон (*сасинуки*). Позднее он переоделся в охотничий костюм ярко-красного цвета (*собацудзуки*).

Характер государственного торжества по поводу победы при Нагасино придавало этому блистательному собранию, во-первых, присутствие самого Нобунага и некоторых его ближайших сподвижников. Во-вторых, после игры Нобунага предстал перед всеми на веранде Северных ворот жилых покоев императора, где придворная дама, служившая в Императорском прибежище, преподнесла ему чашку с сакэ от императора. В ответ вечером того же дня Нобунага посетил наследного принца в его покоях, чтобы выразить благодарность и преподнести дары. В тот же день, когда состоялись игры в мяч, император издал указ с предложением даровать Нобунага ранг и должность. Однако, после долгих размышлений, Нобунага решил отклонить предложение Его величества. Тем не менее, император поменял имена некоторых старших вассалов Нобунага, что «должно было доставить удовольствие Нобунага». Мацуи Юкан, представитель Сакай, получил имя Кунай-кё но Хоин; Такэи Сэкиан, первый секретарь Нобунага — Нии но Хоин; Акэти Дзюбёэ (Мицухидэ) — Корэто Хюга но Ками, а Нива Городзаэмон (Нагахидэ) — Корэдзуми. Хотя эти люди по-прежнему оставались на службе у Нобунага, теперь их полномочия получили императорскую санкцию²⁴⁷.

Императорский двор отметил победу при Нагасино торжествами и предложением Нобунага новых должностей, некоторые из которых Нобунага охотно принял. Обе стороны оказались вовлечены в своеобразную «гонку щедрости», когда каждый преподнесенный подарок требовал взаимности. Через десять дней после игры в мяч и изменения имен вассалов Нобунага, в свою очередь, преподнес императору рыбу и дичь. Она также предложил построить резиден-

ции для «регента, семей министров и других придворных к юго-востоку от императорского дворца»²⁴⁸. Вся эта бесконечная череда вручения и приема даров между Нобунага и двором слишком длительна и утомительна, чтобы описывать ее целиком. В Японии периода Сэнгоку, как и ныне, подарки имели главной целью установить и укрепить социальные связи. Большинство контактов между Нобунага и императорским двором представляли собой обычные визиты вежливости, сопровождавшиеся преподнесением подарков, а отнюдь не проявление конфронтации, как можно заключить из аргументов, приводимых Асао, Фудзика или Иматами.

После победы при Нагасино и торжеств по этому поводу Нобунага продолжил военную кампанию. 20 августа он снова покинул Киото и вернулся в Гифу для подготовки ко второй важнейшей операции 1575 года: усмирению *икки* в провинции Этидзэн. Эта провинция, расположенная на берегу Японского моря, имела важное стратегическое значение и перешла в руки Нобунага только в августе 1573 года. Однако в марте 1574 года *икки* сумели отобрать ее у Нобунага, убив при этом его *сюго дай*, Маэба Ёсицугу.

Если при Нагасино Нобунага одержал свою самую знаменитую победу, то усмирение в 1575 году Этидзэн, когда он в буквальном смысле очистил провинцию от *икки*, стало его самой печально известной кампанией. Она была блестяще организована и осуществлена, став настоящим блицкригом. В ходе кампании были проведены три скоординированные атаки. 19 сентября основные силы Нобунага в количестве 30 000 человек вошли в Этидзэн с юга. Одновременно на побережье провинции высадились Хасиба Хидэёси и Акэти Мицухидэ, прибывшие на нескольких сотнях кораблей. Наконец, третья атака в глубь Этидзэн была произведена (возможно, днем позже) из провинции Мино²⁴⁹. В результате провинция была завоевана за несколько дней. Еще более, чем быстрота, с которой действовали войска Нобунага, впечатляет количество потерь *икки*²⁵⁰:

В списках, составленных для Нобунага с 15-го по 19-й день восьмого месяца, записано было более 12 500 человек, захваченных разными отрядами. Нобунага приказал своим слугам казнить пленников, а воины Нобунага увели в свои земли бесчисленное количество мужчин и женщин. Количество казненных пленников составило от 30 000 до 40 000 человек.:

Нобунага с ликованием написал губернатору Киото: «Город Футю усыпан телами так, что места свободного не осталось, я хотел бы, чтобы вы увидели это. Сегодня я обыщу горы и долины и уничтожу [всех]»²⁵¹.

При этом императорский двор отнюдь не был шокирован количеством жертв. На этот раз Нобунага даже не понадобилось ехать в Киото за поздравлениями от императора — они сами достигли его. Его лагерь, расположенный в Кита но Сё в провинции Этидзэн (на территории нынешнего города Фукуи), посетил императорский посланник Кадзюдзи Харутоё (1544–1602). Как пишет в своем дневнике Ёсида Канэми, сопровождавший Кадзюдзи Харутоё, «все отправились посмотреть» усмиренную провинцию²⁵². Такое внимание со стороны императора Нобунага оценил по достоинству, он даже написал для представления ему благодарственное письмо, в котором выражал «чувство глубокой благодарности» и интересовался, хочет ли Его величество быть проинформированным о положении дел в провинции Этидзэн²⁵³. Здесь было что-то новое: вне зависимости от того, желал он этого или нет, Нобунага получил от посланника Его величества императорскую санкцию на смертоубийство в Этидзэн. Находясь в Кита но Сё, Нобунага, выбравший это место в качестве будущего военного и административного центра провинции, распределил земли между своими вассалами, причем наибольшая часть перешла к Сибата Кацуиэ. Нобунага также утвердил основные принципы управления для Кацуиэ и его сподвижников: «что касается владений домов Киото, они должны быть возвращены тем, кто владел ими до начала смуты». Восстановление прав собственности должны было удостоверяться официальными распоряжениями самого Нобунага, скрепленными его красными печатями. Все эти меры были направлены на скорейшее восстановление порядка в провинции²⁵⁴.

Военным и гражданским властителем вновь покоренной провинции Нобунага назначил Сибата Кацуиэ, который стал первым доверенным лицом Нобунага, положение которого в вассальной системе Нобунага претерпело значительные изменения. Он являлся сторонником Нобунага еще с 1550-х годов и сопровождал Нобунага в ходе почти всех его кампаний в Центральной Японии начала 1570-х. Однако, после того как Кацуиэ получил назначение в провинцию Этидзэн, он уже более никогда не находился рядом с Нобунага. Кацуиэ стал фактическим военным губернатором (*сюго*) провинции Этидзэн, главнокомандующим независимой армией. В под-

чиненные Кацуиэ Нобунага отрядил еще несколько ветеранов клана Ода, таких как Фува Мицухару, Сасса Наримаса и Маэда Тосиизэ. Рядовой состав армии Этидзэн составляли местные князья и воины, прежде служившие Асакура. Многие местные самураи «использовали связи, чтобы выразить свою покорность Нобунага», тем самым благополучно избежав боины, устроенной *икки*²⁵⁵.

Награждение верного сторонника, каким был Сибата Кацуиэ, постом губернатора такой большой и стратегически важной провинции, как Этидзэн, стало логичным и неизбежным выбором Нобунага. С расширением своих владений он неизбежно должен был делегировать свои полномочия и административные обязанности другим. Одновременно Нобунага необходимо было создать такие условия, в которых не могли бы появляться новые независимые провинциальные властители. Об этом свидетельствуют его «Уставления для провинции Этидзэн», закладывающие основы для управления провинцией. Современные исследователи высказывали мысль, что этот документ, как никакой другой, свидетельствует о характере Нобунага с его склонностью к запугиванию и унижению всех и вся. Даже если это так и есть, необходимо учитывать, что данным документом Нобунага, по сути, открывает новую страницу в отношениях со своими вассалами. Это со всей очевидностью следует из статей 2, 6, 8 и 9²⁵⁶:

2. Вы не должны оскорблять самураев провинции, которые остались на своих местах. Необходимо проявлять доброту по отношению к ним. С другой стороны, следует заставлять их нести караульную службу. Обязательно надлежит следить за местными укреплениями. Необходимо восстановить владения [местных землевладельцев].

6. Поскольку я доверяю тебе большую провинцию, необходимо следить за всем происходящим в ней: любое небрежение будет считаться преступлением. Прежде всего, следует укреплять военную доблесть. Оружие и припасы необходимо запасать, чтобы ты наверняка мог сопротивляться нападению в течение от 5 до 10 лет. Избегай алчности, определи, что ты должен взять, чтобы все остальное было выплачено. Не увлекайся мальчишками, искусствами, пирушками и представлениями.

8. Необходимо гарантировать, чтобы ни один вассал не был назначен в два или три места, в зависимости от размеров твоих владений. Имей свободные земли и объяви, что они будут отданы любому, кто в делах покажет свою верность. Помни, что

твои люди сразу утратят мужество и преданность, как только увидят, что для наград не осталось владений. Эти земли должны находиться в моем владении, пока не появится подходящий претендент.

9. Снова повторяю: ты должен решиться выполнить все, что я говорю. При этом никогда не лести мне, если чувствуешь, что я не прав или несправедлив. Если что-то беспокоит тебя, сообщи мне, и, быть может, я выполню твою просьбу. В любом случае ты должен почитать меня и не творить зла за моей спиной. Твои чувства по отношению ко мне должны быть таковы, чтобы ты даже ни разу не позволил вытянуть ноги в том направлении, где я нахожусь. Если будешь вести себя таким образом, как и подобает настоящему самураю, удача не покинет тебя вовеки²⁵⁷.

В этом фрагменте можно выделить две основных темы: в статьях 2, 6 и 8 Нобунага дает инструкции Кацуиэ о том, как надлежит установить и поддерживать свою власть по отношению к местным воинам провинции Этидзэн. Основное требование — быть справедливым и требовательным. В статье 9 речь идет уже об отношениях между Нобунага и Кацуиэ, между верховным правителем и губернатором провинции. Нобунага очень жесток (особенно это касается фразы о том, чтобы Кацуиэ никогда не позволял себе направить ноги в сторону господина). Этот фрагмент часто интерпретировался как доказательство «самодурства и доведенного до крайности деспотизма» Нобунага²⁵⁸. Однако это яркое выражение, которое до сих пор используется в Японии, лишь подчеркивает, что отношения между Нобунага и Кацуиэ — это отношения господина и васала. Нобунага напоминает Кацуиэ об оказанных милостях и предостерегает от попыток превратить власть над провинцией в средство реализации личных амбиций, от попыток начать самостоятельную политическую игру.

Кацуиэ внял увещаниям Нобунага. Один маленький, но многозначительный эпизод, произошедший в 1581 году, через шесть лет после назначения, хорошо отражает тот баланс силы, который сложился между Нобунага и Кацуиэ. В конце марта 1581 года Кацуиэ отправился в Киото для участия в параде. Он прибыл в столицу в сопровождении «10 000 воинов и 10 000 слуг». За день до парада он преподнес Нобунага 30 золотых и три очень ценных предмета для чайной церемонии. Несмотря на это, Нобунага по-прежнему запрещал ему одевать на парад ярко-красное облачение, потому что хотел сохранить «это исключительное право за со-

бой»²⁵⁹. Несколько месяцев спустя иезуит Луис Фройс своими собственными глазами наблюдал, что Кацуиэ обладает абсолютной властью в Эtidзэн и Кага, где он «как второй Нобунага». Подчиненные Кацуиэ в провинции уважительно называли его «Уесама»; точно так же, только в масштабе всей страны, именовали самого Нобунага. Но наши сведения об участии Кацуиэ в столичном параде подтверждают, что, несмотря на свою почти неограниченную власть в провинции, он в высшей степени почтительно относился к Нобунага, человеку, которому он был обязан всем²⁶⁰.

ПРИЗНАНИЕ ПРИ ДВОРЕ

После внушительных военных успехов 1575 года Нобунага стремился расширить свои владения. Он отправил четырех своих полководцев в четыре области Японии: Кацуиэ в Хокуруку, Акэти Мицухидо в Санъиндо, Хасиба Хидэёси в Санъёдо, а Сакума Нобумори в южную область (область Одзака). Позднее, в том же году, войска Нобунага выдвинулись из Эtidзэн на север и вторглись в провинцию Кага (ныне — южная часть префектуры Исикава). Нобунага, пребывая в эйфории после завоевания провинции Эtidзэн, заявил даже, что покорить Ното (ныне — северная часть префектуры Исикава) и Эттю (ныне — префектура Тояма) не составит труда²⁶¹. Тем временем Ода Нобутада и Токугава Иэясу получили приказ укрепить восточный фланг и держать Такэда под контролем. Главная угроза, исходившая от Такэда Кацуёри, теперь, после победы при Нагасино, была устранена, так что у Нобунага имелись все основания излучать оптимизм. В письме к Датэ Тэрумунэ, даймё из Дэва, одной из самых северных провинций Японии, Нобунага писал: «Восемь провинций востока... в конце концов покорятся мне»²⁶². Тем не менее, решающий удар клану Такэда Нобунага нанес только в 1582 году.

В конце 1575 года Нобунага передал свои старые домашние провинции Мино и Овари в управление своему старшему сыну и наследнику Нобутада. Кроме того, за Кацуиэ, по его плану, должны были последовать и дальнейшие назначения в провинциях. Так, Танго была передана Иссики Ёсимити, а восточная часть Танба — Хосокава Фудзитака²⁶³. Наконец, к вящему разочарованию местного духовенства, Бан Наомаса, еще один член конной гвардии из Овари, в апреле 1575 года был назначен военным губернатором провинции Ямато²⁶⁴. Кэннё Коса из Одзака, шокированный утратой

Этидзэн, был теперь более чем склонен прекратить борьбу с Нобунага. Мирное соглашение было достигнуто в ноябре 1575 года. Затем Кэннэ Коса преподнес обычные в таком случае подарки Нобунага и, как минимум, еще одному участвовавшему в переговорах лицу, Миёси Ясунага²⁶⁵.

Даймё из провинций, еще не подпавших под власть Нобунага, подобно Датэ из Дэва и Тёсогабэ из Тоса на острове Сикоку, спешили признать его верховенство. Таким образом, едва ли можно удивляться тому, что их примеру последовал и императорский двор. Когда Нобунага с триумфом возвращался из провинции Этидзэн в Киото через Гифу, на полпути его встречали представители императорского двора. «Синтё-ко ки» таким образом описывает вступление Нобунага в столицу: «Семь регента и министров столпились в Сэта, Аусака, Ямасина и Аватагути, чтобы поприветствовать Нобунага и выразить свое восхищение». Теперь для Нобунага пришло время принять придворный ранг. Он прибыл в Киото 15 ноября 1575 года, но незадолго перед этим он приказал восстановить Дзиннодза, помещение в императорском дворце, в котором обычно происходили церемонии назначения. Очевидно, Нобунага хотел, чтобы все происходило в полном соответствии с традицией. Общество видело в получении им должности признание его последних побед и награду за них. В таком случае театрализованность и пышность церемонии только укрепили бы у всех осознание величия и справедливости подобного назначения. И «Синтё-ко ки» снова предоставляет нам возможность познакомиться с деталями церемонии, прошедшей в конце 1575 года²⁶⁶:

В четвертый день одиннадцатого месяца третьего года правления под девизом Тэнсё Нобунага предстал перед императором и получил императорский титул дайнагон. 7-го числа того же месяца Нобунага выразил благодарность за назначение через императорского представителя господина Сандзё Дайнагон [Санээда], и по этому случаю его сопровождала свита из 100 лучников. Затем Сын Неба счел Нобунага достаточно достойным для того, чтобы получить от императора фарфор. Никакая другая слава, из тех, что были и что будут, не сможет затмить величие Нобунага. В связи с этим Нобунага также получил ранг удайсё, [в обмен на что] он предоставил на обозрение Его Величеству огромное количество золота и кусков ткани. Император разделил [эти дары] между своими придворными, и Нобунага отдал им во владение земли, что было поистине великолепно.

Накануне и в день церемонии Нобунага подготовил как минимум двадцать пять документов, скрепленных красной печатью, которыми пожаловал «новые земли» представителям придворной знати, как, например, Итидзё Утимото (1548–1611), императорским чиновникам, как, например, Цутимикадо Ариясу (1527–1577), известному астроному и знатоку инь и ян, дворцовым слугам, известным только по должностям, а также религиозным институтам, таким, как храм Ниннадзи²⁶⁷.

Все эти новые земли находились в Ямасиро, в границах нынешней территории города Киото. Так, в качестве одного из даров фигурировало земельное владение, которое Нобунага конфисковал в 1574 году после того, как убил прежнего владельца Мицубути Фудзихидэ. Таким образом, можно предположить, что Нобунага также конфисковывал и иные земли, хозяева которых были, подобно Мицубути Фудзихидэ, сторонниками изгнанного сёгуна Ёсиаки. Тот факт, что земельные пожалования Нобунага скреплял личной красной печатью, показывает, что к концу 1575 года он стал самым крупным землевладельцем в Центральной Японии. Получивший землю в удел, разумеется, становился обязанным даровавшему ее. Самый крупный подарок, в 300 коку, достался Коноэ Сакихиса²⁶⁸, бывшему канцлеру, который был вынужден покинуть столицу под давлением сёгуна Ёсиаки в 1568 году. В 1575 году, увидев, что обстоятельства изменились, он вернулся в Киото. В ближайшие годы между Сакихиса и Нобунага возникнут весьма доверительные отношения: так, Сакихиса станет своеобразным лидером той группы придворной знати, которая будет пользоваться особым покровительством со стороны Нобунага. Взаимоотношения Нобунага и Сакихиса весьма примечательны еще и в том отношении, что показывают, как Нобунага укреплял свое положение, инкорпорируя в собственную систему власти все новые элементы из прежней государственной системы. Как мы увидим в дальнейшем, Нобунага использовал Сакихиса для контроля над переговорами с Исияма Хонгандзи в 1580 году.

Получение высоких придворных рангов и последующая раздача земельных владений представителям прежней государственной иерархии позволили Нобунага установить необходимые и весьма полезные политические контакты. Если бы Нобунага, как считают некоторые авторы, на самом деле хотел изменить весь старый политический строй с императором во главе, вряд ли ему понадобились бы такие тесные контакты с императорским двором, какие

имели место на протяжении 1575 года. Ведь подобные связи могли только повредить ему — Нобунага был весьма прагматичным политиком, а отнюдь не импульсивным низвергателем устоев. Его видение реформированной Японии отнюдь не предполагало устранение от власти аристократии. Все преобразования, производимые им, имели целью сделать государственное устройство более подходящим для сложившейся ситуации. И хотя Нобунага в первую очередь стремился укрепить собственную власть, в конечном счете, он заложил основы того общества, которое теперь называется «новым».

К концу 1575 года, всего через два года после того, как их пути с сёгуном Ёсиаки разошлись, Нобунага только укрепил свои позиции. И что более важно, он впервые в жизни был официально возведен в ранг и получил должность при дворе. Казалось, гегемония в масштабе всего государства уже близка. Нобунага с видимым удовольствием наслаждался успехом и ставил перед собой новые цели. Пришло время перенести базу из родных провинций — Овари и Мино — в центр Японии. Нобунага решил сделать своей ставкой центральную провинцию Оми, и строительство замка Адзути должно было явить зримое воплощение его могущества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АДЗУТИ

ЗАМОК, ГОРОД И ЖИТЕЛИ

Замок Адзути, наверное, является одним из самых известных сооружений, построенных Нобунага, даже несмотря на то, что от него почти ничего не сохранилось до наших дней. Замок был провозглашен официальной резиденцией Нобунага в июне 1579 года, через три года после начала строительства. Адзути оставался главной цитаделью режима вплоть до 3 июля 1582 года, когда он был предан огню после гибели Нобунага в Хоннодзи. Волею судьбы величие замка Адзути, его внутреннее и внешнее великолепие, равно как и его полное разрушение, стали ярким воплощением жизни, восхождения к власти и смерти Нобунага.

Будучи не слишком знатного происхождения, Нобунага на протяжении всей жизни стремился обрести аристократический блеск. Ведя политическую игру в столице, он сближался то с императором, то с сёгуном, дабы их авторитет и влияние коснулись и его самого. И строительство, в его планах, должно было служить той же цели: возвыситься в глазах окружающих. Нобунага хорошо понимал, какое впечатление на людей производят величественные сооружения. Он стремился быть режиссером на сцене, на которой ему же была уготована и главная роль. Как и многие другие правители на протяжении истории человечества, Нобунага считал, что ничто так не способствует величию и легитимации власти, как масштабные строительные проекты²⁶⁹.

К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами, которые могли бы прояснить, какие цели ставил перед собой Нобунага, организуя крупные строительные предприятия. Не дошли до нас и высказывания ни его самого, ни его ближайших сподвижников на этот счет, которые помогли бы нам сделать какие-то выводы. В общем, мы можем предположить, что в их умах существовал какой-то грандиозный проект, но не можем этого

доказать. Однако нам по силам реконструировать основные направления и результаты строительной деятельности Нобунага, а также то впечатление, которое замок Адзути оказывал на современников. В ту пору опросы общественно мнения не проводились, а потому вряд ли возможно установить, каково было в целом мнение японского общества о Нобунага. Самое лучшее, что мы можем сделать, это попытаться сложить портрет из комментариев современников. И здесь, опять-таки, главными источниками информации станут для нас Ота Гюити и Луис Фройс. Они не только более детально и подробно писали о строительных предприятиях Нобунага, но и лучше других улавливали их символический смысл. Однако не стоит забывать, что оба автора с симпатией относились к Нобунага. К большому сожалению, мы не можем получить сведения от других современников, не столь благосклонно настроенных по отношению к нашему герою.

Окончательный ответ на споры вокруг строительства замка Адзути дать едва ли возможно. Информация о дискуссии, которую в 1970-х годах вели Наито Акира и Мияками Сигэтака, доступна теперь на английском²⁷⁰. И прежде, чем открыть новый ее этап, лучше подождать результатов археологических раскопок на месте замка Адзути, которые должны появиться в течение следующего десятилетия²⁷¹.

ЗАМОК

С 1567 года ставкой Нобунага был замок Гифу в провинции Мино, который он отбил в том году у Сайто, прежних властителей Мино. Гифу представлял собой внушительную крепость, но находился на периферии, а значит, он мог быть резиденцией только правителя регионального уровня. От Гифу до столицы государства было не менее трех дней пути; следовательно, он явно не подходил тому, кто претендует на роль гегемона государственного масштаба. После 1575 года Нобунага стал необходим не просто замок, а дворец, расположенный достаточно близко к столице, чтобы держать в руках нити управления государством, но достаточно далеко для того, чтобы избегать утомительных и долгих дебатов с императорским двором.

В качестве места для нового замка-дворца Нобунага выбрал гору Адзути в провинции Оми. Она имела важное стратегическое значение: находилась на берегу озера Бива, на полпути между

Гифу и Киото, с хорошим выходом на дорогу Накасэndo. С самого начала Нобунага воспринимал замок Адзути как свой собственный «двор», в том смысле, как определяют его Браун и Эллиотт в контексте европейского абсолютизма XVII века: «полисемантическое понятие, одновременно обозначающее место, великолепие и всех тех, кто ассоциируется с присутствием короля»²⁷². Это определение превосходно подходит к замку Адзути, за одним немаловажным исключением: Нобунага был не монархом, а военачальником. Адзути — место, где он мог отдохнуть, осуществлять контроль и общее руководство кампаниями своих полководцев, принять посланников от даймё, ищущих союза, и даже развлечь при случае зарубежного посланника, такого, как инспектор иезуитской миссии Алессандро Валиньяно. Не менее важно, что Нобунага заставил своих вассалов строить резиденции у подножия горы Адзути, тем самым вынуждая их покидать родные провинции. Адзути никогда не перехватывал у Киото пальму первенства в качестве политического центра государства. Однако в начале 1580-х годов Нобунага стал бывать в столице гораздо реже, чем прежде. Видимо, ведение дел с придворными аристократами он полностью передал на попечение своего губернатора в столице, Мурай Садакацу. Когда знатные особы посещали Адзути, они неизменно находили вежливый, но отнюдь не всегда сердечный прием. Адзути стал тем местом, где Нобунага был полным хозяином и мог демонстрировать свою власть.

Предварительные работы на горе Адзути начались в отсутствие Нобунага в феврале 1576 года, а 23 марта на строительную площадку прибыл и сам заказчик. Первые важные работы закончили 29 апреля: каменную стену вокруг замка с главной башней (*тэнсю*) в середине. Из одиннадцати провинций были вызваны вассалы со своими работниками, а также свободные «плотники и ремесленники из Киото, Нара и Сакай». Главным художником стал Кано Эйтоку (1543–1590), ему была поручена отделка внутренних покоев дворца. Кимура Дзиродзаэмон (ум. 1582?) руководил общим ходом работ, Окабэ Матаэмон (ум. 1582) был главным плотником, некто Гёбу превосходил всех в искусстве лакокрасочных работ, а Мияниси Юдзаэмон стоял во главе мастеров серебряных дел. «Китаец» Иккан обучал гончаров из Нара изготовлению «черепицы в китайском стиле»²⁷³. Многие из этих известных мастеров ранее работали у военного правительства Асикага, а впоследствии — у Тоётоми и Токугава²⁷⁴.

Замок Адзути возводился в военное время, и отсутствие документов, в частности, счетов подрядчиков, заставляет предположить, что строительные работы выполнялись по преимуществу бесплатно. На строительство замка согнали лесников, кузнецов, плетельщиков, кровельщиков и мастеров по изготовлению татами со всей провинции Оми. Взамен они получали «полное освобождение» от налогообложения домов (*мунэбэцу*), дополнительных земельных налогов (*риндзи тансэн*), откупов (*нинбу рэйсэн*) и иных податей, которые они должны были платить²⁷⁵. Кроме того, отсутствуют какие-либо документальные свидетельства о привлечении квалифицированной рабочей силы. Поэтому даже приблизительно невозможно представить, во сколько обошлось строительство Адзути. Труд ремесленников высоко ценился в Японии, и Нобунага лично платил таким мастерам, как Кано и Кимура. Однако даже в этом случае до нас дошли сведения только об отдельных выплатах²⁷⁶.

Полководцы Нобунага согнали тысячи и тысячи сильных и умелых рабочих. В первые месяцы 1576 года они волочили огромные камни на гору Адзути, на каждый валун приходилось «по одной, две и три тысячи людей». Хасиба Хидэёси, Такигава Кадзумасу и Нива Нагахидэ собрали десять тысяч человек для того, чтобы сдвинуть с места «камень невероятных размеров», называвшийся «Дзаяиси» («Змеиный камень»), который волочили на вершину горы три дня и три ночи. К сожалению, источники не дают нам сведений и том, каким образом производилась транспортировка камней²⁷⁷. Известно только, что их клали в основание главной башни, служившей также складом, а также использовали при возведении крепостных стен, несколькими кольцами окружавших башню. Эти исключительных размеров камни обусловили, среди прочего, уникальность крепости Адзути²⁷⁸.

Через год после начала строительных работ иезуит Органтино сообщал, что «Нобунага возводит замок, который, быть может, является одним из самых величественных сооружений, известных христианскому миру; он строит башню площадью в двадцать плит [в основании] и пятнадцать плит в высоту в середине. Башня имеет пять этажей, каждый из которых покрыт крышей, а на вершине ее находится колокол». Словом «плита» Органтино переводил японскую меру длины *кэн*, равную примерно 1 метру 80 сантиметрам. Если верить Органтино, площадь основания башни была тридцать шесть квадратных метров, а высота составляла двадцать семь мет-

ров. По свидетельству миссионеров-иезуитов, некоторые из которых могли лично видеть замок, строительство закончилось а феврале 1580 года²⁷⁹.

Подробная реконструкция замка Адзути была выполнена историком архитектуры Наито Акира и увидела свет в 1976 году²⁸⁰. Вот как суммирует исследование Наито Джордж Элисон²⁸¹:

Башня представляла собой сооружение колоссальных размеров, возвышавшееся на высоту 138 футов с вершины холма, который, в свою очередь, поднимался на 360 футов над уровнем озера Бива. Она имела несколько внутренних уровней, хотя снаружи можно было увидеть только пять из них. Интерьер ее был невиданным и уникальным, не имевшим никаких аналогов. Высота центрального зала составляла почти 62 фута. Наличие сцены для театральных представлений побудило, по всей видимости, профессора Наито говорить о возможном европейском влиянии, оказанном через иезуитов (чьи церкви, как, например, церковь Иисуса в Риме, отличаются восхитительными сводами).

Если дело действительно обстояло таким образом, заключает Элисон, то «стиль замка Нобунага необычайно эклектичен».

Однако в реконструкции Наито имеются некоторые упущения. Другой историк архитектуры Мияками Сигэтака подверг сомнению достоверность документального источника для реконструкции Наито, так называемого «Тэнсю сасидзу», которую Наито считал копией одного из оригинальных планов строителей Адзути. Наито соединил в одно целое чертежи «Тэнсю сасидзу», описания интерьеров из немного отличающихся друг от друга версий «Синтё-ко ки» Ота Гюити, а также результаты раскопок руин замка. Мияками со своей стороны, не согласился с подобной методикой. «Тэнсю сасидзу», по его мнению, нельзя использовать как источник, независимый от описания Ота Гюити, поскольку он основывается на последнем. Поэтому, заключает Мияками, реконструкция Наито ошибочна, поскольку «Тэнсю сасидзу» является «практически бесполезным» в качестве материала для реконструкции Адзути²⁸². Относительно недавно Хирао Ёсинао попытался вновь подтвердить взгляды Наито, проанализировав пространственное расположение пятого этажа замка. Однако разъяснения Хирао явно недостаточно убедительны для того, чтобы окончательно прояснить вопрос относительно внешнего вида замка Адзути²⁸³.

К сожалению, свидетельства современников-иезуитов позволяют нам получить только фрагментарные сведения о том, как выглядел замок²⁸⁴:

В центре находится башня, которую японцы называют тэнсю и которая имеет форму, отличную от наших башен, гораздо более изящную и величественную. В ней семь ярусов, и внутри, и снаружи их убранство отличает поразительный архитектурный стиль. Внутренние стены усыпаны фигурами, покрытыми золотой и другими красками; а снаружи каждый ярус раскрашен в разные цвета. Некоторые белые, а окна покрыты черным японским лаком, что создает поразительное впечатление; другие красные или синие, а верхний ярус сверкает золотом. Крыши башни окружающих строений покрыты синеватой черепицей, гораздо более прочной и красивой, чем наша... Благодаря всему этому замок кажется грандиозным, изысканным и великолепным, а поскольку он построен на холме и невероятно высок, он кажется достигающим небес и виден издалека. Ни снаружи, ни изнутри не заметно, что весь он построен из дерева, все сооружение выглядит таким прочным и несокрушимым, что оно вполне могло быть построено из камня и раствора.

Фройс, выполнявший функции переводчика при Валиньяно и останавливавшийся в замке Адзути дважды в течение 1581 года, написал приведенные выше слова через пять-шесть лет после того, как Адзути был сожжен дотла. И хотя это описание не является свидетельством очевидца в строгом смысле слова, оно позволяет предположить, что Адзути казался современникам, как японцам, так и иностранцам, настоящим чудом. Еще один иезуит, посещавший Адзути, по имени Стефанони, «говорил о величественных стенах башни, что наверху они казались золотыми, а внизу — белыми. Когда солнце освещало башню, эффект был поразительный»²⁸⁵.

Замок Адзути, законченный в 1581 году, являл собой столь же впечатляющее зрелище, что и труд всех бесчисленных его строителей. Это был настоящий дворцовый комплекс: дорога, ведущая к главной башне, имела прямой участок длиной 130 метров, а ближе к концу изгибалась семь раз. Археологи установили, что ширина дороги достигала девяти метров, а по обеим сторонам ее возвышались защитные стены. Ширина их у основания равнялась трем метрам 60 сантиметрам, а высота — трем метрам²⁸⁶. [Внутри периметра крепости] «имелась конюшня для его [Нобунага] развлечения, в которой находилось не более пяти-шести лошадей и которая

только называлась конюшней, поскольку в ней было так чисто, что она казалась местом отдыха господина и его приближенных, а не местом содержания коней»²⁸⁷. Площадки для верховой езды подготовили к северу от замка, непосредственно на берегу озера Бива, только в 1581 году²⁸⁸. Еще одним из любимых детищ Нобунага стали клетки для содержания птиц. По-видимому, в 1576 году он получил от Мута Киёхидэ, своего вассала из провинции Этидзэн, письмо с советом относительно устройства соколиных клеток²⁸⁹. Нобунага часто приходил к ним и всегда содержал в хорошем состоянии. Например, 3 ноября 1581 года он в первый раз выпустил из клетки своих белых, очень дорогих, соколов и охотился в окрестностях Куваномидэра²⁹⁰. Полностью соответствовали изысканности замка и сады, которые были «великолепные и восхитительные». Обязанности большого штата слуг заключались в том, чтобы тщательно подметать весь замок за час до рассвета. По свидетельству Фройса, все отмечали «безукоризненную чистоту» в замке Адзути²⁹¹.

Замок соединял в себе сугубую практичность и великолепие. Политическое значение Адзути и власть Нобунага подчеркивали два здания: храм Сокэндзи и «Гёко но ма», «Зал императорских визитов». По всей вероятности, последний построили одновременно с главной башней замка²⁹². Прецеденты посещения сувереном военного гегемона имели место в истории Японии, и Нобунага наверняка знал о сёгуне Асикага Ёсимицу (1358–1408), резиденцию которого под названием Китаяма в 1408 году посетил император Го-Комаци (1377–1433). Спустя почти шестьдесят лет император Го-Цутимикадо (1442–1500) почтил своим присутствием сёгуна Асикага Ёсимаса в его резиденции. Точное местонахождение Зала императорских визитов в Адзути неизвестно, но, по всей видимости, он располагался где-то поблизости от главной башни, поскольку соединялся с Южным залом замка крытым коридором. Внутреннее убранство зала приводило посетителей в восторг: «Внутри весь зал казался золотым, настенные росписи были выполнены золотой краской, нанесенной толстыми слоями. Нобунага приказал покрыть золотом все металлические предметы... Все сверкало, от пола до потолка, и поражало всех без исключения»²⁹³. Императору так и не пришлось посетить Адзути, однако подобные случаи имели место впоследствии. Так, в 1588 году Тоётоми Хидэёси принял императора Го-Ёдзэй (1571–1617) в Дзюракутэй, своем дворце в Киото, а сёгун Иэмицу (1604–1651) встретился с императором

Го-Мидзуноо (1596–1680) в замке Нидзё уже в середине XVII столетия. Тоётоми и Токугава со временем реализовали то, что предвидел уже Нобунага: дань уважения со стороны верховного правителя военному гегемону страны.

Что касается храма, то его присутствие в замке стало новшеством для Японии. Строения, вошедшие в храмовый комплекс Сокэндзи, не построили, а перевезли в Адзути из близлежащего района Кока. Мы не располагаем свидетельствами, которые бы подтвердили тот факт, что Нобунага считал Сокэндзи собственным храмом, предназначенным для выполнения религиозных церемоний им самим. В конце концов, он вряд ли был глубоко верующим человеком. Нет никаких оснований утверждать, что Нобунага хотел сделать Сокэндзи домашним храмом, что мы увидим в дальнейшем. Поэтому факт наличия храма под главной башней Адзути, скорее всего, следует интерпретировать как олицетворение политики Нобунага, целью которой было установление власти над всеми религиозными институтами, вне зависимости от их учений.

Грандиозный проект замка Адзути вполне соответствовал амбициозным устремлениям Нобунага, но в чем же заключался его подлинный смысл? Был ли Адзути, как предполагали некоторые, выражением «религиозно-философской системы»? Ответ на этот вопрос мы найдем, если исследуем внутреннее убранство замка и его «сценические функции».

Наиболее дерзкая интерпретация дана Наито Акира. По его мнению, «главная башня символизирует стремление Нобунага подчинить себе всю страну». Воззрения Наито не являются ни новыми, ни столь уж поразительными. Действительно, едва ли кто-нибудь не согласится с этим. Однако Наито идет дальше, уверяя, что «Нобунага стремился воплотить в проекте замка Адзути путь неба, превосходящий любые религиозные и мирские институты, существовавшие в Японии, что являлось совершенно новой идеей в политическом мире страны. Этот проект отражал его стремление к государству единственного и абсолютного существа, возможно, ассоциируемого с христианским понятием Тэнсю (Небесный Властитель), который является Богом»²⁹⁴.

Если концепция Наито относительно замка Адзути представляется просто сомнительной, то его интерпретация «мистического символизма»²⁹⁵ Адзути граничит с абсурдом. Его выводы невероятно смелы, но ошибочны. Во-первых, Нобунага никогда не был идеологом и не проповедовал концепцию «пути Неба» (*тэнто*). Пред-

положение об этом основывается только на ранних вторичных источниках. Если судить по тому, как Нобунага однажды употребил этот термин, *тэнтю* никогда не был его философией²⁹⁶. Таким образом, нет никаких сомнений, что Адзути не был предназначен символизировать столь туманное понятие. Ошибается Наито и тогда, когда полностью доверяет предположению Фройса, что Со-кэндзи стал отражением самообожествления Нобунага, и когда заключает из этого, что Нобунага «стремился к государству единственного и абсолютного существа». В связи с этим Наито рассматривал Адзути в качестве предшественника святилища Хо-коку Дзиндзя и мавзолея Тосёгу, сооруженных для Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу соответственно. Как будет показано в конце книги, представление о Нобунага как о человеке, провозгласившем себя богом на земле, совершенно необоснованно. Третья нить рассуждений Наито взята у Асао Наохиро, утверждавшего, что Нобунага хотел стать над всеми политическими силами и отождествлял себя с идеей *тэнка* (всего государства). Наито, взяв за основу представления Наохиро и соединив их с историческими сведениями о том, что на различных ярусах главной башни нашли отражение буддийские, даосские и конфуцианские темы, пришел к выводу, что Нобунага стремился «стать выше всех светских и религиозных институтов власти, которые только можно было представить себе в Японии того времени». Даже не учитывая тот факт, что взгляды Асао Наохиро можно без труда опровергнуть, Наито позволил себе сделать безосновательные выводы из того, что является всего лишь эклектичным собранием настенной живописи²⁹⁷.

Представляется, что, в противоположность Наито, более правильно было бы попытаться выявить в Адзути различные символические составляющие. Во-первых, то было своеобразное самолюбование. Строительство замка началось в начале 1576 года, когда будущее Нобунага казалось безоблачным. Однако за те три года, что ушли на постройку комплекса, Нобунага суждено было потерпеть существенные политические и военные неудачи. Строительные работы в Адзути еще не закончили, когда, как уверяет Такаянаги, «Нобунага практически завершил объединение Японии и имел все шансы стать хозяином всей страны в течение короткого времени»²⁹⁸. Вероятно, что военные неудачи, с которыми Нобунага столкнулся в период с 1576 по 1579 год, привели к тому, что строительство шло гораздо дольше, чем планировалось изначально. Как

бы то ни было, но Нобунага имел достаточно людей и ресурсов, чтобы воевать и строить одновременно. Современникам это, безусловно, должно было казаться реальным проявлением его могущества.

Во-вторых, строительство комплекса Адзути дало Нобунага возможность показать себя всей стране в качестве покровителя искусств. Подобно многим другим «новым людям» в истории, отсутствие легитимности Нобунага компенсировал четким осознанием того, какую роль играет искусство в создании благоприятного впечатления в глазах других людей. Совсем не случайно, что Нобунага нанял для выполнения работ крупнейшего художника эпохи Кано Эйтоку. В конце концов, искусство могло оказать Нобунага неоценимую услугу. Внутреннее убранство замка Адзути имело не только политическое значение, но и внутренний глубокий смысл: в нем явно читались стремление Нобунага быть признанным в качестве первого покровителя искусств в государстве и одновременно эрудиция и хороший вкус заказчика. Настенная живопись как бы воплощала огромные богатства хозяина и подтверждала, что Нобунага отнюдь не был просто еще одним очередным военным гегемоном.

Кано Эйтоку разработал для стен Адзути практически новаторский стиль живописи. Другими словами, он создал в Японии то, что историки культуры назовут впоследствии «языком славы»²⁹⁹. Средства самовыражения, присущие Эйтоку, были приспособлены под вкусы и цели Нобунага. Все этажи, находившиеся выше уровня земли, за исключением пятого, были изысканно расписаны. Только несколько картин были выполнены тушью; создавалось впечатление, что «от пола до потолка, все в этих палатах, где бы ни находились картины, выполнено из золота». Стиль, разработанный Эйтоку в Адзути, получил название *кинпэки*, когда цветные картины рисовались на золотом фоне. Это, по выражению Джорджа Элисона, стало «более зрелым способом выражения по сравнению с традиционной живописью тушью»³⁰⁰. Стиль Кано Эйтоку произвел глубокое впечатление на всех тех, кому оказывалась честь увидеть его. *Кинпэки* оказался безусловным творческим успехом, и Эйтоку после окончания работ в Адзути прославился на всю страну. После гибели Нобунага в Хоннодзи он без проблем перешел под покровительство Тоётоми Хидэёси.

На втором, третьем и четвертом этажах находились изображения животных, растений, а также известных персонажей китай-

ской культуры. Все это изобилие красок, цветов и форм венчали богатые росписи в буддистском стиле на шестом этаже. Однако «самым значительным художественным проектом в замке Адзуту» считался седьмой этаж. Сам этаж имел площадь шесть ярдов, и внутри, как и снаружи, весь был золотым. На колоннах вдоль всех четырех сторон помещения красовались драконы, излюбленный китайский мотив, а на потолке были нарисованы божественные существа. Со стен смотрели знаменитые китайские императоры, ученики Конфуция и другие мудрецы, которые прославились преданностью идеалам должного управления народом. Каролин Уилрайт заключает, что общей темой всех этих картин было «должное управление, санкционированное мандатом Неба»³⁰¹.

Замок Адзуту, очевидно, должен был явить всей стране величественный облик своего хозяина. Нобунага в своем стремлении сделать Адзуту центром всеобщего внимания проявлял чудеса изобретательности. Не ограничиваясь ролью покровителя изящных искусств, Нобунага хотел показать себя тонким ценителем чайной церемонии и большим знатоком дорогой чайной утвари. В то время чайная церемония являлась одним из наиболее распространенных способов приятного времяпрепровождения для сильных мира сего. Среди известнейших знатоков чайной церемонии было немало влиятельных торговцев из Сакай, для которых ритуал оказался весьма удобным и подходящим способом устанавливать контакты с крупнейшими даймё и заодно обсуждать торговые дела. Сложилась даже своего рода «чайная политика», в которой Нобунага принимал активное участие, если не задавал тон. Сразу же после вступления в столицу в 1568 году он получил от Мацунага Хисахидэ чайный прибор под названием «Цукомогами» как символ подчинения и будущего союза. Этот дар, по всей видимости, пришелся Нобунага по душе, так как вскоре он стал страстным коллекционером чайной утвари, при этом он даже не чурался силой заставлять бывших владельцев продавать ему ее³⁰².

Еще до Адзуту Нобунага неоднократно устраивал чайные церемонии в храмах Киото, например в Мёкакудзи и Сёкокудзи. После 1578 года уже новый замок стал главным местом проведения этих ритуалов³⁰³, что, безусловно, следует рассматривать как еще один способ закрепить за Адзуту славу центра культуры. Именно здесь Нобунага официально передал своему сыну Нобутада одиннадцать чайных аксессуаров (*мэйбуцу*)³⁰⁴. Через три дня, в первый день шестого года правления под девизом Тэнсё, князя из как минимум

одиннадцать провинций прибыли в Адзути с церемониальным визитом. На утреннее чаепитие получили приглашение двенадцать полководцев, и среди них Нобутада, Акэти Мицухидэ и Хидэёси. Проводил чайную церемонию по столь важному случаю Мацуи Юкан, представитель провинции Сакай и, по-видимому, главный знаток чайной церемонии в окружении Нобунага. Альков чайной комнаты украшал свиток работы великого китайского художника династии Юань Юй Цзяня, а во время самой церемонии использовались драгоценные *мейбуцу*. После чего гостей пригласили поднять тост вместе с хозяином, а затем они смогли насладиться творениями Кано Эйтоку внутри замка. Шедевры живописи настолько поразили присутствующих, что, по свидетельству «Синтё-ко ки», все они были восхищены доблестью Нобунага³⁰⁵.

Нередко проходили в замке Адзути и однодневные турниры по сумо. Так, в течение семи месяцев 1578 года Нобунага устроил как минимум три больших соревнования. На второй турнир, назначенный на 16 сентября, в Адзути прибыли не менее 12 500 борцов из Оми, Киото и его окрестностей. Они соревновались с восьми утра до шести вечера, по-видимому, на выбывание. Некоторые вассалы Нобунага выставили своих борцов. Их разделили на две лиги, первую и вторую, где они должны были сражаться, в том числе, и с борцами самого Нобунага. Участники второй лиги получали награду, если побеждали пятерых соперников. Участники первой лиги должны были одержать победу в трех поединках подряд. Ближе к вечеру, когда официальные соревнования закончились, Нобунага приказал своим вассалам бороться друг с другом. Апофеозом дня стал поединок между Нагата Кагэхиро и Ацудзи Садахиро, уроженцами провинции Оми и бывшими вассалами врагов Нобунага. И хотя Ацудзи «слыл человеком умелым и крепким, чью силу признавали все», победу одержал Нагата, оказавшийся «быть может, удачливее, а может, и сильнее». Наградами победителям стали вещи, принесшие им славу «по всем городам и деревням». Четырнадцать борцов «получили по длинному и короткому мечу с украшенными золотом ножами, церемониальное облачение, сто коку [риса] из поместий его светлости и даже резиденцию [в Адзути]»³⁰⁶.

В последние полтора года жизни Нобунага все реже лично возглавлял свои армии в походе и посвящал все больше времени приятному времяпрепровождению в Адзути. Примечательно, что дорожки для верховой езды были сделаны лишь в начале 1581 года.

На протяжении этого года в замке неоднократно устраивались театральные представления. В честь нового года на специальном помосте была устроена церемония *сагитё*, которая традиционно сопровождалась сожжением «гадательных книг», привязанных к бамбуковым шестам. У Нобунага церемония получилась более изысканной. Сначала величаво проществовали всадники. Они устроили фейерверки и помчались галопом по улицам города Адзути. За представлением наблюдало большое количество людей, которые «изумлялись, глядя на происходящее»³⁰⁷. Шесть месяцев спустя Нобунага устроил в Адзути грандиозный световой спектакль в честь японского праздника Бон. По иронии судьбы, принимая во внимание буддийское происхождение праздника, в его эпицентре оказалась иезуитская миссия.

Описание праздника Бон в Адзути в 1581 году встречается и в японских, и в западных источниках. «Синтё-ко ки» сообщает о нем кратко: «В пятнадцатый день седьмого месяца его светлость повелели зажечь множество фонарей на главной башне Адзути и в храме Сокэндзи, а воины гвардии находились на новой дороге и в лодках, каждый из них держал факел. Подножие горы и вода горели огнем, это зрелище привлекло огромные толпы зрителей»³⁰⁸. А Фройс, лично наблюдавший за происходящим, дает более подробное описание³⁰⁹:

Обычно происходило так, что все вассалы зажигали факелы и фонари перед своими домами, и только замок самого Нобунага оставался неосвещенным. В этот год, однако, все пошло по-другому. Он приказал, чтобы ни один из вассалов не ставил фонари перед своим домом; только Нобунага украсил балкон седьмого яруса башни большим количеством дорогих изящных разноцветных фонарей. Поскольку башня была очень высокой, горевшие на ее верхушке фонари смотрелись необычайно красиво. Большое количество людей с более чем 2000 факелами Нобунага поставил на дороге (которая начиналась от фасада нашего дома и шла к подножию горы)... Все это продолжалось некоторое время, и, пока отцы, братья и дети семинарии смотрели из окон на пылающие огни, к нашему дому пришел Нобунага. Инспектор и другие отцы вышли из дома, чтобы выразить свое почтение Нобунага, что, как они знали, должно было порадовать его. Он постоял рядом с ними достаточно долго и спрашивал о том, видели ли они праздник и что они думают о нем.

Очевидно, что этот праздник Бон задумывался прежде всего как спектакль. Нобунага, продолжает далее Фройс, с интересом справлялся о впечатлениях зрителей. Интересно было бы узнать о том, как современники Нобунага воспринимали замок Адзуты и регулярные спектакли подобного типа. К сожалению, здесь нас поджидает разочарование, поскольку источники не столь многословны, как нам того хотелось бы, и, кроме того, чрезвычайно пристрастны.

Для Ота Гюити все, что связано с Адзуты, олицетворяет власть и процветание. Само по себе это едва ли удивительно, но весьма примечательно, каких лирических высот достигает этот вдохновенный увиденным в Адзуты автор, который во многих других отношениях являет пример поразительной приземленности³¹⁰:

Замок окружали и охраняли величественные резиденции великих даймё. С запада на север простиралось озеро Бива, в котором было тесно прибывавшим и отбывавшим кораблям. На далеких речушках можно было видеть паруса, а по ночам бухточки озарялись светом рыбацких деревень. Посреди озера можно было увидеть знаменитый остров Тикубудзима. Кроме того, из воды круто вздымалась скала Такэсима. По утрам и вечерам доносились звуки колоколов Оки но Сима и храма Тёмэйдзи Каннон. Над дальним берегом озера возвышались пики Хира, гора Хиэй и пик Нёи, а к югу, вплоть до горы Миками, местной Фудзи, протянулась долина с разбросанными по ней деревнями и возделанными полями. На востоке вздымалась гора Каннондзи, вдоль подножия которой по тракту Токайдо тянется нескончаемый людской поток.

Наверное, Гюити хотел сказать, что все открывавшиеся виды были специально задуманы для того, чтобы радовать не только могущественного хозяина замка, но и простых смертных. Если Нобунага смог создать нечто столь прекрасное и восхитительное, «когда взгляду повсюду открывались великолепные пейзажи», то, несомненно, он был предназначен для управления государством и народом. Очевидно, что Гюити уловил глубокий замысел создателя Адзуты. В замке он видел «сёгунскую резиденцию Нобунага», его «Цветочную столицу». Для Гюити величие Адзуты явилось наивысшим воплощением «доблести и свершений Нобунага»³¹¹. Однако возвышенные лирические интонации Гюити вовсе не означают, что точно так же думало большинство вассалов, слуг и воинов Нобунага. К сожалению, их впечатления до нас не дошли.

Наиболее показательны сведения об Адзуту, переданные посетившими замок миссионерами-иезуитами. Как уже говорилось выше, их впечатления об Адзуту были единодушно позитивными, пусть даже тому способствовало их субъективное мнение о том, какое положение они в нем занимали. Отчеты иезуитов показывают нам, что сам Нобунага в огромной степени способствовал созданию особой ауры своей резиденции. Так, в письмах иезуитов от 1580 года говорится, что сразу же после окончания строительства замка Нобунага сделал вход в замок свободным, чтобы все могли насладиться видами Адзуту. Миссионеры знали, или, по крайней мере, догадывались, почему он это сделал: «Поскольку это великолепное сооружение построено им, чтобы показать свое собственное величие, он позволил видеть его всем, кто пожелает, даровав всем право посещать Адзуту. Вследствие чего огромная толпа нахлынула [в замок]»³¹². Японские источники дополняют, что в 1582 году, в канун нового года, Нобунага открыл свой дом «для членов своей семьи, жителей провинции и города Адзуту». Посетителям устроили подробную экскурсию по замку и показывали буквально все, от Императорского зала до кухни. В конце их попросили заплатить Нобунага небольшую плату³¹³.

Несмотря на все это, очень трудно оценить то, как воспринимали замок Адзуту современники в течение столь непродолжительного периода его существования. В источниках нет сведений о том, как в целом оценивало проект Нобунага общественное мнение. Так, к примеру, полностью умалчивают о нем дневники придворной аристократии. «Адзутияма но ки» Нангэ Гэнко представляет собой панегирик, созданный по заказу Нобунага, и потому не может отражать общественное мнение³¹⁴. В конечном счете, нам ничего не остается, как опираться на уже (и даже слишком) знакомые нам источники. Их свидетельства можно считать достаточно надежными, но не стоит забывать, что и Гюити, и иезуиты склонны восхвалять Нобунага и его деяния. Однако эти данные японских и европейских источников показывают нам, что Нобунага придавал огромное значение общественному мнению и сознательно использовал великолепие Адзуту для того, чтобы формировать у современников «правильный» взгляд на себя самого и свое правление. Он как будто хотел доказать всем, что он не только грозен, но и добр, не только беспощаден, но и интересен.

ГОРОД

Город (*дзэкамати*) вырос у подножия горы Адзути вместе с замком. Феномену *дзэкамати*, которые получили широкое распространение в конце XVI — начале XVII столетий, посвящено немало специальных исследований. Несомненно, что город-замок периода Токугава является наиболее исследованным из всех других современных ему городов во всем мире. Чтобы не выходить за поставленные нами рамки биографии, мы уделим основное внимание «Правилам» (*садамэ*), которые Нобунага создал для города Адзути. Ниже приводим полный их текст³¹⁵:

1. *Поскольку я решил, что данное место будет свободным рынком, все товары освобождаются от пошлин и налогов и пр.*

2. *Торговцы должны прерывать свое путешествие по тракту Камикайдо [Накасэндо] и останавливаться в этом городе, направляются ли они из столицы или по направлению к ней. Однако, что касается перевозчиков, это должен решить владелец.*

3. *Освобождение от налогов на строительство. Однако, когда его светлость находится в походе, в Киото или в отлучке, их помощь ожидается.*

4. *Освобождение от налогов за перевозку.*

5. *Что касается пожаров: если имеет место поджог, глава дома не будет нести ответственности; но если пожар возник по вине домашних, должно быть проведено расследование и глава дома должен быть изгнан. Тем не менее, тяжесть [наказания] будет зависеть от обстоятельств. Тот, кто совершил преступление, должен быть подвергнут допросу и наказан.*

6. *О преступниках: вне зависимости от того, является ли [преступник] жильцом или даже членом семьи, глава дома не будет нести ответственности за преступление, если он не знал о нем и не принимал в нем участия.*

7. *Покупка товаров: если кто-либо по неведению покупает краденые вещи, он не будет подвергнут наказанию. Если вора поймают, тогда, по правилам, украденные вещи должны быть возвращены [прежнему владельцу].*

8. *Даже если во всех владениях Нобунага будет объявлено об отмене долговых обязательств, это не будет касаться Адзути.*

9. *Ко всем приехавшим сюда из других провинций и местностей будут относиться точно так же, как и к прежним жителям. Не будет никаких возражений, вне зависимости от*

того, чьи будут вассалы [новые поселенцы]. Люди, называющие себя вассалами [Нобунага], которые будут собирать дополнительные подати с них, будут немедленно остановлены.

10. Запрещено следующее: поединки, ссоры, а также кунидзити, токородзити³¹⁶, принудительные покупки, принудительные продажи, принудительная сдача жилья и пр.

11. Если в городе появятся сборщики налогов или им подобные, следует немедленно сообщить об этом Фукудзуми Хэйдзаэмон [Хидэкацу] и Кимура Дзиродзаэмон но Дзё, которые проведут расследование и примут решение.

12. Все живущие в городе, вне зависимости от того, являются они вассалами или ремесленниками, освобождаются от обычных семейных податей, в особенности те, кто живет здесь по приказу и получает жалование от его светлости, а также ремесленники, работающие на него.

13. О торговле лошадьми: торговля лошадьми в данной провинции должна производиться в Адзути.

Любой, кто нарушит эти запреты, будет неминуемо и жестоко наказан.

*В пятый год правления под девизом Тэнсё [1577],
шестого месяца, ... дня.*

Если бы не сухой отрывочный тон данного документа, его можно было бы принять за рекламный проспект агента по недвижимости. Нобунага превозносил свой город: жизнь в Адзути должна была стать справедливой и счастливой для всех.

Освобождением от податей и налогов Нобунага стремился привлечь население в Адзути (статьи 1, 3, 4, 9 и 12). Особенно благоприятные условия создавались для торговцев. Адзути был провозглашен территорией свободной торговли: на практике это означало, что все имели равные возможности и что существующие транспортные и торговые гильдии не будут монополизировать торговлю. Очевидно, что эти меры были нацелены на создание условий для свободного движения людей и товаров в Адзути. Путешествия в Японии XVI века были делом опасным и затратным, широко распространена была система застав, на которых взимали пошлины. В августе 1565 года Фройс писал, что путешествовать в Кинай, куда он прибыл с Кюсю в феврале того же года, «очень дорого» из-за пошлин, которые необходимо платить³¹⁷. В ту пору путешественник, следующий из Нара через Киото в Акэти в провинции Мино должен был пересечь не менее восемнадцати застав. Два человека, несущие два бочонка с вином по этому пути, заплатили

бы пошлин на сумму один *кан* и 496 *мон*, что очень много, принимая во внимание тот факт, что многие земельные владения, которые Нобунага раздавал своим сторонникам на раннем этапе карьеры, давали годовой доход примерно в двадцать *кан*. Неудивительно поэтому, что путешествующие торговцы порой брали штурмом новые заставы³¹⁸.

Даймё эпохи Сэнгоку обычно стремились убрать все преграды, мешающие движению товаров, чтобы дать толчок развитию торговли в своих владениях. Однако Нобунага стал первым, кто прибег к подобным мерам в столь значительном масштабе. Захватив в 1568 году Киото, «Нобунага положил конец взиманию податей на многочисленных заставах в провинциях, находившихся под его властью»³¹⁹. Осаму утверждал, что слова «в провинциях, находившихся под его властью» относятся только к Мино и Овари, а не к Пяти домашним провинциям (*Гокинай*), однако есть определенные основания не согласиться с такой интерпретацией³²⁰. В своем письме от 28 сентября 1571 года Фройс сообщает, что Нобунага убрал все заставы на дороге из Сакай в Киото, чем вверг в большую печаль их прежних владельцев-аристократов³²¹. Поэтому, по всей видимости, «провинции, находившиеся под властью Нобунага» включали не только Овари и Мино, но и Домашние провинции. Во всех вновь завоеванных землях Нобунага неизменно убирал все заградительные заставы. Например, в «Установлениях для провинции Этидзэн» (1575) говорится: «Все заставы были уничтожены во всех моих землях, то же должно быть сделано и в этой провинции»³²². Ваquita прав в том, что это была частичная, а не полная их отмена. Так, например, Семь застав в Киото, которыми владела знатная семья Ямасина, убрали только во времена Хидзёси. Кроме того, Нобунага не тронул большую часть застав, которые пополняли императорскую казну³²³.

Отмена застав облегчила налоговое бремя населения страны. И хотя Нобунага не перенаправил средства в свой карман напрямую, косвенные выгоды для него были весьма существенны. Большой объем и более низкая цена перевозки товаров означали больший объем торговли, а чем больше объем торговли, тем быстрее становился экономический рост, благодаря которому Нобунага получал дополнительные средства на ведение войн со своими противниками. Кроме того, большинством застав владели могущественные монастыри или местные князья, то есть те, чью власть Нобунага более всего стремился ограничить. Нобунага пресек по-

ток денежных поступлений всем тем, кто не подчинялся ему или не был назначен им. Однако реакция общества в целом на отмену заградительных барьеров оказалась решающей: выгода простых налогоплательщиков перевесила финансовые потери бывших владельцев. По свидетельству и Ота Гюити, и Фройса, отмена застав в целом была положительно встречена в стране³²⁴.

Жителям Адзуту предоставлялась и такая особая мера защиты, как нераспространение на них отмены долгов (*токусэй*). Сёгуны Муромати регулярно выпускали приказы об отмене долговых обязательств в столичной области, преследуя тем самым цель снять финансовое бремя с должников из самых разных социальных слоев, от крестьян до придворной аристократии. Подобная политика, получившая название *токусэй*, защищала интересы должников, но приносила большой вред заимодавцам, основную массу которых составляли производители товаров и торговцы. В первые годы Нобунага также выпускал приказы об отмене долгов или же подтверждал приказы, изданные сёгуном Ёсиаки. В то же время он не мог не понимать, что подобная политика создает в обществе атмосферу неопределенности, которая могла серьезно подорвать экономику центральной части страны. Поэтому он и прибег к такой мере, гарантируя интересы кредиторов в Адзуту. Кроме того, очевидно, что Нобунага стремился в большей степени сделать Адзуту не своеобразным перевалочным пунктом, а привлекать как можно больше торговцев, которые бы продавали товары и тратили деньги в его городе. От тех, кто просто перевозил товары, но не продавал их, не требовалось останавливаться на ночь (п. 2). Правила для Адзуту свидетельствуют, что Нобунага прекрасно понимал: экономическое развитие было наилучшим способом возвысить город, а следовательно, и упрочить его славу. Так простейшие законы экономики оказались поставленными на службу системе власти.

Политика, проводившаяся Нобунага в Адзуту, не была уникальной. Многие даймё эпохи Сэнгоку создавали в своих землях благоприятные условия для привлечения торговцев и ремесленников. Безусловно, Нобунага не провозглашал свободную торговлю и не отменял гильдии во всех городах, находившихся под его властью, однако ограниченность ресурсов заставила его сосредоточить внимание на таком новом развивающемся городе, как Адзуту. В общенациональном масштабе подобную политику стал проводить только Тоётоми Хидэёси. Поэтому, именно Хидэёси можно считать создателем новой системы торговли, свободной от цеховых ограничений

и «средневекового» доминирования религиозных институтов и знатных семей. Вместо этого «новые даймё» — лидером которых был сам Хидэёси — стали непосредственно контролировать торговцев и их союзы.

В конце XVI столетия японские города, особенно расположенные в столичной области, превратились из самоуправляющихся образований в города-замки под контролем даймё и их сподвижников³²⁵. Жители вновь образующихся городов-замков получали привилегии, но не автономию. Это также видно из нашего документа: все нити административной, политической и судебной власти держали в руках Нобунага и его чиновники, Фукудзумы Хидэкацу (ум. 1582) и Кимура Дзиродзаэмон. Для привлечения новых жителей гарантировалась элементарная юридическая защита: так, главным юридическим принципом провозглашалась справедливость (статья 5). Коллективная ответственность, будущий краеугольный камень административной системы Токугава, в Адзути не устанавливалась (статьи 6 и 7). Однако в других более старых и более независимых городах Центральной Японии Нобунага никогда не имел возможности проводить политику исключительно по собственному усмотрению. Например, в Сакай и Киото Нобунага был вынужден мириться со сложившимися экономическими устоями: официально провозглашая свою власть над ними, он не производил сколько-нибудь значимых реформ. Реальные изменения произошли при Хидэёси, который переселял торговцев, вводя новую налоговую политику. Хидэёси даже удалось произвести реструктуризацию в самом Киото: знать и духовенство были вынуждены принять земли в предместьях взамен прежних, а религиозные институты были сконцентрированы в Тэрамати и Тэра но Ути, благодаря чему оказалась практически воссозданной свободная планировка городских кварталов³²⁶.

Несмотря на то что «Правила для Адзути» применялись только на ограниченной территории, несомненно, они в немалой степени поспособствовали привлечению людей в новый город и эффективной организации городской жизни. В отчете иезуитов за 1581 год количество жителей Адзути оценивается в «пять или шесть тысяч» и, более того, указывается, что город «растет день ото дня». На склонах горы располагались резиденции вассалов Нобунага, а город населяли «простолюдины и ремесленники»³²⁷.

Проектируя новый город, Нобунага стремился сделать его торговым центром на пересечении важнейших дорог Центральной Япо-

нии, поэтому очень интересно посмотреть, каким образом он начал их строительство. Работы стартовали в начале 1575 года, и они описываются в одном из писем, скрепленном красной печатью и направленном Нобунага четырем своим наместникам в разных районах страны. Отметим, что наличие подобной печати подчеркивало особую важность документа. Документы с красными печатями имели гораздо больший вес по сравнению с теми, что скреплялись черной печатью или в которых ставилась монограмма³²⁸:

Дороги в провинции Овари необходимо ремонтировать три раза в год. Что касается мостов, деревни, которые прежде поддерживали их в порядке, должны продолжать делать это. Точно так же должны жители деревень поддерживать в порядке водные пути. Если какая-либо из деревень будет пренебрегать своими обязанностями, вы должны провести расследование и принять соответствующие меры.

2-й год правления под девизом Тэнсё

В дополнительный одиннадцатый месяц 25-го дня

Нобунага [красная печать]

Господину Сасаока Хатиэмон

Господину Сакай Бунсукэ

Господину Коно Тодзо

Господину Ямагути Таробёэ

Осенью 1574 года, всего за несколько месяцев до написания этого письма, вся провинция Овари, включая дельту Нагасима, прежде занятую последователями Икко, перешла, наконец, под контроль Нобунага. Очевидно, Нобунага стремился улучшить сеть дорог в Овари, а также расширить водное и наземное транспортное сообщение. Безусловно, он прекрасно понимал, что развитые транспортные сети, помимо военного, дают социальные и экономические преимущества. Как мы видим из письма, затраты и ответственность за поддержание транспортных магистралей ложились на плечи местных общин. Адресатам письма, скрепленного красной печатью, которые все были местными землевладельцами, вменялось в обязанность следить за тем, чтобы деревни предоставляли необходимое количество людей для ведения ремонтных и строительных работ.

При организации общественных работ Нобунага стремился регламентировать буквально каждую мелочь, не оставляя своим подчиненным никакой свободы для самостоятельных решений. Так,

четко устанавливалась даже ширина дорог, варьирувавшаяся в зависимости от их типа. В 1576 года сын Нобунага Нобутада повелел, чтобы «главный прибрежный тракт в Овари имел три *кэн* и два *сяку* [в ширину], примыкающие к нему дороги два *кэн* и два *сяку*, а местные дороги — один *кэн*»³²⁹. При ведении работ стремились тратить как можно меньше материалов, вследствие чего широко использовались уже бывшие в употреблении вещи. «Если в деревне нет достаточного количества леса для моста, его можно взять в храме Дзёкодзи в Мидзуно», — говорил Нобунага своим назначенцам в Овари³³⁰.

Имеются свидетельства, позволяющие сделать вывод о том, что далеко не все разделяли энтузиазм Нобунага в отношении дорожных работ, в особенности те, кто оказался вынужденным платить за это. 27 марта 1575 года Ёсида Канэми, первый священнослужитель святилища Ёсида в Киото, записал в своем дневнике, что Нобунага приказал строить дороги «во всех своих владениях». К сожалению, Ёсида не удалось остаться в стороне и, таким образом, сберечь свои средства, поскольку нескольким деревням из его наследственных земель было предписано построить более километра горной дороги между Верхним Киото и Китасиракава. Канэми неоднократно направлял протесты губернатору Киото и, по положению, начальнику работ Мурай Садакацу, но безрезультатно. С глубоким сожалением он написал в дневнике: «Завтра мы должны начинать».

Предоставленные Ёсида люди приступили к работе 28 марта. Она продолжалась девять дней, с некоторыми задержками из-за дождей. 6 апреля, за день до окончательного срока, установленного губернатором, Канэми отмечает, что «все завершено», однако радость его была недолгой, поскольку его рабочие получили новое задание — помочь построить участок дороги около Сиракава. Кроме того, между людьми Канэми и работавшими на Сиракава ранее возник конфликт: Канэми попросили разрешить спор относительно сооружения моста на склоне холма. В конечном счете удалось найти компромиссное решение: одна сторона предоставляла рабочую силу, а другая — строительный лес³³¹.

Дорога была полностью закончена 13 апреля 1575 года, в день прибытия Нобунага в Киото, через 10 дней после того, как объявили об окончании работ. Канэми, хитрый льстец, вышел поприветствовать Нобунага и похвалить новую дорогу. «Сидя верхом на коне», Нобунага передал Канэми рисовые пирожные, чего, впрочем, оказалось достаточно, чтобы последний записал в своем днев-

нике: «Какая удача»³³²! Однако, горькие воспоминания о принуждении к предоставлению людей и материалов для строительства дорог не оставляли Канэми вплоть до весны 1576 года, когда, благодаря хорошим отношениям с Мурай Садакацу, ему удалось выговорить для себя на будущее освобождение от участия в подобных проектах³³³.

Особое внимание Нобунага уделял главной дороге в своих владениях, той, что связывала Адзути с Киото. Яркое описание ее мы находим в одной из глав «Истории Японии» Луиса Фройса, которая в целом посвящена перечислению разнообразных достижений Нобунага за период его правления³³⁴:

Он отремонтировал дороги из города Адзути в Мияко протяженностью в четырнадцать лиг, так, что они образовали одну-единственную: ровную, чистую и прямую, шириной в пять или шесть татами [кэн]. По обеим сторонам дороги высадили деревья, чтобы они давали тень в знойную жару; на некоторых деревьях висели метлы, и местным жителям вменялось в обязанность содержать дорогу в чистоте. Между деревьями вдоль всей дороги были положены камни, так что вся она казалась садом. На определенном расстоянии друг от друга построили домики, где путешественники могли отдохнуть и где продавалось множество разной еды. И там, где прежде было небезопасно путешествовать даже днем, по крайней мере без сопровождения, люди при Нобунага всегда путешествовали ночью, особенно летом, а когда они хотели отдохнуть, они могли спокойно положить свои вещи и заснуть рядом с дорогой так же спокойно, как в своих домах. Во многих провинциях, находившихся под его властью, Нобунага точно так же привел дороги в порядок.

Нобунага не только превратил дороги в тенистые аллеи, но, что еще более важно, он вновь сделал передвижение по ним безопасным. И в этом нельзя не увидеть определенный пропагандистский ход: Нобунага стремился показать, что при его власти жизнь возвращалась в нормальное русло.

ЖИТЕЛИ

Приступая к строительству, Нобунага начал с того, что переселил своих личных вассалов из их поместий в Овари в Адзути, к подножию замка. Этот шаг покажется тем более примечательным, если принять во внимание, что в прежнем замке Нобунага Гифу никогда

не было подобного количества вассалов. В 1583 году Алессандро Валиньяно, еще не знавший о гибели Нобунага, писал: «Нобунага пребывает со своим двором в главной крепости Адзути»³³⁵. Это маленькое замечание позволяет поднять важные вопросы, касающиеся системы управления вассалами: в каких формах, размерах, существовал его двор в Адзути, каков был его характер, кто входил в ближайшее окружение и, наконец, должны ли были (все) его вассалы поселиться в Адзути?

Кроме городского люда, жившего в городе, среди обитателей Адзути можно выделить три слоя военных: ведущие члены семьи Нобунага, его личные помощники и конная гвардия (*умамавари*). Ближайшие родственники Нобунага и его помощники жили на склонах горы Адзути; менее знатным гвардейцам были выделены участки освоенных земель.

Ближайшие родственники, в терминологии той эпохи «ветви» (*горэнси*), можно достаточно легко отождествить и описать. Все они участвовали в параде, состоявшемся в Киото в 1581 году. Ота Гюити в своем сочинении «Синтё-ко ки» перечисляет их в порядке неофициальной иерархии³³⁶.

Ветви

Господин Тюдзё Нобутада, с восьмьюдесятью всадниками из отрядов Мино и Овари.

Китабатакэ Тюдзё Нобукацу, с тридцатью всадниками из отряда Ссэ.

Ода Кодзукэ но Ками Нобуканэ с десятью всадниками.

Сансити Нобутака с десятью всадниками.

Ода Ситибёэ Нобудзуми с десятью всадниками.

Ода Гэндзо [Нагамасу],

Ода Матадзюро [Нагатоси],

Ода Канситиро,

Ода Наканэ [Нобутэру],

Ода Такэтиё [Нобуудзи],

Ода Суо [но Ками],

Ода Магодзюро.

Ода Нобутада ехал впереди в окружении самой многочисленной свиты, что, несомненно, отражало его первенство перед остальными. Судя по размерам свиты, его младший брат Нобукацу шел в иерархии вторым. За братьями следовали трое, занимавшие одинаковое положение: Нобуканэ, младший брат Нобунага, Нобутака, третий сын Нобунага, и Ода Нобудзуми, племянник Нобуна-

га. За ними следуют уже менее известные лица, включая братьев и кузенов Нобунага. «Ветви» являлись важнейшей составляющей режима Нобунага, они сыграли решающую роль в создании и расширении владений клана Ода, начиная с начала 1550-х годов, однако официально их роль была признана позднее. Не случайно, поэтому, сам термин «ветви» впервые появляется в «Синтё-ко ки» только в приведенном выше фрагменте.

Имеются свидетельства, что Нобутада, Нобукацу и Нобутака имели дома в Адзуту. Что касается первых двух, они получили 14 июня 1580 года инструкции от своего отца «построить себя резиденции» в Адзуту³³⁷. А благодаря иезуитам мы знаем, что отец Органтино посетил Нобутака в его доме в Адзуту всего за несколько дней до гибели Нобунага в Хоннодзи³³⁸. Однако это не значит, что они жили там постоянно. Например, 24 августа 1581 года они совершили поездку в Адзуту для того, чтобы получить драгоценные кинжалы от своего отца³³⁹. При этом, несмотря на то что не все ближайшие родственники Нобунага постоянно жили в Адзуту, их земельные владения группировались в Центральной Японии вокруг города, словно прикрывая его на случай беды.

В период, предшествовавший переселению в Адзуту (если быть точным, между 1573 и 1575 годами), Нобунага постепенно передавал своему сыну Нобутада бразды правления и гражданскими, и военными делами в Овари и Мино (исконных территориях дома Ода). Официально же передача полномочий произошла в 1576 году, когда Нобутада был назначен смотрителем Гифу, после чего Нобунага переехал в Адзуту. Начиная с 1577 года, Нобунага постепенно устраняется от активного участия в военных кампаниях, он передал командование армиями Нобутада и проводил большую часть времени в своем новом замке. Весной 1582 года, всего за несколько месяцев до смерти Нобунага в Хоннодзи, Нобутада окончательно покорил дом Такэда, причем без непосредственной помощи со стороны отца, тем самым лишней раз подтвердив законность своих притязаний на место преемника Нобунага. Передача власти в Овари и Мино Нобутада, а также последовавший за этим переезд Нобунага в Адзуту повлияли и на вассалов дома Ода. Многих вассалов забрал на новое место сам Нобунага. Другие же, как Сайто Сингоро (ум. 1582) и Сакай Тосисада, прежде входившие в состав конной гвардии Нобунага, стали непосредственными вассалами Нобутада. Они жили в Овари и, как следствие, оказались под его юрисдикцией. Сайто Сингоро, старый ветеран из Мино, вырос в одного из ключевых сподвижников Нобутада и в конце концов

встретил смерть вместе со своим молодым господином во дворце Нидзё в Киото. Что касается Акай Бунсукэ, то он продолжал выполнять те же гражданские функции, что и при Нобунага; его задачей было поддерживать в порядке состояние водных путей, мостов, дорог, дамб и пр. в провинции Овари³⁴⁰.

В 1576 году другой сын Нобунага, Нобукацу, физически устранил Китабатакэ, прежних владельцев провинции Исэ (еще в 1569 году отец поставил его соглядатаем в родовом гнезде Китабатакэ). Другие ведущие представители дома Ода были вынуждены довольно долго ждать, прежде чем стали крупными землевладельцами. У Нобутака вплоть до гибели его отца было слишком мало земли и доходов. Ему была обещана провинция Сануки на Сикоку, самом маленьком из четырех основных островов Японии, еще до начала планировавшегося вторжения в нее³⁴¹. Однако это обещание не сбылось вследствие гибели Нобунага в Хоннодзи. Достаточно поздно стал крупным земельным собственником и Нобуканэ. В конце 1581 года он получил в качестве «поместья» (*рётю ни*) одну из четырех областей провинции Ига (ныне — западная часть префектуры Миэ). Три остальные области Ига были отданы «в удел» (*тигё ни*) Нобукацу³⁴². Нобудзуми получил область Такэсима в Оми в 1578 году; кроме того, после падения Хонгандзи он поселился там, где находились развалины стратегической цитадели Одака³⁴³. Если собрать все эти владения воедино, мы увидим, что дому Ода принадлежала широкая полоса земли в Центральной Японии, протянувшаяся от берегов озера Бива, через провинции Ига и Исэ, к родовым землям Мино и Овари. Она стала географическим центром режима Нобунага. К 1582 году земли дома Ода полностью покрыли пространство от Киёсу до Киото.

Вторую группу обитателей Адзути составляли личные вассалы Нобунага, такие как Суганоя Нагаёри (ум. 1582), Такэи Сэйкан, Манми Сигэмото (ум. 1578), Фукудзуми Хидэкацу (ум. 1582) и Хасэгава Хидэкадзу (ум. 1594). Этим личным вассалам было дозволено поселиться на самой горе, что ясно из отрывка из «Адзути никки», ранней версии «Синтё-ко ки»³⁴⁴:

В 23-й день первого месяца [7-го года правления под девизом Тэнсё (1579)] резиденцию [умершего] Манми Сэнтиё [Сигэмото] на горе, принадлежавшей его светлости, передали Хасэгава Тику [Хидэкадзу]; резиденция Тику перешла к Такахаси Торамацу, резиденция Торамацу перешла к Тояма Синкуро, резиденция Синкуро перешла к Козмон.

Начало этой процедуре передачи резиденций от вассала к вассалу положила смерть Манми Сигэмото в конце 6-го года Тэнсё (1576). Вплоть до своей смерти Сигэмото играл одну из ключевых ролей в окружении Нобунага и действовал под его непосредственным руководством. Освободившаяся, хоть и по скорбной причине, резиденция была передана другим сподвижникам Нобунага. Так, Хасэгава Хидэкадзу поселился в непосредственной близости от своего господина, а слуга Торамацу тоже перебрался в лучший дом. Если уж такой человек, как Хидэкадзу поселился на горе Адзути, то логично предположить, что Суганоя Нагаёри и другие ключевые фигуры из свиты Нобунага тоже сделали это. Сегодня мы не можем точно сказать, где именно находились резиденции этих вассалов, но очевидно, что дома располагались на горе в соответствии с иерархией. Чем более знатным был вассал, тем выше находилась его резиденция, и наоборот. Тем самым сама гора Адзути стала воплощением вассальной иерархии.

Один очень молодой и знатный член свиты Нобунага, паж Мори Ранмару Наритоси (1565–1582), также получил землю поблизости от замка, то есть в провинции Оми. Нобунага выделил их Ранмару 22 мая 1581 года. Они находились в четырех местах и давали 500 *коку*³⁴⁵. Несмотря на юный возраст, начиная с 1579 года Ранмару играл все более важную роль в свите Нобунага. Он являлся знатоком церемоний в Адзути, встречал гостей, принимал от них подарки и передавал им слова своего господина. Иногда его отправляли с поручениями за пределы Адзути, чтобы отдать приказание или передать подарки от имени Нобунага. Что касается земель, данных ему в 1581 году, мы не можем сказать наверняка, что 500 *коку* составляли *кокудака* в смысле совокупного произведенного количества зерна, как это определялось позднее на основе *кэнти* Хидэси. Тот факт, что они находились в четырех разных местах, весьма показателен: он заставляет предположить, что Нобунага, хотя и предпочитал в последние годы, чтобы его вассалы жили в непосредственной близости от него, все-таки не произвел таких радикальных земельных реформ, какие позднее осуществил Хидэси. Земельные владения, пожалованные Ранмару, по-видимому, можно рассматривать как определенную модель, в соответствии с которой Нобунага раздавал земли своим сторонникам в начале 1580-х годов.

В 1581 году Нобунага как минимум еще трижды даровал земли тем, кто находился у него на службе. К сожалению, мы не можем

установить, где находились эти владения. Однако если учитывать статус тех лиц, которым они были переданы — а это Хасэгава Хидэкадзу, Нономура Масанари (ум. 1582), Иноко Таканари (ум. 1582) и Такахаси Торамацу (ум. 1582), — представляется вполне вероятным, что эти земли должны были находиться в провинции Оми, неподалеку от замка Адзути. Все новоявленные получатели земель либо принадлежали к старому ядру конной гвардии Нобунага, состоявшему из выходцев из Мино и Овари, либо являлись его слугами. Как уже говорилось выше, все эти люди были вынуждены жить в Адзути вместе со своими семьями. Более того, более поздний источник эпохи Эдо («Синтёки» Одзэ Хоан) недвусмысленно утверждает, что владения одного из указанных выше лиц находились на севере Оми³⁴⁶. Таким образом, мы вправе заключить, что после 1580 года Нобунага стремился предоставлять своим личным вассалам земли именно в провинции Оми.

Вторым главным обитателем Адзути после Нобунага был Суганоя Нагаёри. Он занимал должность, которую можно определить как «начальник конной гвардии». Естественно, многочисленные связанные с ней функции он выполнял не единолично, а возглавлял целый штат, который периодически менялся³⁴⁷. Незадолго до гибели Нобунага в 1582 году была сформирована группа из пяти Начальников конной гвардии: Суганоя Нагаёри, Хори Хидэмаса (1553–1590), Хасэгава Хидэкадзу, Ябэ Иэсада (даты рождения и смерти неизвестны) и Фукудзуми Хидэкацу. Об этом можно судить, принимая во внимание, что эти пятеро стояли во главе конной гвардии Нобунага в ходе последней кампании против Такэда. Задолго до 1582 года Нагаёри сыграл немаловажную роль в переселении воинов конной гвардии Нобунага, традиционно селившихся в Овари и Мино, в новый замок Адзути. На языке того времени воины конной гвардии, жившие в Адзути, именовались *дзай-Адзутисю*, «отрядом из Адзути»³⁴⁸.

С того самого момента, как в 1576 году началось строительство Адзути, Нобунага намеревался переселить основную часть своих вассалов на новое место. «Нобунага выделил конной гвардии участки под застройку у подножия горы, и каждый из них следил за тем, как шло строительство его дома»³⁴⁹. Спустя всего два года уже немалое количество воинов конной гвардии и лучников жило в Адзути. Однако семьи свои они оставили в своих прежних домах в провинции Овари. Нобунага использовал пожар 1578 года для

того, чтобы ускорить переселение конной гвардии и лучников в Адзути³⁵⁰:

Пожар начался в покоях Фукуда Ёити, лучника Нобунага, в 29-й день первого месяца. Нобунага, узнав об этом, заявил, что пожар произошел потому, что [Фукуда] не перевез свою жену и детей в Адзути. Он велел своему начальнику Суганоя Куэмон [Нагаёри] составить список присутствующих. Когда расследование было закончено, Нобунага немедленно отстранил шестьдесят лучников и шестьдесят воинов конной гвардии, всего сто двадцать человек, которые не перевезли жен и детей в Адзути. Он объявил, что поджог, совершенный одним из лучников, является уголовным преступлением, и приказал господину Тюдзё Нобутада в Гифу отправить людей и предать огню дома всех лучников, которые оставили жен и детей в провинции Овари, и срубить все деревья и бамбук. В результате жены и дети 120 человек перебрались в Адзути так быстро, как только могли. В качестве наказания за небрежность Нобунага велел этим воинам построить новую дорогу от входа в южную часть замка и [в конце] простил их.

После этого случая переселение в Адзути стало обязательным для всех воином конной гвардии, отказ карался смертью. Так, Идо Масамото входил в состав конной гвардии как минимум с 1570 года, когда он участвовал в нападении на сторожевую заставу храма Хонгандзи в Одзака, что не помешало Нобунага отдать в 1579 году приказ Нобутада казнить его. «Причина заключалась в том, что [Идо] не перевез жену и детей в Адзути, переезжал из одного дома в другой, не желал считаться ни с кем и не появился в Адзути»³⁵¹.

Вассалы, жившие в Адзути, составляли три группы: слуги (*косёсю*), конная гвардия (*умамаварисю*) и лучники (*юмисю*). Это следует из церемониальной практики, быстро сложившейся в Адзути. В принципе, ведущим вассалам Нобунага предписывалось совершать визиты к своему господину под новый год. Впервые это случилось в 1578 году, когда в Адзути прибыли вассалы, среди которых были Такигава Кадзумасу, Хосокава Фудзитака, Хасиба Хидзёси, Акэти Мицухидэ. В 1579 году Нобунага отменил новогоднюю аудиенцию, поскольку большая часть его войск была занята осадой замка Ариока в провинции Сэтцу. Однако неделю спустя Нобунага приказал «своим слугам, воинам конной гвардии и лучникам» доставить на гору Адзути камни из близлежащего карьера. Но

все эти вассалы постоянно жили в Адзути, а не прибыли специально для того, чтобы выполнить приказание своего господина³⁵².

Процесс переселения вассалов в Адзути ускорился, начиная с 1580 года. 29 апреля Нобунага начал обустраивать земли к югу от замка и готовить их для строительства³⁵³:

Начиная с 16-го дня дополнительного месяца Нобунага приказал своим уполномоченным Суганоя Кузмон, Хори Кютаро [Хидэмаса] и Хасэгава Тику [Хидэкадзу] выкопать ров и заполнить рисовые поля к югу от периметра Адзути и к северу от новой дороги. Он передал строительный участок [иезуиту] Батерену.

Одновременно они принял Фусэ Токуро [Кимиясу], прежде принадлежавшего дому Гамо Ухэе но Таю [Катахидэ], в ряды конной гвардии и выделил ему участок. Это было великой честью для Фусэ получить такие почести.

Нобунага приказал воинам своей конной гвардии и слугам выполнить строительные работы; они заполнили ров под Ториути, построили рядами дома, выкопали ямы в нескольких местах к северо-западу от озера, где корабли могли заходить в порт, и посадили деревья и бамбук; кроме того, он велел им засыпать рвы и каналы. Всем были выделены участки.

Их имена:

Инаба Гёбу [но Сё], Такаяма Укон, Хинэно Рокуродзаэмон, Хинэно Ядзиэмон [Моринари], Хинэно Хандзаэмон, Хинэно Канъэмон, Хинэно Гоэмон, Мидзуно Кэнмоцу [Моритака], Наканиси Гонбёэ, Ёго Кюбёэ [Кацунао], Хирамацу Сукэдзюро, Нономура Мондо [но Сё], Кавадзири Ёбёэ [Хидэтака].

Так повелел Нобунага. Каждый день он отправлялся на соколиную охоту со своими лучниками.

Представляется, что Нобунага более не стремился просто перевести своих вассалов из Мино и Овари в Адзути. В его политике можно усмотреть признаки начала нового этапа: он укреплял ряды конной гвардии новыми людьми, выходцами из других провинций. Новые вассалы точно так же должны были строить дома в Адзути. Фусэ Кимиясу из провинции Оми проявил свои достоинства в прошлые годы и теперь был вознагражден за это; он ушел со службы Гамо Катахидэ и стал воином конной гвардии Нобунага, самых элитных войск той поры. Большой карьерный скачок совершили и представители дома Хинэно, которые до 1574 года сопротивлялись Нобунага. Всего за шесть лет службы они смогли достичь положения, равного таким людям, как Мондо но Сё и Кавадзири Хи-

дэтака, которые принадлежали еще к первому призыву конной гвардии.

Особенно примечателен случай Такаяма Укон, поскольку, судя по всему, ему было позволено жить вне Адзуту. Вплоть до гибели Нобунага ставкой его был замок Такацуки в провинции Сэтцу (ныне — часть префектуры Осака). А его земельные владения в этой провинции располагались вокруг области Носэ. Ведущая должность «командующего» (*майсё*) в военной иерархии Сэтцу была зарезервирована для Икэда Цунэоки, приемного брата Нобунага. Ему служило четверо вассалов, каждый из которых имел свои земли и крепости в провинции. Помимо Такаяма Укон, это были местные князья Накагава Киёхидэ из Ибараки, Абэ Ниэмон из Яда и Сиокава Китидаю из Тада. Укон получил высокий пост, владения в Сэтцу, резиденцию в Адзуту и заслужил прием в ряды конной гвардии верностью Нобунага во время так называемого «Кризиса Араки». С этого момента, то есть с декабря 1578 года, его карьера вассала Нобунага пошла круто вверх. В 1581 года он служил в провинции Инаба и докладывал о положении дел лично Нобунага. Наконец, в числе воинов конной гвардии он участвовал в походе против Такэда на востоке Японии в 1582 году³⁵⁴. У нас, однако, нет сведений о том, что Нобунага требовал от него перевезти семью в Адзуту. В отличие от ветеранов из Мино и Овари, Такаяма не порвал связи с родными местами.

Описывая трудности, с которыми сталкивались иезуиты в своих попытках закрепиться в Адзуту, Луис Фройс в своей «Истории Японии» дает интереснейшие комментарии по поводу того, как селились вассалы Нобунага в окрестностях замка. По сообщению Фройса, вассалы не имели ни малейшего желания жить в Адзуту, а переселялись только для того, чтобы угодить своему господину. Переселение на новое место требовало больших расходов. Очень трудно было добывать строительные материалы, поскольку «в области Адзуту практически не было ничего необходимого», и все приходилось везти на повозках. Вассалы Нобунага селились на самой горе, которая «вся была покрыта домами, как и окрестности». Если переселения в Адзуту требовало положение, необходимо было располагаться как можно ближе к замку. Рядовые воины селились не на самой горе, а у ее подножия. Вокруг замка катастрофически не хватало земельных участков под строительство. С другой стороны, в городе земли было много, но жить там означало бы находиться «среди простолюдинов и ремесленников». Нобунага

приказал «засыпать участок озера между горой и городом» для того, чтобы восполнить нехватку земли. Это было сделано в течение двадцати дней. В числе первых участок на новой земле получили иезуиты, построившие там знаменитую, но недолго просуществовавшую миссию³⁵⁵.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что Адзути был отнюдь не просто обычным замком, а местом, в котором осуществлялись строительные, представительские, торговые, административные и управленческие функции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОДЫ НЕСЧАСТЬЯ

1576–1580

Как мы говорили в пятой главе, военные успехи Нобунага в 1575 году позволили ему установить тесные связи с императорским двором. Двор же, в свою очередь, более чем желал стать ближе к Нобунага, власть и могущество которого возрастали день ото дня. В итоге обе стороны получили то, к чему стремились: Нобунага — легитимацию своих завоеваний, а двор — пополнение опустевшей казны. Несмотря на все победы, одержанные Нобунага в 1575 году, беда пришла сразу же, как только год закончился. Расширить свое влияние в Центральной Японии Нобунага мог, только столкнувшись с могущественными даймё, такими как Мори в Западной Японии и Уэсуги на северо-востоке. До сих пор они поддерживали дружеские отношения с Нобунага, но теперь он стал представлять для них угрозу. На что Мори и Уэсуги отреагировали быстро, обратившись к двум оставшимся противникам Нобунага в Центральной Японии (Ёсиаки, королю без королевства, и наставнику Кэннё Коса), чтобы образовать второй, намного более сильный, союз против Нобунага. Угрозу этого второго союза удалось нейтрализовать только в 1580 году, когда Исияма Хонгандзи покорилась Нобунага. Вплоть до этого времени Нобунага не удавалось существенно расширить свои владения за пределы, сложившиеся к 1575 году. Для того чтобы оценить общую военную ситуацию в стране в конце 1570-х годов, нам необходимо обратить внимание на то, как складывалось противостояние сил, а также на их основные столкновения. Особое внимание мы уделим нескольким эпизодам, которые проливают свет на взаимодействие Нобунага и императорского двора в эти годы.

ВТОРОЙ СОЮЗ ПРОТИВ НОБУНАГА

С 1573 года бывший сёгун Ёсиаки находился в ссылке в Юра, провинция Кии (ныне — часть префектур Вакаяма и Миэ). В начале 1576 года он переселился на новое место в провинции Бинго под названием Томо но Цу. Провинция Бинго находилась под контролем Мори, и, очевидно, перебираясь на новое место, Ёсиаки намеревался ускорить выступление Мори против Нобунага. Из Томо Ёсиаки начал рассылать множество писем подчиненным Мори Тэрумото и Уэсуги Кэнсин, стремясь убедить их в необходимости выступить против Нобунага. Ёсиаки, обладавший немалым опытом в создании союзов, преуспел и на этот раз. В течение 1576 года возникло три центра скоординированного сопротивления, в результате чего Нобунага оказался вынужден перейти к обороне. К югу от владений Нобунага в третий, и последний по счету, раз взяли в руки оружие последователи Икко из провинций Сэтцу и Кавати. Мори строили планы против Нобунага на западе, за линией, образованной провинциями Харима и Тадзима, а в Эттю и Этиго, что к северо-востоку от Нобунага, Ёсиаки сумел вовлечь в союз Уэсуги Кэнсин. Тот факт, что Ёсиаки удалось привести Уэсуги в один лагерь с Кэннэ Коса, свидетельствует о его недюжинном дипломатическом таланте, ведь прежде Кэннэ и Кэнсин отчаянно боролись за контроль над областью Хокуруку. Мир они заключили в июне 1576 года. Одновременно Кэнсин согласился и на предложение Ёсиаки заключить мир с еще одним своим заклятым врагом — домом Такэда из Каи³⁵⁶.

В 1576 году Нобунага потерпел несколько унижительных поражений от армий второй коалиции. 3 июня пулей, выпущенной из аркебузы, он был ранен в ногу. Несколькими днями ранее в битве с последователями Кэннэ Коса погиб Бан Наомаса, один из полководцев Нобунага и губернатор провинций Ямасиро и Ямато. Почувствовав после нескольких стычек силу противника, Нобунага изменил тактику противостояния с Хонгандзи: он решил взять измором сторонников религиозной школы, после чего приказал приступить к сооружению десяти рубежей в стратегических местах вокруг Одзака. Ведение осады он возложил на Сакума Нобумори и его сына Нобухидэ; отец и сын выбрали местом ставки Тэннодзи. Однако планы Нобунага довести защитников до истощения расстроил флот Мори, состоявший преимущественно из пиратов Внутреннего моря. 8 августа 1576 года в дельте реки Кидзу лучше оснащенный

(«зажигательными бомбами» и «снарядами») и более многочисленный флот Мори, состоявший из 800 «больших кораблей», одержал победу над гораздо меньшим флотом Ода, состоявшим из «более чем 300 судов». Мори сумел разорвать кольцо блокады вокруг Хонгандзи и доставил продовольствие в Одзака³⁵⁷.

Несмотря на происходящее, императорский двор продолжал поддерживать Нобунага, по крайней мере внешне. У нас нет абсолютно никаких данных, которые могли бы заставить нас предположить, что двор связывался или тайно поддерживал противную сторону. Наоборот, если союз против Нобунага, да будет позволена такая метафора, выступал под изрядно потрепанным знаменем сёгуна, Нобунага пользовался полной поддержкой двора. В тот день, когда Нобунага был ранен в ногу, императорский двор в Киото устроил музыкальное представление в честь Хатимана, бога войны. Не менее трех аристократов отмечают в дневниках, что представление замышлялось как «молитва о благополучном исходе похода *удайсё* [Нобунага]» против Одзака. Среди музыкантов были и император Огимати, и наследный принц Санэхито, игравший на *кото*³⁵⁸.

Таким образом, императорский двор явным образом солидаризировался с Нобунага и повернулся спиной к Хонгандзи. Косвенным образом это подтверждает и тот факт, что Нобунага и двор продолжали активно обмениваться любезностями. Так, в первые месяцы 1576 года Нобунага не раз преподносил двору следующие деликатесы: кита, журавлей, гусей, сушеную хурму и пр. Не оставался без ответа и двор, особенно в конце года. 11 декабря Нобунага был назначен Великим центральным министром (*найдайдзин*), будучи возведен в третий ранг (*сё санми*) за восемь дней до того. Поистине, то был взаимный обмен между властью и авторитетом. В знак признательности за назначение «Нобунага пожаловал земельные владения семьям регента и министров и преподнес две тысячи золотых, дерево агила и свитки — все в большом количестве — на обозрение императору. Около этого времени Нобунага получил от Его величества придворную одежду. Ничто не могло сравниться с почестями, оказанными ему»³⁵⁹. В дневниках того времени прямо указывается, что Нобунага преподнес дары в качестве «благодарности за назначение»³⁶⁰. Нобунага шел хорошо проверенным путем. За два дня до назначения он передал достаточно небольшие земельные владения (50 коку) ряду крупных придворных

сановников, среди которых были Карасумару Мицуясу (1513–1579) и Касанъин Иэсукэ (1519–1578)³⁶¹.

Однако, несмотря на все успехи при дворе, Нобунага не мог перехватить инициативу в военных делах. Ситуация оставалась без изменений и в 1577 и 1578 годах, несмотря на то что весной 1577 года он совершил поход в провинцию Кии, в глубокий тыл Исияма Хонгандзи. Для участия в этой кампании Нобунага призывал, помимо ведущих представителей дома Ода, почти всех своих полководцев и их рассредоточенные по провинциям силы. Современник оценивал численность его войск в «более чем 100 000»³⁶². Нобунага стремился отрезать осажденную цитадель от так называемых сторонников Сайка из Кии, которые предоставляли людей и провизию, однако попытка не увенчалась полным успехом. Благоклонный к Нобунага источник дает подробное, но одностороннее описание похода в Кии, ни слова не говоря о тех очевидных трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться. При этом Мори Тэрумото в своем письме, адресованном Уэсуги Кэнсин, говорит, что Нобунага был вынужден отступить из Кии, поскольку «местные укрепления оказались слишком мощными»³⁶³.

Нобунага находился в походе гораздо дольше, чем ожидалось, и в его отсутствие в Киото стали распространяться слухи об этой кампании. Стремясь «занять» жителей столицы и, что еще более важно, направить их любопытство в другое русло, он приказал ремонтировать стены императорского двора. Мурай Садакацу, назначенный Нобунага губернатор Киото, превратил строительные работы в спектакль, явно не сумев выполнить задачу отвлечь внимание столицы от тех трудностей, которыми сопровождалась кампания Нобунага в южной области. Однако даже искусно выстроенная пропаганда не могла скрыть того факта, что дела у Нобунага шли не лучшим образом также и на западе (Мори), и на северо-востоке (Кэнсин). Подстрекаемые неутомимым сёгуном Ёсиаки, войска Мори шли по направлению к провинции Харима. А отряды Уэсуги разбили экспедиционный корпус, возглавляемый Сибата Кацуизэ, на реке Тэдори в северной провинции Кага. Сибата был вынужден отступить в Этидзэн и временно оставить Ното и Кага Уэсуги. Примечательно, что еще в 1575 году Нобунага хвастался, что вскоре завоюет эти северные провинции.

Почти одновременно в центральной части владений Нобунага произошел еще один неприятный инцидент. 28 сентября 1577 года Мацунага Хисахидэ оставил позиции в Тэннодзи, где он участво-

вал в осаде Одзака, и укрылся в замке Сиги в провинции Ямато (ныне — префектура Нара). Хисахидэ выступил против Нобунага после тайных переговоров с Уэсуги, что лишний раз показывает, насколько искусно вели закулисные игры участники второй коалиции против Нобунага. Однако получилось так, что предательство Мацунага Хисахидэ обернулось не удачным мятежом, а гибелью изменника. Поначалу Нобунага хотел разрешить сложившуюся ситуацию мирно, путем переговоров, поскольку такой путь был бы предпочтительнее. Но Хисахидэ проявил упрямство, отказываясь встретиться со специальным посланником Нобунага, Мацуи Юкан. Нобунага, принимая во внимание угрозу со стороны Уэсуги, наступавшего в Хокурику, решил остаться в Адзуги и поручить выполнение грязной работы своему старшему сыну Нобутада. Нобутада вел за собой ветеранов дома Ода, таких, как Хасиба Хидэёси и Акэти Мицухидэ. Он прекрасно понимал, что ему представился отличный шанс подтвердить свое право на место будущего главнокомандующего всеми силами. И он блестяще справился с поставленной задачей: через тринадцать дней после выступления Нобутада из Гифу, своей ставки в провинции Мино, вся семья Мацунага была уничтожена.

Известие о смерти Мацунага было с радостью встречено рядом современников, что нашло отражение в их дневниках. Например, Ёсида Канэми выразил удовлетворение тем, что «Небо наконец отомстило Хисахидэ за убийство сёгуна Ёситэру»³⁶⁴. Буддийский наставник Эёсюн, живший неподалеку от замка Сиги в провинции Ямато, был также убежден в том, что провидение сыграло свою роль³⁶⁵.

Прошлой ночью отец и сын Мацунага подожгли свою крепость и покончили с собой. Сегодня четыре головы отправили в Адзуги. Ранее, 10-го дня десятого месяца, [Хисахидэ] сжег Великого Будду. А теперь сам погиб в этот же самый день. Он сжег Будду и сам сгинул в огне. На следующее утро после сожжения Великого Будды лил дождь. И сегодня идет дождь. Какое удивительное совпадение.

Императорский двор, однако, оказался более реалистичным, о чем мы можем судить по сведениям из «Синтё-ко ки»³⁶⁶.

В 12-го день десятого месяца Акита Дзё но Сукэ Нобутада прибыл в Киото и остановился в Мёкакудзи на [улице] Нидзё. В награду за недавнее быстрое подавление Мацунага Его

величество соизволили издать эдикт, произведя его в третий ранг и назначив на должность командующего центра. Отец и сын были так счастливы. Поистине, невозможно подобрать слова, чтобы описать их величие. Нобутада прибыл к господину Сандзёниси Санээда и преподнес тридцать золотых для Его величества вместо [обычного для подобных случаев] церемониального меча. Он также преподнес дары господину Сандзёниси.

Введение в ранг Нобунага удивительным образом контрастирует с судьбой двух младших сыновей Хисахидэ — одиннадцати и тринадцати лет от роду — которых казнили в Киото примерно за 10 дней до того. По всей видимости, императорский двор всеми силами стремился придать легитимность режиму Нобунага. Сам он где-то через месяц после этого был возведен в младший второй ранг и назначен на должность Правого министра (*удайдзин*). Неудивительно, что эти назначения совпали с празднествами: совместной охотой и аудиенцией при дворе для Нобунага и его конной гвардии. По этому случаю Нобунага приказал всем подчиненным одеться в парадные одежды, чтобы в очередной раз, надо полагать, не без успеха, поразить жителей Киото. Так, Канэми горестно отмечает в своем дневнике, что он не может пойти посмотреть этот «поразительный спектакль» из-за глазной болезни³⁶⁷.

Вскоре стало ясно, что назначения на придворные должности уже потеряли интерес для Нобунага. Не прошло и пяти месяцев, как он отказался от поста Правого министра. 5 мая 1578 года (9-го день четвертого месяца шестого года Тэнсё) он вручил соответствующее письмо Хирохаси Канэкацу (1558–1622), придворному среднего ранга, чиновнику Контрольной палаты (*бэнкан*). По-видимому, и это подтверждает большинство историков, отставка Нобунага стала полной неожиданностью для двора. В тот же день в резиденции Асукаи Масацу (1547–1578) состоялось экстренное совещание с участием видных сановников. Однако и по сей день среди исследователей нет единодушного мнения в отношении мотивов добровольной отставки Нобунага. Вакита предполагает, что Нобунага стремился освободиться от утомительности дворцовых ритуалов. Фудзика и Элисон, в свою очередь, предполагают, что Нобунага вообще хотел дистанцироваться от имперской иерархии. Интересно мнение Хасимото Масанобу. Он полагает, что заявить о своей отставке Нобунага сподвиг печальный прецедент. Будучи назначенным на должность *удайдзин гонгудайсё*, он

спустя определенное время, несомненно, занял бы и должность *са-дайdzин гонъудайсё*. А среди тех немногих, кто занимал этот пост до него, был шестой сёгун Асикага Ёсинори (1394–1441). Хасимото считает, что Нобунага не желал занимать один пост с несчастным Ёсинори, погибшим от рук своих слуг³⁶⁸.

Как бы ни различались интерпретации мотивов Нобунага, они едины в том, что письмо с прошением об отставке было только предложением. Однако так ли это было на самом деле, неясно до сих пор. Вот что говорилось в этом письме³⁶⁹:

Что касается моего нынешнего поста: принимая во внимание все мои повышения, я могу ожидать подобных благодеяний [и в будущем]. Однако, в настоящее время я хочу сложить с себя полномочия, поскольку мои походы еще не закончились успехом. Восточные и северные варвары уже покорились, а южные и западные варвары скоро окажутся в безвыходном положении. Как только во всех провинциях воцарится мир и четыре моря будут пребывать в спокойствии, я снова приму должность от Его величества, стану верховным главнокомандующим и буду его верным слугой. Поэтому я хочу, чтобы мои должности перешли моему сыну и наследнику господину Нобутада. Прошу передать это послание Его величеству.

В 9 день четвертого месяца

Нобунага [красная печать]

Язык данного письма, изобилующего традиционными понятиями китайской политической доктрины, резко контрастирует с остальными документами Нобунага, написанными простыми и недвусмысленными словами. Древние китайцы мыслили свою страну «срединным государством», центром, окруженным со всех сторон дикими и невежественными «варварами». В полном соответствии с этой идеологической концепцией Нобунага отождествляет себя самого с центром японской политики и называет своих врагов «варварами», то есть врагами государства. «Восточные варвары» — это клан Такэда, «северные варвары» — Уэсуги, «южные» — последователи Икко, а «западные» — клан Мори. Отметим, что в своем письме Нобунага говорит о временном снятии с себя полномочий. Он выражает согласие снова принять их после выполнения им поставленной задачи по установлению мира во всем государстве. Мы можем только гадать, действительно ли было таково истинное намерение Нобунага. Но ситуация в начале 1578 года складывалась для него таким образом, что ему сложно было продолжать принимать

почести от императорского двора, не одолев своих врагов на поле боя. Ранги и должности при дворе Нобунага получил в награду за свои впечатляющие военные успехи, достигнутые в период между 1573 и 1575 годами. В 1576 и 1577 годах он продолжал получать новые назначения, хотя и не имел в эти годы никаких реальных побед. Скорее, наоборот: он был вынужден практически непрерывно обороняться, и далеко не всегда удачно. Согласно представлениям того времени, Нобунага, не являясь «своим» при дворе, мог получать должности только за военные победы. Поэтому едва ли можно считать это письмо простым предлогом, тем более что в нем честно говорится о главной проблеме: отсутствии в последнее время у Нобунага военных успехов.

Дела складывались для Нобунага не лучшим образом, когда он подал в отставку, но вскоре они пошли еще хуже. В марте 1578 года, незадолго до этого, семья Бэссэ из восточной части провинции Харима предала его и перешла на сторону Мори. Нобунага, по его собственным словам, был «шокирован, что Бэссэ присоединились к врагу»³⁷⁰. А вскоре после отставки Нобунага, находившийся в Адзути, получил известие о том, что «Мори, Киккава, Кобаякава и Укита» выступили из провинции Аки и осадили замок Кодзуки, на границе провинций Бидзэн, Харима и Мимасака. Стало ясно, что ситуация на западном фронте выходила из-под контроля. Нобунага был вынужден вызвать главнокомандующего Хасиба Хидэёси в Адзути и сообщить ему об изменении стратегии. В конце предыдущего года Хидэёси получил приказ оставить замок Кодзуки и поставленный там гарнизон и направить усилия на захват замка Мики, в котором укрылись Бэссэ (ныне — часть города Мики, префектура Хёго). Тем временем Нобунага мобилизовал большинство членов своей семьи и ведущих полководцев, чтобы направить их в Харима на помощь Хидэёси. Он предполагал «скорое окончательное сражение между Восточными армиями [его собственными] и Западными армиями [Мори]». И хотя крупные наводнения в Киото и Адзути не позволили Нобунага лично присоединиться к кампании, перегруппировка сил и временное усиление армии Хидэёси позволили на время предотвратить угрозу со стороны Мори. А когда в конце июля новый флот из семи вооруженных пушками кораблей под командованием «адмирала» Куки Ёситака (1542–1600) одержал победу над морскими силами Хонгандзи и взял под контроль залив Осака, казалось, что худшее уже позади³⁷¹.

Строительство и использование в бою со стороны Нобунага примитивных военных кораблей представляет собой интересную страницу в военно-морской истории XVI столетия, однако об этом факте известно немного. К счастью, отец Органтино (1530–1609), видевший корабли в бухте Сакай, оставил нам их описание³⁷²:

Вчера в день важного японского праздника семь кораблей Нобунага прибыли в порт Сакай. Он построил их в провинции Исэ, они считались лучшими и самыми большими в Японии, а по размеру были примерно такими же, что [португальские] королевские галеоны. Я отправился взглянуть на них и был поражен, что нечто подобное, оказывается, может быть сделано в Японии. Нобунага построил их, намереваясь блокировать залив Одзака, чтобы не давать подвозить оружие и продовольствие в крепость, против которой он вел войну уже четыре года. Очевидно, что теперь цитадель Одзака скоро падет. [На каждом корабле] по три пушки, и я понятия не имею о том, откуда они могли взяться. За исключением нескольких маленьких пушек, отлитых правителем Бунго, мы знаем наверняка, что других нет во всей Японии.

Корабли были не только хорошо вооружены, но и обшиты листами железа «для защиты от пуль»³⁷³. Однако, несмотря на наличие таких кораблей, неприятности для Нобунага отнюдь не закончились.

По всей видимости, добровольная отставка Нобунага ни в малейшей степени не повлияла на его отношения с императорским двором, и он на протяжении лета и осени 1578 года продолжал делать все возможное для того, чтобы неизменно казаться всем главным благодетелем Киото и его верхушки. Так, Нобунага и его свита участвовали в празднике Гион, переодевшись простыми зрителями. Он продолжал укреплять связи с крупными придворными сановниками. Например, аристократ Коноэ Сакихиса получил в середине года впечатляющий подарок в виде владения в 1500 коку в провинции Ямасиро. Кроме того, в Киото и Адзути Нобунага организовал несколько крупных турниров по сумо, в которых принимали участие до 1500 участников. Очевидно, что Нобунага не скупился на расходы, чтобы показать всем: ничто не может повлиять на процветание и безопасность в его владениях. Обедневшая знать, надо полагать, особенно охотно искала контактов с Нобунага в надежде поправить материальное положение. Однако произошедший в конце 1578 года мятеж среди его собственных офицеров нарушил

общественное спокойствие, видимость которого Нобунага так старательно пытался создать в своих владениях и в умах своих «подданных».

КРИЗИС АРАКИ

За исключением мятежа Акэти Мицухидэ в июне 1582 года, приведшего к гибели Нобунага, не может быть сомнений, что смута, инициированная Араки Мурасигэ в ноябре 1578 года, стала для Нобунага наиболее опасной из всех, с которыми ему пришлось столкнуться прежде. Кризис Араки вызвали лишённые оснований слухи и предательство, приведшие к кровопролитию. Начиная с 1576 года войска Араки Мурасигэ и его вассалов, таких как Накагава Киёхидэ (1542–1583) из замка Ибараки и Такаяма Укон из Такацуки, играли важную роль в ведении осады Исияма Хонгандзи. В конце 1578 года в провинции Сэтцу стали распространяться слухи, что якобы Араки Мурасигэ собирается предать Нобунага. Так, по одной из версий, соглядатаи Нобунага якобы поймали подчинённых Накагава Киёхидэ, которые продавали рис защитникам Хонгандзи. Вассалы Киёхидэ являлись подвассалами Мурасигэ, поэтому вполне естественно, что он не мог не почувствовать опасность, когда известие об этом достигло Нобунага в Адзути. Первая реакция Нобунага была достаточно спокойной, и Мурасигэ уговаривали принести извинения Нобунага и попросить прощения. Однако на пути в Адзути Киёхидэ сумел убедить Мурасигэ, что сопротивляться Нобунага в Сэтцу лучше, чем покончить с собой в Адзути³⁷⁴. И тогда Мурасигэ «вернулся в свой замок Ариока и провозгласил себя врагом Нобунага». Укрывшись в замке, Мурасигэ присоединился к силам сёгуна Ёсиаки, Мори Тэрумото и Кэннё Коса, которые, «чтобы придать ему мужества, обещали сделать его хозяином пяти провинций»³⁷⁵.

По свидетельству очевидца событий отца Стефанони, этот мятеж таил в себе «большую угрозу» для Нобунага, поскольку владения Араки «являлись воротами во владения Нобунага»³⁷⁶. Так называемый «кризис Араки» оказался еще более опасным вследствие некоторых сопутствующих обстоятельств. Во-первых, мятеж Мурасигэ придало новый импульс наступлению Мори в провинции Харима и решимости Бэссё выдержать осаду Хидэёси. Замок Мики, в котором были заперты Бэссё, находился недалеко от замка Ариока, ставшего центром мятежа. Более того, Мурасигэ занимал в во-

енной иерархии кампании Тюгоку второе место после Хидэёси. По сути, Мурасигэ перешел на сторону сил, против которых он должен был сражаться. Опасность таило и само место мятежа: Нобунага передал Мурасигэ провинцию Сэтцу еще в 1574 году. На первом этапе восстания все младшие командиры Мурасигэ присоединились к своему господину. Все это создавало чрезвычайно сложную и потенциально катастрофическую ситуацию для Нобунага. Если бы ему не удалось справиться с мятежом, провинции Харима и Сэтцу наверняка бы перешли под контроль Мори. А в таком случае многолетняя кампания Нобунага против Исияма Хонгандзи закончилась бы ничем. Короче говоря, в конце 1578 года немедленное подавление мятежа Араки Мурасигэ стало вопросом жизни и смерти для Нобунага. Само слово «кризис», исходное значение которого в греческом — «решающая фаза», как нельзя лучше подходит для описания тех событий, начало которым положил Мурасигэ. Борьба Нобунага против второй коалиции достигла апогея в конце 1578–1579 годов, и когда он сумел справиться с мятежом Мурасигэ, судьба ее была решена.

Нобунага узнал о мятежных планах Мурасигэ 20 ноября 1578 года.

Его первым желанием было отправить к Мурасигэ две представительные делегации, чтобы отговорить его, но из этого ничего не вышло. И тогда Нобунага изменил тактику, решив действовать с двух сторон: с одной стороны, попытаться изолировать Мурасигэ от его вассалов, возложив на иезуита Органтино задачу переубедить Такаяма Укон. Гораздо менее известен тот факт, что Нобунага задействовал представителей императора, чтобы попытаться расколоть союз Мурасигэ и его новоявленных братьев по оружию, Мори Тэрумото и Кэннэ Коса. По сути, политика использования престижа императорского двора и отправки представителей императора, которую применил Нобунага в ходе кризиса Араки, подтвердила правильность и мудрость его практики патронажа над императорским двором в предыдущие годы. Теперь она приносила дивиденды: он мог буквально диктовать свои требования посланцам императора и произвольно отправлять их по своему желанию, словно своих собственных слуг. Такую же политику Нобунага использовал впоследствии при переговорах с Хонгандзи, зимой и весной 1580 года.

2 декабря 1578 года Нобунага отправил двору петицию, в которой говорилось, что «необходимо издать императорский указ в отношении Одзака Хонгандзи, чтобы заключить мир». Это свидетельство

достаточно надежного источника — «Татэри Сакё но Сукэ нюдо Рюса ки», который содержит воспоминания одного из участников событий, Татэри Мунэцугу. Для выполнения миссии двор незамедлительно избрал двух аристократов: Кадзюдзи Харутоё и Нивада Сигэясу (1525–1595). Их и сопровождал Мунэцугу, занимавший должность хранителя императорских амбаров. Посланники выехали из Киото 3 декабря и в тот же день прибыли в Тэннодзи, в ставку Сакума Нобумори, командующего осадой Исияма. Тем временем Нобунага выступил практически со всеми силами против Ариока. За исключением Сибата Кацуиэ, оставшегося в Хокуруку, чтобы попытаться воспользоваться ситуацией, возникшей в связи с наследственными спорами в доме Уэсуги после внезапной смерти его главы (Кэнсин умер 19 апреля 1578 года), все ведущие полководцы Нобунага и члены его семьи были призваны в Сэтцу. Одно это уже свидетельствовало о всей серьезности случившегося кризиса.

В конце затянувшихся переговоров с императорскими посланниками Кэннё Коса заявил, что он готов заключить мир с Нобунага при условии, что тот, в свою очередь, прекратит войну с Мори. Мунэцугу передал его слова Нобунага, который нашел предлагаемые условия приемлемыми, после чего велел посланникам вернуться в Киото и готовиться к путешествию на запад Хонсю для ведения переговоров с Мори Тэрумото. Их отправку назначили на 24 декабря. Посланники должны были доставить Тэрумото императорский декрет, заранее составленный чиновником Хирохаси Канэкацу. Императорский вердикт был суров: «Борьба между бывшим Правым министром и вашими провинциями приносит огромный вред, поскольку сеет смуту по всем землям»³⁷⁷. По сути, император повелевал Мори незамедлительно согласиться с условиями, предлагаемыми Нобунага. Однако за два дня до отъезда миссии события приняли такой оборот, что она оказалась ненужной. «Татэри Сакё но Сукэ нюдо Рюса ки» сообщает: «В 24-й день [22 декабря] сдался Накагава Сэхёэ [Киёхидэ]. И Нобунага немедленно приказал отложить отъезд императорских посланцев»³⁷⁸.

Предательство Накагава Киёхидэ инициировал Такаяма Укон, которого незадолго до того отец Органтино уговорил вернуться в лагерь Нобунага. И Накагава Киёхидэ, и Такаяма Укон занимали замки Ибараки и Такацуки в северо-восточном углу провинции Сэтцу. И их возвращение на сторону Нобунага значительно уменьшило масштаб кризиса. Теперь против Нобунага осталась не вся провинция, а один-единственный замок Ариока, в котором находи-

лись Араки Мурасигэ и его сторонники и который теперь Нобунага мог спокойно взять в осаду. Неудивительно поэтому, что Киёхидэ и Укон получили щедрые награды. Несмотря на то что историки уделили гораздо больше внимание второму — видимо, вследствие наличия письменных свидетельств иезуитов, — не подлежит сомнению, что именно переход Киёхидэ на сторону Нобунага воспринимался современниками как решающий для его успеха шаг. Это подтверждается, во-первых, тем, что Киёхидэ получил более ценные подарки, нежели Укон³⁷⁹. Во-вторых, Нобунага отменил отправку дипломатической миссии к Мори сразу после того, как Киёхидэ подчинился ему. Только тогда Нобунага понял, что сможет разрешить конфликт военным путем, без посредничества императорского двора. В конце 1578 года Нобунага прибег к помощи двора в поисках путей выхода из кризиса Араки. И тот факт, что он мог по своему усмотрению призывать императорский двор на помощь или отказываться от нее, свидетельствует, насколько велико было его влияние в придворных кругах. В конце 1579 года, когда Нобунага жестоко покарал клан Араки за предательство, совершенное его главой, он снова искусно привлек императорский двор на свою сторону.

На протяжении 1579 года Нобунага осаждал замок Ариока. Его войска полностью окружили цитадель и изолировали ее от внешнего мира, выкопав рвы и воздвигнув заграждения в два-три ряда. Положение осажденных казалось безвыходным. Один из командиров, Мута Киёхидэ из провинции Этидзэн, умер от болезни, которой он заразился во время осады. Нобунага назначил небольшие награды своим офицерам, видимо, чтобы поддержать их моральный дух. Давление на защитников замка усиливалось с каждым днем. Мори поклялись прийти на выручку, но время шло, и осажденные все отчетливее понимали, что их надеждам не суждено сбыться. Через девять месяцев, ночью, Араки Мурасигэ сбежал из замка Ариока в замок Амагасаки, взяв с собой только нескольких человек. Когда Мурасигэ укрылся в Амагасаки, где он мог чувствовать себя в безопасности, «оставшиеся в замке не могли более выносить тяжести блокады и попросили Нобунага о пощаде». Они предложили отправить небольшую группу видных членов клана в Амагасаки, чтобы попытаться убедить Мурасигэ сдаться. Нобунага согласился на их предложение при условии, что представители клана, отправляющиеся к Мурасигэ, оставят в Ариока в качестве заложников своих жен и детей на попечение его племянника Ода Нобудзуми.

Что, однако, не могли себе вообразить отчаявшиеся защитники Ариока, так это то, что Мурасигэ откажется сдаться. По свидетельству Фройса, Мурасигэ сделал это по наущению Кэннэ Коса. Как бы то ни было, но вывод Фройса абсолютно точен: Мурасигэ и Коса сами оставались вне опасности, но при этом обрекали на смерть жен и сыновей Мурасигэ³⁸⁰.

7 декабря 1579 года, через год с небольшим после начала кризиса, Ода Нобудзуми запер обитателей Ариока в их замке. Понимая, что гибель неминуема, женщины из семьи Араки составили прощальные стихи. А жена Мурасигэ Даси даже получила стихотворный ответ от своего мужа и, по сути, палача. На этот раз Нобунага изменил себе и не стал действовать быстро. Более 600 пленников казнят только месяц спустя. Нобунага приказал перевести близких родственников Мурасигэ в Киото и казнить там. Все остальные погибли поблизости от Ариока. Более тридцати членов семьи Араки провезли по улицам столицы в повозках, словно обычных преступников. Процессию предваряло шествие практически всей придворной знати, не говоря уже о семье наследного принца.

Нобунага решил использовать передачу в дар наследному принцу Санэхито дворца Нидзё в качестве повода для того, чтобы устроить парад знати на улицах Киото. Нобунага сообщил о своем намерении императорскому двору 2 декабря, когда его полководцы в Сэтцу уже обсуждали с защитниками Ариока условия сдачи. Через два дня после того, как войска Нобунага окончательно овладели мятежным замком, он решил, что церемония с участием наследного принца состоится 10 декабря³⁸¹. Нобунага начал жить во дворце Нидзё только годом ранее, и современникам должно было казаться весьма странным, что он покидает его так быстро. Тем не менее, Нобунага все обставил с подобающей пышностью: по свидетельству «Тамонъин никки», парад был специально устроен в честь переселения сына Санэхито Го но Мия во дворец Нидзё. Прием молодого принца Нобунага, как сообщает источник, был задуман одновременно с парадом³⁸². Утром 10 декабря более пятидесяти знатных особ и несколько членов императорской семьи вышли из дворца на улицу Итидзё и направились через улицу Муромати ко дворцу Нидзё. Возглавлял длинную процессию паланкинов и придворных Коноэ Сакихиса, доверенное лицо Нобунага. Тот факт, что он играл ведущую роль в организации всей церемонии, лишний раз подчеркивает его превосходство над остальными придворными. Источники сообщают, что процессию сопровождало не менее 300 но-

сильщиков, слуг и глашатаев. По обеим сторонам дороги толпились зрители, пришедшие поглазеть на столь величественное зрелище. Автор одного из дневников трижды восклицает «великолепно!» Одним из самых внимательных и самым важным зрителем был сам Нобунага, несомненно, имевший в этот день все основания гордиться собой³⁸³.

Воспоминания жителей Киото о величественной процессии еще наверняка не забылись, когда вскоре после этого по городским улицам повезли родственников Араки из Сэтцу и разместили под стражей в храме Мёкэндзи. Это произошло 2 января 1580 года. Как и придворная процессия за три недели до того, они выступили из Итидзё в час дракона (8 утра) и направились по улице Муромати. Но направлялись они не к новому дворцу, а к месту казни в Рокудзё Кавара. Как отмечает миссионер Фройс, невозможно представить большего унижения, чем предстать перед всеми таким образом, это хуже «самой смерти»³⁸⁴.

Члены семьи Араки были обезглавлены при большом скоплении народа. «Эта массовая казнь стала первой подобного рода с древних времен», отмечает биограф Нобунага Ота Гюити. Примерно в том же духе высказывается он и об аристократической процессии, случившейся тремя неделями ранее: «Вся церемония была настолько восхитительной, что я не нахожу слов для того, чтобы описать ее»³⁸⁵. В эти двух противоположных комментариях отражена вся суть натуры Нобунага. Он должен был казнить заложников из замка Ариока, чтобы поддержать в глазах народа свое реноме верховного властелина. Он сделал это с такой жестокостью, словно пытаясь подчеркнуть, что это Араки Мурасигэ виновен в смерти более 600 человек (около тридцати в столице и остальных, казненных в окрестностях Ариока). В конце концов, именно Мурасигэ отказался сдать и тем самым обрек на смерть своих родственников и вассалов. А до того, как предать родных, он гредал своего господина. Нобунага уничтожил под корень клан Араки, при этом создавалось впечатление, что он сделал это с молчаливого согласия, если не одобрения, императорского двора. Горький контраст между царственной процессией и зрелищем отправленных на казнь несчастных должен был оставить глубокий след в сердцах жителей столицы и провинции. Через два дня после казни Нобунага отправился в новую императорскую резиденцию в Нидзё на встречу с придворными и наследным принцем Санэхито. Он «преподнес его высочеству большое количество золота, серебра, свитков и тому подоб-

ное», словно праздная благополучное окончание кризиса. Нобунага показал себя расчетливым и хитрым диктатором, пользующимся поддержкой императора, который одновременно жестоко казнит и щедро награждает во имя «справедливости». На следующий день, под непрекращающимся дождем, Нобунага вернулся в Адзуту, чтобы там встретить новый год. «Слава, слава», повторяет Гюити³⁸⁶.

Если отбросить в сторону представления о морали, то Гюити, безусловно, прав: разрешение кризиса Араки означало конец второй коалиции против Нобунага. 1579 год стал важнейшим для военных кампаний Нобунага на всех фронтах. Его западный враг, Мори, не мог проникнуть в глубь провинции Харима, не говоря уже о выполнении неоднократных обещаний освободить замок Ариока в Сэтцу. Предательство семьи Укита, новоявленных правителей провинции Бидзэн (ныне — юго-восточная часть префектуры Окаяма), стало ударом в спину для Мори. Более того, один из полководцев Нобунага, Хидэёси, мертвой хваткой держал замок Мики, в котором укрылись Бэссё. Несмотря на непрекращающиеся попытки Бэссё прорвать осаду с помощью отрядов Мори и Икко, ситуация для осажденных оставалась без изменений. Наконец, в начале 1580 года трое лидеров Бэссё — Нагахару, Томоюки и Ёситика — договорились с Хидэёси обменять свои жизни на неприкосновенность всех остальных осажденных. В провинции Танба Акэти Мицухидэ и Хосокава Фудзитака добились, в конце концов, успеха, и захватили в течение 1579 года несколько стратегически важных крепостей. В ноябре Акэти уже мог сообщить Нобунага о полном покорении провинций Танба и Танго. Учитывая успехи Хидэёси в Харима, вся область, которая ныне составляет префектуру Хюго, перешла в руки Нобунага.

Сибата Кацуиэ также небезуспешно вел кампанию против клана Уэсуги и Икко в Хокурику. Медленно, но верно он прокладывает путь в провинции Кага, Ното и Эттю, одновременно обеспечивая переход на свою сторону местных самурайских семей. В Восточной Японии Токугава Иэясу установил дружеские отношения с Ходзё Удзимаса из провинции Сагами (ныне — часть префектуры Канагава), и вместе они оказывали давление на восточного врага Нобунага — Такэда Кацуёри из Каи. Заключив союз с Иэясу, Удзимаса дал клятву верности и Нобунага. В качестве подтверждения этого факта младший брат Удзимаса Оиси Удзитэру (ум. 1590) прибыл 1 октября в Киото, чтобы преподнести Нобунага трех соколов³⁸⁷. Помимо Ходзё Удзимаса, Тагая Сигэцунэ (1558–1618) из Хитати

(ныне — большая часть префектуры Ибараки) и Тоно Магодзиро (даты рождения и смерти неизвестны) из провинции Муцу (ныне — часть префектур Аомори и Иватэ) преподнесли Нобунага в знак дружбы, соответственно, «быстрого скакуна» и «великолепного белоснежного сокола с великолепными качествами». Семья Дайходзи из далекой провинции Дэва подарила Нобунага пять скакунов и одиннадцать соколов³⁸⁸. Очевидно, все они хорошо знали вкусы Нобунага. Эти были отнюдь не праздные подарки, они свидетельствовали, что Нобунага завоевывал признание в качестве военного лидера общегосударственного масштаба среди северных князей. После кризиса Араки Нобунага, хотя враги его еще не были повержены, больше не выпускал ситуацию из рук; в течение оставшихся двух с половиной лет своей жизни он более не упустит инициативы и существенно расширит свои владения. А зимой 1579/80 года на пороге краха уже стоял один из главных его противников — Исияма Хонгандзи из Одзака.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОКОРЕНИЕ ХОНГАНДЗИ И ИНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОПРОСЫ

Политика Нобунага в отношении военизированных буддийских институтов нередко становилась предметом жарких споров исследователей. Среди первых, кто обратился к этой теме, был Цудзи Дзэнносукэ, утверждавший, что Нобунага сокрушал буквально все, что стояло на пути «объединения страны», включая храмы и святилища. Цудзи подчеркивал рациональный характер взаимоотношений Нобунага и институционализованного буддизма и начисто отвергал старую идею о том, что Нобунага, по существу, был врагом буддизма. Кроме того, по мнению Цудзи, итог разрушений, произведенных Нобунага, оказался положительным: «Это было не просто разрушение, оно должно было создать основу для созидания». Буддизм в целом переживал возрождение при Хидэёси и Иэясу благодаря тому, что Нобунага навел порядок в храмах и религиозных институтах³⁸⁹.

Среди современных исследователей, принявших участие в споре, следует назвать западного историка религий Нейла МакМаллина. Примечательно, что МакМаллин прекрасно показал: так называемого «возрождения буддизма», о котором говорил Цудзи, не было вовсе. Идея буддийского возрождения, бытовавшая в период Эдо, не давала возможности оценить тот факт, что Нобунага изменил то традиционное место, которое институционализированный буддизм занимал в японском обществе. Хидэёси и Иэясу, преемники Нобунага, безусловно, восстанавливали храмы, но они не вернули буддизму ту независимую социальную силу, которую он имел прежде. В конце концов, государственная власть в лице военного правительства Токугава подмяла под себя все формы власти религиозной. Буддийские храмы являлись одной из трех сил, доминировавших в политической, экономической и военной жизни Японии периодов Камакура (1185–1333) и Муромати (1333–1568), часто в сотрудни-

честве или в соперничестве с аристократией и *буси*, военным словом. Политика Нобунага, Хидэёси и Иэясу в отношении религии исходила из безусловного примата светской власти. Изменение социального статуса институционализированного буддизма стало одним из наиболее фундаментальных потрясений, которые произошли в японском обществе в период Момояма (1568–1615)³⁹⁰.

МакМаллин верно оценивает религиозную политику Нобунага. «В отношении храмов Нобунага проводил особую рациональную политику, и [...] эту политику продолжали его последователи периода Токугава»³⁹¹. Как показывает МакМаллин, у Нобунага имелись все основания одним решительным ударом покончить с комплексом Энрякудзи в 1571 году. Ведь Энрякудзи фактически бросил вызов Нобунага, проигнорировав его требование не вмешиваться в конфликт Нобунага с силами Асакура–Адзай в 1570 году. Энрякудзи занимал стратегически важное положение рядом с Киото, в новых «домашних» землях Нобунага. Нанесение удара по Энрякудзи стало для Нобунага наилучшим способом показать центральным провинциям свою решимость и силу³⁹². МакМаллин не забывает упомянуть и о том, что религиозная политика Нобунага не была неизменной от начала до конца. Так, например, его сложные отношения с Конгобудзи эволюционировали от враждебности в 1569 году до военного сотрудничества в 1570-е годы, а закончились полномасштабной осадой храмового комплекса в 1581 и 1582 годах³⁹³. МакМаллин справедливо поясняет, что кажущиеся непоследовательность и непостоянство Нобунага на самом деле оказываются проявлением гибкости и умения реагировать на изменение ситуации.

ВОЙНА С ХОНГАНДЗИ

Основная проблема концепции МакМаллина заключается в том, что МакМаллин изображает политику Нобунага по отношению к институционализированному буддизму как наиболее важную для всей его карьеры. МакМаллин особо подчеркивает важность десяти лет войны с Исияма Хонгандзи и провинциальными последователями и уверяет, что «война с Исияма Хонгандзи стала важнейшим событием в жизни Нобунага и, вообще, в период Сэнгоку»³⁹⁴. Пожалуй, это слишком высокая оценка, даже принимая во внимание тот исключительный факт, что последователи Икко сопротивлялись Нобунага целых десять лет, больше, чем кто-либо другой из

его врагов (наиболее близко подошел дом Такэда, противостояние которого с Нобунага продолжалось почти девять лет). Однако Хонгандзи и их объединения в провинциях едва ли можно считать главными или наиболее опасными противниками Нобунага, и ему самому в конечном счете не пришлось затратить слишком уж много ресурсов для победы над ними. Сторонники Икко смогли сопротивляться столь длительное время только потому, что постоянно и достаточно искусно создавали союзы с различными противниками Нобунага. В конце 1579 года таковых не осталось, и спустя короткое время они были полностью разгромлены.

Война Нобунага с Хонгандзи была битвой на истощение, в которой победу одержала сторона, имевшая более многочисленную армию, более богатые ресурсы и превосходство в тактике. Расположенная в дельте реки Ёдо, Исияма Хонгандзи была неприступной цитаделью, у которой имелось только одно уязвимое место: зависимость от экономической и военной помощи. И Нобунага в полной мере воспользовался этим слабым местом в войне с Хонгандзи: вначале он изолировал и расправился с коалициями в провинциях и затем приступил к осаде самой цитадели. Провинция Оми была очищена от сторонников Икко между 1570 и 1572 годами; Нагасима в провинции Исэ покорилась в 1574 году; а в 1575 году Нобунага полностью «очистил» провинцию Этидзэн. В мае 1576 года он осадил Кэннэ Коса в Хонгандзи, а в следующем, 1577 году Нобунага отрезал его от его главных сторонников, Сайка в провинции Кии (ныне — префектура Вакаяма).

Наставник Хонгандзи Кэннэ Коса присоединился к коалиции врагов Нобунага в 1570 году. С этого момента и вплоть до 1580 года Коса создавал союзы с разными даймё, единственной целью всех этих союзов было свалить Нобунага. Так, Кэннэ Коса контактировал с такими представителями первой коалиции против Нобунага, существовавшей до 1573 года, как Миёси, Роккаку, Асакура, Адзай и Такэда. Союзники регулярно общались друг с другом и стремились, хотя и без особого успеха, скоординировать свои действия против Нобунага. Однако мы не располагаем какими-либо свидетельствами, которые могли бы подтвердить вывод МакМаллина о том, что Хонгандзи была «объединяющим центром коалиции [направленной против Нобунага]»³⁹⁵. У этой коалиции попросту не было «центра».

Кэннэ участвовал и во второй коалиции, просуществовавшей с 1576 по 1579 год. В этот период его союзниками стали Мори Тэ-

румото, Уэсуги Кэнсин, Такэда Кацуёри и (позднее) Мацунага Хисахидэ и Араки Мурасигэ. Источники свидетельствуют, что движущей силой второй коалиции был смещенный сёгун Ёсиаки, а вовсе не Кэннэ Коса. Как бы то ни было, но Коса оказался единственным «исключением» среди участников коалиции, которую составляли могущественные даймё. Как правило, союзы между воинами и последователями Икко заключались не просто, а функционировали и того хуже. Араки Мурасигэ, например, имел причины жаловаться на высокомерное отношение к себе со стороны Кэннэ. Клятва верности, данная Кэннэ Мурасигэ в 1578 году, говорит, скорее, о взаимном недоверии, нежели о тесном сотрудничестве³⁹⁶.

Кроме того, следует отметить, что Нобунага вовсе не вел непрерывные войны с Исияма Хонгандзи и провинциальными ее сторонниками в период между 1570 и 1580 годами. Это время получило у историков название «десятилетней войны», но вряд ли данный термин удачно отражает периодический характер противостояния. Нобунага вел борьбу с Хонгандзи, и в особенности с ее сторонниками, в других провинциях, наряду с военными действиями против крупных даймё. Например, осенью 1573 года Нобунага организовал частично удавшееся вторжение на территорию Нагасима в провинции Исэ. В том же году он одержал победы над такими своими врагами, как Адзай Нагамаса, Асакура Ёсикагэ и Иванари Томомити, а также лишил власти Асикага Ёсиаки. Завершив кампанию в Исэ, Нобунага двинулся против Миёси Ёсицугу в провинции Кавати, которого одолел в последней битве 1573 года.

Кампании Нобунага против сторонников Кэннэ Коса в провинциях нельзя назвать ни быстрыми, ни удачными. Так, на усмирение Нагасима ушло четыре года; Нобунага был вынужден четыре раза вступать в сражение и потерял четырех близких родственников³⁹⁷. В 1576 году в Тэннодзи Нобунага был ранен в ногу. А позднее в том же году его флот потерпел сокрушительное поражение в заливе Осака от пиратского флота из Аки, домашней провинции Мори Тэрумото. Кольцо осады вокруг Хонгандзи дважды оказывалось прорванным из-за предательств военачальников Нобунага: Мацунага Хисахидэ в 1577 и Араки Мурасигэ в 1578 годах. Кроме того, Нобунага не имел и преимуществ в вооружении над осажденными, которые похвалялись наличием большого и хорошо обученного отряда стрелков из аркебуз³⁹⁸. И даже интенсивность военных действий между Нобунага и Хонгандзи не должна затемнять того факта, что все это десятилетнее противостояние было лишь

частью, не главной задачей всей жизни Нобунага. Основными своими врагами Нобунага считал даймё, а не Хонгандзи.

Хонгандзи ни за что не продержалась бы столь длительное время, если бы не получала помощи от своих союзников. Особенно существенна была помощь Мори Тэрумото: в 1576 и 1577 годах его флот успешно поставлял провиант в Одзака. И только в 1578 году новая флотилия Нобунага, состоявшая из семи защищенных железными листами кораблей, построенная и возглавляемая Куки Ёситака и Такигава Кадзумасу, впервые победила флот Мори и тем самым замкнула блокаду Хонгандзи. В течение следующего года (1579), когда Хидэёси оттеснял Мори на запад, Акэти Мицухидэ установил контроль над провинциями Танба и Танго, а мятеж Араки Мурасигэ в Сэтцу был подавлен, Кэннэ Коса потерял надежду на помощи извне и был вынужден согласиться на мирные переговоры и капитуляцию. Окончательное падение Хонгандзи в августе 1580 года стало важнейшим моментом в жизни Нобунага, ведь впервые вся область Кинай оказалась в его руках. Отметим, что, уже начиная с 1577 года, Кэннэ Коса был не в состоянии вести какие-либо наступательные действия против Нобунага. Непрístupная некогда цитадель пала, как только лишилась поддержки могущественных союзников.

МИР С ХОНГАНДЗИ

Переговоры между Нобунага и Кэннэ Коса начались в январе 1580 года. 1 января, за день до казни представителей семьи Араки в Киото, император Огимати предложил Кэннэ заключить мир с Нобунага. Безусловно, император сделал это по наущению Нобунага. Историки спорят по поводу того, зачем Нобунага решил привлечь в качестве посредника императора, а не и искать самостоятельно выход из ситуации. Вакита Осаму полагает, что заключение мира с Хонгандзи стало еще одним примером того, как императорский двор стал «игрушкой в руках Нобунага». Задействуя императорский двор, Нобунага словно стремился облегчить Кэннэ Коса принятие его условий³⁹⁹. Фудзика Хисаси, с другой стороны, считает, что участие императора придавало легитимность мирному соглашению. Одновременно благодаря этому Кэннэ Коса мог сохранить лицо⁴⁰⁰. По мнению же Нейла МакМаллина, для Нобунага было выгодно прибегнуть к помощи двора для обсуждения условий мирного соглашения с Кэннэ Коса, поскольку это давало ему воз-

возможность прекратить военную кампанию в Одзака. Однако утверждение МакМаллина о том, что «в 1580 году Хонгандзи по-прежнему представляла собой хорошо укрепленную цитадель», вызывает сомнения⁴⁰¹. Кэннэ Коса более не имел возможности оказывать Нобунага сколько-нибудь значительное сопротивление.

Что наиболее примечательно, так это то, в какой степени Нобунага тайно дирижировал ведением переговоров со стороны императора при помощи своего доверенного лица, придворного аристократа Коноэ Сакихиса. Присутствие двух официальных представителей императора Кадзюдзи Харутоё и Нивада Сигэясу было лишь уловкой. Переговоры с Хонгандзи стали ярким отражением того влияния, которое Нобунага имел при дворе в 1580 году. 16 марта трое посланников императора — Коноэ, Кадзюдзи и Нивада — доставили Кэннэ Коса императорское послание с призывом к миру. Представителей императора на пути в Одзака сопровождали двое чиновников Нобунага: Мацуи Юкан, губернатор Сакай, и Сакума Нобумори, главнокомандующий осаждающими Одзака войсками⁴⁰².

Две недели спустя Нобунага выпустил семь условий заключения мира с Хонгандзи вместе с клятвенным заверением, что он будет их выполнять, покуда то же самое делает Кэннэ Коса. Клятва была скреплена кровью и адресована Кадзюдзи и Нивада, что подтверждает, что эти двое вели официальные переговоры между Хонгандзи и Нобунага и передавали документы от одной стороны к другой. Что касается Сакихиса, доверенного лица Нобунага, то он вел закулисную игру⁴⁰³. Скрепив свою клятву кровью, Нобунага в тот же день написал Сакихиса письмо, в котором признавал, что подозрительность и обеспокоенность Коса вполне можно понять. Нобунага хотел, чтобы Сакихиса убедил его противника, что данное предложение не является очередной уловкой: «вы должны сделать все, чтобы успокоить их»⁴⁰⁴. В другом письме, отправленном одновременно Мацуи Юкан, Нобунага пишет, что Сакихиса приказано произвести впечатление с помощью пятого пункта мирных условий, в котором предусматривалась передача Хонгандзи двух областей в провинции Кага «после того, как они уйдут из Одзака»⁴⁰⁵. Директивы Нобунага недвусмысленно показывают, что фактически переговоры вел Коноэ Сакихиса, а вовсе не Кадзюдзи и Нивада. Мир заключили спустя почти три недели после того, как Нобунага выступил с мирными инициативами, когда трое высших священнослужителей из семьи Симодзума направили в ответ клятву, состоявшую

из пяти пунктов и также скрепленную кровью, в которой они принимали мирные условия⁴⁰⁶:

Клятва

Преданные Вам

1. Последними приказами Его величества прощение даровано [Хонгандзи]. Мы не нарушим согласованные условия и не отойдем от них ни в малейшей степени.

2. Заложники, которых его светлость [Нобунага] предоставили нам, будут оставлены в Одзака, а не отправлены в Тюгоку, Сайка или куда бы то ни было еще. Однако, когда мы оставим крепость, они отправятся с нами в безопасное место, после чего мы их вернем.

3. Сторонникам из Сайка будет приказано дать письменную клятву с обещанием делать все так, как пожелает верховный наставник [Кэннэ Коса]. Дополнение: заложников из Одзака и Сайка не должны отправлять в Тюгоку или куда бы то ни было еще.

4. Предельный срок оставления замка Обон — в седьмом месяце.

5. Покидая замок Одзака, мы также сдадим Ханакума, Амагасаки и другие выдвинутые бастионы.

В 5-й день третьего дополнительного месяца восьмого года Тэнсё

*Симодзума Сёсин Хоккё Накаюки
Симодзума Адзэти Хоккё Райрю
Симодзума Гёбу Хогэн Райрэн*

Господину Нивада

Господину Кадзюдзи

На этих условиях Кэннэ Коса согласился отступить из Одзака и сдать цитадель Нобунага. Явно желая сохранить лицо, Симодзума подчеркивают, что «принимают приказания Его величества». В действительности, однако, условия мира диктовал Нобунага. Удостоверившись в подлинности клятвы, он наградил всех трех свидетелей пятнадцатью золотыми, Коса получил тридцать золотых, а его жена — двадцать⁴⁰⁷. Через шесть дней после того, как Симодзума подписали клятву, Нобунага отдал своим войскам приказ прекратить военные действия и снять осаду цитадели. Не менее двух раз за девять дней он повторил свое обещание передать бывшему противнику две области в провинции Кага, видимо, чтобы рассеять возникшие подозрения относительно выполнимости такой передачи⁴⁰⁸. В своем письме Кадзюдзи и Нивада, датированном

20 мая, Кэннэ признал, что в его стане возникли «некоторые споры», из-за которых отступление откладывалось. Подлинную роль Сакихиса во всем происходящем хорошо показывают следующие слова Кэннэ из данного письма: «Прошу передать это сообщение господину Коноэ надлежащим образом»⁴⁰⁹. Кэннэ, так же, как и Нобунага, полагался на Сакихиса. Несомненно, Сакихиса должен был проинформировать Нобунага о задержке. 22 мая 1580 года, за добрых три месяца до истечения назначенного срока, Кэннэ с небольшой группой сторонников отступил в Васи но Мори в провинции Кии, оставив Исияма Хонгандзи на попечение своего сына Кёнё (1558–1614). Кэннэ был абсолютно убежден, что его школа будет целиком уничтожена в случае продолжения сопротивления Нобунага, но имелась и другая группа, лидером которой стал Кёнё, которая выступала против сдачи Одзака и хотела дать последний бой.

Несколько причин удерживали Кёнё от капитуляции. Он очень не хотел сдавать врагу земли, почитавшиеся священными со времен Рэннэ. Он ненавидел Нобунага и отказывался заключать с ним соглашение, не проконсультировавшись предварительно с Мори и Такэда. Более того, его сторонники из провинции Кии и с острова Авадзи требовали продолжения борьбы. В случае заключения мира с Нобунага они теряли многое: будучи главными защитниками цитадели, они были обязаны занимаемым в иерархии положением именно войне с Нобунага⁴¹⁰. Представляется, однако, что Нобунага не сильно беспокоило нарушение мирного соглашения со стороны Кёнё. Ведь сын не понимал того, что стало ясно его отцу: цитадель понесла большой урон и более не представляла серьезной опасности. Нобунага изолировал ее от окружающего мира, все плотнее сжимал кольцо и усиливал давление на Кёнё.

Принимая во внимание вышесказанное, вряд ли можно считать удивительным тот факт, что окончательной капитуляции Исияма Хонгандзи и сдаче Кёнё поспособствовал никто иной, как Сакихиса. 27 августа 1580 года Нобунага передал второй экземпляр пяти условий заключения мира и клятву Кёнё, он адресовался «новому верховному священнослужителю Хонгандзи», а не Кадзюдзи и Нивада, как было в первый раз. Из чего можно сделать вывод, что Нобунага более не нуждался в посредничестве императорского двора для заключения мира⁴¹¹. Роль Кадзюдзи и Нивада была сведена к минимуму, в то время как главную скрипку играл «двойной агент» Нобунага Сакихиса. Вскоре после отправки мирных условий

Кёне Нобунага написал письмо Сакихиса с инструкциями как можно скорее завершить сдачу Хонгандзи: «Если опять возникнет отсрочка, это будет удар по моему доброму имени и моей чести... Поэтому мои войска будут находиться на реке Удзи. Если события затягиваются, люди теряют воинский дух; на этой земле должен быть установлен мир, и хочу закончить это дело как можно скорее». Письмо заканчивается следующими словами: «вы должны показать это письмо противоположной стороне, и поторопитесь⁴¹²!» Как и ожидалось, результаты не замедлили появиться: 10 сентября 1580 года Кёне навсегда покинул цитадель. К тому времени он совсем рассорился со своим отцом. Пока Кёне эвакуировался из Одака «по суше и морю» (массы людей бежали из крепости, словно «пауки»), Кэнне преподнес Нобунага три тигровые шкуры и ковер⁴¹³. Более того, Кэнне отрекся от Кёне и назначил своим преемником младшего сына. Это привело к расколу в семье, и при Иэясу она разделилась на западную и восточную ветви. Скорее всего, отступающие защитники сами подожгли цитадель, чтобы они не попала в руки Нобунага в целости. Крепость горела три дня и превратилась в пепел: «От нее не осталось ничего»⁴¹⁴.

По выражению Окуно Такахиро, поражение Хонгандзи означало завершение «великого предприятия» Нобунага по отделению религии от политики⁴¹⁵. На самом деле произошло обратное: капитуляция Хонгандзи означала окончательную победу государства над институционализированным буддизмом. Как следствие, в последующей истории Японии более не будут существовать религиозные институты, не подчиняющиеся контролю государства. В этом отношении весьма поучительно взглянуть на иные примеры религиозной политики Нобунага, тем более что ко времени падения Хонгандзи его отношение к религиозным организациям в Японии стало гораздо более жестким.

Нобунага видел в религии в первую очередь средство установления контроля над людьми. Во всяком случае, именно об этом говорит в своем письме Лоуренсо Мехиа: «Нобунага всегда сильно сомневался в том, что Бог и душа существуют на самом деле. Он полагал, по-видимому, что в сердцах отцов[иезуитов] имеется нечто помимо того, что они проповедуют, — подобно тому, как буддисты его школы склонны проповедовать, что потусторонний мир и освобождение существуют, но впоследствии говорят тем, кто достиг глубины их учения, что все, что они проповедуют, предназначено для облегчения управления людьми, и что в действительности

нет никакого мира или жизни, отличных от наших»⁴¹⁶. Все те, кто оценивал религиозную политику Нобунага, видели в нем антиподов самим себе. Так, для Такэда Сингэн Нобунага был дьяволом во плоти, а в глазах иезуитов он, в конце концов, в своем «безрассудстве и дерзости» превзошел самого Навуходоносора⁴¹⁷. Из чего представляется логичным заключить, что Нобунага должен был быть «безбожником», если не атеистом⁴¹⁸.

Что в глаза Нобунага имело значение, так это полезность и действие религиозных деятелей, общин или институтов, вне зависимости от того, что они проповедовали. В своей политике Нобунага не касался религиозных или доктринальных вопросов, он просто стремился установить контроль над религиозными институтами и организациями. Он проводил только такие религиозные церемонии и поддерживал только те религиозные институты, которые признавали и укрепляли его власть. И совершенно не важно, считал сам он их истинными или нет. Если Нобунага был атеистом, то, следует признать, весьма практичным. Религиозные организации, оказывавшие его режиму вооруженное сопротивление, жестоко преследовались и уничтожались всегда и везде, где только было возможно, но причины тому имели сугубо политический, а не доктринальный характер. Нобунага проводил последовательную и рациональную религиозную политику и сознательно стремился установить свою собственную светскую власть над любыми институтами. И политику эту придумал отнюдь не он сам. Напротив, она глубоко коренится в восточно-азиатской политической традиции. Наиболее известным ее примером стало, несомненно, преследование буддизма в Китае в правление династии Тан в середине IX столетия.

НОБУНАГА И ИЕЗУИТЫ

В исторических трудах на протяжении почти 400 лет Нобунага изображался как друг христианских миссионеров в Японии⁴¹⁹. Действительно, имеются достаточно обоснованные и убедительные свидетельства, подтверждающие, что Нобунага благоволил иезуитам. Даже краткой хронологии взаимоотношений между Нобунага и миссионерами будет достаточно, чтобы подтвердить это. В первый раз Нобунага принял Фройса в 1569 году в Киото; вскоре после этого он выдал Фройсу документ, скрепленный красной печатью, который даровал ему право свободно передвигаться во владениях Нобунага и проповедовать свое учение. Позднее в том

же году Фройсу был оказан поистине королевский прием в Гифу, он удостоился экскурсии по замку, о котором впоследствии написал в превосходных тонах. Франсиско Кабраль (1528?–1609), возглавлявший в ту пору миссию в Японии, посещал Нобунага в 1572 и 1574 годах. Нобунага не просто оказывал любезность иезуитам, он предоставлял им и существенную материальную помощь (например, при строительстве церкви в Киото, сооруженной между 1576 и 1577 годами, несмотря на громкие протесты местных жителей). Позднее, в 1580 году, Нобунага подготовил участок в Адзути и выделил его иезуитам для строительства миссии.

Тот факт, что Нобунага покровительствовал иезуитам, является неоспоримым, проблема в том, как можно объяснить такое его отношение. Вопрос не в том, что Нобунага оказывал иезуитам поддержку, а в том, почему он делал это. Весьма проблематично определить мотивы, которыми руководствовался Нобунага, демонстрируя окружающим свою симпатию к иезуитам, которые в XVI столетии вели в Японии активную деятельность. Единственные источники, которые могут оказаться нам полезны, это письма самих иезуитов и «История Японии» Фройса, основанная на этих письмах. Безусловно, важно помнить, что все эти документы являются пристрастными и односторонними.

В своих письмах иезуиты единогласно утверждают, что Нобунага не проявлял ни малейшего интереса к традиционным японским культам, что, по-видимому, и заставило их вообразить, что Нобунага может сыграть важную роль в обращении Японии в христианство. Иезуиты считали его «бичом Божиим»⁴²⁰, призванным уничтожить их главных врагов — буддистов. По мнению миссионеров, положительный итог действий Нобунага, направленных против буддизма, заключался в том, что это заставило его благосклонно отнестись к христианской миссии. Примером подобных рассуждений является письмо за 1581 год⁴²¹:

По-видимому, Бог избрал этого человека, не давая ему понять смысла его действий, чтобы подготовить и расчистить путь для нашего святого учения, поскольку он не только не имеет ни малейшего почтения и уважения к божествам, которым поклоняются японцы, но и является злейшим врагом и преследователем бонз. Он разрушил так много монастырей, уничтожил так много бонз в них и ненавидел их до такой степени, что теперь их секты серьезно ослаблены. Ненависть его проистекает из сопротивления, которое оказывали ему неко-

торые бонзы. Эти бонзы жили в разных сектах, имели богатство и пользовались властью, а также владели сильными крепостями и обширными угодьями. Они несколько раз оказывали ему настолько сильное сопротивление и доставляли такие неприятности, что если бы не они, Нобунага давно стал бы властелином всей Японии... Несмотря на ненависть, которую он питал к бонзам и их сектам, он всегда был очень добр к нашим отцам, проповедовавшим Слово Божье, и он оказывает нам столько милостей, что его собственное окружение удивляется и не может понять, чего он хочет достичь этим.

В письме недвусмысленно указывается, что причины активной борьбы Нобунага с независимыми буддийскими институтами были не только и не столько личного характера. Главной из них являлось экономическое и военное могущество буддийских институтов.

Один из первых историков Японии Джеймс Мердок указывал в начале XX столетия, что враждебное отношение к буддизму со стороны Нобунага и иезуитов делало их естественными союзниками⁴²². Об этом же думал и Фройс, когда, задолго до Мердока, писал в своей «Истории»: «Просто удивительно наблюдать, как этот господин, такой жестокий и неумолимый по отношению к бонзам; проявляет такую доброту и любезность по отношению к нам, даже если ему известно, что мы проповедуем против божеств и будд и против всех японских сект»⁴²³. Но необходимо помнить, что Нобунага вел войны отнюдь не с теми, на кого иезуиты нападали в своих проповедях. И если Нобунага противостоял буддизму в виде военизированных своих институтов, то иезуиты боролись с буддизмом как таковым, как с религией.

Иезуиты, тем не менее, смотрели на вещи достаточно реалистично, чтобы возлагать слишком большие надежды на обращение Нобунага в христианство. Письмо за 1581 год касается этого вопроса⁴²⁴:

Да будет угодно нашему Господу наставить [Нобунага] на познание истины, которой он иногда с интересом вникает. С одной стороны, если принять во внимание гордыню и поведение Нобунага, невозможным кажется, чтобы он обратился к учению Господа. Однако появляется надежда, когда видишь, что Господь избрал его, чтобы разрушить и сократить секты бонз, и что при этом он неизменно благоволит нашим делам и иногда с должным вниманием выслушивает слова о вечной жизни и о бессмертии души.

Аналогичные надежды можно найти и в официальных письмах других миссионеров, например: «Да вознаградит Господь Нобунага обращением в священную веру»⁴²⁵. В письмах говорится, что иногда Нобунага «слушал» христианские проповеди, но никогда не принимал их. Неправильным будет даже говорить, что Нобунага отверг христианство, поскольку это означало бы, что он серьезно обдумывал возможность обращения в него. Личная вера была ему чужда. Именно это признавал Фройс, когда писал, что, «хотя Нобунага от природы обладает очень хорошими качествами, у него, тем не менее, нет самого главного из них — веры в Бога»⁴²⁶.

Иезуиты в своих письмах не дают глубокого анализа причин благожелательного отношения Нобунага к их миссии. Если Нобунага не был предан христианскому учению, то остаются только отрицательные мотивы, типа старого как мир «враги моих врагов — мои друзья». Нельзя, тем не менее, и сказать, что ничего невозможно прочесть между строк их посланий. Так, по мнению К. Р. Боуксера, Нобунага «любил проводить время в окружении сильных и талантливых людей» и не мог не проявить сострадания к чужестранцам, находящимся так далеко от родной земли⁴²⁷. Живя в Японии, иезуиты быстро смекнули, что «по своей природе японцы любят все новое», и Нобунага не был исключением⁴²⁸. Его впечатлило мужество иностранцев, отправившихся на край света из своей родной страны с миссионерской проповедью. В конце одной из аудиенций⁴²⁹:

Нобунага попросил отца Органтино показать маршрут путешествия, которое он совершил из Европы в Японию, и когда он увидел его, сказал с восхищением, что отцы никогда не отважились бы на него, если бы не были преисполнены решимости и силы духа. Повернувшись к отцам и братьям, он сказал, расхохотавшись: «Вы прошли через столько опасностей и пересекли столько морей, что вы или никчемные воры, от которых нечего ждать ничего хорошего, или же вы проповедуете очень важные вещи».

Любопытство Нобунага побуждало его задавать вопросы об иезуитской миссии, и, если верить иезуитским источникам, он стал считать их гораздо более честными в религиозном плане людьми по сравнению с их японскими соперниками буддистами. Однако не все было столь радужно. Фройс, знавший Нобунага, пожалуй, лучше остальных своих собратьев, подозревал, что интерес, проявляемый тем к иезуитам, имел один существенный изъян. Якобы Нобу-

нага покровительствовал им потому, что они были иностранцами и, таким образом, чем-то «новым», и что он никогда не оказал бы им таких милостей, если бы они были его соотечественниками⁴³⁰.

Такасэ Коитиро показал, что торговля в Нагасаки, в которой иезуиты играли главную роль, не была сама по себе достаточным основанием для Нобунага, чтобы поддерживать с ними хорошие отношения. Только после вторжения Хидэёси на Кюсю в 1587 году правители Центральной Японии поняли, насколько глубоко иезуиты проникли в политическую и торговую жизнь острова. Как только это открылось, Хидэёси незамедлительно издал первый эдикт об изгнании. И не выполнен он был только потому, что Хидэёси, а затем и Иэясу, вынуждены были мириться с так называемой «иезуитской проблемой», так как очень нуждались в международной (португальской) торговле. И только после того, как центральные власти Японии нашли новых торговых партнеров — голландцев, они стали проводить репрессивную политику против иезуитов (закончившуюся их изгнанием с японского архипелага)⁴³¹. Что касается Нобунага, то его сферой деятельности была только Центральная Япония, и подобная проблема перед ним не стояла. Товары, которые привозили в Японию португальские корабли, были ему нужны, в особенности селитра, использовавшаяся при производстве пороха, однако он отнюдь не являлся монополистом. Из Кюсю в Кинай селитру привозили японские транспортные гильдии, чаще всего базировавшиеся в провинции Сакай. Нобунага поддерживал добрые, но не эксклюзивные отношения с этими организациями и ведущими купцами. Так, например, защитники Исияма производили порох в не меньших объемах, чем Нобунага.

Имелись и иные, помимо экономических, причины, объясняющие покровительственное отношение Нобунага к иезуитам. Вакиита Осаму высказал предположение, что Нобунага привлекал даймё из центральных провинций Сэтцу и Кавати, принявших христианство, к осаде Исияма Хонгандзи. Вакиита считает, что Нобунага расположил этих даймё полукругом вокруг Одзака, поскольку, вследствие своей христианской веры, они очень враждебно относились к защищавшим Хонгандзи последователям буддийской Истинной Школы Чистой Земли⁴³². «Воинами Христа» в этих областях были Хусто Такаяма Укон из замка Такацуки (ныне — часть города Такацуки), Жоао Юки (1556–1584) из Окаяма (на территории нынешнего города Сидзёнаватэ), Сантё Санга Ёритэру (ум. 1595) из Санга (ныне — в городе Дайто) и Симеао Икэда Норимаса (ум. 1595?) из

Вакаэ (ныне — в городе Осака). Наиболее влиятельным и известным из этой четверки был Такаяяма Укон, и поэтому именно ему мы уделим основное внимание.

Предположения Вакида небезосновательны, однако он заходит слишком далеко, допуская существование единого фронта даймё-христиан в Центральной Японии. Осада Хонгандзи, а в особенности кризис Араки показали, что перспектива создания подобного союза едва ли была выполнимой. Как правило, миссионеры-иезуиты представляли христианскую веру японским князьям как определенное противоядие против неверности вассалов, ставшей одним из главных зол той эпохи. Один их таких принявших христианство даймё по имени Мансио Санга Ёрицура так описал Нобунага идеалы вассала-христианина: «Умереть ничего не значит для него, поскольку на то воля Бога, но что тяготит его душу, так это бесчестье и позор, которые запятнают имя Христа, [если люди скажут], что он предал своего господина, поскольку предательство чуждо христианству...»⁴³³

Нобунага прекрасно знал о притязаниях отцов и их новообращенных, но, по всей видимости, не воспринимал это серьезно. В своем письме от 28 июля 1577 года отец Стефанони сообщает о разговоре между Нобунага и его полководцем Араки Мурасигэ по поводу преданности вассалов-христиан. На вопрос Нобунага, как он оценивает присутствие миссионеров в области Кансай, Мурасигэ ответил, что «не может объяснить христианское учение, но что он точно знает, так это то, что все его вассалы, принявшие христианскую веру, полностью повинуются ему»⁴³⁴.

По иронии судьбы, спустя всего шестнадцать месяцев Мурасигэ выступит против Нобунага и будет вынужден взять обратно свои хвалебные слова о воинах-христианах. Кризис Араки разразился в ноябре 1578 года. Атмосфера слухов и нелепых обвинений вынудила Мурасигэ разорвать вассальные узы с Нобунага и присоединиться к его заклятым врагам, Кэннё Коса из Одзака и дому Мори с запада Хонсю. Начиная с 1576 года Мурасигэ, управлявший провинцией Сэтцу (занимает западную часть нынешней префектуры Хёго и восточную часть префектуры Осака) был одним из главных действующих лиц в осаде Хонгандзи, которая находилась рядом с замком Ариока, ставкой семьи Араки. Предательство Мурасигэ разорвало кольцо блокады вокруг Исияма Хонгандзи. Кроме того, оказались прерванными линии коммуникации с Хидэёси, который вел кампанию в западной провинции Харима. Таким образом, кри-

зис Араки поставил под угрозу власть Нобунага в Кансай: потеря провинции Сэтцу стала бы катастрофой.

Ключом к Сэтцу был замок Такацуки, который защищали командиры Мурасигэ Дом Дарио Такаяма Хида но Ками (ум. 1595) и его сын Дом Хусто Такаяма Укон, оба христиане. Поначалу, в попытке нейтрализовать кризис, Нобунага решил направить усилия на младшего Такаяма. Голой силой замок быстро было не взять, и Нобунага прибег к более хитрой тактике: он достаточно знал о христианской верности, чтобы психологически точно построить игру. Окончательное разрешение кризиса Араки позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Нобунага терпел иезуитов и их миссионерскую деятельность постольку, поскольку это было выгодно ему, или, как минимум, не причиняло вреда. В этом отношении для него не было никакой разницы, христианство это или буддизм. Во-вторых, вопреки тому, что заявляли иезуиты, вассалы-христиане сохраняли преданность господину ничуть не в большей мере, чем вассалы-язычники. В Японии эпохи Сэнгоку законы выживания и собственные интересы неизменно превалировали над Божьими заповедями. В-третьих, отношение Нобунага к Такаяма Укон после разрешения кризиса ярче всего иллюстрирует то, что он вовсе не считал христианскую веру важной движущей силой для своих вассалов.

Нобунага, как позднее писал Фройс, «наверняка знал, что христиане честно и прямо повинуются отцам во всем»⁴³⁵, что Нобунага и использовал весьма умело при разрешении кризиса Араки. Нобунага выбрал отца Органтино, возглавлявшего иезуитскую миссию в Кансай в то время, чтобы тот воззвал к Такаяма Укон как к христианину. На первом этапе кризиса Нобунага, как лично, так и через посольных, неоднократно приказывал Органтино «сообщить Такаяма, что тому ничего не остается, как смириться с тем, чтобы обменять жизни своего сына и сестры на жизни отцов и христиан в моих владениях. Он сможет сделать это, если незамедлительно перейдет на мою сторону»⁴³⁶. А в случае его отказа сдать Нобунага угрожал выкорчевать с корнем христианство в области Кинай. Как следствие, христиане оказались в весьма сложном положении⁴³⁷:

Отцы из Киото пребывали в сложившейся ситуации в великом отчаянии и горе, поскольку они ясно видели приближение конца господина Укон и всего христианства [в Кинай]. Но что более всего печалило их, так это крушение нашего священного

дела из-за того, что господин Укон оказался предателем, хотя отцы проповедовали в Японии, что ни один христианин не выступит против своего господина. И хотя Укон служил Араки, его главным господином на самом деле был Нобунага. Поэтому отец Органтино, в то время возглавлявший миссию в Гокинай, предупреждал господина Укон, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не выступал против Нобунага. Господин Укон ответил [отцу Органтино], что если бы он мог спасти заложников [отданных Араки], а именно, сына и сестру, он поступил бы так, как советовали ему отцы, но если он не может их спасти, он не знает, как разрешить эту запутанную ситуацию. Отец Органтино был в замешательстве и отчаянии, опасаясь гнева Нобунага. Тот был человеком очень вспыльчивым и легко мог излить свою ярость на христианах.

Если бы Укон изменил свое позицию и вернулся к Нобунага, то он «принес бы пользу учению Господа», но если он откажет Нобунага, и отцы, и христиане будут распяты перед его глазами⁴³⁸. Неудивительно, что доставленные в лагерь Нобунага отцы выглядели как «люди, идущие на эшафот»⁴³⁹.

Логика Нобунага была безукоризненной, но задача Органтино убедить Такаяма перейти на сторону Нобунага казалась невыполнимой. Понятно, что Мурасигэ ни за что не отпустил бы заложников Такаяма, поскольку они являлись залогом его союза с ним. Поэтому Укон не мог ничего предпринять. Более того, его отец был решительно против того, чтобы обменивать жизни членов семьи на жизни христиан Кинай. Когда Органтино в последний раз отправился в замок Такацуки в отчаянной попытке спасти свою паству, старший Такаяма отнесся к нему с нескрываемым презрением и даже хотел передать его в руки бонз из Одзака.

Однако ночной визит Органтино в осажденный замок в конце концов помог разрубить гордиев узел. Соблюдая полную секретность, чтобы не возбудить подозрений у своего отца, Укон имел продолжительную беседу с отцом Органтино в церкви Такацуки и сообщил ему о своем решении⁴⁴⁰:

...Обрить голову (в Японии признак человека, собирающегося уйти от мира), искать убежища в церкви, отказаться от всех своих нынешних постов, отказаться от владений и вассалов и покинуть замок, поскольку, надеюсь, увидев, что я поступаю таким образом, Араки воздержится от того, чтобы убить моего сына; и [отцы] и христианство в Гокинай могут быть спасены...

Решение, принятое Такаяма Укон, многими считалось героическим и самоотверженным поступком, и его часто превозносят как пример христианского рыцарского духа⁴⁴¹. Вопрос, однако, заключается в том, были ли мотивы такого поступка действительно чистыми и бескорыстными. Нобунага мог поставить жизнь христиан в зависимость от решения Такаяма, но он также предлагал ему богатства, обещая столько золота, сколько он захочет, и любое владение, какое он только пожелает.

Отец Органтино не скрывал радости, узнав о решении Такаяма. Казалось, чаша весов склонилась в его пользу. Отец Органтино, Такаяма Укон и брат Лоуренсо покинули замок Такацуки под покровом ночи и направились в лагерь Нобунага. На следующее утро переполненный радостью Нобунага, который понял, что «теперь Такацуки перешел в его руки», принял Такаяма Укон и Органтино. В то же время он не придавал никакого значения религиозным мотивам, побудившим Такаяма принять такое решение. Нобунага ввел его в свою ставку в Корияма (ныне — часть города Ибараки), где «снял свои шелковые одежды и отдал их Такаяма Укон; кроме того, он подарил Такаяма ценного скакуна... Укон получил область Акутагава в провинции Сэтцу в награду за свою измену». Укон, в свою очередь, немедленно забыл о своем религиозном обете и, как сообщают, «горячо благодарил за подарки»⁴⁴².

22 декабря 1578 года, через восемь дней после сдачи Такаяма Укон, Накагава Киёхидэ тоже передал свой замок Ибараки в руки Нобунага. После сдачи замка Такацуки положение Киёхидэ стало безнадежным. Таким образом, сдача Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон означала, что больше половины территории провинции Сэтцу снова перешло в руки Нобунага и что угроза была нейтрализована в течение месяца. Накагава Киёхидэ был гораздо более важен для Нобунага, нежели Такаяма Укон, поскольку первый получил тридцать золотых, в то время как последний только двадцать. Кроме того, щедрые дары преподнесли Киёхидэ сам Нобунага, его сыновья Нобутада, Нобукацу и Нобутака, а также его племянник Нобудзуми. Видимо, желая проверить преданность новоявленных сторонников, Нобунага расположил Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон на переднем краю осады замка Мурасигэ, Ариока. По сути, Такаяма Укон осаждал замок, в котором искал убежища его отец. После падения Ариока в декабре 1579 года судьбы отца и сына разошлись еще более разительно. В то время как сын сделал карьеру в числе вассалов Нобунага и даже получил разрешение построить

резиденцию у подножия горы Адзути, его отец, хотя и получивший вместе с родственниками пощадку во время массового истребления защитников Ариока, доживал дни в тюрьме, больше похожей на клетку, в провинции Этидзэн, куда был сослан Нобунага.

Кризис Араки имел разные последствия для его участников. Как отмечает один из его свидетелей-иезуитов, в целом инцидент «оказался очень болезненным для нас»⁴⁴³. Нобунага не только угрожал иезуитам физической расправой; по сути, он ясно показал им, что все их предприятие построено на зыбучем песке. Нобунага истребил более 600 членов клана Араки, слуг и служанок замка Ариока, захваченных им в конце 1579 года. Эти карательные меры вполне могли быть направлены и против отцов-иезуитов и их последователей, если бы Органтино не удалось переубедить Такаюма. Что касается последнего, то его явно не слишком заботила судьба его родственников, и непонятно, в какой степени он был обеспокоен участью братьев-христиан. Во всяком случае, Укон не высказал никаких возражений (очевидно, это было бы неумно с его стороны), когда Нобунага, не обращая ни малейшего внимания его церковный обет, преподнес ему дары. Такаюма Укон, был он христианином или нет, в первую очередь оставался даямё эпохи Сэнгоку, а это сословие пеклось в первую очередь о собственных интересах и беспокоилось более всего о собственной безопасности и продвижении, нежели о чем-либо еще, включая христианство.

Иезуиты в Японии нацеливались на завоевание моральной симпатии военного сословия. В своей «Истории Японии» Фройс уверяет, что Араки «не имели права осуждать отца Органтино, поскольку Такаюма не заставляли делать ничего такого, что бы расходилось с японскими обычаями. В действительности, немногие находились в армии [Араки] или вне ее, кто не восхвалял бы святого отца за то, что он сделал»⁴⁴⁴. Однако трудно представить себе что-либо, более далекое от истины: кризис Араки «даже в современной Японии остается хорошо известным эпизодом из времен Сэнгоку, свидетельствующим о двуличности христиан»⁴⁴⁵. Укон поступил на службу Нобунага, продолжая служить Араки, так что его сюзереном был именно последний. Кроме того, Укон выступил против своего собственного отца и бросил заложников. Практика предоставления заложников в качестве залога верности господину являлась краеугольным камнем системы вассалитета в период Сэнгоку. По наущению отца Органтино Такаюма Укон совершил двойное преступление: против *тюдю*, верности, и *ко*, сыновней почти-

тельности, двух фундаментальных понятий японской воинской этики.

Противостояние Нобунага и иезуитов в 1578 году можно рассматривать в качестве предвестника изгнания иезуитов Хидэёси (не осуществленного принудительно) и окончательной их высылки при Токугава Иэясу. Кризис Араки ясно показывает, что иезуиты в Японии XVI столетия стояли перед неразрешимой дилеммой: они вынуждены были принимать политические обязательства перед японскими даймё для того, чтобы достичь успеха в миссионерской деятельности в стране, раздираемой войнами в эпоху Сэнгоку, но эти самые обязательства сделали их потенциальным препятствием для централизованной власти, сложившейся в Японии в конце XVI века. Трудно осуждать иезуитов за то, что они не сделали никаких выводов из своего чудесного спасения 1578 году; в конечном счете, у них не было выбора. Единственной альтернативой было прекратить миссионерскую деятельность в Японии, однако в конце 1570-х годов это казалось воинам Христа невозможным. Но через тридцать пять лет Токугава силой заставит их сделать это.

ДИСПУТ В АДЗУТИ

21 июня 1579 года, почти за год до падения Хонгандзи, Нобунага организовал в Адзуте религиозный диспут между наставниками школы Нитирэн (Лотоса), с одной стороны, и Дзёдо (Чистой Земли), с другой. Едва ли является случайным тот факт, что диспут этот состоялся в то время, когда признаки близкого падения цитадели Хонгандзи стали видны всем. Практически полностью прибрав к рукам Центральную Японию, Нобунага теперь был готов подчинить еще одного воинственного противника — буддистскую школу Нитирэн.

Школа Нитирэн, или школа Лотоса, являла собой не идущее на компромиссы общественное течение, наибольшее число участников которого составляло городское население крупных политических и торговых центров, таких как Киото и Сакай, которое школа Нитирэн привлекла на свою сторону в конце XV столетия. Вооруженные последователи Нитирэн сформировали так называемую «конфедерацию Лотоса» и практически автономно хозяйничали в Киото в период с 1532 по 1536 год. Сокрушить ее смог только союз воинов-монахов с горы Хиэй и войска Роккаку из провинции Оми, которые в 1536 году вторглись в Киото и сожгли все храмы

Нитирэн в столице — всего 21. Этот эпизод получил название «Смуты годов Тэнбун». Нижний Киото был практически полностью уничтожен огнем, как и примерно третья часть Верхнего Киото. Однако к тому времени, как Нобунага вступил в Киото в 1568 году, школа Нитирэн в основном оправилась от сокрушительного удара, нанесенного ей воинами-монахами школы Тэндай, и вновь стала силой, с которой в столице нужно было считаться. Нитирэн часто принимала участие в религиозных спорах и использовала их как главный инструмент в своей агрессивной деятельности по привлечению в свои ряды новых сторонников. Религиозные диспуты отнюдь не были чем-то удивительным в эпоху Сэнгоку. Но многие даймё прекрасно понимали, какие социальные последствия они могут вызвать в их владениях, а потому стремились пресечь любые их нежелательные проявления. Так, например, Такэда Сингэн вообще запретил любые диспуты между школами Дзёдо и Нитирэн в своей провинции Каи.

Находясь в 1571 году на Гоа, отец-иезуит Гаспар Вилела (1526–1572), ветеран миссии в Кинай, так описывал силу и фанатизм школы Нитирэн в Киото. Они, говорил он, обладают одним из самых больших и прекраснейших храмов в Киото, Хонкокудзи. Его конструкция и великолепие произвели на Вилела большое впечатление, но поведение его хозяев навевало печальные воспоминания. «Они являются злейшими врагами отцов в Мияко; много раз они выступали против меня, и по их милости меня дважды высылали из Мияко». Монахи школы Нитирэн владели обширными поместьями, но основным источником их дохода были «многочисленные пожертвования, преподносимые их последователями»⁴⁴⁶. Агрессивная миссионерская политика была отличительной чертой и школы Нитирэн, и иезуитов, поэтому неудивительно, что и те, и другие люто ненавидели друг друга. Школу Нитирэн отличали фанатичная вера в истинность своего учения, тесные взаимоотношения с богатым и средним городским сословием и огромные богатства. И хотя до диспута в Адзуте Нобунага никогда не вступал с ней в конфронтацию, он мог не раз лично наблюдать в Киото хорошо укрепленные храмы, являвшиеся опорной базой Нитирэн в столице. Во время двадцати из своих примерно сорока шести визитов в Киото Нобунага останавливался в храмах школы Нитирэн⁴⁴⁷.

Главной проблемой для исследователя диспута в Адзуте является отсутствие беспристрастных свидетелей, которые бы вели запись. Цудзи Дзэнносукэ, исследуя вопрос, разделил доступные япон-

ские источники на три категории: 1) источники из лагеря Нитирэн; 2) источники из лагеря Дзёдо; 3) так называемые «нейтральные» источники⁴⁴⁸. Учитывая «партийную» принадлежность первых двух групп источников, мы вынуждены признать их по большей части непригодными для реконструкции дискуссии, а также того, что случилось до и после нее. По сути, и источники третьей группы далеки от нейтральных. Два наиболее полных источника из этой категории, «Синтё-ко ки» и «Инга кодзи дзихицу Адзути мондо» («Собственное описание диалога в Адзути монаха Инга»), не были свободны от влияния со стороны Нобунага. Причина пристрастного отношения к Нобунага со стороны автора «Синтё-ко ки» не нуждается в объяснении. Что же касается второго источника, то «Инга кодзи дзихицу Адзути мондо» было написано одним из судей, назначенных Нобунага. Имеется, однако, одно описание, составленное лицом, не являвшимся участником диспута, — иезуитом Органтино. Несомненно, что у Органтино не было никакого интереса в данной дискуссии. Его симпатии были явно отданы Нобунага, и он всем сердцем приветствовал его решение наказать школу Нитирэн за инициирование и проигрыш диспута. С другой стороны, длинное письмо, написанное примерно неделю спустя отцом Органтино Фройсу, находившемуся в то время на Кюсю, информирующее его о том, что произошло в Адзути, можно считать неформальным разговором коллег. Впечатления Органтино могут быть однобокими (он видел в унижении школы Нитирэн проявление Божественной воли), но у него определенно не было причин скрывать или неверно передавать информацию, имевшуюся у него. Таким образом, описание диспута в Адзути, сделанное отцом Органтино, будет отправной точкой нашего анализа. В первых параграфах письма, приводимых ниже, содержится важнейшая информация о том, как начинался диспут⁴⁴⁹.

В 21-й день этого месяца Нобунага организовал в Адзути официальный диспут между школами Лотоса и Дзёдо. Проведения диспута требовали сторонники школы Лотоса, поскольку чувствовали уверенность в своей победе. Однако они потерпели поражение, и вся школа была унижена. Одного из ее первых наставников и монаха Фудэн, которого вы знаете и который был одним из наиболее популярных проповедников школы, обезглавили по приказу Нобунага. Последователи школы Лотоса смогли избежать такой же участи, пообещав выплатить большое количество серебра. Тех, ко принимал участие в самом споре, выслали на остров неподалеку от

Адзуги — наказание, обычно налагаемое на несостоятельных должников. Высланные монахи Лотоса не имели права покинуть остров, не выплатив сумму серебром. По сути, они сами вынесли себе приговор еще до диспута, поскольку передали Нобунага документ, в котором говорилось, что он может отрубить им головы, если они проиграют, и что такое наказание не может быть снято без соответствующей компенсации.

Я уверен, что Ваше преподобие хотели бы знать, почему имел место этот диспут. Монах школы Дзёдо из Канто прибыл в Адзуги через Киото, где, после проповеди в течение нескольких дней, был грубо оскорблен человеком по имени [Оваки] Дэнсукэ, одним из богатейших жителей города и последователем школы Лотоса. Однако проповедник проигнорировал выпад, заявив, что будет обсуждать вопросы доктрины только с учеными монахами. Его ответ привел Дэнсукэ в ярость, и он, будучи одним из главных членов местной общины Лотоса и уверенный в своей власти, начал избивать монаха. В результате жившие там монахи школы Дзёдо подали жалобу Нобунага. Монахи школы Лотоса, в свою очередь, призывали провести религиозный диспут для разрешения ссоры. Нобунага сначала протестовал под предлогом того, что будет трудно собрать ученых, но в конце концов уступил — на условиях, описанных выше, — давлению школы Лотоса устроить диспут.

Нобунага незамедлительно назначил дату и наблюдателей, призванных поддерживать порядок в ходе дискуссии. Из Киото в Адзуги прибыло множество последователей Нитирэн, монахов и наставников; что касается Дзёдо, то всего лишь еще один монах приехал из Тионгин, который присоединился к другому монаху, жившему в Адзуги, и проповеднику, с которого и начался конфликт. Нобунага не присутствовал на диспуте, но был рядом и мог подслушивать. По его приказанию открыла диспут школа Дзёдо.

Отчет отца Органтино удивительно схож с разъяснениями причин, приведших к диспуту, которые приводит в «Синтё-ко ки» Ота Гюити. В некоторых моментах последний показывает себя более информированным, особенно в том, что касается имен участников. Так, ему известно имя служителя Дзёдо с востока — Рэйё (ум. 1586), и что в нападках на Рэйё принимал участие еще один отверженец Нитирэн — Такэбэ Сёти. Представителями школы Дзёдо на самом диспуте были уже упоминавшийся Рэйё и человек по имени Сэйё Дзёан (1539–1615), первосвященник храма Сайкодзи в Танака (на территории нынешней Адзуги-тё, район Гамо, префектура Сига). Главным участником дискуссии со стороны школы Ни-

тирэн был монах Никко (1532–1597) из храма Тёмэдзи в Киото. Его, среди прочих, сопровождал «младший монах» Фудэн из Сакай. Обе стороны принесли чернильные камни и бумагу, чтобы вести собственные протоколы происходящего. Двумя главными судьями, назначенными Нобунага, были наставник Кэйсю Тэссо (1496–1580) из Нандзэндзи и человек по имени Инга Кодзи, фигура совершенно неизвестная, которому, очевидно, просто случилось находиться в то время в Адзуте. Как отмечает Органтино, сам диспут произошел 21 июня 1579 года (27-й день пятого месяца седьмого года правления под девизом Тэнсё). Местом его проведения стал Зал Будды в Дзёгонъин, храме школы Дзёдо в городе Адзуте⁴⁵⁰.

Отец Органтино имел стенографический отчет о дискуссии, когда писал письмо Фройсу. Основная часть его письма представляет собой перевод этого отчета на португальский язык. Органтино также имел копию письма с монограммой Нобунага, адресованного Мурай Садакацу, губернатору Киото, и копию скрепленной кровью клятвы, взятой Нобунага у монахов Нитирэн после проигрыша ими диспута⁴⁵¹. Другие протокольные записи диспута можно найти в ряде иных источников того времени, таких как «Тионъин мондзё», «Токицунэ-кё ки» и «Синтё-ко ки»⁴⁵². В целом, все они лишь незначительно отличаются от версии отца Органтино в португальском переводе. Вероятнее всего, все эти описания имеют своим источником сокращенную — и, быть может, подвергнутую цензуре — версию диспута, которую Нобунага выпустил сразу же после завершения дебатов. Однако, такие источники, как «Инга кодзи дзихицу Адзуте мондо» и «Адзуте сюрон дзицуруоку» («Подлинные записи диспута в Адзуте»), версия школы Нитирэн, более детально описывают ход дискуссии и в некоторых важных моментах отличаются от других описаний⁴⁵³.

Открыл дебаты священнослужитель школы Дзёдо Дзёан, спросивший, имеется ли в Сутре Лотоса обращение к *нэнбуцу*. Никко, державший ответ от имени монахов школы Нитирэн, дал утвердительный ответ. Далее последовала официальная дискуссия в лучших традициях японского религиозного диспута, которую Фройс впоследствии описывал так: «Поскольку они не имеют ни малейшего представления о логике или философии и не знают, как составлять формальное суждение, они не делают ничего другого, кроме как задают короткий вопрос о текстах своего учения, [а затем] другая сторона так же кратко на него отвечает»⁴⁵⁴. Стороны обменялись короткими словесными выпадами, после чего, согласно версии

дискуссии, отраженной в письме Органтино и «Синтё-ко ки», диспут неожиданно приобрел неприятный для школы Нитирэн поворот, когда Дзэан спросил о «Четвертой тайне основания буддизма» (*ходза дайси но мё*), о чем Никко, представитель школы Нитирэн, совершенно ничего не знал. Поскольку фраза *ходза дайси но мё* была, по-видимому, придумана самим Дзэан, неудивительно, что она привела Никко в замешательство⁴⁵⁵. В этот момент все присутствовавшие, включая судей, рассмеялись. Зрители, поддерживавшие школу Нитирэн, порвали свои одежды, стали бить их палками и рвать сутры. Диспут закончился полным хаосом, и школа Дзёдо была провозглашена победителем⁴⁵⁶.

«Инга кодзи дзихицу Адзути мондо», однако, утверждает, что в ходе дебатов сторонники Дзёдо не раз попадали в ловушки, составленные их противниками. По свидетельству этого источника, не монахи Дзёдо, а судья Инга Кодзи принес им победу. Что касается «Адзути сюрон дзицуруку», представляющей версию школы Нитирэн, то, по ее версии, монахи Нитирэн в конце диспута заставили школу Дзёдо замолчать, но все-таки проиграли. Невозможно установить, рисуют ли эти источники более достоверную картину происходившего, нежели письмо Органтино и «Синтё-ко ки». Инга Кодзи, автор «Инга кодзи дзихицу Адзути мондо», мог быть заинтересован в том, чтобы подчеркнуть или преувеличить собственную роль в этом деле. Аналогично, «Адзути сюрон дзицуруку», автором которой является Никко, представлявший в диспуте школу Нитирэн, имел все причины стремиться подкорректировать не слишком благоприятный образ своей школы, отраженный в сочинениях того времени (которые, в любом случае, имел Органтино).

Несчастья обрушились на общину школы Нитирэн в Адзути после окончания диспута. Многие священнослужители и последователи школы, собравшиеся в Дзёгонъин, оказались в плену и должны были заплатить значительные суммы серебром за свое освобождение. Храмы Нитирэн и дома священнослужителей в Адзути разграбили. Та же участь постигла и жилища многих последователей школы. Волна жестокости распространилась из Адзути на провинции Оми, Исэ, Овари и Мино, где были ограблены храмы. Тринадцать главных храмов Нитирэн и их прихожане вынуждены были выплатить сумму в 2600 золотых монет, «чтобы оправдаться». По оценке Органтино, «они не смогли бы заплатить эту сумму, даже если бы продали все, что имели». А храмам Нитирэн в Сакай

приказали заплатить еще больший штраф, поскольку этот город был богаче Киото⁴⁵⁷.

Нобунага прибыл в храм Дзёгонъин, чтобы вынести приговор монахам Нитирэн, вскоре после того, как против них было вынесено решение, и еще до получения письменного вердикта. Во-первых, он наградил победителей и судей: Рэйё получил складывающийся веер, Дзёан — круглый веер, а судья Кэйсю — трость. Наказания же, вынесенные Нобунага школе Нитирэн, оказались чрезвычайно суровыми. Обвинение было предъявлено Оваки Дэнсукэ, одному из двух сторонников Нитирэн, спровоцировавших ссору, приведшую к диспуту (сообщник Дэнсукэ, Такэбэ Сёти, был впоследствии арестован в бухте Сакай и казнен). Обвинение гласило:⁴⁵⁸

Вы являетесь самым богатым горожанином и ведете себя так, как не подобает даже владеющим провинцией или властью, — и возмутительно, что торговец солью, как вы, вызывает потрясения в городах и деревнях. Недавно вы дали пристанище [странствующему] наставнику [Рэйё], и вместо того, чтобы отнестись к нему сердечно, позволили другим спровоцировать вас на причинение ему несчастий.

Этими словами Нобунага подписал Оваки смертный приговор, но если Оваки (как и Такэбэ) имел непосредственное отношение к диспуту в Адзути, то третья жертва — нет. После этого Нобунага вызвал проповедника школы Нитирэн Фудэн, о котором ему сообщил Коноэ Сакихиса, его доверенное лицо. По свидетельству Сакихиса, Фудэн прибыл в столицу с Кюсю прошлой осенью и был «настолько эрудированным, что мог наизусть рассказать, кто на каком месте находился на всех скульптурах»⁴⁵⁹. В нем сочетались ученость и дар проповедника. Ходили слухи, что Фудэн, изначально не принадлежавший ни к какой школе, получил взятку за то, чтобы присоединиться к школе Нитирэн. Школа надеялась поиметь хорошие дивиденды после того, как стало бы известно, что такая выдающаяся личность, как Фудэн, вступил в ее ряды. В окончательном приговоре Нобунага провозгласил, что Фудэн намеревался воспользоваться плодами предполагаемой победы Нитирэн в диспуте, при этом находясь в тени. «Я не могу равнодушно взирать на ваш трусливый план». После чего Фудэн был казнен.

Всем другим священнослужителям и сторонникам Нитирэн, присутствовавшим на диспуте, сохранили жизнь, но и им пришлось дорого заплатить за поражение. Всех их Нобунага подверг уничтожающей критике⁴⁶⁰:

Абсолютно преступно то, что пока воины несут тяготы каждодневной службы, вы [монахи] украшаете свои храмы и убежища, роскошествуете, пренебрегаете занятиями и не можете объяснить природу мё. При этом школа Нитирэн переполнена ловкими говорунами. Придет время, и вы будете отрицать даже то, что проиграли диспут. Вы можете или изменить свои взгляды и вступить в школу Дзёдо, или, если вы откажетесь сделать это, вы должны дать письменное обязательство, что вы не будете обвинять другие школы в своем поражении в диспуте.

В ответ на предъявленный ультиматум тринадцать крупнейших храмов школы Нитирэн подписали клятву, в которой, во-первых, признавали свое поражение и казнь Фудэн и Оваки. Во-вторых, они обещали впредь воздерживаться от преследования других школ и, наконец, выражали признательность за то, что школа не была опозорена полностью. Таким образом, Нобунага хотел быть уверенным в том, чтобы «даже неграмотные дети» знали о поражении Нитирэн «во все будущие времена».

Если судить по описаниям Органтино и Гюити, нашим главным источникам, диспут в Адзути был в какой-то степени случайным. Его причиной стал незначительный эпизод, приведший к большим последствиям по настоянию школы Нитирэн и закончившийся полным унижением скандальной школы. Однако последние исследования показывают, что было еще нечто, что укрылось от глаз современников, и что, видимо, совсем не случайно монахи Нитирэн оказались вовлеченными в дискуссию. На основании материалов, приведенных Ханда Минору, можно сделать вывод, что за три месяца до диспута по ходатайству Дзёан Нобунага увеличил в два раза, до 200 коку, доход Тионъин, храма в Киото, что позволяет предположить, что Дзёан имел некоторое влияние на Нобунага⁴⁶¹. Ханда также цитирует другой источник, в котором говорится, что Рэйё прибыл в столичную область вовсе не по своей инициативе. Нобунага велел Дзёан послать за ним и приказал спровоцировать на диспут школу Нитирэн⁴⁶².

Нобунага знал наверняка, что и священнослужители, и миряне — последователи Нитирэн откликнутся на присутствие Рэйё. Ведь незадолго до того проповедник Фудэн поднял в столичной области новую волну энтузиазма по отношению к школе Нитирэн. Нобунага использовал Рэйё в качестве наживки для монахов Нитирэн, но ему не была уготована роль участника диспута. Рэйё хотел

задать первый вопрос, поскольку именно его действия привели к диспуту, но соревнование выиграл Дзэан, *хаякути*, талантливый оратор. Что же касается монахов Нитирэн, то они, ничего не подозревая, угодили в ловушку, приготовленную Нобунага. Они «появились в пышных облачениях», в то время как монахи Дзэдо «были одеты в простые черные одежды»⁴⁶³. Не будет преувеличением сказать, что монахи Нитирэн были побеждены не ораторскими талантами представителей школы Дзэдо, а хитростью Нобунага. Вся дискуссия оказалась тщательно спланированной ловушкой, подготовленной Нобунага, возможно, вместе с Дзэан и Инга Кодзи. Последний признался: «В результате коварных интриг сёгуна Нобунага я вынес приговор, который вынес»⁴⁶⁴. Что означает: Инга получил инструкции от Нобунага обеспечить поражение школы Нитирэн еще до начала диспута.

Интересно, зачем понадобилось Нобунага столь хитроумным способом вовлекать в диспут школу Нитирэн? Можно предположить, но не доказать, что Нобунага получил истинное удовольствие, одолев сторонников Нитирэн их же оружием — религиозным диспутом. Он не слишком высоко отзывался о последователях Нитирэн, даже назвав их раз «паразитами» (*итадзурамоно*) в письме к сыну Нобутада⁴⁶⁵. В то же время ему определенно нужен был какой-то предлог для введения ограничительных мер против школы; очевидно, он не мог принять их беспричинно. Наказания, вынесенные Нобунага после диспута, были направлены против трех совершенно разных представителей Нитирэн. Первым из них был Оваки Дэнсукэ, казнь которого должна была не только показать всем, что зачинщика постигла справедливая кара, но и изрядно припугнуть сторонников Нитирэн в Адзути. Оваки возглавлял местную общину Нитирэн и был одним из богатейших жителей Адзути. Казнив его, Нобунага стремился пресечь в зародыше любые попытки нарушения общественного порядка и спокойствия, особенно имевшие религиозные причины.

Второй жертвой стал проповедник Фудэн. Он не принимал непосредственного участия в диспуте, однако именно на него пал гнев Нобунага. Это тем более удивительно, если принято во внимание тот факт, что Фудэн присоединился к школе Нитирэн лишь незадолго до диспута в Адзути. Фудэн почитался многими за его знания и образованность. Однако Нобунага считал такую популярность проповедника потенциально опасной. Именно поэтому он публично назвал его лицемером и жуликом. Судьба проповедника оказалось

решена только потому, что Нобунага не мог потерпеть присутствия рядом с собой харизматической личности.

Третьей мишенью Нобунага оказались Никко и другие участники диспута со стороны школы Нитирэн. Они были не столь воинственны, как Фудэн, и более чувствительны к мирской славе. Будучи представителями институционального буддизма, они вполне вписывались в политическую систему Нобунага, а потому им сохранили жизнь. Тем не менее, поражение в диспуте имело далеко идущие последствия. Храмы школы Нитирэн потеряли большое количество собственности и богатств, а кроме того, их главный способ осуществления проповеднической деятельности — религиозные диспуты — оказался под запретом. Денежные средства, затребованные Нобунага, должны были подорвать финансовое благосостояние общин и храмов Нитирэн. Теперь существование и благополучие школы зависело от милости Нобунага. Так, не прибегая к открытому насилию, Нобунага сумел поставить под контроль влиятельную религиозную школу.

В заключение отметим, что религиозный диспут в Адзути был задуман Нобунага как грозное предостережение всей школе Нитирэн, ее влияние среди городского населения Адзути оказалось существенно ослаблено, а наиболее сильные и харизматические лидеры — устранены. Однако, несмотря на то что этот инцидент нанес большой вред школе Нитирэн, отношения Нобунага с крупнейшими храмами школы не прервались окончательно. Так, Нобунага не перестал останавливаться в них во время визитов в Киото. Наоборот, в марте 1580 года он решил сделать Хоннодзи своим постоянным пристанищем в Киото и приказал провести восстановительные работы. При этом Хоннодзи был одним из тринадцати храмов, которые подписали клятву Нобунага после диспута в Адзути. Так, Нобунага сумел извлечь выгоду из того, что, быть может, сам прежде разрушил. Этот факт является прекрасной иллюстрацией истинных целей его религиозной политики.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАДИКАЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПОСТЕПЕННЫЕ РЕФОРМЫ

После падения Хонгандзи в Центральной Японии, впервые с 1568 года, не осталось очагов сопротивления Нобунага. Теперь он правил территорией, простиравшейся от префектуры Хюго на западе до границ префектуры Гифу на востоке. Победа над Хонгандзи оказала глубокое влияние на проводимую Нобунага политику. В оставшиеся ему два года Нобунага сосредоточил усилия на изменении системы вассалитета и укреплении сложившейся в Центральной Японии системы землевладения.

УПРАВЛЕНИЕ ВАССАЛАМИ

20 сентября 1580 года, всего через десять дней после того, как цитадель Одзака сгорела в огне, Нобунага сделал официальное сообщение, которое повергло в шок его многочисленных рядовых вассалов. Он заявил, что более не будет опираться на услуги семьи Сакума, старых ветеранов из провинции Овари. В 1576 году Нобунага поручил осаду цитадели Исияма Хонгандзи Сакума Нобумори и его сыну Нобухидэ. Несмотря на то что, как ожидал Нобунага, цитадель падет быстро, осада продолжалась долгие четыре года. Когда дело было сделано, Нобунага снял Сакума с постов, лишил владений и отправил в ссылку на гору Коя. Сакума потеряли не только собственность, но и честь. Свои обиды на Сакума Нобунага изложил в документе, состоящем из девятнадцати статей: некоторые из них были личного характера, в других он осуждал Сакума за трусость, отсутствие амбиций и военные неудачи⁴⁶⁶. Вскоре после этого Нобунага сообщил Цуцуи Дзюнкэй, что он обвинил Сакума во всеуслышание потому, что «Сакума Уэмон и его сын вели неэффективные действия против Одзака»⁴⁶⁷. В своем указе Нобунага наносил Сакума новые оскорбления. Однако для современного

читателя этот документ имеет гораздо более важное значение: он позволяет понять, чего требовал Нобунага от своих вассалов в начале 1580-х годов. Ярче всего эти требования выражены в статьях 3, 4, 7, 10 и 14:

3. Хюга но Ками [Мицухидэ] обрел всеобщую славу в битвах в провинции Танго. Хасиба Токитиро [Хидэёси] великолепно показал себя в нескольких провинциях. Даже Икэда Сёсабуро [Цунэоки], несмотря на свой низкий ранг, быстро захватил [замок] Ханакума и прославился. Эти примеры должны были также вдохновить вас на яростную битву.

4. Сибата но Сюри но Сукэ [Кацуиэ] слышал о походах других. Он вторгся в Кага и усмирил всю провинцию, опасаясь, что станет посмешищем для всех, если он [просто] будет управлять ею.

7. Разве вы не занимали привилегированное положение среди вассалов Нобунага? Вы имели союзников в провинции Микава, союзников в провинции Овари, союзников в провинции Оми, союзников в провинции Ямато, союзников в провинции Кавати, союзников в провинции Идзуми, а с отрядом Нэгородзи вы даже имели союзников в провинции Каи. Возможно, они не играли большой роли, но если бы вы объединили своих людей с этим союзниками из семи провинций, вы не потерпели ли бы [такого] провала, как теперь, вне зависимости от сражений, в которых вы участвовали.

10. Если бы вы увеличили количество людей, которые прежде служили вам, добавили к ним союзников и приняли новых самураев, нынешние неудачи не случились бы никогда. Теперь Китай, Корея и Южные варвары должны знать, что вы обесчестили себя перед всей страной из-за своей жадности.

14. Вы использовали союзников [чтобы они сражались за вас], когда вы действовали в качестве посредника от имени других, вы вынуждали их выполнять ваш воинский долг: вы не нанимали своих самураев и не давали в награду людям владения; вы вели себя как трусы.

Военные победы считались самым важным критерием для вассалов дома Ода. В статьях 3 и 4 победы Акэти Мицухидэ, Хасиба Хидэёси, Икэда Цунэоки и Сибата Кацуиэ противопоставляются неудачам Сакума. Контраст выглядит тем ярче, если принять во внимание, что все эти люди не были ближе к Нобунага, чем Сакума, но при этом получили в награду целые провинции и власть. Сакума же были обесчещены. В статье 16 говорится прямо: «За три-

дцать лет службы Сакума Уэмон у Нобунага я никогда не слышал ничего о его заслугах».

Кроме этого, Нобунага был явно не доволен тем, как Сакума осуществлял управление своими вассалами. Другими словами, организаторские способности Сакума не соответствовали тем стандартам, которые Нобунага упорно внедрял в последние годы. Вплоть до своей опалы Сакума командовали внушительными военными силами. С одной стороны, им служили собственные вассалы, связавшие себя с Сакума клятвой верности в обмен на земли в его владениях. С другой стороны, в распоряжении Сакума было множество союзников из не менее, чем семи провинций, которые являлись вассалами Нобунага, но были переданы под командование Сакума. Однако Сакума не объединили свои собственные силы с союзниками, что и привело к военным неудачам. Другой проблемой стало то, что вместо того, чтобы расширять и обновлять состав вассалов, они предпочли набивать собственные карманы. Нобунага на протяжении всей жизни постоянно принимал новых людей в число своих вассалов, и вполне естественно, ожидал, что его ведущие вассалы будут делать то же самое. В военную систему клана Ода постоянно происходил (должен был происходить) приток новых людей.

Как мы видели, в период между 1576 и 1579 годами власть Нобунага в Центральной Японии не раз оказывалась под угрозой. Чаша весов окончательно склонилась в пользу Нобунага только в 1580 году. К этому времени кризис Араки благополучно миновал, Мори из Аки, Уэсуги из Эттю и Такэда из Каи отступали, и, наконец, пала цитадель Исияма Хонгандзи. Все более зрелой, одновременно с военными успехами, становилась и администрация режима Нобунага. В период с 1580 по 1582 год значительно увеличилась территория, находившаяся под его контролем. От Кодзукэ на востоке до Тадзима на западе — везде на местах сидели поставленные Нобунага губернаторы. В документе, цитировавшемся выше, имеются сведения и о передаче земель в уделы в начале 1580-х годов. Таким образом, главными требованиями Нобунага к своим вассалам были военные достижения и правильно выстроенная система управления собственными вассалами. Сакума не соответствовали этим требованиям, в отличие, по всей видимости, от остальных. Об этом свидетельствует хотя бы перечень владений, переданных Нобунага своим вассалам в последние годы.

Первый вывод, который напрашивается по ознакомлению в этом перечне: те, кто составляли основу военной организации Нобунага с конца 1550-х и начала 1560-х годов, теперь становились губернаторами провинций. Из семнадцати даймё, упомянутых в списке, не менее двенадцати были давними сподвижниками Нобунага. Несколько исключений лишь подтверждают правило. Хотя Хосокава Фудзитака, бывший чиновник сёгуната, стал вассалом Нобунага только в 1573 году, он и его семья заслужили к 1580 году полное доверие Нобунага. Миёси Ясунага (даты рождения и смерти неизвестны) из Кавати и Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584) из Ямато в начале 1570-х годов оказывали Нобунага ожесточенное сопротивление, вплоть до 1575 и 1574 годов соответственно. Однако после того, как они признали власть Нобунага и перешли к нему на службу, их карьера быстро пошла в гору. Дзюнкэй сумел извлечь выгоду из опалы Мацунага Хисахидэ, чье положение и власть он в конце концов и унаследовал. Что касается Ясунага, то Нобунага, незадолго до вторжения на Сикоку в 1582 году, так инструктировал своего собственного сына Нобутака: «считай господина Ямасиро но Ками [Ясунага] своим господином и родителем и служи ему»⁴⁶⁸. В списке только два человека, с которыми Нобунага был не столь хорошо знаком, это Камэи Санэнори (1557–1621), с 1578 года сражавшийся под командованием Хидэёси в Тюгоку, и Кисо Ёсимаса (ум. 1595), измена которого в феврале 1582 года привела к походу Нобунага против Такэда⁴⁶⁹. Короче говоря, из семнадцати даймё, получивших уделы в период между 1575 и 1580 годами, только двое (Камэи Санэнори и Кисо Ёсимаса) не входили в близкий круг Нобунага.

Передача крупнейших владений между 1580 и 1582 годами

Владелец	Владение	Дата передачи
Икэда Цунэоки	Провинция Сэтцу	Пятый месяц восьмого года Тэнсё (1580)
Акэти Мицухидэ	Провинция Танба	Восьмой месяц восьмого года Тэнсё (1580)
Хосокава Фудзитака	Провинция Танго	4-й день восьмого месяца восьмого года Тэнсё (1580)
Цуцуи Дзюнкэй	Провинция Ямато	9-й день одиннадцатого месяца восьмого года Тэнсё (1580)
Сибата Кацуиэ	Провинция Кага	Восьмой год Тэнсё (1580)
Хасиба Хидэёси	Провинция Харима	Второй месяц девятого года Тэнсё (1581)
Он же	Провинция Тадзима	Второй месяц девятого года Тэнсё (1581)

Владелец	Владение	Дата передачи
Камэи Санэнори	Провинция Идзумо	7-й день девятого месяца девятого года Тэнсё (1581)
Маэда Тосиэ	Провинция Ното	2-й день десятого месяца девятого года Тэнсё (1581)
Сасса Наримаса	Провинция Эттю	Девятый год Тэнсё (1581)
Хатия Ёритака	Провинция Идзуми	Девятый год Тэнсё (1581)
Такигава Кадзумасу	Провинция Кодзукэ	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Он же	2 области в провинции Синано	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Кавадзирэ Хидэтака	Провинция Каи	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Токугава Иэясу	Провинция Суруга	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Мори Нагаёси	4 области в провинции Синано	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Кисо Ёсимаса	4 области в провинции Синано	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Мори Нагахидэ	1 область в провинции Синано	29-й день третьего месяца 10 года Тэнсё (1582)
Миёси Ясунага	Провинция Ава	7-й день пятого месяца 10 года Тэнсё (1582)

Фудзики Хисаси и Джордж Элисон отмечают автократический и абсолютистский характер режима Нобунага в последние годы его жизни. Нобунага требовал полного повиновения от своих подчиненных и проводил реорганизацию вассальной системы в соответствии с суровыми стандартами *тэнка*: сложившаяся в начале 1580-х годов практика перемещения даймё стала предшественником политики переводов из провинции в провинцию (*кунигаэ*), проводившейся Хидэёси, и получила законченное воплощение в период Эдо, когда роль некогда могущественных провинциальных властителей была сведена к минимуму. Так, например, перевод в 1581 году Маэда Тосиэ из провинции Эттидзэн в провинцию Ното вынудил семью Маэда «реорганизовать структура вассалитета, чтобы приспособить ее к новой, изменившейся модели»⁴⁷⁰.

Вопрос, однако, в том, насколько верно оценивают Фудзики и Элисон политику Нобунага в отношении своих вассалов как предшественницу *кунигаэ* Хидэёси. Мы не можем согласиться с ними: система управления вассалами при Хидэёси фундаментальным образом отличалась от той, что существовала при Нобунага, и по целому ряду причин. Во-первых, у нас нет никаких свидетельств,

которые бы подтверждали, что кто-либо из губернаторов провинций при Нобунага имел постоянную резиденцию в Адзути, или от него требовалось бы проводить там определенную часть времени. В 1582 году Нобунага приказал своим провинциальным даймё явиться в Адзути, чтобы встретить новый год и выразить почтение ему. Можно точно сказать, что среди присутствовавших губернаторов находился и Акэти Мицухидэ. Однако он находился в Адзути всего два дня. Вскоре он вернулся в свой замок Сакамото на противоположном берегу озера Бива. Пробыв там около месяца, Мицухидэ получил приказ присоединиться к кампании Нобунага против Такэда⁴⁷¹. Информация о местонахождении Мицухидэ, которой мы располагаем, позволяет заключить, что вассалов уровня даймё провинций никто не заставлял находиться в Адзути, даже временно. Союзник Нобунага Токугава Иэясу также не имел в Адзути собственной резиденции. Когда в июне 1582 года он прибыл к Нобунага, он поселился в доме священнослужителя⁴⁷². В этом отношении губернаторы провинций и союзники Нобунага находились в ином положении, нежели близкие родственники Нобунага и его проживавшие в Адзути вассалы. И, что особенно важно, при Хидэёси ситуация была совершенно другая: он заставлял провинциальных даймё строить резиденции в замке Одзака, задуманном им как ответ Адзути, всего через полтора года после смерти Нобунага⁴⁷³. Так Хидэёси закладывал фундамент знаменитой политики *санкин котай*, утвердившейся при Токугава, при которой даймё должны были половину времени проводить в столице Эдо, а другую — в своих владениях, при этом их ближайшие родственники оставались в Эдо в качестве заложников.

В связи с этим возникает ряд других вопросов: например, должны ли были губернаторы провинций, назначенные Нобунага, по получению нового поста разрывать связи с прежними владениями. Фудзики и Элисон, приводя в пример Маэда Тосиэ, делают вывод, что именно так и обстояло дело. Нобунага приказал Тосиэ освободить владения в провинции Этидзэн в конце октября 1581 года, а затем передал их Суганоя Нагаёри после того, как «налоги за текущий год» были выплачены Тосиэ. Последний был вынужден в большой спешке перевозить жену и детей в провинцию Ното, куда он был назначен, а город Футю (где Тосиэ жил с 1575 года), а также крепости и частные резиденции подчиненных он передал Нагаёри. Фудзики и Элисон следующим образом анализируют ситуацию: «К 1581 году... Тосиэ, живший в провинции Этидзэн

шесть лет, создал местную военную организацию, известную как Этидзэн-сю, и стал выказывать в своих владениях признаки независимости... Приказ передать замок Футю ... означал разрушение его системы». Другими словами, по их мнению, перевод Маэда Тосииэ из Этидзэн в Ното стал прообразом последующей политики перевода губернаторов из одной провинции в другую, проводившейся при Хидэёси⁴⁷⁴.

Однако здесь необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, Нобунага никогда не переводил семью Маэда из ее родных владений в Арако, провинция Овари; в время инцидента Хоннодзи члены семьи Маэда бежали именно в Арако⁴⁷⁵. Безусловно, Нобунага приказал Тосииэ перевезти в провинцию Ното свою семью, но он не заставлял его посылать ее в Адзути в качестве заложников, чтобы гарантировать его преданность на будущее. Подобная система обязательств утвердится только при Тоётоми Хидэёси. Во-вторых, даже после перевода в Ното Тосииэ остался одним из командующих войсками из провинции Этидзэн. Это подтверждает письмо, скрепленное красной печатью и датированное 5 апреля 1582 года (13-й день третьего месяца десятого года Тэнсё), в котором Нобунага информировал Сибата Кацуиэ, Сасса Наримаса, Маэда Тосииэ и Фува Наомицу о ходе кампании против Такэда. Если бы Тосииэ более не являлся офицером войск провинции Этидзэн, его проинформировали бы отдельно, а не вместе с остальными⁴⁷⁶. Перевод Тосииэ означал не конец, а, наоборот, укрепление и расширение армии Этидзэн.

Трудно сказать, всех ли своих даймё Нобунага перемещал с должности на должность на тех же условиях, что и Маэда Тосииэ. Хосокава, переведенные в провинцию Танго в 1580 году, вынуждены были оставить свои владения в провинции Ямасиро — замок Сёрюдзи и прилегающую область Нагаока⁴⁷⁷, однако Акэти Мицухидэ, в том же году поставленный в Танба, сохранил во владении замок Сакамото в провинции Оми. По информации иезуитов, земельные владения Мицухидэ в Оми составляли около половины территории провинции, а замок Сакамото, уступавший только Адзути, был одним из самых укрепленных в Японии⁴⁷⁸. Точно так же Такигава Кадзумаса, которому Нобунага в апреле 1582 года передал в удел Кодзукэ и назначил Смотрителем над восемью провинциями Канто, сохранил свою прежнюю резиденцию Нагасима в Исэ. Такой вывод можно сделать, принимая во внимание тот факт, что инцидент Хоннодзи значительно ослабил позиции Кадзумаса

в Кодзукэ. Практически сразу же Ходзэ Удзимаса из Сагами воспользовался представившейся возможностью — гибелью Нобунага — и начал вести борьбу против Кадзумаса. Последний, в свою очередь, столкнувшись одновременно с угрозой мятежа местных воинов и будучи не силах сопротивляться Удзимаса, вернулся в безопасное место — владение Нагасима, ровно через четыре недели после смерти Нобунага⁴⁷⁹.

Принято считать, что Хидэёси начал проводить политику перемещения губернаторов из провинции в провинцию около 1586 или 1587 года. Согласно Фройсу, в эти годы Хидэёси начал «производить большие изменения в Японии», для того чтобы навести порядок в «империи», которую он завоевал на коне. Фройс показывает, какие далеко идущие последствия имели принятые Хидэёси меры, на примере того, как в течение одного-единственного дня двадцать три даймё были переведены с одного места на другое. «Местных господ» по всей Японии переводили из родных мест и заменяли «чужаками», не имевшими никаких связей на местах. Центральные провинции Гокинай Хидэёси распределил «между своими родственниками и сторонниками, которым он больше доверял»⁴⁸⁰.

Однако суть дела заключается в том, что Хидэёси использовал эту политику не только для консолидации и укрепления своей власти, но и, в первую очередь, для получения этой власти. Ее истоки восходят еще к 1583 году. В июне этого года Хидэёси разгромил коалицию Сибата Кацуиэ и Ода Нобутака, вынудив обоих покончить жизнь самоубийством. Первые провинциальные назначения Хидэёси произвел еще на волне одержанной победы, кардинальным образом перетряхнув сложившуюся при Нобунага систему. Об этом Фройс также сообщает в своем письме о событиях 1583 года: Икэда Цунэоки, «приемного брата Нобунага», перевели из провинции Сэтцу в провинцию Мино; Нива Нагахидэ, «очень богатого человека и одного из ближайших сподвижников Нобунага», переместили из провинции Вакаса в провинцию Этидзэн, бывшее владение Кацуиэ; Такигава Кадзумаса, «одного из лучших полководцев Нобунага», отправили из Нагасима, что в Исэ, в провинцию Харима. Фройс подчеркивает, что Хидэёси опасался этих трех людей, которые, объединившись, могли представлять серьезную угрозу для него. Это прекрасно объясняет, почему Хидэёси переместил их и, дав им новые владения, отнял прежние⁴⁸¹. Мы видим, что его мотивы существенно отличаются от тех целей, которые преследовал Нобунага: последний такими назначениями продвигал своих сто-

ронников. А Хидэёси, наоборот, заботился о том, чтобы переместить тех, в отношении кого у него имелись сомнения. Таким образом, обрывая их связи с прежними владениями и заставляя заново обустраиваться в новой и зачастую враждебной среде, он стремился добиться от них лояльности.

Один из современных исследователей высказал мысль, что Хидэёси, в отличие от Нобунага, с почтением и уважением относился к побежденным врагам, внешним (*тодзама*) даймё. Терпимость и мягкость Хидэёси, по его мнению, были с энтузиазмом встречены населением после бескомпромиссной централизованной политики Нобунага, что и заложило основы общегосударственной политики, продолжавшейся до XIX столетия. Хидэёси стремился встроить своих прежних противников в свою систему вассалитета, а не уничтожить их; он не опирался исключительно на наследных (*фудай*) даймё, а всегда пытался найти компромисс и с внешними (*тодзама*) даймё⁴⁸². Эта точка зрения, в которой Хидэёси предстаёт таким просвещенным деспотом, не учитывает два момента: во-первых, у Хидэёси практически не было наследных даймё, так как все, кто служил под началом клана Тоётоми, являлись вассалами «в первом поколении». И в этом отношении его вассалы фундаментальным образом отличались от вассалов и Нобунага, и Иэясу, его предшественника и преемника. Во-вторых, главной проблемой, стоявшей перед Хидэёси, было не как победить бывших врагов Нобунага, а как взять под контроль бывших полководцев и союзников его покойного господина. К моменту гибели Нобунага, отмечает Берри, «ему по-прежнему противостояли Мори, Симадзу, Уэсуги, Датэ, Ходзэ и Тёсогабэ, которые все вместе составляли силу гораздо более внушительную, чем его прежние противники, которых он одолел. И наступление армий Ода в 1582 году давало мало надежды на дальнейшие победы»⁴⁸³. Однако суть дела в том, что и Симадзу с Кюсю, и Дата с севера Хонсю поддерживали дружеские отношения с Нобунага. Кроме того, Ходзэ сражался под его началом против Такэда в 1582 году, дом Уэсуги раскололся на две части, Мори оставались сильными, но отступали, а Тёсогабэ были второ-разрядными, если не третьеразрядными, противниками. И именно потому, что дальнейшие завоевания дома Ода были весьма вероятны, Акэти Мицухидэ выступил против своего господина.

Главными противниками Хидэёси в борьбе за оставшееся после гибели Нобунага наследство были его прежние соратники, оставшиеся в живых полководцы Нобунага. После гибели господина

заставить их признать свое верховенство и власть Хидэёси мог только силой. Хидэёси даже никогда не думал о том, чтобы назначить в провинции своих прежних товарищей. Он решил действовать иначе, и гораздо более радикально, нежели Нобунага. Политика назначения губернаторов провинций, вкупе с военными успехами и проведением кадастровой работы в масштабах всей страны, стала одним из важнейших инструментов установления господства. К концу 1580-х годов Хидэёси выгнал с насиженных мест практически всех крупных даймё в стране и переселил их в новые владения.

РАЗРУШЕНИЕ ЗАМКОВ (СИРОВАРИ) И ОТЧЕТЫ О ЗЕМЕЛЬНОМ НАЛОГЕ (САСИДАСИ)

Исследователи неоднократно высказывали мнение, что с расширением границ своих владений Нобунага совершенствовал свою земельную политику. Фудзики и Элисон утверждают, что сразу же после завоевания осенью 1580 года Исияма Хонгандзи Нобунага провел ряд новых и дальновидных мер, особенно в провинции Ямато. Этими мерами были разрушение замков (*сировари*) и требование отчетов о налоге на землю (*сасидаси*) от землевладельцев, как крупных, так и мелких. Важность этих мероприятий, по мнению Фудзики и Элисона, невозможно переоценить: «То, что началось в провинции Ямато с разрушения замков, достигло высшей точки в проведении землемерных работ по всей провинции и закончилось казнью крупных провинциальных землевладельцев, было спектаклем, примечательным не только своими масштабами. То, что мы видим здесь, стало прелюдией к уничтожению традиционной базы землевладения и предвестником гибели сложившейся в эпоху Сэнгоку хозяйственной модели»⁴⁸⁴.

Мацуо Ёситака, сам того не желая, поддерживает в своем исследовании точку зрения Фудзики и Элисона. Он также полагает, что в землемерных работах и разрушении замков в провинции Ямато в 1580 году можно видеть отражение нового административного курса, который Нобунага начал проводить после падения Исияма Хонгандзи. Уничтожение замков было не просто случайной послевоенной «зачисткой», которые и прежде случались в Ямато. В 1580 году целью Нобунага стали замки — резиденции местных землевладельцев. Эти замки, *идзё*, представляли собой настоящие крепости, окруженные рвами. В 1570-х годах в провинции Ямато

было несколько десятков подобных замков. Разрушая военную и административную базу местных даймё, Нобунага стремился выжить хозяев с их земель. Функции, прежде выполнявшиеся рядом теперь уже разрушенных крепостей, сконцентрировались в одном-единственном сохраненном замке Корияма, который и стал административным центром провинции нового типа. Далее, Мацуо предположил, что причину организации землемерных работ в Ямато следует искать в переоформлении взаимоотношений между режимом Нобунага и местными землевладельцами. Нобунага приказал предоставить отчеты о земельных налогах храмам, святилищам, владельцам хозяйств и, в особенности, местным землевладельцам, чтобы получить достоверную информацию об их доходах. Нобунага, говорит Мацуо, нуждался в этих сведениях и использовал их, чтобы возложить на местных землевладельцев стандартные военные повинности⁴⁸⁵.

На другом полюсе — красноречивая оценка земельной политики Нобунага, данная Вакита Осаму. Он считает общий экономический рост в стране одной из важнейших движущих сил всего периода Сэнгоку, когда набравшие силу даймё, подобные Ода из Овари, стали вести вооруженную борьбу за расширение владений и власть. Осваивались новые земли, внедрялись новые технологии сельскохозяйственного производства, позволившие собирать урожай два раза в год, а благодаря быстрому росту товарооборота местные деревенские рынки превращались в крупные торговые центры. Вакита утверждает, что главной целью гражданской администрации и даймё эпохи Сэнгоку, и, в частности, «Нобунага как восходящего гегемона государственного масштаба, было установить постоянный контроль над производительными силами деревни». Даймё нуждались в информации, чтобы утвердить свою власть в провинциях и оптимизировать использование рабочей силы. Для них это было особенно важно потому, что сельские общины традиционно стремились к автономии.

Приказав провинциальным землевладельцам предоставить своим агентам «отчеты о земельном налоге», Нобунага собрал информацию об их земельных владениях. Работа, проведенная им в провинции Ямато в 1580 году, — единственная, о которой до нас дошли более-менее подробные сведения. В ноябре этого года все землевладельцы провинции — храмы, святилища и даймё — были вынуждены представить клятвы, в которых указывались размеры их владений, сведения по налогам и имена землепашцев. После

того, как агенты Нобунага собрали и утвердили эти документы, Нобунага предоставил земли «в удел» их владельцам. Нобунага провозгласил свое верховное право на все земли, которые находятся на охваченных подсчетом территориях; по словам Вакита, «кадастровые реестры и отчеты о земельном налоге составили ту документальную базу, которая стала основой власти Ода Нобунага в провинции»⁴⁸⁶.

Система власти Нобунага в провинциях получила название «полное владение» (*итиэн тигё* или *иссики сихай*). В основе своей она была идентична тем административным и хозяйственным полномочиям, которые имели в своих владениях даймё эпохи Сэнгоку. Она включала «право на передачу уделов, командование войсками, проведение политики и осуществление судебных функций». Нобунага передал эти права своим ведущим вассалам, ставшим впоследствии губернаторами провинций. Однако проводимая им политика не затронула очень сложные земельные отношения и налоговые обязательства, существовавшие в стране со средневековья. Эта система позволяла нескольким людям кормиться с одного участка земли. Также при ней хозяин одного участка мог быть арендатором другого. Более того, вся эта сложная система взаимных обязанностей и платежей существовала в разных провинциях и никогда не распространялась в общегосударственном масштабе. Например, на территории нынешнего города Нагоя налоги платились деньгами, а в провинциях вокруг Киото — рисом. Другими словами, продолжали существовать прежние, старые формы земельных отношений. Вакита заключает, что Нобунага, по сути, применил в масштабах всей страны земельную политику, которую даймё проводили только в своих владениях. Однако ее было еще недостаточно для реформирования старого феодального уклада страны.

По утверждению Вакита, именно Тоётоми Хидэёси провел «землемерные работы по всей стране, разделил воинское и крестьянское сословия и утвердил земельную систему *кокудака*», создав тем самым в Японии «новую сельскохозяйственную администрацию». Введя *кокудака*, Хидэёси сумел покончить с многочисленными хитросплетениями взаимно противоречащих земельных прав и требований. В отличие от Нобунага, Хидэёси не удовлетворился получением от землевладельцев отчетов о земельном налоге. Он решил провести землемерную съемку в государственном масштабе, известную историкам как *Тайко кэнти*. Во все провинции Хидэёси

направил инспекторов (*кэнти бугё*) для того, чтобы организовать работу на местах. Впервые она была опробована в 1582 году в провинции Ямато и затянулась до конца десятилетия. Документы, полученные в результате работ, содержали полную информацию о расположении полей, их качестве, использовании, площади и примерной производительности. Определение потенциального дохода, вместо обычного налогового бремени, стало революционной отличительной чертой *кэнти*. Объем дохода по каждой деревне суммировался, пересчитывался на основе одинаковых критериев в *коку*, складывался для того, чтобы высчитать *кокудака*, «общий доход». Одновременно с проведением землемерных работ произошло разделение на сословия крестьян и воинов. Первые, теперь четко обозначенные в качестве таковых, жили на земле и возделывали ее. Каждый участок был зарегистрирован на имя крестьянина (*хякусё*), который теперь становился его держателем.

На основании исследований Вакита можно сделать вывод, что земельная политика Тоётоми Хидэёси мгновенно изменила природу землевладения: хозяева-воины, которых можно было переводить с места на место, и постоянные возделыватели земли крестьяне. Так нестабильный феодальный порядок эпохи Сэнгоку превратился в крепкий фундамент периода Токугава. Политика, проводимая Ода Нобунага в деревне, ничем не отличалась от политики других даймё того времени. Поэтому перед ним даже не стояла проблема реорганизации системы вассалитета по новому образцу.

Как мы видим, взгляды Вакита весьма далеки от позиции Фудзика, Элисона и Мацуо, поэтому, думается, нам следует обратить более пристальное внимание на то, каким образом Нобунага осуществлял в последние два года своей жизни политику разрушения замков и сбора сведений о земельном налоге.

Первое, на что следует обратить внимание, это время, выбранное для ее проведения. 10 сентября 1580 года, в день, когда последние сторонники Икко покинули цитадель Хонгандзи, Цуцуи Дзюнкэй направлялся из Ямато в Киото, где получил от Нобунага приказ «уничтожить все замки в провинции [Ямато]». На следующий день он вернулся в Ямато, где 16 сентября получил новые распоряжения от своего господина. В этот день, отмечает в своем дневнике Эйсюн из Нара, «я услышал новость, что они собираются разрушить все замки в провинция Сэтцу и Ямато; а Цуцуи Дзюнкэй должен также отправиться в провинцию Кавати». 24 сентября Дзюнкэй вернулся из Кавати. Обитатели провинции Ямато «были

крайне обеспокоены» слухами о том, что «все замки, находящиеся в провинции, разрушат. Говорили, что сохранят только Корияма». Дзюнкэй, под присмотром двух инспекторов, присланных Нобунага, выполнил задание весьма быстро и эффективно. Действительно, к 28 сентября разрушили все замки, за исключением Корияма⁴⁸⁷. Столь же тщательно был выполнен приказ Нобунага в провинциях Сэтцу и Кавати. 29 сентября 1580 года Нобунага сообщал Хосокава Фудзитака, новому губернатору провинции Танго, что «большинство замков в Кинай мною уничтожено»⁴⁸⁸. Примерно через два года, когда Акэти Мицухидэ выступил против Нобунага, имевшая стратегическое значение провинция Сэтцу оказалась незащищенной, поскольку все крепости в ней, по свидетельству Фройса, были разрушены «по приказу Нобунага»⁴⁸⁹.

Разрушение замков вызвало полное замешательство в провинциях, а время и быстрота, с которой была произведена эта операция, заставляют нас усомниться в правильности предположения Мацуо о том, что она была нацелена на то, чтобы оторвать местных землевладельцев от их экономической базы. Так, разрушение замка в Ямато заняло всего три дня, что явно недостаточно для выполнения столь труднодостижимой цели, как отрыв собственников от их земель. В течение четырех лет осады Исияма Хонгандзи войсками Нобунага провинции Сэтцу, Кавати и Ямато, по сути, являлись передним краем противостояния. После покорения противника Нобунага, видимо, счел, что сеть укреплений в этих провинциях более не нужна, поскольку никакой военной угрозы этим территориям нет. Как следствие, проведя быструю, чистую и (почти) безболезненную операцию, он разрушил местные укрепления. Нобунага действительно казнил нескольких землевладельцев в Ямато по подозрению в предательстве⁴⁹⁰, однако в целом представляется логичным считать разрушение замков в Кинай в 1580 году радикальной мерой поствоенной стабилизации, а не началом социальной революции. Она начнется только при Тоётоми Хидэёси.

И до, и после 1580 года Нобунага разрушал замки. Все эти эпизоды, на наш взгляд, подкрепляют высказанную выше точку зрения. Это происходило в Исэ в 1569 году, где Нобунага впервые уничтожил замки по всей провинции. После отвоевания провинции у своих противников, клана Китабатакэ, «Нобунага повсюду отправил чиновников с приказом снести замки в провинции Исэ, начиная с Тамару»⁴⁹¹. Другой пример — центральная провинция Ямасиро (ныне — южная часть префектуры Киото), которая окончательно

перешла в руки Нобунага в августе 1573 года после падения сёгуна Ёсиаки. Нобунага немедленно приказал разрушить сёгунские укрепления, как, например, замок Итидзёдзи (расположенный на территории нынешнего района Сакё, город Киото). На следующий год Нобунага произвел новые разрушения, тем самым укрепляя свою власть в регионе. На этот раз объектом стал замок Фусими (точное местонахождение неизвестно). Спустя несколько месяцев смотритель замка, бывший чиновник сёгунской администрации Мицубути Фудзихидэ, покончил с собой⁴⁹².

Весной 1575 года Нобунага инструктировал Бан Наомаса «снести замки по всей Кавати, начиная с замка Такая». «Синтё-ко ки» утверждает, что, отдавая такой приказ, Нобунага был убежден, что «замок Одзакэ вскоре падет»⁴⁹³. Он должен был быть уверен, что вскоре провинция Кавати будет завоевана. Стоит, однако, заметить, что вовсе не всегда Нобунага разрушал замки в завоеванных провинциях. Через пять месяцев после того, как он отдавал соответствующий приказ Бан Наомаса в Кавати, Нобунага приказал Сибата Кацуиэ, новому губернатору провинции Этидзэн, «следить за местными укреплениями». По-видимому, у Нобунага были основания подозревать, что очаги сопротивления в этой провинции еще не подавлены полностью. Неоднократно здесь вспыхивали восстания, зачинщиками которых выступали сторонники Икко. При наличии преданных гарнизонов местные замки могли сыграть решающую роль в предотвращении, или, в худшем случае, быстром подавлении мятежников. (Как оказалось, расчеты Нобунага не оправдались: ему пришлось держать войска в провинции Кавати вплоть до 1580 года, а провинция Этидзэн, за исключением последней вспышки вооруженного сопротивления в 1576 году, оставалась относительно спокойной.)

Таким образом, политику разрушения замков можно рассматривать как один из способов обеспечения порядка и власти Нобунага в провинциях. Это подтверждают, в частности, меры, предпринятые им в провинции Ното в 1581 году, с одной стороны, и его инструкции для провинций Каи и Синано, с другой. Специальный посланник Нобунага, Суганоя Нагаёри, с мая по сентябрь 1581 года временно находился в провинции Ното, занимая должность смотрителя замка Нанао (находившегося на территории нынешнего города Нанао, префектура Исикава). За этот период Нагаёри разрушил в Ното и соседней провинции Этю почти все замки. Область Хокуруку, в которую входили эти провинции, окончательно перешла

в руки Нобунага в 1580 году после нескольких лет ожесточенных боев как с местными последователями Икко, так и с войсками Уэсуги Кэнсин. Некоторые крупные даймё из провинции Ното, как Нуруи и Миякэ, совершили символический акт признания первенства Нобунага, направив ему в 1581 году на праздник нового года по японскому календарю дорогие подарки⁴⁹⁴. В то же время войска Нобунага продвигались дальше на север, в провинцию Этиго, родину Уэсуги. Поэтому навряд ли что-либо могло угрожать владычеству Нобунага в Ното или Этиго, как следствие — разрушение замков. Однако год спустя в провинциях Каи и Синано Нобунага проводил совершенно другую политику. Весной 1582 года он приказывал своим новым вассалам в этой провинции строить мощные замки и запастись аркебузы, порох и провизию. Будущее покажет, насколько прочной оказалась власть Нобунага в Каи и Синано. Разрушать местные укрепления было слишком рано. Одновременно Нобунага приказывал «убивать или изгонять всех недовольных воинов» и оставлять только «преданных людей»⁴⁹⁵. Инструкции Нобунага касательно вторжения и оккупации Сикоку, которые стали одним из последних его документов, содержат аналогичные положения, регулирующие политику по отношению к местным даймё⁴⁹⁶.

В короткий период после падения Исияма Хонгандзи и своей гибели Нобунага ввел гораздо более строгие требования к потенциальным вассалам, по сравнению с теми, которых он придерживался вплоть до конца 1570-х годов. По словам Фудзика и Элисона: «Простая процедура интеграции местных самураев в систему васалитета нового господина через подтверждение их наследных владений (*хонрё андо*) уходила в прошлое»⁴⁹⁷. Однако «строгий отсев» военного сословия не обязательно сопровождался разрушением замков, свидетельством чему является политика Нобунага в провинциях Каи и Синано. Поэтому, наш взгляд, следует отвергнуть теорию Мацуо о том, что политика разрушения замков была направлена на то, чтобы оторвать местное военное сословие от их земель.

Нобунага подверг провинцию Ямато второму суровому испытанию всего через месяц после проведения операции по уничтожению замков: 2 ноября 1580 года в Ямато прибыли Акэти Мицухидэ и Такигава Кадзумасу для того, чтобы выполнить миссию от имени своего господина. На следующий после приезда день они объявили, что все землевладельцы в провинции должны предоставить отчеты о земельном налоге (*сасидасу*). Отчеты должны были дать «полное

описание каждого производящего участка земли, его расположения, площади, годовых налогов и количества людей, ответственных за их уплату. Денежный доход (*дзэни-дзиси*) должен был быть преобразован в рисовый эквивалент»⁴⁹⁸. Посланники Нобунага в Ямато представили форму отчета, которая, по сути, представляла собой письменную клятву (*кисёмон*), которую надлежало скрепить кровью. «Письменная клятва», по свидетельству современника Жоао Родригеса, «должна была иметь следующую структуру: вверху страницы пишется слово «*кисё*» или «*кисёмон*» в качестве заголовка, а далее идет текст клятвы, разделенный на пункты. Если только одна тема, то и пункт только один. Клятва заканчивалась следующими словами: в случае нарушения этой клятвы, или обещания, или в случае измены, да падет на меня такое-то наказание»⁴⁹⁹. *Сасидаси* Нобунага соответствуют этому образцу буквально слово в слово; например, монахи храма Кофукудзи даже аккуратно классифицировали свое имущество в соответствии с указанными рубриками. Единственное исключение: от подателей отчетов не требовалось призывать на свою голову божественное возмездие. Взамен монахи добросовестно признавали, что утаивание даже малейшей части «рисовых полей, лугов, земли под резиденциями и лесов» поведет к конфискации всех владений⁵⁰⁰.

К 28 ноября 1580 года Мицухидэ и Кадзумасу получили информацию о количестве урожая со всех земель в рисовом эквиваленте. Наибольший доход задекларировал Кофукудзи — не менее, чем 19 000 коку. Доходы местных даймё, подобных Ока или Такада, измерялись суммами от 2000 до 3000 коку⁵⁰¹. Кадзумасу и Мицухидэ покинули Ямато 8 декабря и направились, по всей видимости, в Адзути, чтобы представить Нобунага полученные документы. Семь дней спустя до Ямато дошли известия о том, что «владения храмов и святилищ останутся прежними, без малейших изменений». Кроме того, было объявлено, что управление всей провинцией вверено Цуцуи Дзюнкэй. Эти новости вызвали «огромную радость» у наставника Эйсюн, дневник которого свидетельствует о том, сколь тягостными были последние дни для него самого и других монахов.

Мацуо Ёситака, как и Вакида Осаму до него, заключает на основе анализа исследований в провинции Ямато, что отчеты о земельном налоге, представленные землевладельцами посланникам Нобунага, свидетельствуют о том, что землевладение в Ямато по-прежнему основывалось на *сёэн*, средневековой системе владений,

в соответствии с которой источником дохода были *сики*, права, связанные с участком, которые давали право на получение дохода с одного участка разным людям. Так, например, в отчете храма Хорюдзи указывался размер земель и также доходы других владельцев, получаемые с этих земель. В отличие от Вакида Осаму, Мацуо Ёситака предполагает, что в центре внимания Нобунага находились отнюдь не земли религиозных институтов. По его мнению, «*сасидаси* составлялись для установления воинских повинностей». Нобунага, полагает он, проводил исследование в масштабе всей провинции для того, чтобы укрепить власть, скорее, над землевладельцами-воинами, нежели над крупными храмами-землевладельцами. И Мацуо приводит ряд убедительных доказательств в обоснование своей позиции⁵⁰². В частности, упоминается письмо, отправленное Акэти Мицухидэ и Такигава Кадзумасу главе дома Сирацути в тот самый день, когда они начала работу по получению отчетов в провинции Ямато. Особого внимания заслуживает первый пассаж этого письма:

Вчера, 25-го числа, мы прибыли в Южную столицу [Нара] в качестве посланников его светлости. Кроме того, его светлость потребовали, чтобы мы проинспектировали всех владельцев земель в этой провинции, и его желание в том, чтобы мы возложили воинские повинности в соответствии с результатами наших исследований.

Сирацути были местными землевладельцами, пустившими глубокие корни в Ямато. Так, свое имя они взяли по названию области Сирацути (находившейся на территории нынешнего города Ямато Корияма). Их связи с этим владением прослеживаются до середины XV столетия. В начале 1570-х годов Сирацути сражались под командованием Цуцуи Дзюнкэй против Мацунага Хисахидэ, который стремился усилить свое влияние в Ямато. Письмо, отправленное Сирацути посланниками Нобунага, не оставляет никаких сомнений в цели политики *сасидаси*: отчеты о земельном налоге должны были помочь определить воинские повинности, которые предстояло возложить на местных землевладельцев. Это объясняет, почему доход — вне зависимости от того, в чем он собирался, — переводился в меру риса; ведь в противном случае не могли бы быть и речи об унифицированном введении повинностей.

Источники не проясняют, в каком соотношении к декларированному доходу устанавливались в Ямато воинские повинности, но

представление об этом дает другой документ, изданный Акэти Мицухидэ 13 июля 1581 года (2-й день шестого месяца девятого года правления под девизом Тэнсё), спустя восемь месяцев после сбора отчетов в Ямато. Этот документ, известный в настоящее время как «Военный кодекс для вассалов Акэти Мицухидэ» («Акэти Мицухидэ катю гунпо»), состоит из восемнадцати статей. Первые семь касаются вопросов воинской дисциплины. В пункте 5, к примеру, устанавливается, что отказ подчиняться в бою карается смертью; приказы же всегда должны согласовываться с ходом сражения. Ослушавшихся ждет наказание, несмотря на имена и заслуги. Особый интерес для нас представляют пункты с 8-го по 18-й, в которых устанавливается объем воинской повинности в зависимости от уровня дохода. Объем дохода классифицируется на одиннадцать категорий: 100 коку, от 100 до 150 коку, от 150 до 200 коку, от 200 до 300 коку, каждый следующий класс повышается на 100 коку, и так до 1000. Вассал с доходом в 100 коку должен выставить 6 воинов. Если доход вассала от 500 до 600 коку, он должен выставить двух воинов в шлемах, двух сильных коней (*ханзума*), пять флагов (*сасимоно*), пять копий (*яри*), одно знамя (*нобори*) и две аркебузы. В придачу ко всему вышеперечисленному должно быть выставлено соответствующее количество обученных воинов. Так, для одного коня предусматривалось два конюха. На вассала с доходом в 1000 коку возлагались следующие обязанности: пять воинов в шлемах, пять лошадей, десять флагов, десять копий, два знамени и пять аркебуз⁵⁰³. Тот факт, что у нас нет никаких свидетельств, которые бы подтверждали, что военные повинности в Ямато в 1580 году устанавливались в соответствии с настоящим документом, вовсе не исключает такой возможности. Административное руководство провинцией Ямато осуществлял Цуцуи Дзюнкэй, но после 1580 года за всеми военными действиями воинов из Ямато надзирал Акэти Мицухидэ, он же и координировал их.

Остается вопрос: каким образом следует интерпретировать данные отчетов о земельном налоге в провинции Ямато и кодекса для вассалов Акэти Мицухидэ? Необходимо рассмотреть целый ряд вопросов, прежде чем делать вывод о том, что исследования Нобунага «подготовили почву для последующего *Тайко кэнти* Тоётоми Хидэёси и переоценки доходов в переводе на предполагаемый урожай риса (*кокудака*)»⁵⁰⁴. Нобунага также исчислял все доходы в коку риса, но все-таки был далек от системы *кокудака* Тоётоми Хидэёси. Нобунага оценивал уровень дохода и, в соответствии

с ним, устанавливал воинские повинности. Хидэёси делал то же самое, но более совершенным способом. В *Тайко кэнти* теоретическая производительность участка земли исчислялась на основе оценки качества почвы. Почва делилась на превосходную (*дзё*), среднюю (*тю*), плохую (*гэ*) и очень плохую (*гэгэ*). Общее количество земли, зарегистрированное на имя жителей деревни, становилось *кокудака* деревни, в соответствии с чем рассчитывались налоги и военные повинности. Хидэёси собирал сведения в масштабе всей страны, а от мероприятий Нобунага остались лишь случайные и фрагментарные данные.

Помимо этих, чисто технических вопросов, самым большим отличием исследований Нобунага и Хидэёси стало их социальное значение. Современные исследователи в целом согласны с точкой зрения Вакида Осаму, что целью *Тайко кэнти* было заставить землевладельцев покинуть свои места и переселиться в замки-города⁵⁰⁵. Трудно судить о том, насколько это так применительно к политике Нобунага. После завершения *сасидаси* в провинции Ямато в 1580 году Нобунага подтвердил, что все владения храмов и святилищ закрепляются за ними, и назначил губернатором провинции Цуцуи Дзюнкэй. И японские, и западные источники отмечают, что жители Ямато с огромной радостью встретили его назначение. Фройс даже говорит, что Нобунага сделал свой выбор потому, что «все население желало, чтобы провинция перешла к Цуцуи»⁵⁰⁶. Хидэёси же проводил совершенно иную политику: он никогда не назначал даймё в те провинции, где они были известны, не говоря уже о популярности. Неудивительно поэтому, что в 1585 году Хидэёси изменил решение Нобунага и перевел семью Цуцуи в провинцию Ига, где их никто не знал и, понятно, не любил. Действительно, Нобунага казнил в Ямато нескольких землевладельцев, но вовсе не потому, что хотел сорвать всех местных собственников с их насиженных мест, а потому, что сомневался в их преданности.

Разрушение замков, исследования земель, перевод должностных лиц из одних провинций в другие — всё это стало при Хидэёси единой политикой. Она привела к отрыву знатных землевладельцев от наследственных владений, прикреплению крестьян к земле и замене средневековой системы землепользования *сёэн* новой, получившей название *кокудака*. «Если даймё из одной провинции должен направиться в другую провинцию» — писал Валиньяно в 1601 году, — он берет с собой воинов и знатных землевладель-

цев, которые обязаны следовать за ним под страхом смерти, поскольку он держит их и распоряжается ими, как своими солдатами. Только крестьяне и торговцы остаются в провинции вместе с ремесленниками и другими людьми низкого сословия, которые обязаны оставаться на своей земле»⁵⁰⁷. Другими словами, политикой перевода даймё из провинции в провинцию Хидэёси, наконец, удалось разделить воинов, крестьян и торговцев. Условия для такого разделения были подготовлены *Тайко кэнти*. И напротив, никаких подобных радикальных намерений нельзя обнаружить в политике провинциальных перемещений и сбора отчетов о земельном налоге, проводившейся Нобунага.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КУЛЬМИНАЦИЯ И ПАДЕНИЕ

1581–1582

Как уже не раз отмечалось в этой книге, взаимоотношения Нобунага со столичной политической верхушкой в значительной степени зависели от его успехов или неудач на полях сражений. Неудивительно, поэтому, что после падения Исияма Хонгандзи его отношения с императорским двором получили новое развитие. Военные провалы Нобунага в период с 1576 по 1579 год, скорее, усилили, чем уменьшили политическое влияние императорского двора. Двор с готовностью позволил себя использовать для создания в глазах общества иллюзии восстановления мира и спокойствия в государстве, в то время как на самом деле Нобунага был вынужден держать оборону в борьбе со своими противниками, объединившимися во вторую коалицию. Разумеется, что за свою готовность и сговорчивость императорский двор получал соответствующее денежное и прочее вознаграждение. Отказ Нобунага от придворной должности не возымел никаких последствий. В это время он находился не в том положении, чтобы принуждать двор принимать те или иные решения или напрямую отказываться от его предложений, как это было в 1574 и 1575 годах.

Нобунага смог восстановить свое прежнее влияние при дворе только тогда, когда в начале 1580 года военное положение изменилось в его пользу. Он ввел в игру императорский двор, позволив ему выступить посредником при переговорах о мире со слабеющим противником, чтобы создать впечатление императорского одобрения его жестоких мер. Одним из любимых приемов Нобунага, опробованных еще в 1575 году, было заставлять придворных ожидать аудиенции у него или отсылать назад, не приняв даже их подарков. В качестве «извинения» в таких случаях говорилось, что господин «отдыхает» или «пьет чай». Отличительной чертой его взаимоотношений с придворными было то, что, обычно, он с ними все-таки

встречался, но после того, как те прождали его день-другой. Именно в такой высокомерно-детской, но весьма эффективной манере Нобунага все чаще общался со знатными посетителями, начиная с конца 1579 года.

Однако при дворе существовала небольшая группа лиц, имевших в это время практически прямой доступ к Нобунага. По его собственным словам, это были «придворные, с радостью принимавшие поддержку Нобунага»⁵⁰⁸. Безусловным лидером этой группы являлся Коноэ Сакихиса, человек, положение которого позволяет правильно понять взаимоотношения Нобунага с придворной знатью в последние годы жизни. Для заключения мира с Хонгандзи Нобунага использовал Сакихиса — бывшего императорского канцлера — в большей степени, чем весь императорский двор. В период после покорения Хонгандзи вплоть до инцидента Хоннодзи Сакихиса по-прежнему оставался главным проводником политики Нобунага при дворе. Не прошло и нескольких недель после сдачи Хонгандзи, как Нобунага обратил внимание Сакихиса на остров Кюсю, где Нобунага хотел поспособствовать заключению мира между кланами Отомо и Симадзу. «Как я уже не раз говорил вам прежде, — формулировал Нобунага новое задание для Сакихиса, — я убежден, что война между Отомо и Симадзу совершенно не в наших интересах. Лучше было бы, если бы они заключили мир. В следующем году я начну кампанию по усмирению Мори, теперь вот пала Одзика. Придет время, и обе стороны [Отомо и Симадзу] должны будут приложить все силы и проявить свою преданность государству (тэнка)». Кроме того, Нобунага написал послание с призывом к миру одному из действующих лиц — Симадзу Ёсихиса (1533–1611). У Сакихиса установились великолепные отношения с Симадзу, он даже как-то гостил у него в начале 1570-х годов. В конце концов, Сакихиса не удалось уговорить враждующие стороны помириться, но сам факт такой попытки свидетельствует том, что для достижения своих целей Нобунага опирался на представителей традиционных центров власти⁵⁰⁹. Таких людей Нобунага тщательно выбирал и покровительствовал им. В то же время периодически Нобунага в гораздо больших масштабах использовал авторитет императорского двора как традиционного источника силы и легитимности в Японии. Ничто не иллюстрирует это так ярко, как парад в Киото 1581 года.

ПАРАД В КИОТО

К 1581 году режим Нобунага утвердился практически по всей Японии. Войска под командованием Хидэёси покорили провинцию Та-дзима на западе Японии (ныне — северо-западная часть префектуры Хёго) и углублялись в провинции Инаба, Хоки, Бидзэн и Мимасака (ныне — префектуры Тоттори и Окаяма). Сибата Кацуиэ в 1580 году, наконец, покорил провинции Кага и Ното в области Хокуруку, следующей его задачей было отобрать у Уэсуги Кагэацу провинцию Эттю. Усиливалось давление и в Канто: Токугава Иэясу, союзник Нобунага, медленно, но верно наступал на аванпосты Такэда Кацуёри в провинции Тотоми. За исключением короткой инспекционной поездки в провинцию Ига (ныне — западная часть префектуры Миэ), которую в 1581 году взял под контроль второй сын Нобунага, Нобукацу, внимание Нобунага ограничивалось теперь провинциями Ямасиро и Оми. Лично он не участвовал ни в одном из сражений этого года. Он отложил на год запланированную кампанию против Мори, решив вместо этого направить все силы на укрепление своей власти в Центральной Японии. Как и прежде, одним из методов этой политики являлись пышные церемонии. Размах замысла Нобунага на этот раз оказался просто невероятным, он поразил всех современников, как японцев, так и иностранцев. Военный парад в честь победы над Хонгандзи был проведен в Киото в марте 1581 года и стал, несомненно, церемониальной вершиной всей жизни Нобунага. Особенный интерес вызывает то, насколько умело в ходе великолепного шествия по столичным улицам он использовал авторитет императорского двора.

26 февраля 1581 года Нобунага объявил во всех своих владениях, что всем его подчиненным надлежит прибыть в Киото в парадном облачении, поскольку он отдал приказ Акэти Мицухидэ организовать в столице военный парад. Незадолго до того Нобунага проверил организаторские способности Акэти Мицухидэ, попросив его устроить общую репетицию в Адзути. В награду за «великолепную организацию» репетиции Нобунага поручил именно Мицухидэ проведение парада в Киото. Инициатива парада исходила исключительно от самого Нобунага, но он очень хотел, чтобы все выглядело как государственная церемония. Так, Нобунага ясно довел до сведения Мицухидэ, что в число участников парада следует включить «знать, которая пользуется поддержкой Нобунага». Целью Нобунага было «произвести сенсацию во всех более чем шестиде-

сяти провинций [Японии]»⁵¹⁰. Маловероятно, что парад был, как утверждают некоторые исследователи, проведен для того, чтобы принудить к покорности императорский двор⁵¹¹.

Парад в Киото стал олицетворением вершины могущества всего режима Нобунага, поскольку не только члены его клана и вассалы проществовали в полном боевом облачении. Это позволено было сделать Коноэ Сакихиса, Огимати Суэхидэ (1548–1612), Карасумару Мицунобу (1549–1611), Хино Тэрусукэ и Такакура Нагатака (1560–1607), а также членам семей, имевших тесные связи с сёгунатом Муромати, таких как Хосокава, Иссики, Исэ и Огасавара. Есть основания полагать, что перечисленные выше люди ни в малейшей степени не противились такой возможности. Синтоистского священнослужителя и политика Ёсида Канэми не пригласили; с плохо скрываемой злобой и разочарованием он отмечает в своем дневнике: «А я не должен участвовать⁵¹²»?

Место проведения парада было выбрано поблизости от императорского двора. Нобунага остановился на площадке «к востоку от императорского дворца в Верхнем Киото», простиравшейся с севера на юг почти на километр. Вдоль центральной ее оси выставили столбы и возвели ограду. Сразу же за стенами императорского дворца, неподалеку от Восточных ворот, по приказу Нобунага соорудили временный дворец, с которого император в окружении аристократии мог любоваться величественным зрелищем парада⁵¹³. Среди зрителей были и иезуиты Валиньяно, Фройс и Мехиа, а также несколько их японских собратьев. Естественно, что они также получили приглашение от Нобунага. Несомненно, что все действие предназначалось для того, чтобы явить и иностранцам, и японцам силу и могущество Нобунага.

Парад стал событием невиданного в Киото размаха. По словам Луиса Фройса, 1 апреля 1581 года в полном облачении проскакали или промаршировали около 130 000 человек. Парад продолжался с утра до «почти четырех пополудни», в нем приняли участие войска практически всех полководцев Нобунага, включая его сыновей с их «провинциальными отрядами». Кацуиэ, например, прибыл в Киото из провинции Этидзэн с «10 000 воинов и 10 000 слуг». Естественно, организация такого парада потребовала огромных расходов. Нобунага приказал вассалам потратить на облачение как минимум 1500 *крузадо*, а Кацуиэ, чтобы выглядеть подобающим образом, потратил 50 000 золотых монет⁵¹⁴.

Родственники, полководцы и вассалы Нобунага выезжали на место проведения парада в строго предписанном порядке. Не удивительно, что Фройс использовал слово «турнир» для того, чтобы донести до европейского читателя суть происходящего. Во всем происходящем не было ничего особенного, «просто каждый показывал изысканность и пышность своих одежд, лошадей и вассалов», но если говорить о масштабе действия, то парад в Киото стал «самым впечатляющим, роскошным и дорогим из всех подобных церемоний, устроенных Нобунага за все годы». Понятно, что центральное место надлежало занять самому Нобунага: «Блеск его одеяний и украшений, сверкавших, как солнце, лишь добавлял великолепия всему турниру». Фройс аккуратно отражает в своих записях мотивы Нобунага: «Нобунага, устроив этот парад, хотел, чтобы его имя и слава гремели во всех уголках мира»⁵¹⁵. Присутствие иезуитов добавляло происходящему особую необычность. Паланкин из ярко-красного бархата, подарок Нобунага от Валиньяно, во время парада несли перед Нобунага четверо человек. В середине праздника Нобунага сошел с коня для того, чтобы занять место в паланкине. [Он сделал это], чтобы подчеркнуть, насколько его статус отличается от остальных»⁵¹⁶.

Фройс без труда разглядел истинные мотивы проведения парада в Киото. Он также отмечает, что событие это стало главной темой городских сплетен на много дней вперед, на основании чего мы можем заключить, что Нобунага удалось выполнить поставленную задачу. Японские источники в полной мере подтверждают, что парад привлек большое количество зевак. Так, например, множество людей прибыло в Киото из Нара. Когда они вернулись, «они не находили слов»⁵¹⁷. Наш главный японский источник, Ота Гюити, посвящает большую часть своего описания рассказу об одеяниях Нобунага, его семьи и полководцев, а в заключение говорит⁵¹⁸:

Никогда не происходило ничего подобного, чтобы все [участники] были великолепными всадниками и одеты столь изысканно, не только в нашей империи, но и в любой другой стране. Этот парад был несравненным, и толпы зрителей, как высокого, так и низкого ранга, до конца своих дней будут помнить о том, в какое славное время они родились, когда государство в мире, а люди ни в чем не нуждаются. Когда парад был в самом разгаре, Его величество изысканно дали знать Нобунага через двенадцать посланников, что они с огромным удовольствием наблюдают собственными глазами за столь великолепным зрелищем. В конце величие Нобунага достигало небес.

Последняя фраза Гюити абсолютно точно отражает самую суть замысла: Нобунага снова весьма умело воспользовался присутствием императора. А двор, несомненно, понял, что Нобунага использует его. Официальные императорские источники на следующий день после парада комментируют его весьма неопределенно: «великолепный» (*мигото*)⁵¹⁹. Тем не менее, императорский двор попытался смягчить ущерб своей репутации, попросив всего неделю спустя снова повторить парад, но уже в небольших масштабах. Повтор, по словам Гюити, также имел оглушительный успех⁵²⁰:

По этому случаю император и все придворные слуги, дамы спальных покоев и простые придворные дамы облачились в изысканные одежды. Император с огромным удовольствием и радостью смотрел [парад]. Люди всех рангов, собравшиеся по такому случаю, складывали руки и восклицали с благоговейным трепетом: «Какие счастливые времена! Благодаря могуществу Нобунага мы можем увидеть блеск Его Небесного величества, господина десяти тысяч колесниц».

Вторым шагом, предпринятым императорским двором в этом своеобразном «контрнаступлении», призванным продемонстрировать, что и он имеет власть над Нобунага, стало предложение ему должности Левого министра (*садайзин*). 12 апреля, ровно через одиннадцать дней после парада, соответствующее предложение передали Нобунага, расположившемуся в храме Хоннодзи в Киото, две придворные дамы. Нобунага, представляется, был застигнут врасплох, Его отъезд намечался на этот же день, но он перенес его на следующий, что происходило очень редко. А официальный ответ Нобунага привел двор в изумление. Он примет предложение, но только после того, как он «организует» (*мосисата*) отречение ныне царствующего императора Огимати и воцарение его преемника, наследного принца Санэхито. «Хороший результат», — такова была первая реакция придворных⁵²¹. Тем не менее, вскоре император и его советники поняли, что если они согласятся с предложением Нобунага, они вновь отдадут политическую инициативу в его руки. Поэтому двор решил потянуть время. 14 апреля Накаяма Тикацуна (1544–1598), Минасэ Канэнари (1514–1602) и другие ведущие представители придворной аристократии собрались на срочную встречу в «Нижнем дворце» наследного принца Санэхито для обсуждения «отречения Его величества». Однако они не смогли принять решения, и данный вопрос продолжал занимать двор в течение

почти целого месяца. В конечно счете выход из тупика был найден. «Так как нынешний год — *кондзин* [действие инь и ян, при которых действия императора запрещены], — гласило решение двора, — отречение Его величества будет отложено»⁵²². Что означало перенесение на более поздний срок и назначение на пост самого Нобунага.

Нобунага отошел от всех государственных дел до конца 1581 года. Он организовал в Адзути турниры по сумо и проводил время на охоте. Никаких сведений о контактах Нобунага и императорского двора в период с апреля 1581 года по февраль 1582 года у нас нет. На время он ограничился общением с сыновьями, своими полководцами и северными даймё. Он также принимал в своем замке в Адзути и развлекал высокопоставленных зарубежных гостей. Одним из них был инспектор иезуитской миссии в Азии Алесандро Валиньяно. Кроме того, Нобунага готовился к новому расширению границ своих владений. На 1582 год он наметил борьбу с Такэда на востоке Японии, Мори, на западе и Тёсогабэ, на острове Сикоку.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ТАКЭДА

Кажущееся бездействие Нобунага в 1581 году на самом деле имело исключительно стратегические мотивы. Он доверил своим полководцам, в особенности Хасиба Хидэёси на западе и Токугава Иэясу на востоке, подготовить почву для того, чтобы в один прекрасный момент появиться там самому и нанести решающий удар по Мори или Такэда. В конце февраля 1581 года Нобунага писал Мидзуно Тадасигэ (1541–1600), своему доверенному лицу, отвечавшему за контакты с Токугава Иэясу: «Я сожалею, что Иэясу обеспокоен, и что его люди испытывают трудности [при осаде замка Такатэндзин в Тотоми], но в этом или следующем году я должен напасть на Суруга и Каи, и будет очень плохо для моей репутации, если я столкнусь с трудностями и вынужден буду вести длительную кампанию»⁵²³. Те же мотивы просматриваются и в распоряжениях, которые Нобунага отдавал Хидэёси, о чем можно судить по прочтению документа от 17 сентября, скрепленного красной печатью: «Как я уже говорил вам, я приказал Корэто [Акэти Мицухидэ] и Нагаока [Хосокава Фудзитака] быть в полной готовности. То же касается и людей в провинции Сэтцу. Они выступят по первому вашему знаку. Помните, что вы можете послать столько войск,

сколько нужно, и даже отправить на поле боя меня самого. Будьте осторожны и хорошо все спланируйте»⁵²⁴. Ход событий показал, что Такэда были слабее. Поэтому Нобунага сначала обратил взор на восток.

В феврале 1582 года падение Такэда казалось неминуемым. 23-го числа Нобунага получил в Адзуте известие о том, что Кисо Ёсимаса, женатый на одной из сестер Такэда Кацуёри и один из ведущих полководцев клана Такэда, изъявил верность Нобунага. Предложение Ёсимаса отправить войска в провинцию Синано (ныне — префектура Нагано) было известием, которого Нобунага давно ждал: мобилизация войск осуществлялась быстро. Нобунага разработал план нападения в течение нескольких дней. Он предусматривал нанесение не менее пяти скоординированных ударов по территории Такэда, которая тогда включала провинции Синано, Каи, Кодзукэ и (частично) Суруга. Токугава Иэясу должен был напасть с юга (из провинции Суруга), Ходзэ Удзимаса — с востока (из Канто), Канамори Нагатика — с северо-запада (из провинции Хида), а Нобунага и Нобутада должны были атаковать двумя волнами с запада (из провинции Мино). Не прошло и недели, как Нобунага издал приказ о выступлении тем своим войскам, которые еще не находились в Восточной Японии. Этот документ великолепно отражает масштаб военной кампании против Такэда⁵²⁵:

1. Что касается кампании Нобунага, Цуццу [Дзюнкэй] поведет войска из Ямато; он должен подготовиться к этому заданию. Тем не менее, он должен оставить небольшой отряд связанных с Коя. Они должны охранять дорогу на Ёсина.

2. Уполномоченные из Кавати должны расположить свои войска против Эбосигата, Коя и Сайка.

3. Все силы из провинции Идзуми направить против провинции Кию.

4. Миёси Ямасиро но Ками [Ясунага] должен напасть на Сикоку.

5. Пока [Икэда] Сёсабуру [Цунэоки], отец, остается в провинции Сэтцу, двое его сыновей должны со своими войсками присоединиться к кампании.

6. Накагава Сэбёэ но Дзё [Киёхидэ] должен присоединиться к кампании.

7. [Снокава] из Тада должен присоединиться.

8. Отряд из верхней части провинции Ямасиро должен быть готов выступить в любое время.

9. Токитиро [Хидэёси] должен расположить своих людей по всей Тюгоку.

10. Корэто Хюга но Ками [Акэти Мицухидэ] должен подготoвиться к походу.

Поскольку кампания будет долгой, надлежит взять с собой небольшое количество людей и убедиться, что вы сможете обеспечить их провиантом в походе. Помните: дисциплина и решимость увеличивают нашу численность.

Документ показывает, что, привлекая для участия в походе массу людей, Нобунага не забывал принять меры для прикрытия их с тыла во время кампании на востоке. В то время как Хидэёси должен был держать под контролем ситуацию на западе Хонсю, значительные силы Нобунага отправил и в провинцию Кии для того, чтобы следить за монастырем Коясан.

Два вопроса беспокоили Нобунага более всего в первые недели кампании, когда он еще находился в Адзуте: импульсивность его сына Нобутада и длинные пути снабжения, которые следовало создать при углублении во вражеские земли. Нобунага с помощью гонцов поддерживал постоянный контакт с двумя офицерами, Такигава Кадзумасу и Кавадзири Хидэтака, отправленных в помощь Нобутада. И снова Нобунага возвращался к этому вопросу: «Так как Дзё но Сукэ [Нобутада] еще очень молод, он явно склоняется к тому, чтобы действовать независимо и прославиться в этой кампании. Я убежден, что он удивит вас»⁵²⁶. Нобунага предупреждает, что безрассудство Нобутада может привести к недооценке противника: «Как бы ни был слаб враг, никогда не смотри на него свысока»⁵²⁷. А вот что говорит Нобунага о второй проблеме, растягивании линий снабжения: «Если не защищать оставшиеся позади дороги, носильщики и прочие не будут чувствовать себя в безопасности в ходе кампании», поэтому вдоль основных транспортных артерий армии следует сооружать временные крепости. «Кроме того, — напоминает Нобунага своим офицерам, — если в работе будут участвовать все, строительство не составит труда»⁵²⁸. И это были не просто советы. «Вы должны продумывать каждый шаг, — сообщал Нобунага Кадзумасу, — ибо если вы будете наступать слишком поспешно или допустите хотя бы малейшую ошибку, то, даже если вам будет суждено выжить, вам никогда не будет позволено предстать предо мной»⁵²⁹. Требования Нобунага к дисциплине своих подчиненных с течением времени только ужесточались.

Наступление, возглавляемое сыном Нобунага Нобутада, развивалось успешно: сопротивления практически не было, поскольку военная организация Такэда распалась, и происходило массовое дезертирство вассалов. Клан Такэда, так долго гордившийся своими рыцарскими традициями, оказался настолько слабым, что рухнул от первого толчка. Через три недели после вторжения на территорию Такэда войск Нобутада Нобунага сам выступил из Адзути в провинции Каи и Синано. «На самом деле, — рассуждал он, находясь в пути, — мне нет никакого смысла участвовать в этой кампании. Но я давно хотел увидеть Канто, и сейчас представилась хорошая возможность. Что касается Сиро [Такэда Кацуёри], то он утратил славу предков»⁵³⁰. Судя по тону высказывания, беспорядочное бегство Такэда не давало Нобунага ощущения реальной победы. Он очень хотел нанести смертельный удар самому Кацуёри, о чем можно судить по его словам, сказанным Кавадзири Хидэтака: «Я хочу лично прибыть с большой армией в земли Сиро. До этого момента непрерывно следите за ним и наступайте без промедления»⁵³¹. Однако к тому времени, как на сцене появился Нобунага, Кацуёри был уже мертв несколько дней. Кампания против дома Такэда в марте-апреле 1582 года оказалась настолько успешной, что Нобунага испытывал смешанные чувства. В конечном счете, он был просто разочарован слабостью противника.

С другой стороны, Нобунага был чрезвычайно доволен действиями своего сына и даже подумывал о том, чтобы уступить ему свое место. Нобунага оставался в завоеванных провинциях в течение примерно месяца и, в связи с отсутствием крупных военных задач (исключая короткие экспедиции), имел достаточно времени для отдыха и развлечений. Он посетил гору Фудзи и с триумфом вернулся в Адзути, избрав для возвращения дорогу вдоль морского побережья через провинции Суруга и Тотоми. Сразу же по возвращении из Канто Нобунага приступил к подготовке одновременного вторжения в Тюгоку и Сикоку. В этом отношении 10-й год правления под девизом Тэнсё (1582) должен был оказаться для него чрезвычайно богатым на события. Однако подготовка к новым кампаниям в конечном счете приведет к так называемому «инциденту Хоннодзи», в ходе которого Нобунага будет убит тем самым своим военачальником, которому он приказал напасть на Мори. Таким образом, то, что должно было стать звездным часом Нобунага, в действительности оказалось его последним часом.

ИНЦИДЕНТ ХОННОДЗИ

13 мая 1582 года Нобунага вернулся в Адзути из военного похода против Такэда. Последующие примерно сорок дней стали свидетельствами бурной политической и военной деятельности, которая оборвалась в храме Хоннодзи в Киото. Сразу же после возвращения из Канто Нобунага приступил к подготовке нападения на Сикоку, следующую цель своей завоевательной политики. Главнокомандующим войсками должен был стать Нобутака, третий сын Нобунага, и трофеи были поделены еще до того, как первый солдат ступил на остров Сикоку. Нобунага предполагал, что кампания на Сикоку окажется легкой прогулкой, и еще до завоевания распределил четыре провинции острова в качестве наград, «словно он был уже хозяином всей Японии»⁵³². Нобунага уже пообещал провинцию Сануки своему сыну Нобутака, а другую провинцию, Ава, — Миёси Ясунага. «Судьбу двух оставшихся провинций», Иё и Тоса, Нобунага должен был решить «по прибытию в Авадзи»⁵³³. Однако в действительности все оказалось не так просто.

Императорский двор, наконец, осознал, что и он должен как-то отреагировать на военные успехи Нобунага на востоке. 17 мая 1582 года было решено отправить посланников в Адзути и предложить Нобунага наивысшие посты: *дайдзё дайдзин* (первый министр) и *канбаку* (канцлер), или сёгун. Представители двора прибыли в Адзути 25 мая, где главный из них, Кадзюдзи Харутоё, так изложил цель их визита: «Завоевание Канто стало великолепным достижением, поэтому было решено сделать [Нобунага] сёгуном». Несмотря на такое вступление, Нобунага дал им аудиенцию лишь спустя два дня, на которой стороны лишь обменялись любезностями и не обсуждали главный вопрос. Заявление Харутоё свидетельствует, что для двора предпочтительнее всего было бы назначить Нобунага сёгуном⁵³⁴. Менее понятны мотивы, которыми руководствовался Нобунага, уклоняясь от ответа. По-видимому, он был настолько уверен в своих силах, что не видел необходимости в принятии быстрого решения. Предложение императорского двора стало вершиной его политической карьеры. И то, что он мог себе позволить с подобным безразличием воспринимать такое предложение, лишь повышало его статус. Вопрос, возникающий в связи с отказом Нобунага принять самую высокую в японской политической системе должность, заключается в том, намеревался ли он в действительности покончить с обоими источниками легитимной

власти в стране: императорской и сёгунской. К сожалению, мы не можем делать какие-либо определенные выводы относительно подлинных намерений Нобунага — их он унес с собой в могилу.

После того как посланники двора отправились обратно с пустыми руками, 5 июня 1582 года в Адзути прибыли новые гости. Это были Токугава Иэясу и Анаяма Байсэцу (ум. 1582), бывший сторонник Такэда, которые прибыли, чтобы поблагодарить Нобунага за награду в виде земель, полученных после победоносной кампании на востоке. До наших дней сохранилось праздничное меню пиров, устроенных в их честь Нобунага, которые свидетельствуют о том, какую грандиозную встречу подготовил Нобунага для своих подчиненных. В меню, в частности, входило множество японских деликатесов: осьминоги, жареные морские лещи, различные супы, салаты из рыбы, карпы, суси, рис, соленые кишки *аю*, ушки, курица на вертеле, моллюски и прочее. Разумеется, были приготовлены и иные, не столь изысканные яства. 6 июня Нобунага и его гости пировали еще дважды, утром и вечером⁵³⁵. Нам неизвестно, о чем они говорили, но можно быть уверенным в том, что все пребывали в приподнятом настроении, ведь в конечном счете, успешная экспедиция против Такэда являлась огромным успехом.

Однако веселью не суждено было длиться долго. По-видимому, 7 июня в Адзути прибыл гонец от Хасиба Хидэёси, полководца, возглавлявшего кампанию в Тюгоку, с просьбой о помощи. Хидэёси предупреждал о неизбежном столкновении с главными силами Мори за осажденный замок Такамацу. Мори, по-прежнему хозяйничавших в восьми провинциях Западной Японии, наконец удалось спровоцировать на битву. Поняв, что это шанс всей жизни покончить с ними одним ударом и подчинить всю западную часть острова Хонсю, Нобунага решил лично выступить против Мори, а для начала отправил на помощь Хидэёси шестерых полководцев. Среди них был и Акэти Мицухидэ, который 7 июня был освобожден от обязанности сопровождать Иэясу и Байсэцу в Адзути и получил приказ вернуться в свой родной замок Сакамото.

Невозможно установить наверняка, в какой момент и почему Акэти Мицухидэ решил послушаться приказа Нобунага о выступлении и вместо этого повернуть оружие против своего господина. По мнению и Луиса Фройса, и Ота Гюити — а оба они осуждали его действия, — Мицухидэ поступил так, потому что сам хотел править *тэнка*, государством Нобунага⁵³⁶. Поведение Мицухидэ непосредственно перед случившимся в Хоннодзи свидетельствует, что

он терзался сомнениями. 17 июня 1582 года Мицухидэ отправился в святилище на горе Атаго, где несколько раз просил божественной помощи, а затем, в обществе мастера *рэнга* Сатомура Дзёха, занимался стихосложением. Поэму из ста стихов, сложенных Мицухидэ и его спутниками, они преподнесли в качестве дара божеству горы Атаго. В то время «*рэнга* наделялись способностью побуждать богов даровать победу в битве и прочие блага, и Мицухидэ, несомненно, просил помощи в совершении убийства, которое он задумал»⁵³⁷. В период с начала эпохи Токугава и до сего дня появилось огромное множество разных теорий и предположений, пытающихся объяснить мотивы предательства Мицухидэ. Наиболее часто встречающееся объяснение заключается в том, что Нобунага неоднократно оскорблял и унижал Мицухидэ, что, в конце концов, и заставило его выступить с оружием против своего господина. Однако Такаянаги Мицутоси в своей биографии убийцы Нобунага опровергает все версии поступка Мицухидэ, объясняя его исключительно амбициями своего героя⁵³⁸.

Выбор времени был, несомненно, обусловлен теми изменениями, которые происходили в военной и политической структуре режима Нобунага после победоносной кампании против Такэда. В июне 1582 года Нобунага, наконец, стал полновластным хозяином страны. Ему были предложены высшие должности, и если бы успехом увенчались его кампании на Сикоку и в Западной Японии, положение Нобунага становилось бы неуязвимым. Мицухидэ должен был понимать, что если он хочет сам стать властителем государства, вопрос стоял только так: сейчас или никогда. Если бы он нанес удар Нобунага годом ранее и преуспел, ему бы пришлось столкнуться с тогда еще весьма сильным фронтом против Нобунага, и не факт, что он одержал бы победу в таком противостоянии. Однако в случае успеха сейчас его единственными врагами стали бы бывшие сторонники из лагеря Ода, и с ними, Мицухидэ был уверен, он бы справился. Однако в этом, как оказалось, он и ошибался.

От горы Атаго Мицухидэ отправился в Камэяма, свою крепость в провинции Танба. Тем временем 19 июня Нобунага прибыл в Киото в сопровождении небольшого отряда и расположился в Хоннодзи, храме школы Лотоса. Нобунага намеревался провести несколько дней в столице и затем отправиться навстречу Мори на запад. Вечер 20-го числа Нобунага провел в окружении знатных придворных аристократов, всего около сорока человек. По свиде-

тельству одного из очевидцев, причины встречи были «самые радостные»⁵³⁹. По-видимому, вопрос о назначении Нобунага на высокую должность не обсуждался. В ту же ночь в замке Камэяма Акэти Мицухидэ раскрыл своим четырем ближайшим офицерам свой план отправиться в Киото, «убить Нобунага и стать хозяином *тэн-ка*». Немного придя в себя после такого известия, они решили последовать за Мицухидэ. Около 10 часов вечера они покинули Камэяма. Воины не знали, куда они направляются: они ожидали похода на запад, в провинцию Биттю, а вовсе не в Киото, лежавший на востоке. Для предотвращения волнений и беспорядков Мицухидэ приказал своим единомышленникам сообщить подчиненным, что сперва они отправятся в Киото, где Нобунага проведет смотр войскам⁵⁴⁰. Проинформировав своих командиров непосредственно перед выступлением, Мицухидэ проявил невероятную предусмотрительность. Именно об этом говорил Макиавелли: «Не позволяй заговорщикам донести на тебя, раскрывай им свои планы только когда ты готов действовать, и никак не раньше»⁵⁴¹.

На рассвете 21 июня 1582 года армия Мицухидэ в количестве примерно 13 000 воинов подошла к Киото и окружила храм Хоннодзи. Поначалу Нобунага и его спутники подумали, что снаружи началась драка между простолюдинами, однако первые выстрелы из аркебуз воинов Мицухидэ вернули их на землю. Нобунага понял, что участь его решена. «Измена! — закричал он. — Кто предатель?» Его адъютант Ранмару ответил, что это, по всей видимости, Акэти Мицухидэ. К чести Нобунага, по свидетельствам очевидцев, он сражался так, как всегда требовал от своих подчиненных. Вначале он схватил лук, потом копьё, но силы были слишком неравные. После короткой схватки, получив ранение в локоть, Нобунага отступил и покончил с собой в задней комнате пылающего Хоннодзи.

Следующей целью воинов Мицухидэ стал наследник Нобунага, Нобутада, находившийся в Мёкакудзи, другом храме Киото. Узнав о предательстве Мицухидэ и гибели своего отца, Нобутада решил не бежать, а ожидать атаки Мицухидэ во дворце Нидзё, резиденции наследного принца Санэхито, который был укреплен гораздо лучше, чем Мёкакудзи. Однако Нобутада и горстке его воинов не суждено было остановить намного превосходящие силы Мицухидэ. Подобно своему отцу, Нобутада не захотел, чтобы его тело попало в руки Мицухидэ после совершения сэппуку, и его останки спрятали и сожгли под верандой дворца. Если бы Нобунага стал единственной

жертвой, дом Ода вполне мог оправиться от утраты под началом обученного и энергичного преемника, каким был Нобутада. С гибелью же обоих лидеров дому Ода суждено было оставаться лишь на вторых ролях в ходе будущей борьбы за объединение Японии⁵⁴².

Режим Нобунага развалился на части, хаос воцарился во всех его владениях от Сакай до Адзуты и Гифу. Третий сын Нобунага, Нобутака, находился в порту Сакай, ожидая высадки на Сикоку, когда до него дошли вести о гибели отца и старшего брата. В результате большая часть его 14-тысячной армии дезертировала. Затем Нобутака сумел убить своего кузена Цуда (Ода) Нобудзуми, командовавшего замком Одзака, которого подозревал в заговоре вместе с Акэти Мицухидэ. И хотя Нобудзуми был невиновен, имелись основания подозревать его: много лет назад Нобунага убил его отца Нобуюки, а сам Нобудзуми был женат на дочери Акэти Мицухидэ. Тот факт, что Нобудзуми пал жертвой беспричинных обвинений, свидетельствует, что весь дом Ода пребывал в смятении. Выступив против Нобудзуми вместо того, чтобы бороться с истинным врагом, Нобутака отдал инициативу в борьбе с Мицухидэ Хасиба Хидэёси. Поэтому новым правителем *тэнка* стал именно Хидэёси, победивший Мицухидэ в сражении при Ямадзаки спустя одиннадцать дней после случившегося в Хоннодзи.

НОБУНАГА-БОГ: ФАКТ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Заканчивая биографию нашего героя, полагаю, следует обратиться к Луису Фройсу и его письму «о смерти Нобунага», датированному 5 ноября 1582 года. За те тринадцать лет, что миновали с момента первого упоминания Фройса о Нобунага, он неоднократно и с неизменной симпатией сообщал о его карьере. Однако письмо о гибели Нобунага, которое Фройс написал Обществу Иисуса, напроочь лишено даже намека на симпатию. Свое долгое, весьма драматичное описание Фройс, для наибольшего эффекта, заключает словами, написанными не на португальском, а на латыни: «Et periit memoria eius cum sonitu, et in puncto ad infernos descendit» («Память о нем развеет ветер, и он низвергнется в ад»)⁵⁴³. Не единожды Фройс высказывается столь безапелляционно. В конце 1580-х годов, составляя вторую часть своей «Истории Японии», он выскажется в том же духе. Здесь уже нет латыни, но суть та же самая: «В течение двух часов Нобунага и Нобутада оказались погребенными в аду на вечные времена, оставив позади свои земные сокровища, удоволь-

ствия и богатства». О Нобунага, человеке, одно имя которого приводило людей в благоговейный трепет, Фройс с видимым удовлетворением писал: «не осталось ни одного волоса и ни одной кости, ничего, что бы ни возвратилось в пыль и прах»⁵⁴⁴. Выше мы уже говорили о том удивительном контрасте в его сообщениях о живом и мертвом Нобунага, но не давали достаточных объяснений этому. Так что же стало причиной такого внезапного поворота в отношении Фройса к Нобунага?

То, каким образом миссионер Луис Фройс рассказывает историю гибели Нобунага, заставляет нас считать, что у него были все причины радоваться смерти человека, которого прежде он не раз столь красноречиво восхвалял. По свидетельству Фройса, незадолго до смерти самомнение Нобунага достигло таких высот, что он хотел, чтобы все поклонялись ему как божественному существу. Якобы Нобунага приказывал каждый месяц в день его появления на свет почитать его в Сокэндзи, храме, построенном им на горе Адзути. Поклонявшимся обещались многочисленные награды: богатство, долголетие, здоровье и многочисленное потомство. Неверующих якобы ожидала смерть, «и в этой жизни, и в следующих». Таким образом, Нобунага «хотел, чтобы его почитали и поклонялись ему как Богу, Создателю и Спасителю мира». В этом контексте Фройс сравнивает японского военачальника и вавилонского царя, который был самым воплощением высокомерия: «В конце концов, в своем безрассудстве и дерзости Нобунага решил превзойти даже самого Навуходоносора, требуя, чтобы ему все поклонялись не как обычному смертному, но как божеству, или бессмертному владыке». Очевидно, Бог не мог стерпеть такой дерзости, поэтому всего девятнадцать дней спустя после того, как большая толпа действительно прибыла поклоняться ему по случаю дня рождения, он пал жертвой заговора⁵⁴⁵.

Мнимое самообожествление Нобунага стало одним из самых известных мифов о нашем герое; и японские, и западные исследователи обосновывали свои версии того, какие цели при этом преследовал Нобунага. Все истории Японии, написанные иезуитами, начиная с Луиса Гузмана, полностью приводят эту историю. А в начале 1970-х годов Асао Наохиро, опираясь на свидетельства Фройса о самообожествлении Нобунага, теоретизировал на тему, что Нобунага достиг власти, которая по природе являлась абсолютной и религиозной⁵⁴⁶. Более того, идея о том, что Нобунага занялся самообожествлением, получила широкий общественный резонанс

и часто подается как непреложный факт в популярной литературе⁵⁴⁷.

Однако у нас имеются веские причины подвернуть сомнению свидетельства Фройса. Во-первых, они не подкрепляются японскими источниками, в то время как остальные сведения Фройса обычно легко сопоставляются с данными японских современников. Во-вторых, его письмо от 5 ноября 1582 года в ряде пунктов расходится с его более ранними отчетами. Для начала, письмо за 1582 год адресовано Главе ордена, которому Фройс писал из Кутиноцу 31 октября 1582 года, то есть всего за 5 дней до письма, в котором содержится описание смерти Нобунага. Последняя часть письма за 1582 год, в котором обсуждаются военные события года, основана на информации, которую Фройс получил из Адзути и которая была записана 17 июня, то есть всего за четыре дня до гибели Нобунага. Таким образом, во время написания письма, датированного 31 октября, Фройс не знал о том, что Нобунага и Нобутада уже нет в живых, хотя со времени их смерти минуло уже более четырех месяцев. Фройс рассказывает, что Нобутада покорил провинции Каи и Синано и что Нобунага также отправился в восточные провинции с армией в 80 000 человек несколько недель спустя после того, как его сын начал там кампанию. После падения Такэда, пишет Фройс, в Восточной Японии сопротивление Нобунага продолжает оказывать только провинция Этиго, «но с этим также будет вскоре покончено». Также Фройс сообщает, что Нобутака с армией в 14 000 человек собирается высадиться на Сикоку⁵⁴⁸. Наконец, примечательно, что в письме за 1582 год ни слова не говорится о, безусловно, главном событии года в Японии — смерти Нобунага. В высшей степени маловероятно, чтобы Фройс получил известие об этом в период с 31 октября, дня отправки ежегодного письма, по 5 ноября, когда он докладывает о случившемся в Хоннодзи. Информация о гибели Нобунага должна была распространиться по всей Японии за считанные недели, а не месяцы, и дойти даже до такого захолустья на острове Кюсю, как Кутиноцу. Однако в ежегодном письме нет ни слова о том, что случилось 21 июня, равно как и ни малейшего намека на что-либо, что могло бы свидетельствовать о попытках самообожествления Нобунага. Из чего следует заключить, что Фройс писал письмо от 5 ноября 1582 года не просто для того, чтобы сообщить о гибели Нобунага, но и для того, чтобы дать хорошо продуманное объяснение произошедшей катастрофе.

История, рассказанная Фройсом, в высшей степени маловероятна. Во-первых, явно было не в характере такого человека, как Нобунага, обещать кому-либо награды в будущей жизни за почитание его самого в жизни этой. Ведь, в конечном счете, по информации того же Фройса, да и других иезуитов, Нобунага последовательно отрицал загробную жизнь. В своем первом подробном отчете о Нобунага, датированном 1 июня 1569 года, Фройс писал: «Он открыто заявляет, что нет ни создателя мира, ни бессмертия души, ни жизни после смерти»⁵⁴⁹. Должны ли мы верить, что к 1582 году Нобунага кардинальным образом поменял свои взгляды? Или информация Фройса о том, что Нобунага якобы обещал щедрые награды в будущей жизни тем, кто придет поклониться ему в Сокэндзи, не соответствует действительности? В письмах иезуитов от 1580 года сообщается, что, по завершении строительства Адзути в этом году, Нобунага заявил, что каждый, кто хочет, может посетить замок⁵⁵⁰. Фройс, очевидно, обладал богатым воображением и вполне возможно, что он принял приглашение посетить новый замок за приказ почитать его хозяина как божество. В 1581 году отец Лоуренсо Мехиа также написал, что «гордыню этого язычника невозможно описать словами, поскольку он почитает себя почти за божество и не считает никого равным себе». Но в данном случае мы, очевидно, имеем дело с гиперболой, риторическим приемом, который не следует воспринимать буквально⁵⁵¹.

По всей видимости, Фройс излагал события в понятиях европейской, а не японской системы представлений. В Японии вплоть до эпохи Мэйдзи вообще не существовало традиции праздновать свой день рождения. По данным Фройса получается, что днем рождения Нобунага было 2 июня 1534 года. Однако эта дата не подтверждается японскими источниками, в частности, «Токи-Сайто гунки» («Военные истории семей Токи и Сайто») и «Мино но куни сёкьюки» («Собрание старых записей о провинции Мино»), в которых приводится следующая дата: 28-й день пятого месяца 3-го года правления под девизом Тэнбун (9 июля 1534 года)⁵⁵². Кроме того, только с точки зрения христианства обожествление человека является смертным грехом, тяжким преступлением против Бога. Что касается Японии эпохи Адзути—Момояма, допускалось обожествление выдающихся людей после их смерти. Нечто подобное и произошло с двумя последователями Нобунага: Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Таким образом, мы не располагаем никакими источниками данного или более ранних периодов, в которых бы

говорилось о том, чтобы кто-либо из людей обретал божественный статус при жизни. Отсутствие таких сведений в японских источниках невольно наталкивает нас на мысль: почему же тогда сведениям Фройса о самообожествлении Нобунага доверяют ведущие японские историки, такие, как Асао Наохиро. Ведь, в конечном счете, осуждение такого человеческого греха, как высокомерие, в большей степени является отличительной чертой европейской христианской культуры, но почему же японские исследователи не указывают на очевидные изъяны в рассказе Фройса. Вместо этого, как говорит Герман Оомс, «большинство японских историков принимает на веру малейшие имеющиеся свидетельства о самообожествлении Нобунага и даже считают такое самообожествление *разумным* [курсив мой — Й. Ламерс] в существовавшей в то время политической реальности»⁵⁵³.

Принятие на веру современными исследователями идеи о самообожествлении Нобунага покажется еще более поразительным, если принять во внимание тот факт, что Фройсу была прекрасно известна японская традиция, в соответствии с которой люди могут наделяться божественным статусом только после смерти. Так, в своем письме из Нагасаки от 27 августа 1585 года он сообщает в Рим генералу ордена иезуитов Аквавива, что «в Японии есть два типа идолов». С одной стороны, это будды иностранного, сиамского происхождения. Японцы «просят у них прощения за грехи и спасения в будущей жизни», что, по словам Фройса, ярко контрастирует с *ками*, которые исконного японского происхождения⁵⁵⁴.

Идолы второго типа называются kami, о которых говорят, что их столь же много, сколько песчинок в реке Ганг. Kami почитались на Японских островах еще до того, как в Японию пришли буддистские школы. Утверждают, что kami [изначально] были человеческими существами, рожденными в Японии: наследными принцами, придворными аристократами или знатными воинами. После их смерти люди наделили их божественным статусом: некоторых за их совершенство в искусствах, других — за военные подвиги, третьих — за совершенные при жизни героические и яркие свершения. Они полностью отличаются от будд, во всем, что касается культа, храмов, священнослужителей и прочего. У kami японцы просят немедленных и земных благ: здоровья, долголетия, богатства, сыновей и побед над врагами.

Среди несметного количества японских божеств, продолжает Фройс, «имеются три высших, которых почитают более всего». Это Тэнсё Дайдзин из Исэ, Касуга Даймёдзин из Ямато и Хатиман Дайбосацу из Сэтцу. Итак, если сравнить эти рассуждения Фройса о японской религии с интересующим нас вопросом — самообожествлением Нобунага, — следует указать на два момента. Во-первых, Фройс, безусловно, знал, что в Японии божественный статус люди могут получать только после смерти. Во-вторых, он понимал, что буддизм полностью соответствует духовным запросам японцев, обещая «в будущей жизни» то, что синтоизм обещал в жизни земной. В своем письме с рассказом о гибели Нобунага Фройс объединил и то, и другое, чтобы создать впечатление о «гарантиях» награды тем, кто поклонялся Нобунага. Так, по словам Фройса, Нобунага обещал выгоды «и в этой жизни, и в следующей». Если принять во внимание явное противоречие этого исконному религиозному опыту японцев, причем в его же, Фройса, изложении, следует признать подобные обещания в высшей степени маловероятными.

Итак, если описанное Фройсом обожествление Нобунага представляется весьма сомнительным, возникает неизбежный вопрос: зачем же понадобилось иезуиту выдумывать подобную историю в качестве «обоснования» внезапной гибели Нобунага? Фройс видел в этих происходящих событиях исторического значения Божью волю. Все его мировоззрение было проникнуто идеей о вмешательстве Бога, властителя судеб даже самых могущественных и знатных из людей, в свете чего смерть Нобунага виделась ничем иным, как Божественным провидением. Таким образом, Фройсу предстояло решить проблему, которую он сам же и создал. В течение четырнадцати лет он неизменно изображал Нобунага просвещенным деспотом, которого боялись все и который сам не боялся никого. Более этого, этот безжалостный правитель подавлял все независимые и воинственные проявления буддизма и благоволил христианам. Ни в одном из сообщений Фройса о Нобунага нет даже намека на мысль о том, что в стране возможна какая-либо оппозиция ему. Тем не менее, невозможное случилось, и тот, кто казался непобедимым, погиб. Вполне вероятно, что то, как умер Нобунага, заставило Фройса прибегнуть к понятию *Deus ex machine*, чтобы как-то объяснить происходящее европейской аудитории. Еще в апреле 1573 года Фройс писал, что Нобунага считает себя «живым божеством и буддой Японии, а не камнями и деревьями»,

где, согласно традиционным японским представлениям, скрывались божества. Причем Фройс выразил эту мысль очень четко, когда сравнивал ревностного буддиста Такэда Сингэн с нечестивым Нобунага⁵⁵⁵. Когда, девять с половиной лет спустя после событий в храме Хоннодзи, Фройс в очередной раз докладывал в Европу, он решил преувеличить пренебрежительное отношение Нобунага к традиционным японским верованиям, объясняя его желанием Нобунага придать божественный статус самому себе, и предположил, что это и стало причиной его гибели. Безусловно, сам Фройс был убежден, что смерть Нобунага, несомненно, стала «Божественным приговором», ведь пламя поглотило все, что прославляло его при жизни: замок Адзути, дворец Нидзё и коллекцию драгоценной чайной утвари, однако все это ни в коей мере не доказывает справедливость его теории об обожевлении Нобунага.

Безусловно, Фройс оказался не единственным, кого гибель Нобунага привела в замешательство. Ота Гюити, в свою очередь, тоже решил проигнорировать некоторые выводы, напрямую вытекавшие из упомянутой им же концепции *тэнто*, пути Неба. В своем сочинении «Тайкосама гунки но ути» Гюити говорит о насильственной гибели Мацунага Хисахидэ, Сайто Досан, Акэти Мицухидэ, Сибата Кацуиэ, Ода Нобутака и Ходзё Удзимаса как каре *тэнто* за совершенные ими прегрешения. Из этого списка поразительным образом выпадает Ода Нобунага, и, надо полагать, Гюити не усматривает в его смерти влияния *тэнто*. В «Синтё-ко ки» Гюити говорит, что на протяжении своей жизни Нобунага много раз пользовался «покровительством *тэнто*», не объясняя, правда, почему Небо отказало ему в защите в Хоннодзи. Таким образом, так и осталось нераскрытым, в чем же в этот момент заключалось действие *тэнто*.⁵⁵⁶ Очевидно, Гюити пребывал в убеждении, что унижительная смерть Нобунага наносила непоправимый урон его величю. Фройс же, в свою очередь, предложил четкое и драматичное по существу объяснение смерти Нобунага, несмотря на то, какой несоответствующей она могла казаться всему тому, что он писал о Нобунага ранее: Нобунага постигла божья кара за то, что он возомнил себе божеством.

ПОХОРОНЫ НОБУНАГА

Четыре с половиной месяца спустя после гибели Нобунага Хасиба Хидзёси организовал в дзэнском храме Дайтокудзи в Киото пышные похороны своего бывшего господина. Это событие заслужива-

ет нашего внимание по крайней мере по двум причинам. Во-первых, в нем проявляется талант Хидээси-политика, позволивший ему одолеть других претендентов на место Нобунага. Во-вторых, то, что пишет об этих похоронах в своей «Истории Японии» Луис Фройс, заставляет лишний раз усомниться в его теории самообожествления Нобунага⁵⁵⁷.

Хотя Хидээси ни в малейшей степени не был естественным наследником Нобунага, сокрушительный разгром войск Акэти Мицухидэ в битве при Ямадзаки позволил ему получить решающее преимущество перед выжившими сыновьями Нобунага и другими военачальниками дома Ода. Хидээси получил известие о смерти своего господина 23 июня 1582 года, через два дня после случившегося в столичном храме Хоннодзи. Он немедленно заключил перемирие с Мори, против которого вел в тот момент кампанию в провинции Биттю (ныне — западная часть префектуры Окаяма) в нескольких стах километрах от Киото, и незамедлительно направился в столицу. Пока все остальные колебались или, как Токугава Иэясу, не имели возможности быстро отреагировать на переворот, совершенный Акэти Мицухидэ, Хидээси действовал быстро и решительно. 1 июля войска Хидээси встретились с армией Мицухидэ при Ямадзаки, поблизости от города Оямадзаки в южной части префектуры Киото, и сокрушили ее. Хидээси захватил голову Мицухидэ и преподнес ее в качестве жертвы духу Нобунага в храме Хоннодзи. Этот жест преданности должен был произвести глубокое впечатление на современников. В то же время этим символическим актом Хидээси как бы подтверждал свои права на вакантное место господина *тэнка*.

Хидээси умело использовал свою роль мстителя за господина для того, чтобы выдвинуться на первый план в ходе встречи вассалов дома Ода, которые должны были решить вопрос о наследстве Нобунага и разделении его бывших владений. Совет состоялся 16 июля 1582 года (27-й день шестого месяца десятого года Тэнсё), среди участников были Сибата Кацуиэ, Нива Нагахидэ, Икэда Цунэоки и Хидээси. Кацуиэ выступал за то, чтобы назначить главой дома Ода третьего сына Нобунага — Нобутака, но Хидээси сумел добиться, чтобы титул наследника перешел к двухлетнему сыну Нобутака и внуку Нобунага — Санбоси (Ода Хидэнобу, 1580–1605). Нобутака назначили опекуном ребенка. Кроме того, было решено, что Хидээси в награду за победу над Акэти Мицухидэ получит Ямасиро, Танба (бывшее владение Мицухидэ) и большую часть

провинции Кавати. Несмотря на то что Хидэёси отказывался от своих владений в Оми, перераспределение земель оказалось явно в его пользу. Ему предстояло находиться в политическом центре страны, за обладание которым Нобунага воевал много лет. Позиции Хидэёси на переговорах усилились еще и потому, что волнения в Канто не позволили вовремя прибыть на встречу Такигава Кадзумасу, который стоял в иерархии дома Ода выше него. Его отсутствие крайне расстроило Кацуиэ, который в результате оказался в меньшинстве, поскольку Нива Нагахидэ и Икэда Цунэоки поддерживали Хидэёси.

Участники встречи приняли решение с тем, чтобы установить мир между военачальниками дома Ода и предотвратить распад территорий. Однако вскоре после встречи Кацуиэ, который чувствовал себя униженным Хидэёси, начал создавать коалицию из тех, кого не устраивала верховная роль Хидэёси. Главными действующими лицами этой коалиции, помимо Кацуиэ, стали Ода Нобутака и Такигава Кадзумасу. К концу 1582 года было ясно, что война в лагере Ода является только делом времени. Именно в этой напряженной и взрывоопасной обстановке Хидэёси решил устроить похороны Нобунага. По свидетельству его биографа, Омуре Юко (1536?–1596) Хидэёси решил показать себя преданным вассалом, который желает признать и отблагодарить за милости своего бывшего господина. В своем прославляющем Хидэёси труде «Корэто тайдзики» («Хроника покорения Акэти») Юко изображает его сентиментальным слугой, еле сдерживавшим слезы в тот момент, когда он вошел в комнату, где Нобунага покончил с собой⁵⁵⁸. Однако, организуя похороны, Хидэёси руководствовался вовсе не эмоциями. Скорее, он стремился показать всем, что пользуется моральной поддержкой императорского двора и церковной иерархии Киото в своем противостоянии с Кацуиэ. Поставив этот спектакль, Хидэёси подтвердил, что является самым достойным учеником Нобунага в искусстве государственного управления.

Хидэёси тщательно спланировал церемонию, ведь иначе ее общественная значимость могла быть утрачена. Похороны происходили 10 ноября 1582 года, но монахам Дайтокудзи заплатили уже за месяц до того⁵⁵⁹. Выбор Дайтокузи в качестве места похорон было логичным и умным: Нобунага поддерживал дружеские связи с этим храмом. Кроме того, Дайтокудзи являлся одним из наиболее известных дзэнских институтов в Японии, что, безусловно, было на руку Хидэёси. В день похорон императорский двор торжественно

объявил, что Нобунага посмертно назначен на пост первого министра⁵⁶⁰. Другим свидетельством императорского одобрения должны были стать Сутра Лотоса и иные буддийские тексты, которые двор, наследный принц и аристократы посылали в Дайтокудзи. Кроме того, на похоронах присутствовало большое количество знати. Последним штрихом к картине беззаветной преданности Хидэёси стало участие в процессии четвертого сына Нобунага, Оцугимару (Ода Хидэацу, 1568–1585). Неудивительно также, что Хидэёси, не имевший детей, усыновил его.

Фройс заявляет, что Хидэёси организовал похороны для того, чтобы укрепить свою популярность в высших и низших слоях общества. На первых взгляд, все происходившее казалось «честным и оправданным». В свете предыдущих хвалебных описаний Нобунага, принадлежащих Фройсу, небезынтересно, на наш взгляд, привести и его подробное описание похорон⁵⁶¹:

Первым актом Хидэёси стали похороны его господина Нобунага, для чего он созвал в Мияко всех даймё и аристократов из окружающих провинций. Изготовили гроб, украшенный богатыми орнаментами, в котором должно было находиться тело Нобунага. Гроб сопровождали священнослужители разных рангов, шествовавшие молча и величественно к монастырю [Дайтокудзи] в Мурасакино, который находился на расстоянии примерно одной лиги за границами Мияко и считался одним из крупнейших в стране. Они выполнили все подобающие церемонии, приличествующие столь знатному лицу, подобному королю: все, по японскому обычаю, преклонили колени и бросали ладан в огонь перед статуей будды так, что его аромат заполнил все вокруг. Затем Хидэёси приказал построить для Нобунага маленький отдельный монастырь из самого лучшего дерева, который был великолепен.

Японские источники подтверждают описание похорон Нобунага, принадлежащее перу Фройса. Среди даймё из близлежащих провинций были Хосокава Фудзитака из провинции Танго и Икэда Цунэоки из провинции Сэтцу. Примечательно, что Фройс называет ритуал приличествующим «знатному лицу, подобному королю» — каковым Нобунага, безусловно, являлся, но не проводит никакой связи между происходящей церемонией и «самообожествлением» Нобунага. Создается впечатление, что Фройс совершенно позабыл о своих обвинениях Нобунага в божественных устремлениях. Фройс сообщает, что Хидэёси приказал поместить в Дайтокудзи

статую своего господина в полном придворном облачении, что подтверждает факт посмертного назначения Нобунага первым министром. Однако статуя никоим образом не свидетельствует об обожествлении Нобунага. Скорее, можно сделать вывод, что взаимоотношения Нобунага с императорским двором в значительной степени определили мнение современников о нем. Как бы то ни было, но описание похорон Нобунага лишней раз свидетельствует о том, что заявления Фройса о его обожествлении не имеют под собой никаких оснований.

Примечательно, что в церемонии похорон не принимали участия политические противники Хидэёси: Сибата Кацуиэ, Такигава Кадзумасу и Ода Нобутака. Через три дня после церемонии Хидэёси направил письмо двум верным сторонникам Нобутака, в котором говорилось, что он заранее и от имени его младшего брата Оцугимару уведомил Нобутака о похоронах. «Однако, — писал Хидэёси, — я не получил ответа от его светлости. Кроме того, старшие вассалы [Кацуиэ и Кадзумасу] не дали никаких распоряжений относительно церемонии». Хидэёси утверждал, что беспокойство о доброй памяти Нобунага заставило его провести похороны без санкции вышестоящих⁵⁶². Однако письмо никоим образом не смягчило напряженных отношений между Хидэёси и Нобутака, которые в начале 1583 года вылились в прямое военное столкновение между Хидэёси с одной стороны и коалицией в составе Кацуиэ, Кадзумасу и Нобутака — с другой. 11 июня войска Хидэёси разгромили армии Сибата Кацуиэ в сражении при Сидзугатакэ в провинции Оми. Кацуиэ оставалось только покончить с собой. Он ушел из жизни вместе со своей семьей три дня спустя в замке Кита но Сё. Вскоре за ним последовал и Нобутака, оставшийся после смерти своего самого могущественного покровителя беззащитным перед наступлением Хидэёси. К середине 1583 года Хидэёси стал полновластным хозяином Центральной Японии.

После самоубийства Нобутака дни владычества дома Ода были сочтены. В 1584 году Хидэёси и Иэясу дважды сталкивались друг с другом в Овари, родной провинции Нобунага: сначала в Комаки, а затем в Нагакутэ. Если Хидэёси заявлял, что защищает интересы Санбоси, Иэясу провозглашал, что выступает на стороне Ода Нобукацу. Схватка при Комаки закончилась вничью, а при Нагакутэ армия Хидэёси была разгромлена. Неудовлетворительные результаты кампании вынудили Хидэёси заключить перемирие с Иэясу. Он подтвердил все владения Токугава — провинции Микава, Тото-

ми, Суруга, Каи и Синано — и освободил от воинских повинностей на период до 1590 года. Нобукацу, протеже Иэясу, хотя и не представлял из себя сколько-нибудь значительную силу, заключил отдельный договор с Хидэёси, подтвердив свои права на Овари и северную часть Исэ. В 1590 году Хидэёси лишил его всех земель и отправил в ссылку. Нобукацу вызвал гнев новоявленного властителя страны тем, что отказался переезжать в другое место в рамках политики «провинциальных переводов», проводимой Хидэёси после победной кампании против Ходзэ в Канто. Таким образом, когда Хидэёси окончательно установил свою власть в стране, семья Ода утратила права даже на свои исконные земли.

ЭПИЛОГ

Деяния исторических личностей вовсе не обязательно препятствуют их интерпретации, даже если порой бывает невероятно трудно оценить масштаб их свершений в целом. Японский военачальник Ода Нобунага подошел очень близко к тому, чтобы стать совершенным воплощением «нового человека» Макиавелли. Многие его поступки отличала «рациональная жестокость», поставленная на службу государственному управлению. Кроме того, Нобунага обладал великолепным чувством времени и в политическом, и в военном плане: он знал, когда следует действовать осмотрительно, а когда — безрассудно.

Клан Ода из провинции Овари сполна воспользовался возможностями, предоставленными временем, — эпохой Сэнгоку, когда в стране отсутствовала сильная центральная власть. Ода Нобухидэ и его второй сын Нобунага доблестью и талантом расширяли владения, отнимая их у ослабевших хозяев, поставленных сёгунатом Асикага. Начав с наведения порядка в Овари в 1550-е годы и завоевания Мино в 1560-е, Нобунага сформировал армию преданных ему вассалов, которая будет служить ему вплоть до 21 июня 1582 года, когда он пал жертвой заговора в храме Хоннодзи в Киото. Основу его системы вассалитета составляли члены семьи и элитная конная гвардия. В первые годы своей карьеры он также собирал лучшие военные кадры. Среди них были Сибата Кацуиэ, Хасиба Хидэёси, Нива Нагахидэ, Маэда Тосиэ, Сасса Наримаса и Икэда Цунэоки, которые впоследствии принесли ему победы на полях сражений по всей стране. Воины не из провинции Овари, присоединявшиеся к дому Ода впоследствии, обычно назначались «союзниками» (*ёрики*) этих военачальников. Что означало: они становились вассалами Нобунага, но в ходе военных кампаний подчинялись его главным полководцам. Установившееся впоследствии

при сёгунате Токугава разделение всех даймё на *фудай* (старых) и *тодзама* (внешних) берет свое начало именно в кадровой политике Нобунага.

Создав систему вассалитета в собственной провинции, Нобунага начал борьбу за объединение и политическую централизацию страны, которую можно считать вполне логичным стремлением преодолеть раздробленность эпохи Сэнгоку. В конце сентября 1568 года Нобунага вступил в Киото, поддерживая Асикага Ёсиаки в его борьбе за место сёгуна. Подавив очаги сопротивления в течение нескольких недель, Нобунага сделал все, чтобы посадить Ёсиаки на место сёгуна. Сам же Нобунага отныне *de facto* стал главной силой в Центральной Японии. Все последующие изменения политической роли Нобунага в стране были так или иначе связаны с его военными успехами и неудачами. Главным вопросом, стоявшим перед ним, был вопрос легитимации его могущества и преобразования его в аппарат власти. На протяжении всей своей жизни Нобунага стремился тем или иным образом встроить традиционно существовавшие в Японии властные модели в новую структуру. Так, в период с 1568 по 1573 год он вынужден был показывать себя подчиненным Ёсиаки. Изгнание Ёсиаки из Киото отнюдь не входило в первоначальные планы Нобунага. Именно Ёсиаки, а вовсе не Нобунага, явился инициатором разрушения их политического союза. Превратившись к концу 1573 года в единоличного военного властителя Японии, Нобунага начал сближаться с императорским двором и устанавливать особо доверительные отношения с некоторыми его заметными фигурами. У нас нет никаких оснований предполагать, будто бы Нобунага желал устранения императорского двора с политической сцены. Скорее, он подготовил почву для последующего взятия императорского двора под полный контроль военным сословием, что и произошло при Хидэёси. Нобунага восстановил финансовое благосостояние двора и регулярно «проверял», насколько придворная аристократия поддерживает его политику. Отказ от должности при дворе в 1575 году следует трактовать как следствие военных неудач, а вовсе не демонстративное разочарование. Императорский двор постоянно предпринимал разного рода попытки «ублажить» новоявленного властителя. Так, посланцы императора посещали Нобунага в провинции Этидзэн в 1575 году, а бывший канцлер Коноэ Сакихиса являлся посредником в ходе мирных переговоров с Исияма Хонгандзи в 1580 году. Парад, состоявшийся в Киото в 1581 году и задуманный Нобунага в честь утверждения

своего господства в общенациональном масштабе, ярко показывает, каким образом он использовал императорский двор для «санкционирования» своего режима. Император в сопровождении приближенных в качестве почетного гостя наблюдал за маршем Нобунага и его подчиненных в парадном облачении. Пожалуй, наилучшим и последним по времени примером тесной связи военного могущества и государственной политики, является то, что после победы над домом Такэда в марте 1582 года Нобунага предложили на выбор должности сёгуна, канцлера или первого министра. Однако, не успев принять предложения, Нобунага погиб в храме Хоннодзи в Киото в результате заговора, организованного его амбициозным и талантливым военачальником Акэти Мицухидэ.

Краткий, но блистательный период существования замка Адзуты ярко символизирует весь режим Нобунага. Хотя Нобунага чаще всего воспринимают как разрушителя, он был также и строителем. Работы в Адзуте начались в первые месяцы 1576 года, но к этому времени Нобунага имел уже большой опыт строительства дорог, мостов, плотин, крепостей, резиденций и замков. Постоянно организуя подобные работы, Нобунага стремился создать в глазах общества образ законного правителя, заботящегося о народе. Одновременно не забывал он и о том, что народ требует не только хлеба, но и зрелищ. В этом отношении и Тоётоми Хидэёси, и Токугава Иэясу во многом следовали политике своего господина. Подобно Адзуте Нобунага, замок Хидэёси Одзака и замок Иэясу Эдо выполняли не только военные функции, они отражали могущество и прославляли имя своих хозяев. Адзуте не был, как считают некоторые, построен в соответствии с идеологическими или философскими представлениями Нобунага; однако он стремился сделать его важным культурным центром. Он не только украсил его великолепными произведениями искусства, но и регулярно устраивал в нем празднества, чайные церемонии и турниры по сумо. По сути, Адзуте стал продолжением самого Нобунага. Желая привлечь торговцев, Нобунага утвердил в 1577 году «Правила для города Адзуте», провозглашая его местом свободной торговли, не монополизированным существовавшими профессиональными гильдиями. Жители Адзуте освобождались от повинностей и налогов, кроме того, на город не распространялось прощение долгов. Если Нобунага проводил эту экономическую и торговую политику только в своих городах-замках, то Тоётоми и Токугава в конце концов утвердили ее

в масштабе всей страны. Так, например, Хидэёси отменил гильдии по всей Японии.

С начала строительных работ в Адзуте Нобунага хотел, чтобы его вассалы селились у подножия горы. Жившие в Адзуте вассалы делились на три группы: слуги, конная гвардия и лучники. Лично Нобунага не контролировал вассалов, передав соответствующие полномочия своим ближайшим сподвижникам, таким, как Суганоя Нагаёри. Они получали привилегированное право строить резиденции поблизости от замка на горе Адзуте. Когда в 1576 году Нобунага перебрался в Адзуте, провинция Оми, домашние провинции Мино и Овари он передал на попечение своего сына и наследника Нобутада. Таким образом, вассалы в этих провинциях, которые не переехали в Адзуте с Нобунага, перешли в подчинение Нобутада. Во второй половине 1570-х годов за Нобутада, его братьями и другими членами семьи Ода закрепилось название «ветви». Они составляли основу властной системы дома Ода в последние годы ее существования. К 1582 году в их владения входили провинции Овари, Мино, Исэ и Ига. Назначение Сибата Кацуиэ на должность губернатора провинции Этидзэн в 1575 году стало поворотным моментом в системе вассалитета Нобунага. Кацуиэ, давний приближенный Нобунага, стал полновластным провинциальным властителем со своей военной организацией. Начиная с 1580 года, когда его армии снова начали побеждать, Нобунага начал назначать новых губернаторов в провинциях центральной части Хонсю. Подобно Кацуиэ, большинство назначенцев принадлежали к старому армейскому корпусу, сформировавшемуся в провинции Овари еще в 1550-е годы. Однако между этими назначениями и последующей политикой «провинциальных перемещений» (*кунигаэ*), которую проводил Хидэёси, имеются существенные отличия. Нобунага назначал тех, кому он доверял; Хидэёси же переводил тех, кого ненавидел. Нобунага не требовал от губернаторов провинций проводить половину своего времени в Адзуте, а также предоставлять заложников из числа членов семьи. Когда Хидэёси выделял даймё новое владение, он неизменно конфисковывал прежнее. Нобунага тоже поступал так несколько раз, но далеко не всегда. В ряде провинций Нобунага проводил политику разрушения замков и сбора сведений о налогах, однако, в отличие от Хидэёси, он лишь изредка вмешивался в сложившуюся систему землевладения, хотя и ужесточил требования к потенциальным вассалам в последние годы. Тех, кто создавал проблемы, Нобунага отыскивал и казнил, но весьма маловероятно,

чтобы он намеревался переместить всех землевладельцев с их насиженных мест. Новую феодальную систему создал именно Хидэёси, проведя *Тайко кэнти*.

Что касается религиозной политики Нобунага, то ее главной отличительной чертой является последовательность. С какими бы религиозными институтами он ни имел дело, он руководствовался исключительно практическими соображениями. Предположение о том, что Нобунага являлся другом и покровителем иезуитской миссии в Центральной Японии, следует отвергнуть как безосновательное, поскольку Нобунага благоволил иезуитам только постольку, поскольку это соответствовало его политическим целям. Причиной его достаточно терпимого отношения к этим странным чужеземцам было, скорее, любопытство, нежели подлинный интерес. Совершенно неправильно связывать возможно атеистические взгляды Нобунага с его порой жестокими мерами в отношении могущественных буддийских институтов, поскольку руководствовался он исключительно политическими, а не доктринальными, мотивами. Не следует переоценивать и значение конфликта Нобунага с Хонгандзи, в котором он видел в первую очередь военного противника. Как правило, Нобунага подтверждал права на владения и привилегии всех буддийских институтов, которые изъявляли готовность признать и поддержать его. И хотя в религиозных пристрастиях Нобунага и его непосредственных преемников (в особенности, Иэясу) можно отыскать различия, три объединителя Японии проводили в этом отношении практически одинаковую политику. Все они в первую очередь стремились поставить под политический контроль любые формы религиозной власти. Во время Нобунага проблема заключалась, главным образом, в подавлении военной мощи крупных храмовых комплексов. Подчинение некогда независимых религиозных институтов завершили преемники Нобунага, установив для них законы и уставы, регулировавшие повседневную деятельность.

Наконец, Нобунага определенно не занимался самообожествлением. Описание Луиса Фройса не подтверждается японскими источниками. Равно не соответствует оно и более ранним отчетам Фройса о Нобунага и последующему описанию его похорон. Божественный статус вовсе не был высшим выражением политической власти Нобунага. В возникшем после его гибели хаосе холодную голову сумел сохранить Хидэёси, который сумел отомстить за сво-

его господина. Впоследствии он перехитрил или победил на поле боя других претендентов на освободившееся место.

Принимая во внимание все сказанное выше, я вовсе не уверен, что было бы правильно называть Нобунага последним правителем японского средневековья или отцом-основателем эпохи Токугава. С одной стороны, Нобунага был вынужден строить свою власть на фундаменте эпохи Сэнгоку. С другой стороны, совершенно ясно, что он не был просто «японским Атиллой», поскольку и Хидэёси, и Иэясу в немалой степени обязаны ему своей военной и политической властью. Нобунага оказал огромное влияние на ход японской истории. Его строительные проекты, подчинение воинственных религиозных институтов, искусное использование императорского двора нашли продолжение и в политике его преемников. Нобунага не произвел радикальных реформ системы японского феодализма. Эту задачу решил Хидэёси. Несомненно, что Нобунага был сложной и противоречивой фигурой. И японские, и западные источники отмечают в нем качества харизматического лидера. Они же зачастую говорят и об излишней жестокости, которой часто сопровождалась его поступки. Как бы то ни было, но наиболее точными характеристиками личности Нобунага и всего его правления являются не «бессердечность и жестокость», а «прагматичность и беспощадность».

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

- ¹ G. P. Maffei SJ. *Historiarum Indicarum libri XVI*.
- ² *Cartas que os Padres e Irmãos da Companhia de Jesus escreverão dos Reynos de Iapão & China aos da mesma Companhia da India & Europa, des do anno de 1549. até o de 1580* [в дальнейшем — *Cartas*, I], 257v, P. Luís Fróis к P. Belchiorde Figueiredo SJ, датированное 1 июня 1569 года, Мьянго.
- ³ P. Luís Fróis SJ, *História de Japam* [в дальнейшем — *História*], ed. José Wicki SJ, II: 240.
- ⁴ George Elison, *Deus Destroyed: The Image of Christianity in Early Modern Japan*. id. *The Cross and The Sword: Patterns of Momoyama History in Warlords, Artists & Commoners*. Ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 67–68.
- ⁵ «Варвар»: James Murdoch, *History of Japan, II, During the Century of Early Foreign Intercourse (1542–1651)*, 143; «жестокий и бессердечный»: George Sansom, *A History of Japan: 1334–1615*, 309–310; «террор»: Mary Elizabeth Berry, *Hideyoshi*, 41–65.
- ⁶ Takayanagi Shun'ichi, «The Glory That Was Azuti», в *Monumenta Nipponica*, 32.4: 524 (1977).
- ⁷ Richard Holmes, *De biographe en de dood*, 9–10.
- ⁸ Среди послевоенных биографий: Kuwata Tadachika. *Oda Nobunaga*; Okuno Takahiro. *Nobunaga to Hideyoshi*; Imai Rintaro. *Oda Nobunaga*; Suzuki Ryoichi. *Oda Nobunaga*; Wakita Osamu. *Oda Nobunaga: Chusei saigo no hashu*; Sassa Katsuaki. *Oda Nobunaga*. Несомненно, лучшей из указанных работ является труд Вакита Осаму, хотя в нем мало используются иезуитские источники. Работа Имао Ринтаро неплохая, но после появления сочинения Вакита Осаму она потеряла свое научное значение. Сочинение Судзуки Рёити представляет собой не более, чем описание

сражений. Книга Окуно Такахиро плохо подкреплена фактами. Кувата Тадатика много теоретизирует и слишком доверчиво относится к версиям периода Токугава. Что касается книги Сасса Кацуаки, то, очевидно, она появилась на волне коммерческого интереса, возникшего в связи с показом NHK сериала о Нобунага в 1992 году, и страдает всеми указанными выше недостатками. Исторический роман о жизни Нобунага завоевал в 1996 году в Японии две престижные литературные премии. Автор, по его собственным словам, стремился раскрыть на примере Нобунага «сущность человеческого гения». См. Akiyama Shun, *Nobunaga*. Токуо: Shin-chosha, 1996.

⁹ *Cartas*, I, 345v, Fróis к Francisco Cabral SJ., 27 мая 1573 года.

¹⁰ Ota Gyuichi, *Shinchō-Kō ki*, ed. Okupo Takahiro и Iwasawa Yoshihiko, кн. 6: 148, запись под 3-м днем четвертого месяца первого года правления под девизом Тэнсё.

¹¹ Okupo Takahiro, *Zotei Oda Nobunaga monjo no kenkyū* [далее: *Nobunaga monjo*], I, 624–626, doc. No. 367: Нобунага к господину Микава но Ками [Иэясу], датировано 6-м днем четвертого месяца четвертого года правления под девизом Гэнки (1573).

¹² *Shincho-ko ki*, книга 4: 126–127б разрушение горы Хиэй; книга 6: 149, разрушение Хякусайдзи; книга 14: 353–354Б, разрушение Макиноодера.

¹³ Berry, *Hideyoshi*, 4–5.

¹⁴ Elison, «The Cross and the Sword: Patterns of Momoyama History», 68.

ГЛАВА I

¹⁵ Neil McMullin, *Buddhism and the State in Sixteenth-Century Japan*, 46.

¹⁶ *Cartas*, II, 460r, P. Lourenco Mexia SJ к P. General SJ, датировано 20 октября 1580 года, Бунго.

¹⁷ John Whitney Hall, «Japan's Sixteenth-Century Revolution», в *Warlords, Artists & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 11.

¹⁸ См., к примеру, генеалогии в *Kan'ei shoka keizuden*, VI (Токуо: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1983), 9–25; и *Zoku gunsho ruijū*, VI (Токуо: Keizai Zasshisha, 1903), 127–152.

¹⁹ *Nobunaga monjo*, I, 14–17, doc. no. 1. Отмечая, что предки семьи происходили из синтоистских священнослужителей, Тагая Кэнъити предполагает, что Ода принадлежали к клану Инбэ, см. Тагая Кен'ичи. *Oda-shi seikei-ko*, в *Shigaku zasshi* 49.11–12: 1361–1396, 1481–1503 (1938).

²⁰ Дату рождения Нобунага указывают, в частности, две хроники: «Токи Сaito gunki» в *Zoku Gunsho ruiji*, XXI.B, 273, и «Мино но куни шокью-ки» в *Kokushi sosho*, 87. См. также: Jeroen P. Lamers. «Oda Nobunaga no tanjōbi

ni tsuite» в *História* 140:85–87. Другие источники упоминает Исида Ясухиро в «Oda Nobunaga shussho-ko» в *Kyodo bunka* 47.1: 5–6 (1992). Наиболее вероятно, что Нобунага родился в Сэбата, хотя упоминаются и два других замка: Нагоя, который в 1534 году еще не принадлежал семье Ода, и Фуруватари, который к этому времени еще не был построен.

²¹ Asao Naohiro. «„Shogun kenryoku” no sōshutsu», 2, в *Rekishi hyoron*, 266: 56 (1972). В примечаниях к своему переводу «Истории Японии» Луиса Фройса Мацуда Киити рассчитывает дату рождения Нобунага и получает 2 июня 1534 года, но указывает, что ни один из известных японских источников не подтверждает указываемую Фройсом дату. Luís Fróis SJ. *Furoshi nihonshi*, trans. Matsuda Kiichi and Kawasaki Momota, V, *Kinaihen*, 3:141.

²² *Shinchō-Kō ki*, вступительная часть раздел 1 [далее: intro. 1, etc], 17. Буэи — «китайское название» (*карана*) императорской должности «хёфу», «ставка военной гвардии». В период Муромати это слово столь тесно ассоциировалось с семьей Сиба, что их обычной так и называли — Буэи.

²³ Kojima Hiroji, «Shobata-kei Oda-shi to Tsishima-shu: Oda seiken no seikaku o saguru tame ni» в *Nagoya Daigaku Nihonshi ronshu*, ed. Nagoya Daigaku Bungakubu Kokishigaku Kenkyushitsu, 19–60.

²⁴ *Shinchō-Kō ki*, intro.20: 47–48.

²⁵ Там же, intro. 4: 19.

²⁶ Большинство современных авторов указывают имя дочери Досан как Нохимэ, но поскольку данное имя означает «Госпожа из Мино», она явно не могла носить его в той провинции, в которой она родилась. *Mino no kuni shokyu-ki*, 41–42, указывает имена, которые она, по-видимому, носила уже в Мино. От этого брака не родились дети, и Китё отослала обратно в Мино после того, как в 1556 году Сайто Досан был убит собственным сыном Овада Митико.

²⁷ *Shinchō-Kō ki*, intro. 1, 8: 17–18, 22–23.

²⁸ *Shinchō-Kō ki*, intro. 9: 23; Fróis, *História*, II, 240.

²⁹ *Shinchō-Kō ki*, intro. 9: 24.

³⁰ Там же, intro. 7: 22.

³¹ Два примера из множества: Wakita, *Oda Nobunaga*, i-iv; Fujii Manabu, «Sanmon to Ikko ikki» в *Kyoto no rekishi*, ed. Kyoto Shi, IV, 124–125.

³² *Shinchō-Kō ki*, intro. 11, 20: 27–30, 48.

³³ Там же, intro. 17: 38–39; см. также «Kiyosu kassen ki» в *Zoku Gunsho ruiji*, XXI.A, 100–104.

³⁴ *Shinchō-Kō ki*, intro. 18–19, 25, 35: 41–46, 59–60, 73.

³⁵ Matsuda Ryo, *Nobunaga no Mino koryaku-shi kenkyu*, 19–27, 67–78, 103–109, 125–128. См. также Fróis, *História*, II, 241.

³⁶ Письмо Кэнсин можно найти в *Nobunaga monjo*, I, 125–127 [без номера]: Уэсуги Кагэтора господину Ода Овари но Ками [Нобунага], датировано 13-м днем седьмого месяца десятого года правления под деризом Эйроку (1567). Письмо Коса см. в: Matsuda Ryo, 39–40: Кэннэ Коса к Ода Овари но Ками [Нобунага], датировано 7-м днем одиннадцатого месяца десятого года правления под девизом Эйроку (1567). Кэннэ также поздравил Нобунага с «установлением мира» в Исэ, провинции, за которую они будут вести непримиримую борьбу между 1570 и 1574 годами.

³⁷ Текст императорского эдикта см. в *Nobunaga monjo*, I, 26 [без номера]: [Кадзюдзи] Утюбэн Харутоё господину Ода Овари но Ками [Нобунага], датировано 9-м днем одиннадцатого месяца десятого года Эйроку.

³⁸ Свет на данную проблему проливают: Wakita Osamu, *Oda seiken no kiso kozo: Shoku-No seiken no bunseki*, I, 41–67; Miki Seiichiro, «Nobi no bushidan: Oda seiken no seiritsu o megutte» в *Rekishi techo* 6.1: 4–9 (1978); Hashizume Shigeru, «Oda Nobuhide Nobunaga jidai no kashindan» в *Rekishi techo* 6.1: 16–21; Shimomuro Nobuhiro, «Oda seiken to Owari bushi: Sakai Bunsuke Toshisada o rei to shite» в *Nagoya Shi Hakubutsukan kenkyu kiyo* 15: 15–28 (1992); Taniguchi Katsuhiko, *Oda Nobunaga kashin jinmeijiten*.

³⁹ *Shinchō-Kō ki*, intro. 10–11, 15–16: 26–28, 34–37.

⁴⁰ Там же, intro. 19: 46.

⁴¹ Там же, intro. 34: 72.

⁴² Там же, intro. 24: 57, напр. Okuno Takahira в *Nobunaga monjo*, I, 54.

⁴³ *Shinchō-Kō ki*, intro. 18: 41–45.

⁴⁴ См. Taniguchi Katsuhiko, *Nobunaga no shin'eitai: Sengore hashi no tasai na jinzai*, 68–86. В этой публикации Танигути собрал и упорядочил в повествовательной форме биографические сведения, которые ранее вошли в его *Oda Nobunaga kashin jinmei jiten*.

⁴⁵ *Nihon Kōten Bungaku Taikei*, 35, *Taiheiki*, ed. Goto Tanji and Kamata Kisaburo, II, B. 14, 54.

⁴⁶ *Nobunaga monjo*, I, 44–45, doc. No. 20. Девятнадцать *канмон* в этом пожаловании является суммой налога, выплаченного за землю владельцу, а не совокупный доход с нее. Один *канмон*, или *кан*, равнялся одной тысяче медных монет *мон*.

⁴⁷ *Nobunaga monjo*, I, 139–140, doc. No. 77: Нобунага господину Сакай Бунсуке [Тосисада], датируется одиннадцатым месяцем десятого года правления под девизом Эйроку (1567).

⁴⁸ Там же, I, 795–797, doc. No. 486: Нобунага господину Сасаока Хатимон но Дзэ и др., датируется 23-м днем дополнительного одиннадцатого

месяца второго года правления под девизом Тэнсё (1574); там же, II, 109–111, doc. No. 562: Нобунага господину Коно Годзо [Удзиёсу] и пр., датируется 8-м днем десятого месяца третьего года правления под девизом Тэнсё (1575); там же, II, 111–112, справочный материал к doc. no. 562; Нобутада к Сасаока и пр., датируется вторым месяцем четвертого года правления под девизом Тэнсё (1576). О гражданской должности Сакай Тосисада упоминается также в *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 177. О пожаловании Тосисада в 1576 году см. *Nobunaga monjo*, II, 236–238, doc. No. 666: Нобунага к Сакай Бунсукэ [Тосисада], датируется 29-м днем десятого месяца четвертого года правления под девизом Тэнсё.

⁴⁹ *Shinchō-Kō ki*, кн. 1: 86, кн. 2:99.

⁵⁰ Там же, кн. 7:165.

⁵¹ «Todaiki», кн. I, в *Shiryō zassan*, II, ed. Hayakawa junzaburo, 10. Это Сасса Наримаса, Мори Ёсикацу, Кавадзири Хидэтака, Икома Сёсукэ, Мидзуно Татэвакидзамэмон, Цуда Морицуки, Хатия Ёритака, Накагава Сигэмаса, Накадзима Мондо но Сё и Мацуока Куродзиро из «черных капюшонов» и Ода Этидзэн но Ками, Маэда Тосиэ, Ииноо Хисакиё, Фукудзуми Хидэкацу, Харада [впоследствии Бан] Наомаса, Курода Дзиэмон, Мори Нагахидэ, Нономура Масанари, Иноко Кадзутоки из «красных капюшонов». Неизвестный автор этого сочинения признает, что сам он является двадцатым членом гвардии. Одзэ Хоан называет те же девятнадцать имен, но относит их назначение к 1567 году. См. Oze Ноап, *Shinchōki*, кн. 2, ed. Kangōgi Amane, I: 111.

⁵² *Shinchō-Kō ki*, кн. 11: 240, запись под 29-м днем первого месяца шестого года правления под девизом Тэнсё (1578); и там же, кн. 15: 399–400, запись под 2-м днем четвертого месяца десятого года Тэнсё (1582). Птиц преподнес Нобунага Ходзё Удзимаса.

⁵³ Okuno Takahiro, «Akechi Mitsuhide no hatsu-butai», в *Nihon gekishi* 356:71–73 (1978). Однако Танигути полагает, что Акэти Мицухидэ поступил на службу к Нобунага не ранее 1568 года, см. Taniguchi, *Oda Nobunaga kashin jinmei jiten*, 7–8.

⁵⁴ Семья Ода дорого заплатила за амбиции Нобунага. Трое его младших братьев — Хидэтака (ум. 1555), Нобутоки (ум. 1556), Нобуюки — и его дядя Нобумицу (ум. 1555) погибли в ходе установления контроля над провинцией Овари. Еще шесть братьев — Нобуюки (ум. 1570), Нобухару (1545?–1570), Хидэнари (ум. 1574), Нобухиро (ум. 1574), Кацунага (ум. 1582), — Нагатоси (ум. 1582), а также дядю Нобуцугу (ум. 1574) Нобунага потерял в борьбе за власть в Центральной Японии. Пережили Нобунага лишь двое из его одиннадцати братьев: Ода Нобуканэ (1543–1614) и Ода Нагамасу (1547– 1621).

- ⁵⁵ *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 341, запись под 28-м днем второго месяца девятого года правления под девизом Тэнсё (1581).
- ⁵⁶ Hashizume, 20.
- ⁵⁷ *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 278, запись под 22-м днем шестого месяца седьмого года правления под девизом Тэнсё (1579).
- ⁵⁸ Там же, кн. 11: 244, запись под 24-м днем пятого месяца шестого года правления под девизом Тэнсё (1578).
- ⁵⁹ *Nobunaga monjo*, I, 140–141, doc. No. 78: Нобунага Такаги Хикодзаэмон [Садахиса], датируется одиннадцатым месяцам 10-го года правления под девизом Эйроку (1567).
- ⁶⁰ Там же, I, 797–798, doc. No. 487, дата соответствует 20 января 1575 года.
- ⁶¹ Taniguchi Katsuhiko, «Oda Nobunaga gundan no keisei to hatten» в *Nihon rekishi* 419:55, п. 17 (1983).
- ⁶² *Shinchō-Kō ki*, кн. 11:256, 258; кн. 12: 266–267 и 305; кн. 14: 341–2, 348.
- ⁶³ В 1571 год состав триумvirата Мино изменился: когда Удзиэ Бокудзэн погиб в бою, преемником стал его сын Наомити (даты рождения и смерти неизвестны).
- ⁶⁴ *Shinchō-Kō ki*, кн. 1: 86, запись под 12-м днем девятого месяца одиннадцатого года правления под девизом Эйроку (1568).
- ⁶⁵ *Nobunaga monjo*, I, 629–630, doc. No 371.
- ⁶⁶ *Shinchō-Kō ki*, кн. 13: 334–335, запись под 17-м днем восьмого месяца восьмого года правления под девизом Тэнсё (1580).
- ⁶⁷ *Cartas*, I, 251v, Fróis, Сакай, 4 октября 1568 года. В середине 1580-х годов, располагая более достоверными сведениями, Фройс указывает в своей «Истории Японии», что Нобунага прибыл в Киото с «более чем пятьюдесятью тысячами воинов». Fróis, *História*, II, 243.

ГЛАВА II

- ⁶⁸ Asao Naohiro and Marius Jansen, «Shogun and Tennō» in *Japan before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji and Kozo Yamamura, 249.
- ⁶⁹ Tanaka Yoshinari, «Oda Nobunaga no kinnō ni tsuite» в *Kokugakuin zasshi* 17.11:11 (1911); см. также Taniguchi Kengo, *Rurō no Sengoku kizoku Konoe Sakihisa: Tenka tōitsu ni honrō sareta shōgai*, 8–10.
- ⁷⁰ *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa Junzaburō, I, 235–247, записи с 1-го дня седьмого месяца по 24-й день восьмого месяца второго года правления под

девизом Тэнбун (1533); см. также Imatani Akira, *Tokitsugu-Kyō ki: Kuge shakai to machishū bunka no setten*, 198–207.

⁷¹ Tani Soboku, «Tōgoku kikō» в *Gunsho ruijū*, XI (Tokyo: Keizai Zasshisha, 1907), 1326–1327.

⁷² *Shinchō-Kō ki*, intro. 26: 60–61.

⁷³ *Shintei zōho Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Takahashi Takamitsu и др., V (Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1965), 194, запись под 2-м днем второго месяца 2-го года правления под девизом Эйроку (1559). *Shinchō-Kō ki*, intro. 26: 60 говорит о восьмидесяти телохранителях.

⁷⁴ «Kiyosu kassenki», в *Zoku Gunsho ruijū*, XXI.A, 104.

⁷⁵ Jurgis Elionas, «Christianity and the Daimyo», в *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*, ed. John W. Hall and James L. McClain, 318. Оригинальный текст *киндзэй* имеется в: Nagae Shōichi, *Miyoshi Nagayoshi*, 235–236.

⁷⁶ Fróis, *História*, I, 227–228, 232. Говоря о «тиранах, попирающих заповеди Божии», Фройс выделяет Мацунага Хисахидэ, см. Fróis, *História*, II, 101. О том, как Мацунага узурпировал власть, см. Fróis, *História*, I, 228.

⁷⁷ Там же, II, 101–117; см. также *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, III, 514 запись под 5-м днем седьмого месяца восьмого года Эйроку (1565) и *Oyudono no Ue no nikki*, VI, 367–368, запись под 5-м днем седьмого месяца восьмого года Эйроку.

⁷⁸ Напр., Seta Katsuya, *Rakuchū rakugai no gunzō: Ushinawareta chūsei Kyōto e*, 121–122, и Okuno Takahiro, *Ashikaga Yoshiaki*, 110–111.

⁷⁹ *Dai Nihon komonjo, Iewake 12: Uesugi-ke monjo*, I, 438–439, doc. No. 470: письмо Нагао Тэрутора [Уэсуги Кэнсин], датированное пятым или шестым месяцем второго года Эйроку; см. также Taniguchi Kengo, 24.

⁸⁰ *Dai Nihon komonjo, Iewake 12: Uesugi-ke monjo*, III, 159–162, 171, doc. nos. 1110–1112, 1123: сёгун Ёситэру Нагао Дандзё но Сёхицу [Уэсуги Кэнсин], датируется 26-м днем шестого месяца второго года Эйроку.

⁸¹ *Uesugi-ke monjo*, III, 170–171, 175–176, doc. nos. 1122, 1128–1129: сёгун Ёситэру Нагао Дандзё но Сёхицу, с 20-го дня второго месяца первого года Эйроку (1558) по 23-й день третьего месяца восьмого года Эйроку (1565). См. также Seta Katsuya, 121. О назначении Мори Такамото см. *Dai Nihon komonjo, Iewake 8: Mōri-ke monjo*, I, 333–335, doc. nos. 313–318: сёгун Ёситэру, датируется с 21-го дня второго месяца третьего года Эйроку (1560) по 19-й день девятого месяца пятого года Эйроку (1562). О мирных усилиях Ёситэру, обращенных к Мори и Амако, см. *Dai Nihon komonjo, Iewake 9: Kobayakawa-ke monjo*, I, 214–216, doc. nos. 220–221: сёгун Ёситэру к Кобаякава Магосабуро, Ёситэру к Кобаякава Накадзукаса но

Таю [Такакагэ], датируются 13-м днем пятого месяца второго года Эйроку и 12-м днем третьего месяца четвертого года Эйроку (1561).

⁸² Такао Kazuhiko, «Nobunaga no nyūkō», в *Kyōto no rekishi*, IV, *Momoyama no kaika*, ed. Kyōto Shi, 41–50. См. также Dōke Sokan, «Dōke Sokan ki», в *Zoku gunsho ruijū*, XX.A (Токуо: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1923), 349–362. «Dōke Sokan ki» — не лучший из возможных источников. Сочинение написано в 1643 году, длительное время спустя после описываемых событий.

⁸³ *Oyudono no Ue no nikki*, VI, 397, запись под 11-м днем четвертого месяца девятого года Эйроку (1566); *Nobunaga monjo*, I, 155, doc. no. 85: Овари но Ками Нобунага господину Наоэ Ямато но Ками [Кагэцуна], датировано 8-м днем второго месяца одиннадцатого года Эйроку (1568); см. также *Uesugi-ke monjo*, III, 177, doc. no. 1130: сёгун Ёсиаки Уэсуги Дандзё но Сёхицу [Кэнсин], датировано 13-м днем девятого месяца девятого года Эйроку.

⁸⁴ Императорское послание имеется в *Nobunaga monjo*, I, 126.

⁸⁵ *Shinchō-Kō ki*, intro. 45: 81–82.

⁸⁶ Nakamura Kōya, *Tokugawa Ieyasu-Ko den*, 103.

⁸⁷ *Shinchō-Kō ki*, intro. 25: 53.

⁸⁸ *Nobunaga monjo*, I, 401–403, doc. no. 241: Ода Дандзё но Дзё Нобунага господину Хосокава Хёбу но Таю [Фудзитака], датировано 28-м днем шестого месяца 1-го года правления под девизом Гэнки (1570).

⁸⁹ *Vocabulario de lingua de Iapam, Suplemento*, 383v.

⁹⁰ *Nobunaga monjo*, I, 421–422, doc. no. 251: Нобунага к Юса [Нобунори], датировано 2-м днем десятого месяца первого года Гэнки.

⁹¹ Nakamura Kōya, *Shintei Tokugawa Ieyasu monjo no kenkyū*, I, 196. Токугава Иэясу господину Уэсуги [Кэнсин], датировано 4-м днем второго месяца четвертого года Гэнки.

⁹² Kitajima Masamoto, *Tokugawa Ieyasu: Soshikisa no shōzō*, 42–44.

⁹³ *Shinchō-Kō ki*, кн. 7: 168–169.

⁹⁴ Fróis, *História*, II, 92–93. Подробный анализ сходств и различий в описании гибели Ёситэру японскими и западными источниками см.: Matsuda Kiichi, *Kinsei shoki Nihon kankei Nanban shiryō no kenkyū*, 407–411. Кандидатом на место сёгуна от Мацунага и Миёси был Асикага Ёсихидэ (1540–1568).

⁹⁵ Окупа Takahiro, *Ashikaga Yoshiaki*, 122. Триумвират Миёси — это Миёси Ясунага (даты рождения и смерти неизвестны), Миёси Масаясу (1528–1615) и Иванари Томомити (ум. 1573).

⁹⁶ «Kugyō bunin», 2, в *Kokushi taikai*, X, 644.

⁹⁷ *Shinchō-Kō ki*, кн. 1: 84.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ *Uesugi-ke monjo*, I, 498–509, dos pos. 506–507, 510–515, 517–518: Асикага Ёсиаки и др. к Уэсуги Кэнсин и др., датируются с 5-го дня восьмого месяца восьмого года Эйроку по 1-й день седьмого месяца девятого года Эйроку; *Uesugi-ke monjo*, III, 177–182, 235, doc. pos. 1130–1136, 1187: Асикага Ёсиаки к Уэсуги Дандзё но Сёхицу, датируются с 3-го дня девятого месяца девятого года Эйроку по 12-й день седьмого месяца одиннадцатого года Эйроку.

¹⁰⁰ *Nobunaga monjo*, I, 112–113, doc. no. 60: Нобунага господину Хосокава Хёбу но Тайю [Фудзитака], датировано 5-м днем двенадцатого месяца восьмого года Эйроку.

¹⁰¹ *Uesugi-ke monjo*, III, 177, doc. no. 1130: Асикага Ёсиаки к Уэсуги Дандзё но Сёхицу, датировано 13-м днем девятого месяца девятого года Эйроку.

¹⁰² О соответствующих европейских традициях см. F. P. van Oostrom, *Literatuur en het Hollandse hof omstreeks 1400*, 230–244.

¹⁰³ Someya Mitsuhiro, «Takeda Shingen no seijō sakusen shōkō: shinshiryō no Nobunaga to Shingen no monjo», в *Nihon rekishi* 360:55 (1978). Второй брачный союз между Ода и Такэда стал необходимым в связи со смертью при родах дочери Тояма, см. Okuno Takahiro, *Takeda Shingen*, 113.

¹⁰⁴ Okuno Takahiro, «Oda Nobunaga to Azai Nagamasa to no akushu», в *Nihon rekishi*, 248: 165–169 (1969).

¹⁰⁵ *Shinchō-Kō ki*, кн. 1: 89–92; «Ashikaga kisei-ki», в *Kaitei Shiseki shūran*, XIII, 247–249.

ГЛАВА III

¹⁰⁶ *Shinchō-Kō ki*, кн. 2: 95–96, запись под 27-м днем второго месяца 12 года Эйроку. Работы начались во 2-й день второго месяца двенадцатого года Эйроку (1569), поэтому, по всей видимости, церемония закладки состоялась в первом месяце, а не во втором, ср. *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Naya-kawa, IV, 307. Замок, построенный на этом месте Нобунага для сёгуна Ёсиаки, сгорел в 1582 году во время инцидента Хоннодзи.

¹⁰⁷ В дзэнском храме Дзисёдзи находилась знаменитая вилла Хигасияма, принадлежавшая Асикага Ёсимаса; в настоящее время она известна как «Серебряный павильон».

¹⁰⁸ Во время церемониального тоста *иккон* и хозяин, и гость выпивали по три чашки саке; также трижды осушались чашки и во время *сангон*.

¹⁰⁹ *Cartas*, I, 258г–v, Фройс Бельхиору де Фигуэйредо, датировано Мияко, 1 июня 1569 года; см. также Fróis, *História*, II, 23–244. Указанное Фройсом количество работающих, похоже, близко к истине. В дневнике Ямасина Токицугу говорится, что только для транспортировки камня «Фудзитоиси» понадобилось «от трех до четырех тысяч человек». Сведения этого дневника относительно строительства замка Нидзэ можно считать достаточно надежными, поскольку автор посещал строительную площадку почти каждый день и регулярно беседовал с Нобунага о ходе работ; *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 307–326, записи, начиная с 2-го дня второго месяца двенадцатого года Эйроку по 14-й день четвертого месяца.

¹¹⁰ «Изумление»: *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 315, запись под 3-м днем третьего месяца двенадцатого года Эйроку. «Ужас»: *Tamon'in nikki*, II, 174, запись под 18-м днем третьего месяца тринадцатого года Эйроку (1570).

¹¹¹ Wakita Osamu, *Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 241; Fujiki Hisashi and George Elison, «The Political Posture of Oda Nobunaga», в *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1550 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji and Kozo Yamamura, 156.

¹¹² *Nobunaga monjo*, I, 239–243, doc. no. 142: Нобунага и сёгун Ёсиаки, датировано 16-м днем первого месяца двенадцатого года Эйроку.

¹¹³ Там же, I, 343–345, doc. no. 209: Нобунага к [Асаяма] Нитидзэ Сёнин и господину Акэти Дзюбёэ но Дзэ [Мицухидзэ], датировано 23-м днем первого месяца тринадцатого года Эйроку (1570).

¹¹⁴ См. *Cartas*, I, 343г, Фройс Франсиско Кабралю, датировано 27 мая 1573 года, Мияко; Wakita Osamu, *Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 240–243.

¹¹⁵ *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 279–284, 290–291, записи с 20-го дня десятого месяца одиннадцатого года Эйроку по 28-й день одиннадцатого месяца.

¹¹⁶ Образец такого письма можно найти в *Nobunaga monjo*, I, 193–194, doc. no. 108: Дандзэ но Дзэ [Нобунага] шести деревням, расположенным во владении святилища Камо, датировано девятым месяцем одиннадцатого года Эйроку (1568); определение термина *киндзэй* имеется в *Vocabulario*, 196v.

¹¹⁷ *Cartas*, I, 261г, Фройс Бельхиору де Фигуэйредо, датировано 1 июня 1569 года, Мияко; По поводу Киёмидзудэра см. *Nobunaga monjo*, Suppl. Vol. 32, doc. no. 28: Кусуноки Кавати но Ками Масатора к Киёмидзудэра Сэйдзюин, 18-й день восьмого месяца [год неизвестен].

¹¹⁸ *Nobunaga monjo*, I, 246–247, 286–287, 317–319, doc. nos. 145, 169, 194. Другой хорошо документированный эпизод: юридическая тяжба связи с притязаниями женского монастыря школы дзэн Донгэин в поместье

Одзуми но Сё в провинции Ямасиро; см. *Nobunaga monjo*, I, doc. no. 215–219, 289–290. Великолепный анализ дела монастыря Донгэ-ин сделан Фудзики и Элисоном, 159–160.

¹¹⁹ Fróis, *História*, II, 275–276; ср. *Cartas*, I, 261v–262r, Фройс Бельхиору де Фигуэйредо, датировано 1 июня 1569 года, Мияко. Срок, прошедший с момента получения документа от Нобунага до получения аналогичного документа от сёгуна, оценивается в письме Фройса и его «Истории Японии» с разницей примерно в неделю.

¹²⁰ *Nobunaga monjo*, I, 249–250, 269–270, doc. nos. 148 и 160. Создэё Нобунага датируются 10-м днем второго месяца двенадцатого года Эйроку и 7-м днем четвертого месяца двенадцатого года Эйроку. К документам 148 и 160 добавлены соответствующие письма сёгуна Ёсиаки.

¹²¹ Соответствующее письмо можно найти в *Dai Nihon Shiryō*, ser. 10, III, 435–436; о «споре» между Нобунага и Ёсиаки упоминается в *Tamon'in nikki*, ed. Tsuji Zenposuke, II, 152, запись под 19-м днем десятого месяца двенадцатого года Эйроку.

¹²² *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 371, запись под 14 днем одиннадцатого месяца двенадцатого года Эйроку (21 декабря 1569 года).

¹²³ *Nobunaga monjo*, I, 343–345, doc. no. 209: Нобунага к [Асяяма] Нитидзё Сёнин и господину Акэти Дзюбёэ но Дзё [Мицухидэ], датируется 23-м днем первого месяца 13-го года Эйроку (1570).

¹²⁴ *Dai Nihon komonjo*, *Iewake* 11: *Kikkawa-ke monjo*, I, 420–426, doc. nos. 469–475: сёгун Ёсиаки к Киккава Суруга но Ками [Мотохару], датируется между 13-м днем первого месяца и 23-м днем третьего месяца двенадцатого года Эйроку; см. также *гонайсё* Ёсиаки господину Отомо Дзаэмон но Ками Ньюдо [Сорин], датировано 7-м днем второго месяца двенадцатого года Эйроку, «Otomoto kiroku» в *Dai Nihon shiryō*, ser. 10, I, 929.

¹²⁵ Asao Naohiro, «The Sixteenth-Century Unification», в *The Cambridge History of Japan, IV, Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain. 80–81.

¹²⁶ Fujiki and Elison, 167.

¹²⁷ Alessandro Valignano SJ, *Principio*, Ch. 5, ms in Ajuda Library, Lisbon, Jesuitas na Asia-series, 49-IV-53, ff. 270v–276r; Vocabulario, f. 254r.

¹²⁸ Katsumata Kazuo and Martin Collcutt, «The Development of Sengoku Law», в *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1550 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji and Kozo Yamamura, 120.

¹²⁹ George Elison, «The Cross and the Sword: Patterns of Momoyama History», 64.

¹³⁰ *Nobunaga monjo*, I, 531–533, doc. no. 321: Нобунага господину Кобаякава Дзаэмон но Сукэ [Такакагэ], датировано 2-м днем пятого месяца третьего года Гэнки (1572). Ср. *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 340, запись под 28-м днем второго месяца девятого года Тэнсё, где Ота пишет, что Нобунага намеревался устроить военный парад в Киото (*тэнка ни оитэ*).

¹³¹ *Nobunaga monjo*, I, 409–413, doc. no. 245: Нобунага к Ёсида [Мори Мотонари], датировано 10-м днем седьмого месяца 1-го года Гэнки (1570).

¹³² *Shinchō-Kō ki*, кн. 5: 133, запись под 19-м днем пятого месяца третьего года Гэнки (1572); кн. 6: 153; кн. 7: 169, запись под 5-м днем пятого месяца второго года Тэнсё (1574); кн. 8: 181, запись под 21-м днем четвертого месяца третьего года Тэнсё (1575); кн. 10: 221, 14-й день первого месяца пятого года Тэнсё (1577); кн. 10: 227, 12-й день седьмого месяца пятого года Тэнсё (1577); кн. 10: 233–234, запись под 3-м днем месяца пятого года Тэнсё (1578).

¹³³ *Nobunaga monjo*, I, 346–348, doc. no. 210.

¹³⁴ *Oyudono no Ue no nikki*, VI, 514, запись под 24-м днем четвертого месяца двенадцатого года Эйроку.

¹³⁵ *Shinchō-Kō ki*, кн. 3: 107; *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 411, запись под 29-м днем четвертого месяца 13-го года Эйроку.

¹³⁶ *Shinchō-Kō ki*, кн. 3: 114.

¹³⁷ См. приказ Коса, адресованный своим сторонникам в центральных районах провинции Оми, датированный 6-м днем девятого месяца первого года Гэнки, «Miyoshi monjo» в *Dai Nihon shiryō*, ser. 10, IV, 860–86. Также см. письмо Кэннё Коса к господину Адзай Бидзэн но Ками [Нагамаса] и Адзай Симоцукэ но Ками [Хисамаса], датированное 10-м днем девятого месяца первого года Гэнки, «Kennyo shōnin goshosatsu appai» в *Dai Nihon shiryō*, ser. 10, IV, 855.

¹³⁸ *Shinchō-Kō ki*, кн. 3: 114–119, с 13-го дня девятого месяца по 20-й день десятого месяца первого года Гэнки.

¹³⁹ *Cartas*, I, 289г, Фройс брату школы в Гоа; датировано 1 декабря 1570 года Мияко.

¹⁴⁰ «Nosokawa гүбке ki», в *Gunsho ruijū*, XIII, 629. Клятву Асакура Ёсикагэ Нобунага см. в *Nobunaga monjo*, I, 437–439, дополнение 2 к doc. no. 264: Асакура Ёсикагэ Ода Дандзё но Дзё, датировано 13-м днем двенадцатого месяца первого года Гэнки.

¹⁴¹ *Nobunaga monjo*, I, 435–436, doc. no. 264: Нобунага Сога Хёго но Сукэ [Сукэнори] и господину Иссики Сикибу но Сё [Фудзинага], 12-й день двенадцатого месяца первого года Гэнки.

¹⁴² *Shinchō-Kō ki*, кн. 4: 127, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки (1571).

¹⁴³ *Cartas*, I, 332г–v, Фройс Антонио де Квадросу, архиепископу Индии, датировано 4 октября 1571 года, Мияко.

¹⁴⁴ *Shinchō-Kō ki*, кн. 4, 127, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки (1571).

¹⁴⁵ Kanemi-Kyō ki, I, 6-й день первого дополнительного месяца третьего года Гэнки (1572); ср. *Cartas*, I, 333г, Фройс, 8 августа 1572 года, Мияко; *Shinchō-Kō ki*, кн. 4, 127, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки. См. также Nikota Mieko, «Heizan yakiuchi no rekishiteki igi» в *Seiji keizai shigaku* 117:28–32 (1976); и Taniguchi Katsuhiko, «Genki nenkan ni okeru Nobunaga no Ōmi shihai taisei ni tsuite» в *Nihon rekishi* 471:22–40 (1987).

¹⁴⁶ См. письмо Такэда Сингэн к Уэно Накацукаса но Таю, датированное 11-м днем первого месяца четвертого года Гэнки (1573), «Kyōto Goshō Higashiyama gobunko kiroku», в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, VI, 858–859; реакцию Ямасина можно узнать в *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 526, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки, и *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 60, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки.

¹⁴⁷ «Sakuma gunki» в *Zoku Gunsho ruijū*, XX.B, 101. Это сочинение было написано в начале периода Эдо, поэтому его нельзя считать современным описываемым событиям источником. Тем не менее, привычка Сакума Нобумори спорить с Нобунага по поводу и без стала одной из причин, по которой он был отстранен от службы в 1580 году.

¹⁴⁸ *Shinchō-Kō ki*, кн. 4, 127, запись под 12-м днем девятого месяца второго года Гэнки.

¹⁴⁹ Разрушение Дайбуцудэн обычно приписывается Мацунага. Но, как указывает Элисон в своей книге «Крест и Меч», 303, п. 78, по сообщению Луиса Фройса, поджог совершил «отважный» христианский воин. Об Энрякудзи см. *Taiheiki*, ed. Gotō Tanji and Kamada Kisaburō, II, кн. 18, 265.

¹⁵⁰ *Tokitsugu-Kyō ki*, ed. Hayakawa, IV, 527.

ГЛАВА IV

¹⁵¹ Кэннэ к Токуэйкэн [Такэда Сингэн], датировано 14-м днем первого месяца 3-го года Гэнки (1572), «Kenryo shōnin goshosatsu-an tome» в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, VIII, 178–179. Более подробный анализ взаимоотношений между Сингэн и Кэннэ можно найти в: Tsuji Zennosuke, *Nihon Bukkyō shi*, VII, *Kinsei-hen*, 1: 100–112.

¹⁵² «Eiroku igai nendaiki», в *Zoku Gunsho ruijū*, XXIX.B, 267, запись под 2-м днем пятого месяца 3-го года Гэнки (1572).

153 *Nobunaga monjo*, I, 548–549, doc. no. 329: Нобунага господину Хосокава Хёбу но Таю, датировано 3-м днем седьмого месяца третьего года Гэнки.

154 Там же, I, 548–549, doc. no. 330; Нобунага Сэнпукудзи, датирован 13-м днем седьмого месяца третьего года Гэнки.

155 *Cartas*, I, 342v–343r, Фройс Франсиско Кабралю, 20 апреля 1573 года, Мияко. Отметим, что это письмо было написано, когда Сингэн еще был жив. С одной стороны, по мнению Элисона, цели Такэда были «неясными», и наступление «оказалось всего лишь еще одним грабительским набегом»; «Takeda Shingen», в *Kodansha Encyclopedia of Japan*, VII (Токуо: Kodansha International, 1983), 323. С другой стороны, Окуно указывает, что тщательная подготовка и масштаб операции являются доказательством того, что Сингэн «стремился достичь Киото», *Ashikaga Yoshiaki*, 191–192.

156 Сингэн господину Асакура Саэмон но Ками [Ёсикагэ], датировано 19-м днем одиннадцатого месяца 3-го года Гэнки, «Kokin shōsoku shū», в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, X, 176–177; см. также Someya Mitsuhiro, «Takeda Shingen no seijō sakusen shōkō», 59–60.

157 См. Fujiki and Elison, 168. См. также *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 90, запись под 20-м днем четвертого месяца третьего года Гэнки (31 мая 1572 года).

158 Ёсиаки к Ходзэин [Такэда Сингэн], датировано 13-м днем пятого месяца третьего года Гэнки, «Otsuki monjo», 3, в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, IX, 196–197; см. также Fujiki and Elison, 163.

159 *Nobunaga monjo*, I, 551–553, doc. no. 331; Нобунага к Фусикиан [Уэсуги Кэнсин], датировано 27-м днем седьмого месяца третьего года Гэнки; иные материалы, относящиеся к этой теме, см. в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, IX, 287–292. См. также *Dai nihon shiryō*, ser. 10, X, 61–64, 13-й день восьмого месяца третьего года Гэнки, и *Nobunaga monjo*, I, 550–551, дополнение 1 и 2 к doc. no. 330.

160 *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 141.

161 Fujiki and Elison, 169.

162 *Shinchō-Kō ki*, кн. 5: 132, запись под 12-м днем второго месяца третьего года Гэнки.

163 Единственное упоминание в японских источниках о времени появления «Протеста» в третьем году правления под девизом Гэнки, имеется в «Eigoku irai nendaiki», в *Zoku Gunsho ruijū*, XXIX.B, 268: «девятый месяц» (с 7 октября по 5 ноября по юлианскому календарю). Благодаря письму Лунса Фройса временной промежуток можно сузить до второй половины девятого месяца. Фройс пишет, что Нобунага направил «Протест» «из

Мино»; см. *Cartas*, 340г; Фройс Франсиско Кабралю, 20 апреля 1573 года, Мияко. Согласно «Синтё-ко ки», до 16-го числа девятого месяца Нобунага не находился в Мино. Таким образом, «Протест» должен был быть издан в период между 16-м и 30-м числами девятого месяца.

¹⁶⁴ *Cartas*, 340г; Фройс Франсиско Кабралю, 20 апреля 1573 года, Мияко.

¹⁶⁵ Перевод основан на версии «Протеста» в «Синтё-ко ки», кн. 6: 141–146. Я также использовал частичный перевод Фудзики и Элисона, 164–169.

¹⁶⁶ Здесь Нобунага ссылается на «Капитуляции» 1570 года.

¹⁶⁷ В записи под 10-м днем третьего месяца восьмого года Гэнсё, то есть семь лет спустя, Ота Гюити использует слово «*коги*» (государственная власть) в отношении Нобунага. Однако термин этот достаточно двусмысленный, и нам трудно судить о том, какое значение он имел в контексте процесса объединения страны в XVI–XVII столетиях. См. Asao, «The Sixteenth-Century Unification», 89–95; ср. Wakita Osamu, «The emergence of the State in the Sixteenth-Century Japan: From Oda to Tokugawa», в *Journal of Japanese Studies* 8.2: 344–352 (1982).

¹⁶⁸ Императорский эдикт о смене девиза правления, направленный Нобунага и сёгунату, имеется в *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 88, запись под 29-м днем третьего месяца третьего года Гэнки.

¹⁶⁹ Здесь Нобунага говорит о событиях, имевших место в 1571 году.

¹⁷⁰ После того как храмовый комплекс Энрякудзи сгорел, Акэти Мицухидэ получил многие бывшие земли храма в провинции Оми.

¹⁷¹ Асикага Ёсинору (1394–1441), шестой сёгун Муромати, который также умер насильственной смертью: его убил Акамацу Митисукэ (1381–1441).

¹⁷² Fujiki and Elison, 169.

¹⁷³ См. *Shinchō-Kō ki*, intro. 26: 62; кн. 6: 147.

¹⁷⁴ См., например, Okuno Takahiro, «Takeda Shingen no seijō sakusen», в *Nihon rekishi*, 198: 23–25 (1964).

¹⁷⁵ Someya, «Takeda Shingen no seijō sakusen shōkō», 59.

¹⁷⁶ *Kanemi-Kyō ki*, I, 47, запись под 14-м днем девятого месяца третьего года Гэнки.

¹⁷⁷ *Nobunaga tonjō*, I, 551–553, doc. no. 331: doc. no. 338., датировано 27-м днем седьмого месяца третьего года Гэнки.

¹⁷⁸ Там же, I, 561–563, doc. no. 338: Нобунага Фусикиан [Уэсуги Кэнсин], датировано 26-м днем девятого месяца 3 года Гэнки.

¹⁷⁹ *Shinchō-Kō ki*, кн. 5: 134, запись под 19-м днем седьмого месяца 3-го года Гэнки.

¹⁸⁰ Там же, кн. 5: 136, запись под 8-м днем восьмого месяца третьего года Гэнки.

¹⁸¹ *Nobunaga monjo*, I, doc. no. 338.

¹⁸² Там же, I, 589–593, doc. no. 350: Нобунага Фусикиан [Уэсуги Кэнсин], датировано 20-м днем одиннадцатого месяца третьего года Гэнки.

¹⁸³ Сэнрюсай: Ямадзаки Хидэнори, специальный посланник Уэсуги Кэнсин, поддерживавший контакты с Нобунага; его имя упоминается в ряде писем, которыми обменивались Нобунага и Кэнсин. Тё Ёити: Тё Кагэцура (ум. 1582), один из крупнейших вассалов Кэнсин, впоследствии перешел на сторону Нобунага.

¹⁸⁴ Сингэн господину Асакура Саэмон но Ками, датировано 28-м днем двенадцатого месяца третьего года Гэнки, «Inō monjo» в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, X, 370.

¹⁸⁵ Адзай Нагамаса к Сёкодзи, датировано 26-м днем второго месяца четвертого года Гэнки, «Shōkōji monjo» в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, XIV, 145.

¹⁸⁶ Пожалуй, наиболее кратко говорит об этом Асао, утверждающий, что Нобунага сверг сёгуна, заявив, что государство «осуждает Асикага Ёсиаки»; «The Sixteenth-Century Unification», 80.

¹⁸⁷ Fujiki and Elison, 170.

¹⁸⁸ *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 146.

¹⁸⁹ *Cartas*, I, 343r, Фройс Франсиско Кабралю, 27 мая 1573 года, Мияко.

¹⁹⁰ *Nobunaga monjo*, I, 606–620, doc. nos. 360, 362–364: Нобунага к Хо-сокава Хёбу но Таю [Фудзитака], датируется 23-м, 26-м и 29-м днями второго месяца и 7-м днем третьего месяца четвертого года Гэнки (1573); там же, 624–626, doc. no. 367: Нобунага господину Микава но Ками [Токугава Иэясу], датировано 6-м днем четвертого месяца четвертого года Гэнки.

¹⁹¹ Сингэн Катори Торокэн, датируется 16-м днем второго месяца четвертого года Гэнки, «Koshomon», 5, в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, XIV, 205–206.

¹⁹² «Кеппуо shōnin goshosatsu an tome» в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, XVI, 157–158.

¹⁹³ *Nobunaga monjo*, I, 607, doc. no. 360.

¹⁹⁴ Там же, I, 611, doc. no. 362.

¹⁹⁵ Там же, I, 614, doc. no. 364. В письме Фройса говорится, что заложником была девочка, которую отправили в провинцию Оми; *Cartas*, I, 340v, Фройс Франсиско Кабралю, 20 апреля 1573 года, Мияко.

¹⁹⁶ *Nobunaga monjo*, I, 625–626, doc. no. 367. Письмо Нобунага соответствует *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 148, записи с 3-м по 6-м день третьего месяца первого года Тэнсё.

- ¹⁹⁷ *Kanemi-Kyō ki*, I, 66–67, запись под 4-м днем четвертого месяца четвертого года Гэнки; и *Cartas*, I, 345г–347г, Фройс Франсиско Кабралю, датировано 27 мая 1573 года, Мияко; перечень выплаченных сумм имеется в *Dai nihon shiryō*, ser. 10, XV, 1 16–26.
- ¹⁹⁸ *Cartas*, I, 347г, Фройс Франсиско Кабралю, датировано 27 мая 1573 года, Мияко.
- ¹⁹⁹ Sansom, 309.
- ²⁰⁰ *Cartas*, I, 348г, Фройс Франсиско Кабралю, датировано 27 мая 1573 года, Мияко.
- ²⁰¹ *Kikkawa-ke monjo*, I, 431, doc. no. 482: Ёсиаки господину Киккава Суруга но Ками [Мотохару], датировано 13-м днем шестого месяца четвертого года Гэнки.
- ²⁰² *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 149, запись под 22-м днем пятого месяца первого года Тэнсё и предшествующими, три столбца без даты.
- ²⁰³ Такова версия событий *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 150, 7-й день седьмого месяца первого года Тэнсё (4 августа 1573 года). Согласно *Kanemi-Kyō ki*, I, 72, Мицубути Фудзихидэ был последним, кого Сибата Кацуиэ убедил сдать в 12-й день седьмого месяца первого года Тэнсё (9 августа 1573 года).
- ²⁰⁴ *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 150–152, с 16-го по 18-й день седьмого месяца первого года Тэнсё.
- ²⁰⁵ *Nobunaga monjo*, I, 678–682, doc. no. 401: Нобунага господину Мори Ума но Ками [Тэрумото] и Кобаякава Дзаэмон но Сукэ [Такакагэ], датировано 7-м днем одиннадцатого месяца четвертого года Гэнки.
- ²⁰⁶ Kawai Masaharu, *Ankokuji Ekei*, 40–47.
- ²⁰⁷ *Nobunaga monjo*, I, 682–683, дополнение 1 к doc. no. 401: Хидэёси господину Мори [Тэрумото], датировано 7-м днем девятого месяца первого года Тэнсё (1573).
- ²⁰⁸ О провале этих переговоров сообщается в первой части письма, которое Экэй написал Иноуэ Харутада и Ямагата Наричугу в 12 день двенадцатого месяца первого года Тэнсё (1574); *Kikkawa-ke monjo*, I, 545–550, doc. no. 610. После того как переговоры прервались, Экэй убедил Ёсиаки отправиться к Юра в провинции Кию, а не в западные провинции, находившиеся под контролем Мори.
- ²⁰⁹ *Shinchō-Kō ki*, кн. 6: 151, 21-й день седьмого месяца первого года Тэнсё.
- ²¹⁰ Someya Mitsuhiro, «Oda seiken to Ashikaga Yoshiaki no hōkōshū bugyōshū to no kankei ni tsuite», в *Kokushigaku* 110–111: 79–83 (1980).
- ²¹¹ Okuno, *Ashikaga Yoshiaki*, 218. В другой своей публикации, «Nobunaga to sei taishogun», в *Kokugakuin zasshi* 83: 2 (1982), Окуно Такахио

говорит о «государственном перевороте», осуществленном Нобунага против Ёсиаки. Мы полагаем, что такое название не совсем верно отражает суть происходившего.

²¹² *Nobunaga monjo*, I, 649–650, doc. no. 377: Ода Дандзё но Дзё Нобунага господину Мори Ума но Ками [Тэрумото], датировано 13-м днем седьмого месяца первого года Тэнсё.

ГЛАВА V

²¹³ *Kikkawa-ke monjo*, I, 549, doc. no. 610: Экэй господину Иноуэ Матаэмон но Дзё [Харутада] и господину Ямагата Этидзэн но Ками [Нарицугу], датировано 12-м днем двенадцатого месяца первого года Тэнсё.

²¹⁴ «Takachika-Kō ki», 8-й день двенадцатого месяца первого года Тэнсё, взято из *Dai nihon shiryō*, ser. 10, XIX, 11–12. Как утверждают Фудзики и Элисон, предложение Нобунага означало «стремление заставить императора Огимати отречься от престола». Хотя они не исключают возможности того, что император (которому к тому времени исполнилось 56 лет) на самом деле хотел отречься, они, тем не менее, уверены в том, что «Нобунага принимал активное участие в этой драме, что он „настоячиво” (*сикирини*) уговаривал императора уйти и что он был готов выделить средства на проведение соответствующих церемоний». В отличие от Фудзики и Элисона, Вакида Осаму и Хасимото Масанобу утверждают, что император сам желал отречения; см. Wakita Osamu, *Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 268, и Hashimoto Masanobu, «Oda Nobunaga to chōtei», в *Nihon rekishi*, 405: 35–39 (1982). В пользу последней версии имеются определенные свидетельства. Вместе с фрагментом из «Takachika-Kō ki», издатель *Dai nihon shiryō* печатают письмо императора, в котором отсутствует дата и которое, по их мнению, является ответом императора Нобунага. Если это так, похоже, что император приветствует предложение Нобунага покрыть все расходы на проведение церемонии отречения. Окуно Такахиро («Oda seiken no kihin gosen», в *Kokushigaku* 100: 43 (1976)), предполагает, что от идеи отречения отказались, поскольку императорский двор отказался выполнить требование Нобунага о назначении его сёгуном. По его мнению, Нобунага выдвинул такое требование одновременно с постановкой вопроса об отречении императора. Фудзики и Элисон называют версию Окуно Такахиро «интересной», однако отмечают, что «она нуждается в доказательствах». Однако, по нашему мнению, доказать ее невозможно. Кроме того, мы должны помнить о том, что Ёсиаки покинул Киото, но не освободил своего кресла.

²¹⁵ *Shinchō-Kō ki*, кн. 7: 170–175, записи с 13-го дня седьмого месяца по 29-й день девятого месяца второго года Тэнсё. Подробный анализ кампании

против Нагасима см. Fujimoto Masayuki, *Nobunaga no Sengoku gunji-gaku: Senjutsuka: Pda Nobunaga no jitsuzō*, 167–189.

216 *Shinchō-Kō ki*, кн. 3: 119.

217 Там же, кн. 7: 170–171.

218 *Nobunaga monjo*, I, 766–767, doc. no. 460: Нобунага господину Кавадзири Ёбёэ но Дзё [Хидэтака], датировано 23-м днем седьмого месяца второго года Тэнсё.

219 Там же, I, 765–766, doc. no. 459: Нобунага господину Араки Синано но Ками [Мурасигэ], датировано 23-м днем седьмого месяца второго года Тэнсё.

220 Там же, I, 769–771, doc. no. 463: Нобунага господину Акэти [Мицухидэ], датировано 29-м днем седьмого месяца второго года Тэнсё.

221 Там же, I, 775–776, doc. no. 467: Нобунага господину Кавадзири Ёбёэ но Дзё [Хидэтака] датировано 7-м днем восьмого месяца второго года Тэнсё.

222 Asao Naohiro, «„Shogun kenryoku” no sōshutsu», 2, в *Rekishi hyōron* 266: 46–59 (1972).

223 *Nobunaga monjo*, II, 683–685, doc. no. 972: Нобунага господину Кавадзири Ёбёэ но Дзё [Хидэтака], датировано 28-м днем второго месяца 10-го года Тэнсё (1582).

224 Там же, II, 124–125, doc. no. 571: Нобунага господину Датэ [Тэрумунэ], датировано 25 днем десятого месяца третьего года Тэнсё.

225 Там же, II, 503–505, doc. no. 873: Нобунага к Кюхо [Кунайкё но Хоин Мацуи Юкан] и Саю [Сакума Нобумори], датировано 23-м днем шестого месяца восьмого года Тэнсё.

226 Hashimoto, «Oda Nobunaga to chōtei», 31–32.

227 Fujiki and Elison, 174–175.

228 *Shinchō-Kō ki*, кн. 7: 167–168, 28-й день третьего месяца второго года Тэнсё.

229 Около 8 утра.

230 Современная мера длины *сяку* равна 30,3 сантиметра.

231 Современная мера длины *сун* равна 3,03 сантиметра, а *бу* — 3,03 миллиметра.

232 Jōjitsu, «Tenshō ninen sekkō ki», в *Zoku gunsho ruijū*, XVI, 50–53. Частичное краткое изложение «Tenshō ninen sekkō ki» см. Wada Gun'ichi, «Ranjatai», в *Nihon rekishi* 335: 40–43 (1976).

233 «Tenshō ninen sekkō ki», 53–55.

234 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 179, запись под 6-м днем четвертого месяца третьего года Тэнсё (1575). Согласно «Синтё-ко ки», Нобунага выставил против

Одзака более 100 000 человек, включая войска из Кинай, Вакаса, Оми, Мино, Овари, Исэ, Танго, Танба, Харима, и даже из храма Нэгородзи в провинции Кию. Однако в двух других источниках — «Канэми-кё ки» и «Нобунори-кё ки» — говорится, что Нобунага покинул Киото в сопровождении «более чем 10 000 воинов». Даже если в Одзака к нему присоединились другие войска, все равно цифра в 100 000, которую дает Ота Гюити, является сильно преувеличенной, см. *Kanemi-Kyō ki*, I, 81, запись под 6-м днем четвертого месяца третьего года Тэнсё. *Nobunori-Kyō ki* цитирует *Nobunaga monjo*, II, 1.

235 *Kanemi-Kyō ki*, I, 79, запись под 4-м днем третьего месяца третьего года Тэнсё.

236 *Nobunaga monjo*, II, 49–50, doc. no. 527: Нобунага господину Асукай Дайнагон [Масанори], датировано 5-м днем восьмого месяца третьего года Тэнсё. Окуно осторожно датирует письмо третьим годом Тэнсё, в котором Масанори был назначен на должность *дайнагон*.

237 *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 172–3, запись под 28 днем третьего месяца третьего года Тэнсё. См. также Watanabe Emiko, «Oda Nobunaga no sokujo ni tsuite», в *Kokugakuin zasshi* 89.11: 182–183 (1988).

238 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 181, 21-й день четвертого месяца третьего года Тэнсё.

239 *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 175–6, 21-й день четвертого месяца третьего года Тэнсё.

240 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 181–184, с 13-го по 21-й день пятого месяца третьего года Тэнсё.

241 Geoffrey Parker, *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*, 140.

242 Подробное описание сражения при Нагасино см. Fujimoto Masayuki, *Nobunaga no Sengoku gunjidaku: Senjutsuka Oda Nobunaga no jitsuzō*, 193–250. Мнение о не столь значительной эффективности аркебуз XVI века см. Parker, 17: «Хорошо обученный лучник мог выпускать десять стрел в минуту с удовлетворительной точностью на расстояние до 200 метров, а на перезарядку аркебуз начала XVI века требовалось несколько минут, и точно стрелять из них можно было лишь на расстояние до 100 метров. Однако, несмотря на это, аркебузы были желанным оружием, поскольку стрелка практически не нужно было обучать».

243 *Nobunaga monjo*, II, 25–26, doc. no. 509: Нобунага господину Нагаока Хёбу но Таю [Хосокава Фудзитака], датировано 15-м днем пятого месяца третьего года Тэнсё.

- 244 Там же, II, 30–31, doc. no. 512: Нобунага господину Нагаока Хёбу но Таю [Хосокава Фудзитака], датировано 26-м днем пятого месяца третьего года Тэнсё.
- 245 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 184; *Kanemi-Kyō ki*, I, 82, запись под 21-м днем пятого месяца третьего года Тэнсё.
- 246 *Nobunaga monjo*, II, 29–30, doc. no. 511: Нобунага господину Нагаока Хёбу но Таю [Хосокава Фудзитака], датировано 21-м днем пятого месяца третьего года Тэнсё.
- 247 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 187–191, запись под 3-м днем седьмого месяца третьего года Тэнсё.
- 248 *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 188, запись под 13-м днем седьмого месяца третьего года Тэнсё.
- 249 Описание этой кампании, в котором основное внимание уделяется противнику Нобунага, *икки* из провинции Этидзэн, см. Kanda Chisato, *Nobunaga to Ishiyama kassen: Chūsei no shinkō to ikki*, 131–145.
- 250 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 196–196.
- 251 *Nobunaga monjo*, II, 61–64, doc. no. 533: Нобунага господину Мурай Нагато но Ками [Садакацу], датировано 17-м днем восьмого месяца третьего года Тэнсё.
- 252 *Kanemi-Kyō ki*, I, 84–85, с 14-го по 18-й день восьмого месяца третьего года Тэнсё. Кадзюдзи Харутоё и Ёсида Канэми посещали Нобунага в Кита но Сё, где он находился со 2-го по 23-й день девятого месяца. В дневнике эти события датированы месяцем ранее.
- 253 *Nobunaga monjo*, II, 83–84, doc. no. 546: Нобунага господину Кадзюдзи Дайнагон [Харумиги, отцу посланника Харутоё], датировано 18-м днем девятого месяца третьего года Тэнсё.
- 254 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 198, пункт 4 Установлений для провинции Этидзэн.
- 255 Там же, кн. 8: 197, 14-й день девятого месяца третьего года Тэнсё (1575).
- 256 Установления для провинции Этидзэн, *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 197–199.
- 257 Перевод последнего пункта дается по: «The Cross and the Sword», 74.
- 258 Там же, 74.
- 259 *Cartas*, II, 4r–v, Фройс, 14 апреля 1581 года, Мияко.
- 260 Там же, II, Фройс, 29 мая 1581 года, Кита но Сё, провинция Этидзэн.
- 261 *Nobunaga monjo*, II, 66–70, doc. no. 535: Нобунага господину Мурай Нагато но Ками [Садакацу], датировано 22-м днем восьмого месяца третьего года Тэнсё. Лишь к 1580 году Нобунага полностью взял под контроль эту часть побережья.

- 262 Там же, II, 124–125, doc. no. 571: Нобунага господину Датэ [Тэруму-нэ], датировано 25-м днем десятого месяца третьего года Тэнсё.
- 263 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 197.
- 264 *Tamon'in nikki*, II, 362, 25-й день третьего месяца третьего года Тэнсё.
- 265 *Nobunaga monjo*, II, 105–109, doc. no. 559–561. Условия мирного соглашения понятны из клятвы, принесенной в двенадцатом месяце третьего года Тэнсё лидерами Хонгандзи Миёси Ясунага и Мацуи Юкан; там же, II, 107–109, дополнение 1 к doc. no. 561.
- 266 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 203, запись под 4м- днем одиннадцатого месяца третьего года Тэнсё.
- 267 *Nobunaga monjo*, II, 129–150, doc. nos. 575–599. Окуно утверждает, что провинциальные владения придворной знати и столичных храмов Нобунага конфисковал, когда они получили эти владения, расположенные вокруг столицы. Однако, Окуно никак не обосновывает свою версию, которая, по сути, противоречит цитированным выше «Установлениям для провинции Этидзэн». Интерпретацию Окуно см. *Nobunaga monjo*, II, 150.
- 268 Там же, II, 135–136, doc. no. 584.

ГЛАВА VI

- 269 На взгляды автора, изложенные в настоящей главе, оказали влияние: Peter Burke, *The Fabrication of Louis XIV*, и Jonathan Brown and J. H. Elliott, *A Palace for a king: The Buen Retiro and the Court of Philip IV*.
- 270 Споры разгорелись в 1970-х годах, см: Naitō Akira, «Azuchi-jō no kenkyū», I–II, в *Kokka* 987:7–120 (1976), 988: 7–63 (1976); Miyakami Shigetaka, «Azuchi-jō tenshu no fukugen to sono shiryō ni tsuite: Naitō Akira, «„Azuchi-jō no kenkyū” ni taisuru gimon», I–II, в *Kokka* 998: 7–26 (1977), 999: 5–27 (1977). См. также William H. Coaldrake, «The „Rediscovery” of Azuchi-jō», в Motoo Hinago, *Japanese Castles*, Appendix B, 184–186. В целом, версия НAITO привлекла больше внимания, чем критицизм Мияками; см. Takayanagi Shun'ichi, «The Glory That Was Azuchi», в *Monumenta Nipponica* 32.4: 515–524 (1977); Elison, «The Cross and the Sword», 62–66; Carolyn Wheelwright, «A Visualization of Eitoku's Lost paintings at Azuchi Castle», в *Warlords, Artists & Commoners: Japan in the Sixteenth Century*, 88–90.
- 271 См. Kido Masayuki, «Azuchi jōseki hakkutsu chōsa no seika to kongo no kadai», в *Nihonshi kenkyū* 369: 73–81 (1993). Археологические раскопки, начатые в Адзуте в 1989 году, планируется проводить в течение двадцати лет.
- 272 Brown and Elliott, 36.
- 273 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 207–208, 217.

274 Naitō, I, 22–25.

275 *Nobunaga monjo*, II, 242–243, doc. nos. 672: Нобунага господину Кимура Дзиродзамэон но Дзё, датировано 11-м днем одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё.

276 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 363, запись под 8-м днем девятого месяца девятого года Тэнсё. В этот день Нобунага подарил Кано и Кимура (а также другим чиновникам) парадные одеяния.

277 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 207–208. Фройс в своей «Истории Японии» утверждает, что тяжелые камни передвигали по четыре-пять тысяч человек. Однажды, говорит он, понадобилось даже «шесть или семь тысяч».

278 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 213. Fróis, *História*, III, 258.

279 *Cartas*, I, 408v, Органтино, [октябрь?] 1577 года, Мияко. Другие отчеты: *Cartas*, I, 479v, Фрасиско [Стефанони], 1 сентября 1580 года, Мияко; там же, 476r, Лоуренсо Мехиа генералу Ордена, 20 октября 1580 года, Бунго. Наито утверждает, что замок был закончен в 1579 году, и еще год строились вспомогательные здания.

280 Naitō, II, 7–35.

281 Elison, «The Cross and the Sword», 63. Краткое изложение концепции Наито см. Hinago, 17. Подробный план на основе реконструкции Наито см. Wheelwright, 88–90.

282 Мияками показывает, почему *Тэнсю сасидзу* не могут быть чертежами архитектора: на плане первого этажа колонны находятся в местах, где они даже теоретически не могут располагаться, а лестница помещена там, где, с разумной точки зрения, ее не должно быть; см. Miyakami, I, 11.

283 Hirao Yoshinao, «Azuchi tenshu gokai no kūkan kōsei ni kansuru ichishiron: Shōhekiga o tegakari to shite» в *Nihon rekishi*, 570: 18–35.

284 Fróis, *História*, III, 257–258.

285 Elison, «The Cross and the Sword», цитирует *Cartas*, I, 480r, Фрасиско Стефанони, 1 сентября 1580 года, Мияко.

286 Kido, 74–75. Существование этой дороги подтверждают письменные источники; в только что цитировавшемся письме Стефанони пишет: «Крепость Нобунага расположена на очень высокой горе, и подняться в нее можно только по тремстам ступеням. Хотя и не без труда, взобраться по ним наверх может и лошадь».

287 Fróis, *História*, III, 258.

288 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 337, запись под 1-м днем первого месяца девятого года Тэнсё.

289 Это очевидно из ответа, данного Нобунага Муто, который Окуно предположительно датирует 22-м днем десятого месяца четвертого года Тэнсё (1576); *Nobunaga monjo*, I, 236, doc. no 665.

290 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 365, запись под 7-м днем десятого месяца девятого года Тэнсё.

291 Fróis, *História*, III, 258.

292 Hashimoto Masanobu, «Azuchi gyokō» о shimesu Tokitsune-Кюō ki: shihai monjo no ittsū ni tsuite», в *Shōjō kenkyū* 4: 1–7 (1976).

293 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 374: запись под 1-м днем первого месяца десятого года Тэнсё (1582).

294 Naitō, I, 120.

295 Так характеризует версию Нанто Такаянаги, см. Takayanagi, 522.

296 См., например, письмо Нобунага, в котором осуждаются действия его второго сына Нобукацу, датируемое 22-м днем девятого месяца седьмого года Тэнсё (1579), которое имеется в *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 285.

297 И он оказался в этом отнюдь не одинок. Так, в одном из последних англоязычных исследований о настенной живописи в Адзуте Кендалл Браун утверждает, что «Нобунага задумал замок Адзуте ... как символическое воплощение собственной божественности. Вершиной самопрославления Нобунага в качестве *синтай*, земного „божественного тела”, стали проект замка и настенная живопись», см. Kendall H. Brown, *The Politics of Reclusion: Painting and Power in Momoyama Japan*, 107.

298 Takayanagi, 523.

299 Браун и Эллиотт называют так Королевский зал в Buen Retiro Филиппа IV, см. Brown and Elliott, 147.

300 Elison, «The Cross and the Sword», 64–65.

301 Wheelwright, 98–99, 109–110.

302 H. Paul Varley and George Elison, «The Culture of Tea: From Its Origins to Sen no Rikyū», в *Warlords, Artists & Commoners: Japan in the Sixteenth Century*, 212–216; Andrew M. Watsky, «Commerce, Politics and Tea: The Career of Imai Sōkyū», в *Monumenta Nipponica* 50.1: 47–65 (1995). К концу жизни Нобунага собрал «более шестидесяти предметов», которые все погибли в огне при инциденте Хоннодзи; *Cartas*, II, 82r, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу. О значении инцидента Хоннодзи для истории чая см. Kuwata Tadachika, «Chadō-shi yori mitaru Honnōji no hen», в *Kokugakuin zasshi* 63.2–3:51–57 (1962).

303 Chadō Shiryōkan, *Sō-Gen no bokuseki to kaiga: Chadō to kakemono*, I, 110–117. В период с 1578 по 1582 год в Адзуте было проведено как минимум девять чайных церемоний.

- 304 *Shinchō-Kō ki*, кн. 10: 234–235, 28-й день двенадцатого месяца пятого года Тэнсё.
- 305 Там же, кн. 11: 238, запись под 1-м днем первого месяца шестого года Тэнсё (7 февраля 1578 года).
- 306 Там же, кн. 11: 249–251, 15-й день восьмого месяца шестого года Тэнсё.
- 307 Там же, кн. 14: 338–339, 8-й день первого месяца девятого года Тэнсё (1581).
- 308 Там же, кн. 14: 358, запись под 15-м днем седьмого месяца девятого года Тэнсё.
- 309 Fróis, *História*, III, 261–262.
- 310 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 217–218.
- 311 Там же.
- 312 *Cartas*, I, 479v — 480r, Фрасиско Стефанони, 1 сентября 1580 года, Мияко.
- 313 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 373–375, 1-й день первого месяца десятого года Тэнсё (1582); *Tamon'in nikki*, III, 196, 7-й день первого месяца десятого года Тэнсё.
- 314 Nange Genkō, «Azuchiyama no ki», в *Naitō*, I, 31–33, 81. Выдержки и их английский перевод имеются в *Takayanagi*, 523–524.
- 315 *Nobunaga monjo*, II, 300–304, doc. no. 722.
- 316 *Кунидзуми* и *токородзуми* — существовавшая в средневековой Японии практика, когда кредитор конфисковывал товары не непосредственно у должника, а у третьего лица из той же провинции (*кун*) или общины (*токоро*), что и должник. См. Katsumatra Shizuо, *Sengoku-hō seiritsu shiron*, 43–44.
- 317 *Cartas*, I, 191v, Фройс, 3 августа 1565 года, Кага.
- 318 Имаи говорит о высокой стоимости путешествий и о стихийных нападениях на заставы. В одном *кан* было 1000 *мон*, см. Imai, «Nobunaga no shutsugen to Chūseitēki ken'i no hitei», 76ю
- 319 *Shinchō-Kō ki*, кн. 1: 91.
- 320 *Wakita, Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 135–136.
- 321 *Cartas*, I, 313v, Фройс Антонио де Квадросу, архиепископу Индии, 28 сентября 1571 года, Мияко.
- 322 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 197–200.
- 323 *Wakita, Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 136–142; *Wakita and McClain*, 227–228.
- 324 *Cartas*, II, 61v, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу. См. также Fróis, *História*, III, 330, и *Shinchō-Kō ki*, кн. 4: 128–129.

- 325 Wakita Haruko and Susan B. Hanley, «Dimensions of Development: Cities in Fifteenth- and Sixteenth-Century Japan», в *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1600*, 295–326.
- 326 Hayashiya Tatsusaburō and George Elison, «Kyoto in the Muromachi Age», в *Japan in the Muromachi Age*, ed. John W. Hall and Toyoda Takeshi, 35–36.
- 327 *Cartas* II, 35v, Гаспар Коэльо Генералу Ордена, 15 февраля 1582 года, Нагасаки. Описание «простолюдинов и ремесленников» см. Fróis, *História*, III, 192.
- 328 *Nobunaga monjo*, I, 795–797, doc. no. 486, дата соответствует 7 января 1575 года.
- 329 Там же, II, 109–111, справочный материал 1 к doc. no. 562: Ода Нобутада господину Коно Тодзо и др., датировано вторым месяцем четвертого года Тэнсё (1576). Один кэн равен 1,8 метра, сяку имел разную длину в разное время и в разных местностях, но для удобства можно считать его равным одному футу (30,5 см).
- 330 Там же, II, 109–111, doc. no. 562: Нобунага господину Сасаока Хатимон и др., датировано 8-м днем десятого месяца третьего года Тэнсё (1575).
- 331 *Kanemi-Kyō ki*, I, 77–78, с 15-го по 27-й день второго месяца третьего года Тэнсё.
- 332 Там же, I, 79, запись под 3-м днем третьего месяца третьего года Тэнсё.
- 333 Там же, I, 96, запись под 17-м днем второго месяца четвертого года Тэнсё.
- 334 Fróis, *História*, II, 257. Фройс также дает описание моста, построенного Нобунага в Сэта, провинция Оми, в 1575 году.
- 335 Alessandro Valignano, *Sumario de las cosas de Japon* (1583), 279.
- 336 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 341, запись под 28-м днем второго месяца девятого года Тэнсё (1581).
- 337 Там же, кн. 13: 323, запись под 3-м днем пятого месяца восьмого года Тэнсё (1580).
- 338 *Cartas*, II, 61r, Фройс Генералу Ордена, 31 октября 1582 году, Кутиноцу.
- 339 *Shinchō-Kō ki*, Кн: 14: 359, 25-й день седьмого месяца девятого года Тэнсё.
- 340 Taniguchi Katsuhiri, «Oda Nobunaga gundan no keisei to tenkai», в *Nihon rekishi* 419: 54 (1983); Watanabe Emiko, «Oda Nobunaga kō», в *Nihon rekishi* 440: 34 (1984).

- 341 *Nobunaga monjo*, II, 764–765, doc. no. 1052: Нобунага господину [Канбэ] Санситиро [Нобутака], датировано 7-м днем пятого месяца десятого года. Здесь Ота Гюити совершает одну из немногих фактических ошибок. По его мнению, Нобутака получил провинцию Ава, см. *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 410.
- 342 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 365, запись под 11-м днем девятого месяца девятого года Тэнсё.
- 343 Там же, кн. 11: 240, 3-й день второго месяца шестого года Тэнсё; *Cartas*, II, 68г, Фройс генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу.
- 344 Прочитировано в: Watanabe, «Azuchi no kashin yashiki ni tsuite», 58. Далее Ватанабэ приводит документальные свидетельства, подтверждающие, что Такэи Сэйкан, секретарь Нобунага, поселился на горе Адзути.
- 345 *Nobunaga monjo*, II, 591–592, doc. no. 920: Нобунага господину Мори Ранбоси [Наритоси], 20-й день четвертого месяца девятого года Тэнсё.
- 346 Oze Ноап, *Shinchōki*, ed. Kangōi, II, 78, запись под 8 днем девятого месяца девятого года Тэнсё.
- 347 Taniguchi, *Oda Nobunaga kashin kinmei jiten*, 216; Watanabe, «Azuchi no kashin yashiki ni tsuite», 59. Суганоя часто выполнял поручения за пределами Адзути. Это важно для понимания его функции в структуре управления, однако не имеет отношения к данному вопросу.
- 348 Этот термин употребляется в *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 373, 1-й день первого месяца десятого года Тэнсё.
- 349 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 207.
- 350 Там же, кн. 11: 240, запись под 29-м днем первого месяца шестого года Тэнсё (1578).
- 351 Там же, кн. 12: 278. запись под 19-м днем седьмого месяца седьмого года Тэнсё.
- 352 Там же, кн. 12: 265, 1-й и 8-й дни первого месяца седьмого года Тэнсё.
- 353 Там же, кн. 13: 320–321.
- 354 Там же, кн. 14: 360, 365; кн. 15: 394–395.
- 355 Fróis, *História*, III, 192–193, 197.

ГЛАВА VII

- 356 *Uesugi-ke monjo*, II, 62–63, doc. no. 646: [Киккава] Суруга но Ками Мотохару господину Наоэ Ямато но Ками [Кагэцуна], датировано 27-м днем седьмого месяца четвертого года Тэнсё (1576); см. также *Nobunaga monjo*, II, 175–176.
- 357 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 212–213, запись под 15-м днем седьмого месяца четвертого года Тэнсё.

- 358 *Tokitsune-Kyō ki*, I, 56, запись под 7-м днем пятого месяца четвертого года Тэнсё; *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 209, 7-й день пятого месяца четвертого года Тэнсё; *Tokitsugu-Kyō ki*, IV, ed. Hayakawa, IV, 565, 7-й день пятого месяца четвертого года Тэнсё. Через пять дней молитвы вознесли еще раз.
- 359 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 218–219, 21-й день одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё.
- 360 *Tokitsugu-Kyō ki*, IV, ed. Hayakawa, 590, 23-й день одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё, ср. *Kanemi-Kyō ki*, I, 118, 23-й день одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё.
- 361 *Nobunaga monjo*, II, 248–249, доc. поc. 675–676: Нобунага господину Карасумару [Мицуясу], датировано 19-м днем одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё; Нобунага господину Касанъин [Иэсукэ], датировано 19-м днем одиннадцатого месяца четвертого года Тэнсё. «Токицугу-кё ки» сообщает, что в этот день около тридцати придворных аристократов получили документы, скрепленные красной печатью, с пожалованием земель; см. *Tokitsugu-Kyō ki*, IV, ed. Hayakawa, 589.
- 362 *Kanemi-Kyō ki*, I, 121, 13-й день второго месяца пятого года Тэнсё.
- 363 *Uesugi-ke monjo*, II, 69, доc. по. 653: [Мори] Ума но Ками Тэрумото господину Уэсуги Дандзё но Сёхицу [Кэнсин], датировано 1-м днем четвертого месяца пятого года Тэнсё.
- 364 *Kanemi-Kyō ki*, I, 128, 11-й день десятого месяца пятого года Тэнсё.
- 365 *Tamon'in nikki*, II, 11-й день десятого месяца пятого года Тэнсё.
- 366 *Shinchō-Kō ki*, кн. 10: 231, запись под 12-м днем десятого месяца пятого года Тэнсё. Согласно «Канэми-кё ки», I, 131, Нобутада получил назначение в 16-й день десятого месяца пятого года Тэнсё. Поскольку данное сочинение написано сразу же после описываемых событий, его датировке можно доверять.
- 367 *Shinchō-Kō ki*, кн. 10: 232–233, 18-й день одиннадцатого месяца пятого года Тэнсё. См. также *Kanemi-Kyō ki*, I, 131, 18-й день одиннадцатого месяца пятого года Тэнсё. Схожесть обоих источников, написанных независимо друг от друга, в толковании событий свидетельствует об их достоверности.
- 368 Wakita Osamu, *Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 266. Fujiki and Elison, 176–178. Hashimoto Masanobu, «Nobunaga to chōtei», 39–40.
- 369 *Nobunaga monjo*, II, 280–281, доc. по. 707. Данное письмо ошибочно датировано пятым годом Тэнсё.
- 370 Там же, II, 348–349, доc. по. 759: Нобунага господину Кодэра Канбёэ но Дзё [Ёситака], датировано 22-м днем третьего месяца шестого года Тэнсё.

- 371 *Shinchō-Kō ki*, кн. 11: 240–249, с 23-го дня второго месяца по 18-й день седьмого месяца шестого года Тэнсё.
- 372 *Cartas*, I, 415, Органтино, Мияко, 1578 год.
- 373 *Tamon'in nikki*, III, 21–22, 20-й день седьмого месяца шестого года Тэнсё.
- 374 «*Tateri Sakyō no Suke Nyūdō Ryūsa ki*», 279.
- 375 Fróis, *História*, III, 208.
- 376 *Cartas*, I, Франсиско Стефанони Мануэлю Тейхейра, 22 октября 1579 года, Мияко.
- 377 *Nobunaga monjo*, II, 400–401, дополнение 1 к doc. no. 796: Утюдэн [Хирохаси] Канэкацу господину Мори Ума но Ками [Тэрумото], датировано 4-м днем одиннадцатого месяца шестого года Тэнсё.
- 378 «*Tateri Sakyō no Suke Nyūdō Ryūsa ki*», 280.
- 379 О наградах, выданных Такаяма Укон и Накагава Киёхидэ, см. *Shinchō-Kō ki*, кн. 11: 257–259, записи под 16-м днем и 26–27-м одиннадцатого месяца шестого года Тэнсё.
- 380 Fróis, *História*, III, 229.
- 381 *Kanemi-Kyō ki*, I, 187–189, 15-й и 21-й дни одиннадцатого месяца седьмого года Тэнсё.
- 382 *Tamon'in nikki*, III, 80–81, 20-й и 22-й дни одиннадцатого месяца седьмого года Тэнсё.
- 383 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 290–294, 22-й день одиннадцатого месяца седьмого года Тэнсё; *Kanemi-Kyō ki*, I, 187–189, с 15-го по 22-й день одиннадцатого месяца седьмого года Тэнсё. Родившийся в Киото Ёсида Канэми снисходительно отмечает, что среди зрителей было много «провинциалов». И это при том, что в дни, предшествовавшие параду, его главной заботой стало получение императорского приглашения для участия в параде. Стараниями Коноэ Сакихиса ему удалось-таки получить его. То, что это было большой честью, подтверждается тем фактом, что Ота Гюити особо упоминает о присутствии Канэми.
- 384 Fróis, *História*, III, 231.
- 385 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 294, 306.
- 386 Встреча Нобунага и Санэхито и его отъезд на следующий день зафиксированы в *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 306, 18–19-й дни двенадцатого месяца седьмого года Тэнсё, и *Kanemi-Kyō ki*, I, 192, 18–19-й дни двенадцатого месяца седьмого года Тэнсё.
- 387 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 282, 287–288, 11-й день девятого месяца и 25-й день десятого месяца седьмого года Тэнсё.

388 Там же, кн. 12: 268, 279–280, записи под 17-м днем четвертого месяца и 18-м, 25-м и 26-м днями седьмого месяца седьмого года Тэнсё.

ГЛАВА VIII

389 Tsuji Zenposuke, *Nihon Bukkyō-shi*, VII: Kinsei, 1: 1–2, 20–21.

390 McMullin, 5, 236–263.

391 Там же, 82–83.

392 Там же, 145–151.

393 Там же, 155–158, 209–216.

394 Там же, 101.

395 Там же, 54.

396 *Nobunaga monjo*, II, 388–389, дополнение 1 к дос. по. 787: [Кэннё] Коса господину Араки Сэтцу но Ками [Мурасигэ] и господину Араки Сингоро, датировано 17-м днем десятого месяца шестого года Тэнсё (1578). См. также Иноуэ Toshio, *Ikkō ikki kenkyū*, 570; McMullin, 56.

397 Это дядя по отцовской линии Ода Нобуцугу (ум. 1574), старший брат Ода Нобухиро (ум. 1574) и младшие братья Ода Нобуоки (ум. 1570) и Ода Хидэнари (ум. 1574).

398 *Shinchō-Kō ki*, кн. 9: 209 говорит о том, что у них было «несколько тысяч аркебуз».

399 Wakita Osamu, *Kinsei hōkensei seiritsu shiron*, 281–282.

400 Fujiki Hisashi, «Tōitsu seiken no seiritsu», в *Iwanami kōza Nihon rekishi*, IX, *Kinsei*, 1, ed. Asao Naohiro, 75–78.

401 McMullin, 144.

402 *Shinchō-Kō ki*, кн. 13: 312, запись под 1-м днем третьего месяца восьмого года Тэнсё.

403 «Honganji Memo», в *Nobunaga monjo*, II, 471–472, дос. по. 852; клятва Нобунага — там же, 472–474, дос. по. 853. Английский перевод можно найти в McMullin, 130.

404 *Nobunaga monjo*, I, 478, дос. по. 855: Нобунага господину Коноэ [Сакихиса], датировано 17-м днем третьего месяца восьмого года Тэнсё.

405 Там же, II, 477–478, дос. по. 854: Нобунага Кунай-Кё но Хоин [Мацуи Юкан], датировано 17-м днем третьего месяца восьмого года Тэнсё.

406 Там же, II, 475–477, дополнение 2 к дос. по. 853: Симодзума Гёбу Хогэн Райрэн и др. господину Кадзюдзи [Харутоё] и господину Нивата [Сигэясу], датировано 5-м днем третьего месяца восьмого года Тэнсё.

- 407 *Shinchō-Kō ki*, кн. 13: 318–319, 7-й день третьего месяца восьмого года Тэнсё.
- 408 Приказы Нобунага Сакума Нобумори, Сакума Нобухидэ, Куки Ёситака, Хасиба Хидэёси и Сибата Кацуиэ зафиксированы в *Nobunaga monjo*, II, 483–487, doc. nos. 859–863. Все документы датированы 11-м днем третьего месяца восьмого года Тэнсё. О передаче областей в Кага см. *Nobunaga monjo*, II, 482–483, 487, doc. nos. 858, 864: Нобунага Хонгандзи, 2-й и 11-й дни третьего месяца восьмого года Тэнсё.
- 409 Там же, II, 487–488, doc. no. 864: [Кэннэ] Коса господину Кадзюдзи [Харутоё] и господину Нивада [Сигэясу], 27 день третьего месяца восьмого года Тэнсё.
- 410 Nagayasu Shōshun, «Ishiyama sensō no ketsumatsu to sono haikai», в *Shinshū kenkyū*, 10: 27–34 (1965).
- 411 *Nobunaga monjo*, II, 508–509, doc. no. 877: Нобунага, 17-й день седьмого месяца восьмого года Тэнсё; клятву Нобунага новому первосвященнику Хонгандзи Кёнэ см. там же, II, 509–510, doc. no. 878, 17-й день седьмого месяца восьмого года Тэнсё.
- 412 Там же, II, 511–513, doc. no. 880: Нобунага господину Коноэ, 20-й день седьмого месяца восьмого года Тэнсё.
- 413 *Shinchō-Kō ki*, кн. 13: 330, запись под 2-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё; *Nobunaga monjo*, II, 517–518, doc. no. 883: Нобунага к Хонгандзи, 2-й день восьмого месяца восьмого года Тэнсё.
- 414 В двух дневниках того времени, «Иэтада никки» и «Тамонъин никки», говорится, что Одзака подожгли отступавшие защитники. «Предав Одзака огню на второй день, они, как говорят, отступили на лодках», — свидетельствует автор «Иэтада никки», см. *Ietada nikki*, ed. Takeuchi Rizō, I, 80, запись под 7-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё. Его слова подтверждает и автор «Тамонъин никки»: «Они подготовились, чтобы сжечь [цитадель] после сдачи», см. *Tamon'in nikki*, III, 119, запись под 5-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё.
- 415 *Nobunaga monjo*, II, 466.
- 416 *Cartas*, I, 475, Лоуренсо Мехиа Генералу Ордена, 20 октября 1580 года, Бунго.
- 417 Там же, II, 62г, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу. Ср. Fróis, *História*, III, 332.
- 418 См. С. R. Boxer, *The Christian Century in Japan: 1549–1650*, 64: «Нобунага был воинствующим агностиком, если не атеистом».
- 419 См., например, отзывы таких авторов, как Луис де Гузман, Даниелло Бартоли, Пьер Франсуа-Ксавье де Шарлевуа.
- 420 *Cartas*, I, 348v, Фройс Франсиско Кабралю, 27 мая 1573 года, Мияко.

- 421 Там же, II, 30, Гаспар Коэльо Генералу Ордена, 15 февраля 1582 года, Нагасаки (письмо за 1581 год); ср. Fróis, *História*, III, 191.
- 422 Murdoch, *A History of Japan*, II, 185–186.
- 423 Fróis, *História*, III, 191.
- 424 *Cartas*, II, 41г, Гаспар Коэльо Генералу Ордена, 15 февраля 1582 года, Нагасаки.
- 425 Там же, I, 480г, Стефанони, 1 сентября 1580 года, Мияко.
- 426 Fróis, *História*, III, 205.
- 427 C. R. Boxer, *The Christian Century in Japan: 1549–1650*, 64.
- 428 Fróis, *História*, III, 189.
- 429 *Cartas*, I, 475v, Лоренсо Мехиа Генералу Ордена, 20 октября 1580 года, Бунго (письмо за 1580 год).
- 430 Fróis, *História*, III, 261.
- 431 Takase Kōichirō, «Kirishitan to tōitsu kenryoku», в *Iwanami kōza Nihon rekishi*, IX, Kinsei, 1, ed. Asao Naohiro, 196–226.
- 432 Wakita Osamu, *Oda Nobunaga*, 162–163.
- 433 *Cartas*, II, 412г–413г, Стефанони, 14 января 1578 года, Мияко.
- 434 Там же, I, 395v, Стефанони Луису Фройсу, 28 июля 1577 года, Мияко.
- 435 Fróis, *História*, III, 209.
- 436 *Cartas*, I, 452v, Стефанони Манозю Тейхейра, 22 октября 1579 года, Мияко.
- 437 Fróis, *História*, III, 209.
- 438 Там же, 211.
- 439 *Cartas*, I, 452г, Стефанони Манозю Тейхейра, 22 октября 1579 года, Мияко.
- 440 Fróis, *História*, III, 220.
- 441 Laures, *Nobunaga und das Cristentum*, 26–27.
- 442 *Shinchō-Kō ki*, кн. 11: 257, запись под 16-м днем одиннадцатого месяца шестого года Тэнсё.
- 443 *Cartas*, I, 452г, Стефанони Манозю Тейхейра, 22 октября 1579 года, Мияко.
- 444 Fróis, *História*, III, 223.
- 445 Elison, *Deus Destroyed*, 51.
- 446 *Cartas*, I, 320v–321г, Гаспар Вилела отцам монастыря Авис в Португалии, 6 октября 1571 года, Гоа.

- 447 Handa Minoru, «Azuchi shūron ni tsuite», в *Nenrō chūseishi kenkyū* 5: 120–122 (1980).
- 448 Tsuji, VII, 1: 40–43.
- 449 *Cartas*, I, 450r–451v, Органтино Фройсу, июнь 1579 года, Мияко. Мне не удалось найти это письмо в архиве иезуитов в Риме.
- 450 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 272.
- 451 *Cartas*, I, 451v.
- 452 «Chion'in monjo» цитируется в Tsuji, VII, 1: 44–45; *Tokitsune-kyō ki*, I, записи под 2-м и 12-м днями шестого месяца седьмого года Тэнсё (1579), 191–195, 202–220. *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 273–274, запись под 27-м днем пятого месяца седьмого года Тэнсё.
- 453 Оба описания имеются в Bussho Kankōkai, comp., *Dai Nihon Bukkyō zensho: Ronshū sōsho*, I (Токуо: Bussho Kankōkai, 1914), 108–110, 115–126.
- 454 Fróis, *História*, III, 241.
- 455 Tsuji, VII, 1: 84.
- 456 Об избиении монахов школы Нитирэн упоминают Органтино, *Cartas*, I, 451r, и *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 274.
- 457 *Cartas*, I, 451r.
- 458 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 275; ср. Fróis, *História*, III, 242, где практически слово в слово повторяется обвинение Нобунага.
- 459 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 275.
- 460 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 276.
- 461 В биографии Дзёан, написанной в XVII столетии, говорится, что сперва Нобунага пригласил его в Адзуту из области Хокурику, а затем назначил первым священнослужителем Сайкодзи в провинции Оми. См. «Daitun'in kaisan Jōan shōnin den», в *Zoku Gunsho ruijū*, IX, 224. Ханда Минору утверждает, что назначение первым священнослужителем произошло после диспута, см. Handa Minoru, «Azuchi shūron ni tsuite», 117.
- 462 Handa Minoru, «Azuchi shūron ni tsuite», 116–118.
- 463 *Shinchō-Kō ki*, кн. 12: 273.
- 464 «Inga Kōji jihitsu Azuxchi mondō», 109: «Нобунага сёгун но гонайги фу-каки ни ёттэ, сайё но хихан о суру нари».
- 465 *Nobunaga monjo*, II, 447, doc. no. 831: Нобунага [Нобутада Аита] Дзё но Сукэ, без даты. Это письмо было, предположительно, написано не позднее двадцати дней после диспута в Адзуту.

ГЛАВА IX

- 466 Сакума Мэмо, в *Shinchō-Kō ki*, кн. 13: 330–334, восьмой месяц восьмого года Тэнсё (1580).
- 467 *Nobunaga monjo*, II, 529–530, doc. no. 892: Нобунага Цуцуи Дзюнкэй, датировано 24-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё.
- 468 Там же, II, 764–765, doc. no. 1052.
- 469 Taniguchi, *Oda Nobunaga kashin jinmei jiten*. Ср.: Kamei Sanepori, 137; Kiso Yoshimasa, 147; Miyoshi Yasunaga, 428–429.
- 470 Fujiki and Elison, 188.
- 471 Taniguchi, *Oda Nobunaga kashin jinmei jiten*, 16.
- 472 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 411, 15-й день пятого месяца десятого года Тэнсё (1582).
- 473 *Cartas*, II, 100r, Фройс Алессандро Валиньяно, датировано 20 января 1584 года.
- 474 Fujiki and Elison, 188. См. также письмо Нобунага Маэда Тосиэ, *Nobunaga monjo*, II, 641–642, doc. no. 954.
- 475 Iwasawa Yoshihiko, *Maeda Toshiie*, 70.
- 476 *Nobunaga monjo*, II, 692–693, doc. no. 977: Нобунага господину Сибата Сюри [Кацуи].
- 477 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 348–349, запись под 25-м днем третьего месяца девятого ода Тэнсё.
- 478 Fróis, *História*, III, 339.
- 479 Oze Hoan, *Shinchōki*, II, 145.
- 480 *Cartas*, II, 206v, Фройс генералу Ордена, 20 февраля 1588 ода, Арима.
- 481 Там же, II, 99г–v. Перемещения из провинции в провинцию, проведенные Хидэёси в 1583 году, затронули и других провинциальных даймё, получивших в свое время назначение от Нобунага. Так, Хатия Ёритака перевели из провинции Идзуми в Цуруга, провинция Этидзэн; Миёси Ясунага был вынужден оставить свои владения, занимавшие половину провинции Кавати, и присоединиться к Цунэоки в провинции Мино.
- 482 Berry, *Hideyoshi*, 4–5.
- 483 Там же, 65.
- 484 Fujiki and Elison, 193.
- 485 Matsuo Yoshitaka, «Tenshō hachinen no Yamato sashidashi to ikkoku hajō ni tsuite», в *Hisutoria* 99:17–22, 38–39 (1982). Мацуо предполагает, что разрушению подверглись только строения, а не фундаменты замков.

- 486 Wakita Osamu, «The Social and Economic Consequences of Unification», в *The Cambridge History of Japan, IV, Early Modern Japan*, 100–108.
- 487 *Tamon'in nikki*, III, 119–122, с 4-го по 20-й дни восьмого месяца восьмого ода Тэсё. См. также Fujiki and Elison, 191; Matsuo, 17.
- 488 *Nobunaga monjo*, II, 525–526, doc. no. 889: Нобунага господину Нагаока Хёбу но Таю [Хосокава Фудзитака], датировано 21-м днем восьмого месяца восьмого ода Тэнсё.
- 489 *Cartas*, II, 68v, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 ода, Кутиноцу. *História*, III, 188, добавляет, что замок Окаяма в провинции Кавати, изначально принадлежавший Юкки (1556–1584), был разрушен по приказу Нобунага в 1580 году.
- 490 Мотивы, которыми руководствовался при этом Нобунага, объясняет Фройс, см. *Cartas*, II, 5г–v, неизвестному падре в Японии, датировано 14 апреля 1581 года, Мияко.
- 491 *Shinchō-Kō ki*, кн. 2: 100, запись под 4-м днем десятого месяца двенадцатого года Эйроку (1569).
- 492 *Kanemi-Kyō ki*, I, 73, запись под 23-м днем седьмого месяца первого года Тэнсё (1573); «Eiroku irai nendaiki», в *Zoku Gunsho Ruijū*, XXIX.B, 271, записи под пятым и седьмым месяцем второго года Тэнсё (1574).
- 493 *Shinchō-Kō ki*, кн. 8: 180.
- 494 *Nobunaga monjo*, II, 571, doc. no. 909: Нобунага Нуруи Кагэтака и Миякэ Нагамори, датировано 1-м днем первого месяца девятого года Тэнсё.
- 495 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 398–399; *Nobunaga monjo*, II, 702–703, doc. no. 985.
- 496 *Nobunaga monjo*, II, 764–765, doc. no. 1052: Нобунага господну Санситиро [Ода Нобутака], датировано 7 днем пятого месяца десятого года Тэнсё.
- 497 Fujiki and Elison, 190.
- 498 Там же, 192–193, см. описание сбора данных в Ямато.
- 499 João Rodriguez SJ, *Arte da lingua de Iapam*, 203г.
- 500 Описание имеется в *Tamon'in nikki*, III, 126–127, запись под 26-м днем девятого месяца восьмого ода Тэнсё; *sasidasi*, представленный Кофукудзи, можно найти в *Nobunaga monjo*, II, 550–552, дополнение 2 к doc. no. 898: Монахи Кофукудзи господину Корэто Хюга но Ками [Акэти Мицухидэ] и господину Такигава Сакон [Кадзумасу], датировано восьмым месяцем восьмого года Тэнсё.
- 501 *Tamon'in nikki*, III, 130, 22-й день десятого месяца восьмого года Тэнсё.
- 502 Matsuo, 36–38.

503 «Akechi Mitsuhide Kachū Gunpō» имеется в *Fukuchiyama-Shi shi, Shiryō-hen* I, ed. Fukuchiyama-Shi Shi Hensan Iinkai, 140–142. Этот документ подробно рассмотрен (и даже частично воспроизведен) в: Takayanagi Mitsutoshi, *Akechi Mitsuhide*, 153–156; рачеты, сделанные в этом документе, сведены в таблицу в Matsuo, 42, п. 51.

504 Fujiki and Elison, 193.

505 John Whitney Hall, «Hideyoshi's Domestic Policies», в *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, 216.

506 *Cartas*, II, 5г–v, Фройс неизвестному падре в Японии, датировано 14 апреля 1581 года, Мияко.

507 Alessandro Valignano, *Libro primero del principio y progresso de la religion christiana en Jappón y de la especial providence de que Nuestro Senor usa con aquella nueva iglesia*, Ch. 6, ms n Ajuda Library, Lisbon, Jesuitas na Asia series, 49-IV-53, 279r.

ГЛАВА X

508 *Nobunaga monjo*, II, 574–576, doc. no. 911: Нобунага Корэто Хюга но Ками [Акэти Мицухидэ], датировано 23-м днем первого месяца девятого года Тэнсё.

509 Там же, II, 519–520, doc. no. 885: Нобунага господину Коно, датировано 12-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё; там же, II, 520–521, doc. no. 885: Нобунага господину Симадзу Сюри но Дайбу [Ёсихиса], датировано 12-м днем восьмого месяца восьмого года Тэнсё; там же, II, 52–522, дополнение 1 к doc. no. 885: Коноэ Сакихиса господину Симадзу Хёго но Ками [Ёсихиро], датировано 19-м днем одиннадцатого месяца восьмого года Тэнсё; см. также Taneguchi Kengo, 126–129.

510 *Nobunaga monjo*, II, 574–576, doc. no. 911: Нобунага Корэто Хюга но Ками [Акэти Мицухидэ], датировано 23-м днем первого месяца девятого года Тэнсё. Ср. *Kanemi-Kyō ki*, I, 243, запись под 25 днем первого месяца девятого года Тэнсё.

511 Asao, «„Shōgun kenryoku” no sōshutsu», 2, в *Rekishī hyōron* 266:54 (1972); Imatani, *Nobunaga to tennō*, 156–159.

512 *Kanemi-Kyō ki*, I, 243, запись под 25 днем первого месяца девятого года Тэнсё.

513 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 340–341, запись под 28-м днем второго месяца девятого года Тэнсё.

514 *Cartas*, II, 4–5г, Фройс неизвестному падре в Японии, датировано 14 апреля 1581 года, Мияко.

- 515 Там же.
- 516 Fróis, *História*, III, 255–256.
- 517 *Tamon'in nikki*, III, 150–151, запись под 28-м днем второго месяца девятого года Тэнсё.
- 518 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 346, запись под 28-м днем второго месяца девятого года Тэнсё.
- 519 *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 376, запись под 29-м днем второго месяца девятого года Тэнсё.
- 520 *Shinchō-Kō ki*, кн. 14: 347, запись под 5-м днем третьего месяца девятого года Тэнсё.
- 521 *Oyudono no Ue no nikki*, VII, 378, запись под 9-м днем третьего месяца девятого года Тэнсё.
- 522 *Kanemi-Kyō ki*, I, 251 и 254, запись под 11-м днем третьего месяца и 1-м днем четвертого месяца девятого года Тэнсё. Наиболее подробно вопрос о предложении императорского двора назначить Нобунага *sadaidzin* в 1581 году изучен в: Tachibana Kyōko, «Nobunaga e no sadaijin suinip ni tsuite», в *Nihon rekishi* 538: 19–36 (1993).
- 523 *Nobunaga monjo*, II, 580–582, doc. no. 913: Нобунага господину Мидзуно Собёэ [Тадасигэ], датировано 25 днем первого месяца девятого года Тэнсё.
- 524 Там же, II, 615–616, doc. no. 938: Нобунага господину Хасиба Токитиро [Хидэёси], датировано 20-м днем восьмого месяца девятого года Тэнсё.
- 525 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 380–381, запись под 9-м днем второго месяца десятого года Тэнсё.
- 526 *Nobunaga monjo*, II, 676–678, doc. no. 969: Нобунага господину Такигава Сакон [Кадзумасу], датировано 15-м днем второго месяца десятого года Тэнсё.
- 527 Там же, II, 685–688, doc. no. 973: Нобунага господину Кавадзири Ёбёэ [Хидэтака], датировано 1-м днем третьего месяца десятого года Тэнсё.
- 528 Там же, II, 683–685, doc. no. 972: Нобунага господину Кавадзири Ёбёэ [Хидэтака], датировано 28-м днем второго месяца десятого года Тэнсё.
- 529 Там же, doc. no. 969.
- 530 Там же, II, 690–692, doc. no. 976: Нобунага господину Сибата Сюри но Сукэ [Кацуиэ], датировано 8-м днем третьего месяца десятого года Тэнсё.
- 531 Там же, II, 683–685, doc. no. 972.
- 532 *Cartas*, II, 63v, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу.

- 533 *Nobunaga monjo*, II, 764–765, doc. no. 1052: Нобунага Канбэ Санситиро (Ода Нобутака), датировано 7-м днем пятого месяца десятого года Тэнсё.
- 534 «Tenshō jūnen natsu-ki», записи под 25-м днем четвертого месяца и 4-м днем пятого месяца десятого года Тэнсё; транскрипция дана в: Tachibana Kyōko, «Nobunaga e no sanshoku suinin ni tsuite», в *Rekishī hyōron* 497: 61–62 (1991). Ивасава Ёсихико установил («Honnoji no hen shūi: Nichinichi-ki shoshū Tenshō jūnen natsu-ki nit suite», в *Rekishī chiri* 91.4: 213–224 (1968)), что «Tenshō jūnen natsu-ki» является фрагментом из дневника Кадзюдзи Харутоё. Английский перевод взят из Fujiki and Elison, 181.
- 535 «Tenshō jūnen Azuchi okondate», в *Zoku gunsho ruijū*, 3 rev., ed., XXIII.B (Токуо: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1978), 269–272.
- 536 «Акэти Мицухидэ был алчен и возжелал править»; Ōta Gyūiti, *Taikōsata gunki no uchi*, ed. Keiō Gijuku Daigaku Fuzoku Kenkyūj Shidō Bunpo, 28. Фройс рассуждает о том, что «Акэти настолько далеко завели собственные желания и амбиции, что он захотел сам стать хозяином в государстве», см. Fróis, *História*, III, 339; см. также *Cartas*, II, 64v, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу.
- 537 Donald Keene, «Jōha, a Sixteenth Century Poet of Linked Verse», в *Warlords, Artists & Commoners*, 126. Явно противоречит историческим фактам, Кин заявляет также, что Мицухидэ проявлял живой интерес к искусствам, «в отличие от Нобунага».
- 538 Takayanagi, *Akechi Mitsuhide*, 162–210.
- 539 Tokitsune-Кубо ki, I, 279, запись под 1-м днем шестого месяца десятого года Тэнсё.
- 540 *Shinchō-Kō ki*, 415, запись под 1-м днем шестого месяца десятого года Тэнсё. Ими были Акэти Сама но Сукэ Хидэмицу (ум. 1582), Акэти Дзиэмон, Фудзита Дэнго и Сайто Кура но Сукэ Тосимицу (ум. 1582).
- 541 Niccolò Machiavelli, *The Discourses of Niccolò Machiavelli*, trans. Leslie J. Walker SJ, I, 478.
- 542 *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 416–423, запись под 12-м днем шестого месяца десятого ода Тэнсё; Fróis, *História*, III, 341–344.
- 543 *Cartas*, II, 62v–63r, Фройс Генералу Ордена, 5 ноября 1582 года, Кутиноцу. Это письмо на португальском обнаружено в архиве иезуитов в Риме, JapSin, 9, 96r–104r. Однако только последний параграф оригинала написан собственноручно Фройсом. Различия между оригиналом и опубликованным вариантом являются случайными. Таким образом, можно заключить, что история об обожествлении Нобунага исходила от миссионеров-иезуитов в Японии и не получила поддержки в Европе.
- 544 Fróis, *História*, III, 343–344.
- 545 *Cartas*, II, 62v–63r, ср. Fróis, *História*, III, 329–334.

- 546 Asao, «„Shōgun kenryoku” no sōshutsu», 3, в *Rekishi hyōron* 293: 20–36 (1974).
- 547 Только два примера: Akita Hiroki, *Kami ni natta Oda Nobunaga*; Imatani Akira, *Nobunaga to tennō: chūseiteki ken’i ni idomu haō*.
- 548 *Cartas*, II, 47v–61r, Фройс Генералу Ордена, 31 октября 1582 года, Кутиноцу.
- 549 Там же, 257v, Фройс Бельхиору де Фигуэйредо, 1 июня 1569 года, Мияко. Там же, I, 475: Лоуренсо Мехиа Генералу Ордена, 20 октября 1580 года, Бунго.
- 550 Там же, 476r, 479v–480r, Стефанони, 1 сентября 1580 года, Мияко.
- 551 Там же, II, 16v, Лоуренсо Мехиа Перо да Фонсека, 8 октября 1581 года, Фунай.
- 552 J. Lamers, «Oda Nobunaga no tanjōbi ni tsuite», в *Hisutoria* 140: 85–87 (1993).
- 553 Herman Ooms, «Neo-Confucianism and the Formation of Early Tokugawa Ideology: Contours of a Problem», в *Confucianism and Tokugawa Culture*, ed. Peter Nosco, 41. Герман Оомс упускает из вида тот факт, что еще в 1928 году японский историк Като Гэнти отмел любые допущения о том, что Нобунага якобы обожествил себя. Основание тому — отсутствие каких бы то ни было японских источников, которые бы подкрепляли версию Фройса. См. *Proceedings of the Seventeenth International Congress of Orientalists, Oxford 1928* (London, 1929), 61–62. См. также W. J. Boot, «Tokugawa Ieyasu no shinkakuka o megutte», в *Nihon kyōku shironsō* (Koto: Shinbunkaku, 1988), 417–435.
- 554 *Cartas*, II, 155, Фройс Генералу Ордена, 27 августа 1585 года.
- 555 Там же, 342v–343r, Фройс Франсиско Кабралю, 20 апреля 1573 года, Мияко.
- 556 Ota Gyūichi, *Taikōsama gunki no uchi*, ed. Keiō Gijuku Daigaku Fuzoku Kenkyūjo, ms facsimile, 82–158, transcription, 20–36; *Shinchō-Kō ki*, кн. 15: 416–423.
- 557 Большинство западных историков лишь упоминают об этом событии. Единственное исключение: Walter Dening, *The Life of Toyotomi Hideyoshi*, 194–200.
- 558 Omura Yūko, «Koretō taijiki», в *Kaitai Shiseki shūran*, XII, 341.
- 559 Hashiba Chikuzen по Kami Hideoshi to Daitokuji, 13-й день девятого месяца десятого года Тэнсё, «Daitokuji monjo», 2, Yamashiro, в *Dai Nihon shiryō*, ser. 11, II, ed. Tōkyō Teikoku Daigaku, 731.
- 560 «Uzen Tendō Oda kafu», в *Dai Nihon shiryō*, ser. 11, II, 736.
- 561 Fróis, *História*, IV, 31.
- 562 Kusaka Hiroshi (comp.), Nōko Ibum, 23: Хидэёси господину Окамото Дзи-роэмон но Дзё и господину Сайто Гэнба но Сукэ, датировано 18-м днем десятого месяца десятого года Тэнсё.

ГЛОССАРИЙ

Акахоросю — «красные капюшоны», элитное подразделение конной гвардии Нобунага.

Андодзё — письмо-подтверждение, обычно выдавалось землевладельцам в знак подтверждения их прав.

Асигару — пехотинец.

Бакуфу — военное правительство Японии, возглавляемое сёгуном и часто переводимое как «сёгунат». *Бакуфу* Токугава, или Эдо (1603–1868), стало третьим в своем роде после *бакуфу* Камакура (1185–1333) и Муромати (1338–1573).

Бакухан тайсэй — политика, проводившаяся в Японии и являвшаяся своеобразным симбиозом сёгуната Токугава на общенациональном уровне и владений даймё (*хан*) на провинциальном.

Бугё — уполномоченный, общий титул для чиновников *бакуфу* среднего ранга.

Букэ но торё — «главнокомандующий», должность, которую Нобунага занял после падения сёгуната Муромати.

Буси — японское военное сословие.

Гонайсё — неофициальное письмо сёгуна.

Гондайнагон — временный первый канцлер.

Горэнси — «ветви», так называли родственников Нобунага в последние годы его режима.

Гэкокудзё — свержение высшего низшим — явление, которое часто ассоциируется с эпохой Сэнгоку.

Дайдзё дайdzин — первый министр, высшая должность в японской имперской бюрократии.

Дайкан — представитель, местный администратор.

Даймё — крупные провинциальные лидеры эпохи Сэнгоку (1467–1568); даймё той эпохи (всего их насчитывалось около 250) являлись провинциальными владыками.

Дзай-Адзутисю — вассалы, жившие в Адзуту.

Дзёкамати — город-замок.

Дзинаймати — город, примыкающий к храму.

Дзэни-дзиси — денежный доход.

Ёрики — резервные силы; вассалы Нобунага, которые для военных целей служили под командованием его крупнейших полководцев.

Идзё — замок-резиденция.

Икко икки — конфедерация последователей Истинной Школы Чистой земли.

Итиэн тигё — абсолютное право собственности (также известное как *иссики сихай*).

Кан — японская денежная единица, равная 1000 мон.

Канбаку — канцлер, правая рука императора; этот пост был выше даже *дайдзё дайdzин*.

Канрэй — заместитель сёгуна.

Каро — старший дома.

Кинтю — императорский двор.

Кокудзин — местный собственник.

Косё — паж, юноша на службе у самурая или даймё.

Кугё — придворная аристократия.

Кунигаэ — перевод в провинцию крупного собственника.

Куниката — землевладелец.

Курохоросю — «черные капюшоны», элитное подразделение конной гвардии Нобунага.

Кэн — мера длины, равная 1,8 метра.

Кэнти — землеописания; особенно хорошо известно общенациональное *Тайко кэнти*, выполненное Хидзёси.

Мондзэнмати — храмовый город.

Монто — последователи Истинной Школы Чистой земли.

Мунэбэцу — подворное налогообложение.

Мэйбуцу — чайная утварь; предметы, использовавшиеся во время чайной церемонии, которые собирали страстные коллекционеры, подобные Нобунага.

Мэцукэ — смотритель.

Найдайдзин — великий центральный министр.

Никки — дневники, которые традиционно вели японские аристократы.

Нинбу рэйсэн — откуп; деньги, выплачивавшиеся вместо других феодальных повинностей.

Нэнгу — земельный налог.

Отомосю — ближайшие сподвижники Нобунага; изначально так называли тех, кому было позволено сопровождать и охранять сёгунов Асикага во время выездов.

Риндзи тансэн — дополнительный земельный налог.

Садайдзин — девый министр.

Санги — императорский советник.

Санкин котай — система, установленная Токугава для даймё, когда они должны были проводить часть времени в Эдо, а часть — в своих владениях.

Сасидаси — отчет о земельном налоге.

Сёэн — средневековое японское владение.

Сики — права на доход, неотъемлемые от участка земли.

Сировари — политика, проводимая Нобунага и имевшая целью разрушение замков; известность получило разрушение замка представителями Нобунага в провинции Ямато в 1580 году.

Создзё — сопроводительное письмо.

Сюго — губернатор, назначавшийся сёгунатом Муромати.

Сюгодай — заместитель военного губернатора.

Сяку — мера длины, примерно равная одному футу.

Тайсё — полководцы Нобунага, большинство из них поступило на службу к нему в 1550-х годах.

Тодзама — не являющиеся наследными, «внешние» даймё; семьи, не поддержавшие или противостоявшие Токугава в битве при Сэкигахара (см. также *фудай*).

Токусэй — отмена долговых обязательств.

Тотигё — земельные владения.

Тэнка — государство, или место, откуда управлялось японское государство; часто неверно интерпретируется как собственные владения Нобунага.

Тэнка но ги — дела государства.

Тэнсю — башня замка.

Тэнто или *тэндо* — Путь Неба; моральный принцип, использовавшийся японскими хронистами XVII столетия.

Удайдзин — правый министр.

Удайсё — главный офицер Стражи Внутреннего дворца, Правое крыло.

Умамаварисю — конная гвардия, элитное подразделение Нобунага.

Фудай — наследные вассалы; при сёгунате Токугава данный термин обозначал те семьи, которые поддержали Токугава в решающей битве при Секигахара (1600 г.).

Фуку сёгун — заместитель сёгуна.

Фурэдзё — извещение, циркуляр.

Хонрё андо — подтверждение наследственного владения.

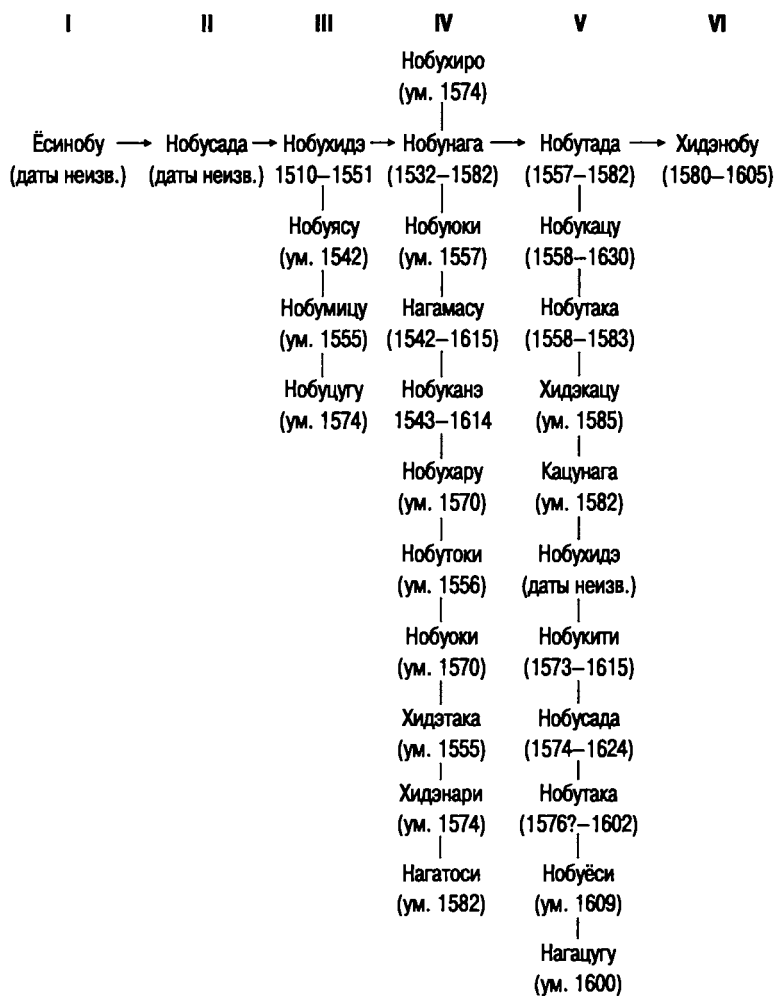
Юмисю — лучники Нобунага.

ЭПОХИ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

Эпоха Кофун	250–550
Эпоха Асука	550–710
Эпоха Нара	710–784
Эпоха Хэйан	794–1185
Эпоха Камакура	1185–1333
Эпоха Муромати	1338–1573
Эпоха Адзуты-Момояма	1568–1600
Эпоха Эдо	1603–1867

РОДОСЛОВНАЯ

Шесть мужских поколений семьи Ода

БИБЛИОГРАФИЯ

Рукописные источники

- Лиссабон. Библиотека Дворца Ажуда, серия «Jesuítas na Asia»:
49–IV–53 Valignano, Alessandro, SJ. *Libro primero del principio y progreso de la religión Christiana en Jappón y de la especial providencia de que Nuestro Señor usa con aquella nueva iglesia*
49–IV–56 Valignano, Alessandro, SJ. *Addiciones al sumario*

Рим. Архивы Общества Иисуса, серия «Japonica Sinica»:

6	Iapon. epist.	1565–1570
7 ^{I–III}	Iapon. epist.	1571–1575
8 ^{I–III}	Iapon. epist.	1576–1579
9 ^I	Iapon. epist.	1581–1583
9 ^{II}	Iapon. epist.	1583–1584

Печатные источники

Akagi Taeko. 'Oda Nobunaga no jiko shinkakuka to Tsushima Gozu Tenno'. In *Shigaku* 60.1:127–140(1991).

Akita Hiroki. *Oda Nobunaga to Azuchi-jō*. Osaka: Sōgensha, 1990.

Akita Hiroki. *Kami ni natta Oda Nobunaga*. Tokyo: Shōgakūkan, 1992.

Anderson, Perry. *Lineages of the Absolutist State*. London: NLB, 1974.

Arai Hakuseki. 'Tokushi yoron'. Vol. 3 in *Arai Hakuseki zenshū*, ed. Imaizumi Sadasuke et al. Tokyo: Yoshikawa Hanshichi, 1906.

Arai Kikuo. 'Shutsuji'. In *Oda Nobunaga jiten*, ed. Okamoto Ryōichi et al., 34–46.

Arnesen, Peter J. 'The Provincial Vassals of the Muromachi Shoguns'. In *The Bakufu in Japanese History*, ed. Jeffrey P. Mass and William B. Hauser, 99–128.

'Asakura ki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXII.B. 3rd rev. ed. 5th printing. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1976.

'Asakura shimatsu-ki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, VI. Tokyo: Kondō Kappanjo, 1900.

Asao Naohiro. 'Shōgun kenryoku no sōshutsu'. 3 installments in *Rekishi hyōron* 241:70–78 (1970); 266:46–59 (1972); 293:20–36 (1974).

Asao Naohiro. 'The Sixteenth-Century Unification'. In *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 40–95.

Asao Naohiro and Marius B. Jansen. 'Shogun and Tennō'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 248–270.

'Ashikaga kisei ki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, XIII. Tokyo: Kondō Kappanjo, 1902.

Bartoli, Daniello, SJ. *Dell'Historia della Compagnia di Giesu: Il Giappone; Seconda Parte Dell'Asia*. Rome: Stamperia d'Ignatio de'Lazzeri, 1660.

Beasley, W. G. and C. Blacker. 'Japanese Historical Writing in the Tokugawa Period (1603–1868)'. In *Historians of China and Japan*, ed. W. G. Beasley and E.G. Pulleyblank, 245–263.

Beasley, W. G., C. Blacker. and E. G. Pulleyblank (eds.). *Historians of China and Japan*. Historical Writing on the Peoples of Asia. London: Oxford University Press, 1961.

Beliën, H. and Gert Jan van Setten (eds.). *Geschiedschrijving in de twintigste eeuw: Discussie zonder eind*. Amsterdam: Agon, 1991.

Berry, Mary Elizabeth. *Hideyoshi*. Harvard East Asian Monograph 146. 2nd ed. Cambridge (Mass.) and London: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1989.

Birely, Robert, SJ. *The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1990.

Bodart, Beatrice M. 'Tea and Counsel: The Political Role of Sen Rikyū'. In *Monumenta Nipponica* 32.1:49–74 (1977).

Bodart-Bailey, Beatrice M. 'Tea and Politics in Late-Sixteenth-Century Japan'. In *Chanoyu Quarterly* 41:25–33 (1985).

Boot, W. J. *De dood van een shōgun*. Leiden: E. J. Brill, 1989.

Boscaro, A. (trans. and ed.). *101 Letters of Hideyoshi*. Monumenta Nipponica Monographs 54. Tokyo, Sophia University, 1975.

Boxer, C. R. *The Christian Century in Japan: 1549–1650*. Berkeley: University of California Press, 1951.

Boxer, C. R. *The Portuguese Seaborne Empire: 1415–1825*. The History of Human Society 6. Reprint. London: Hutchinson of London, 1977.

Braga, J. M., SJ. 'Catalogue of the Series «Jesuitas na Asia» of the Biblioteca da Ajuda'. Lisbon: n.d.

Brown, Jonathan, and J. H. Elliott. *A Palace for a King: The Buen Retiro and the Court of Philip IV*. New Haven and London: Yale University Press, 1980.

Brown, Kendall H. *The Politics of Reclusion: Painting and Power in Momoyama Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.

Brown, Philip C. *Central Authority and Local Autonomy in the Formation of Early Modern Japan: The Case of Kaga Domain*. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1993.

Brownlee, John S. *Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712)*. Waterloo (Ont.): Wilfrid Laurier University Press, 1991.

Buck, August. *Machiavelli*. Erträge der Forschung 226. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985.

Burke, Peter. *The Fabrication of Louis XIV*. New Haven and London: Yale University Press, 1992.

Butler, Lee A. 'Tokugawa Ieyasu's Regulations for the Court: A Re-appraisal'. In *Harvard Journal of Asiatic Studies* 54.2:525–551 (1994).

Cartas dos padres e irmãos da Companhia de Iesus q' andão na India nos reynos do Iapão escreverão aos da mesma Companhia em Europa des do anno 1549. de o. de 66. [...] Coimbra: Antonio de Maris, 1570.

Cartas que los Padres y Hermanos de la Compañia de Iesus, que andan en los Reynos de Iapon escrivieron a los de la misma Compañia, desde el año de mil y quinientos y quare[n]ta e nueve, hasta el de mil y quinientos y setenta y uno. Alcalá: Juan Iniguez de Lequerica, 1575.

Cartas que os Padres e Irmãos da Companhia de Iesus escreuerão dos Reynos de Iapão & China aos da mesma Companhia da India, & Europa, des do anno 1549. até o de 1580. 2 vols. Évora: Manoel de Lyra, 1598.

Chadō Shiryōkan. *Sō-Gen no bokuseki to kaiga: Chadō to kakemono*. Tokyo: Chadō Sōgō Shiryōkan, 1981.

Chamberlain, Basil Hall. *A Practical Introduction to the Study of Japanese Writing* (moji no shirube). 2nd rev. ed. London: Crosby Lockwood & Son, 1905.

Charlevoix, Pierre F. X. de, SJ. *Histoire et description generate du Japon*. Paris: Julien-Michel Gandouin et al., 1736.

Coaldrake, William H. 'The 'Rediscovery' of Azuchi-jō'. In Motoo Hinago, *Japanese Castles*, translated and adapted by William H. Coaldrake. Japanese Arts Library 14. Appendix B, 184–186.

Coaldrake, William H. *Architecture and Authority in Japan*. The Nissan Institute/Routledge Japanese Studies Series. London and New York: Routledge, 1996.

Collcutt, Martin. *Five Mountains: The Rinzaï Zen Monastic Institution in Medieval Japan*. Harvard East Asian Monographs 85. Cambridge (Mass.): Council on East Asian Studies, Harvard University, 1981.

Collcutt, Martin. 'Zen and the Gozan'. In *The Cambridge History of Japan*, III, *Medieval Japan*, ed. Kozo Yamamura, 583–652.

Cooper, Michael, SJ. 'The Muse Described: João Rodrigues' Account of Japanese Poetry'. In *Monumenta Nipponica* 26.1–2:55–75 (1971).

Cooper, Michael, SJ. *Rodrigues the Interpreter: An Early Jesuit in Japan and China*. New York and Tokyo: Weatherhill, 1974.

Cooper, Michael, SJ. 'The Nippo Jisho'. In *Monumenta Nipponica* 31.4:417–430 (1976).

Cooper, Michael, SJ. *They Came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640*. 1st paperback printing. Berkeley: University of California Press, 1981.

Dai Nihon komonjo, Iewake 8: Mōri-ke monjo, I–III. Compiled by Tōkyō Teikoku Daigaku. Tokyo: Tōkyō Teikoku Daigaku Bungakubu Shiryō Hensangakari, 1920–1922.

Dai Nihon komonjo, Iewake 9: Kobayakawa-ke monjo, I–III. Compiled by Tōkyō Teikoku Daigaku. Tokyo: Tōkyō Teikoku Daigaku Bungakubu Shiryō Hensanjo, 1925–1932.

Dai Nihon komonjo, Iewake 11: Kikkawa-ke monjo, I–III. Compiled by Tōkyō Teikoku Daigaku. Tokyo: Tōkyō Teikoku Daigaku Bungakubu Shiryō Hensangakari, 1927.

Dai Nihon komonjo, Iewake 12: Uesugi-ke monjo, I–II. Compiled by Tōkyō Teikoku Daigaku. Tokyo: Tōkyō Teikoku Daigaku Bungakubu Shiryō Hensanjo, 1931–1935.

Dai Nihon komonjo, Iewake 12: Uesugi-ke monjo, III. Compiled by Tōkyō Daigaku Shiryō Hensanjo. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1963.

Dai Nihon shiryō, ser. 10, I–VII. Edited by Tōkyō Teikoku Daigaku. Tokyo: Tōkyō Teikoku Daigaku Bungakubu Shiryō Hensanjo, 1928–1944.

Dai Nihon shiryō, ser. 10, VIII–XXII. Edited by Tōkyō Daigaku Shiryō Hensanjo. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1955–1997.

'Daiun'in kaisan Jōan Shōnin den'. In *Zoku Gunsho ruijū*, IX. Tokyo: Keizai Zasshisha, 1905.

Davis, David L. 'Ikki in Late Medieval Japan'. In *Medieval Japan: Essays in Institutional History*, ed. John Whitney Hall and Jeffrey P. Mass, 221–247.

Denig, Walter. *The Life of Toyotomi Hideyoshi*. 3rd ed. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1930.

Deursen, A. Th. van. *Willem van Oranje: Een biografisch portret*. Amsterdam: Bert Bakker, 1995.

Dobbins, James C. *Jōdo Shinshū: Shin Buddhism in Medieval Japan*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1989.

Doi Tadao, 'Das Sprachstudium der Gesellschaft Jesu in Japan im 16. und 17. Jahrhundert'. In *Monumenta Nipponica* 2:437–465 (1939).

Doi Tadao. *Kirishitan gogaku no kenkyū*. Osaka: Seibunsha, 1942.

Doi Tadao. *Kirishitan bunken kō*. Tokyo: Sanseidō, 1963.

'Dōhora gunki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXI.B. 3rd rev. ed. 5th printing. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1977.

'Dōke Sokan ki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, XIII.

Duus, Peter. *Feudalism in Japan. Studies in World Civilization*. 2nd ed. New York: A. A. Knopf, 1969.

'Eiroku irai nendaiki'. In *Zoku Gunsho Ruijū*, XXIX.B. 3rd rev. ed. 5th printing. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1978.

Elison, George. 'The Cross and the Sword: Patterns of Momoyama History'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 55–85.

Elison, George. 'Hideyoshi, the Bountiful Minister'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 223–244.

Elison, George. *Deus Destroyed: The Image of Christianity in Early Modern Japan*. Harvard East Asian Monographs 141. 2nd printing. Cambridge (Mass.): Council on East Asian Studies, Harvard University, 1988.

Elison, George and Bardwell L. Smith (eds.). *Warlords, Artists, & Commoners*. Honolulu: University Press of Hawaii, 1981.

Elisonas, Jurgis. 'Christianity and the Daimyō'. In *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 301–372.

Elisonas, Jurgis. 'The Inseparable Trinity: Japan's Relations with China and Korea'. In *The Cambridge History of Japan*, IV, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 235–300.

Fróis, Luís, SJ. *Die Geschichte Japans*. Translated by G. Schurhammer SJ and E. A. Voretzsch. Leipzig: Asia Major, 1926.

Fróis, Luís, SJ. *Kulturgegensätze Europa-Japan (1585): Tratado em que se contem muito susinta- e abreviadamente algumas contradições e differengas de custumes antre a gente de Europa e esta provincia de Japão*, ed. Josef Franz Schütte, SJ. Tokyo: Sophia University, 1955.

Fróis, Luís, SJ. *História de Japam*, ed. José Wicki, SJ. 5 vols. Lisbon: Biblioteca Nacional, 1976–1984.

Fróis, Luís, SJ. *História de Japam*. Annotated Japanese translation by Matsuda Kiichi and Kawasaki Momota, *Furoisu Nihonshi*. 12 vols. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1977–1980.

Fujii Manabu. 'Nichiren shūto no katsuyaku'. In *Kyōto no rekishi*, IV, *Momoyama no kaika*, ed. Kyōto Shi, 148–173. 7th printing. Tokyo: Gakugei Shorin, 1976.

Fujii Manabu. 'Sanmon to Ikkō ikki'. In *Kyōto no rekishi*, IV, 124–147.

Fujiki Hisashi. 'Tōitsu seiken no seiritsu'. In *Iwanami kōza Nihon rekishi*, IX, *Kinsei*, 1, ed. Asao Naohiro et al., 33–79. ser. 3. Tokyo: Iwanami Shoten, 1975.

Fujiki Hisashi (ed.). *Oda seiken no kenkyū*. Sengoku Daimyō Ronshū 17. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1985.

Fujiki Hisashi and George Elison. The Political Posture of Oda Nobunaga'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 149–193.

Fujimoto Masayuki. *Nobunaga no Sengoku gunjigaku: Senjutsuka Oda Nobunaga no jitsuzō*. Tokyo: JICC Shuppankyoku, 1993.

Fukuchiyama-Shi Shi Hensan linkai (ed.). *Fukuchiyama-Shi shi, Shiryō-hen*, I. Fukuchiyama: Fukuchiyama Shiyakusho, 1968.

Fukushima Masayoshi. 'Satake-shi to Shoku-Hō seiken'. In *Rekishi techō* 7.2:8–12 (1979).

Futaki Ken'ichi. *Chūsei buke girei no kenkyū*. 2nd printing. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1993.

[Gentillet, Innocent]. *Discours sur le moyens de bien gouverner & maintenir enpaix un Royaume, ou autre Principauté... Contre Nicolas Machiavel Florentin*. 3rd printing, n.p., 1579.

Gernet, Jacques. *Chine et christianisme: Action et réaction*. Bibliothèque des Histoires. Paris: Gallimard, 1982.

Gunkimono Danwakai (ed.). *Gunkimono kenkyū bunken sōmokuroku*. Tokyo: Gunkimono Danwakai, 1987.

Guzmán, Lvis de, SJ. *Historia de las misiones que han hecho los religiosos de la Compañia de Iesus, para predicar el sancto Euangelio en la India Oriental, y en los Reynos de la China y Japon*. 2 vols in 1. Alcalá de Henares: Juan Gracian, 1601.

Haitsma Mulier, E.O.G. *Het Nederlandse gezicht van Machiavelli: Twee en een halve eeuw interpretatie, 1550–1800*. Hilversum: Verloren, 1989.

Hall, John Whitney. 'Feudalism in Japan — A Reassessment'. In *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and Marius B. Jansen, 15–51.

Hall, John Whitney. 'Foundations of the Early Modern Japanese Daimyo'. In *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and Marius B. Jansen, 65–77.

Hall, John Whitney. 'Hideyoshi's Domestic Policies'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 194–223.

Hall, John Whitney. 'Japan's Sixteenth-Century Revolution'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 7–21.

Hall, John Whitney. 'The Muromachi Bakufu'. In *The Cambridge History of Japan*, III, *Medieval Japan*, ed. Kozo Yamamura, 128–182.

Hall, John Whitney. 'The Bakuhan System'. In *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 235–300.

Hall, John Whitney and Marius B. Jansen (eds.). *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*. Princeton: Princeton University Press, 1968.

Hall, John Whitney and Toyoda Takeshi (eds.). *Japan in the Muromachi Age*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1977.

Hall, John Whitney, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura (eds.). *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500–1650*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Hall, John Whitney and Jeffrey P. Mass (eds.). *Medieval Japan: Essays in Institution History*. Reissue. Stanford: Stanford University Press, 1988.

Hall, John Whitney and James L. McClain (eds.). *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Handa Minoru. 'Azuchi shūron ni tsuite'. In *Nenpō chūseishi kenkyū* 5:115–125 (1980).

Handa Minoru. 'Oda Nobunaga sokkin Ichiunsai Shin'ami ni kansuru ichikenkyū'. In *Nihon rekishi* 549:21–35 (1994).

Hashimoto Masanobu. '"Azuchi gyōkō" o shimesu Tokitsune-Kyō ki shihai monjo no ittō ni tsuite'. In *Shōjo kenkyū* 4:1–7 (1976).

Hashimoto Masanobu. 'Oda Nobunaga to chōtei'. In *Nihon rekishi* 405:26–43 (1982).

Hashizume Shigeru. 'Oda Nobuhide Nobunaga jidai no kashindan'. In *Rekishi techō* 6.1:16–21 (1978).

Hayakawa Junzaburō (ed.). *Tokitsugu-Kyō ki*. 4 vols. Tokyo: Kokusho Kankōkai, 1914–1915.

Hayashiya Tatsusaburō. *Nihon no rekishi*, XII, *Tenka tōitsu*. Chūkō Bunko S-2–12.25th printing. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1992.

Hayashiya Tatsusaburō and George Elison. 'Kyoto in the Muromachi Age'. In *Japan in the Muromachi Age*, ed. John Whitney Hall and Toyoda Takeshi, 15–36.

Heraïl, Francine. *Notes journalières de Fujiwara no Michinaga: ministre à la cour de Heian (995–1018)*. Traduction du Midō kanpakuki, [vol. 1], Hautes Études Orientales 23. Genève-Paris: Librairie Droz, 1987.

Hickman, Money L. (ed.). *Japan's Golden Age: Momoyama*. New Haven and London: Yale University Press, 1996.

Hikota Mieko. 'Hieizan yakiuchi no rekishiteki igi'. In *Seiji keizai shigaku* 117:28–32 (1976).

Hinago Motoo. *Japanese Castles*. Translated and adapted by William H. Coal-drake. Japanese Arts Library 14. Tokyo, New York, and San Francisco: Kōdansha International and Shibundō, 1986.

Hirao Yoshinao. 'Azuchi tenshu gokai no kūkan kōsei ni kansuru ichi-shiron: Shōhekiga o tegakari to shite'. In *Nihon rekishi* 570:18–35 (1995).

Holmes, Richard. *De biografie en de dood*. Amsterdam: Bert Bakker, 1997.

'Honsaroku'. In *Fujiwara Seika Hayashi Kazan*, ed. Ishida Ichirō and Kanaya Osamu. *Nihon Shisō Taikai* 28. Tokyo: Iwanami Shoten, 1975.

'Hosokawa ryōke ki'. In *Gunsho ruijū*, XIII. Tokyo: Keizai Zasshisha, 1904.

Hulsewé, A. F. P. 'Notes on the Historiography of the Han Period'. In *Historians of China and Japan*, ed. W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank, 31–43.

Imai Rintarō. 'Nobunaga seiken no rekishiteki igi'. In *Shisō* 9:27–37 (1947).

Imai Rintarō. 'Nobunaga no shutsugen to Chūseiteki ken'i no hitei'. In *Iwanami kōza Nihon rekishi*, IX, *Kinsei*, 1, ed. Ienaga Saburō et al., 47–83. ser. 2. Tokyo: Iwanami Shoten, 1963.

Imai Rintarō. *Oda Nobunaga*. Asahi Bunko 420. Tokyo: Asahi Shinbunsha 1966.

Imatani Akira. *Tokitsugu-Kyō ki: Kuge shakai to machishū bunka no setten*. *Nikki-Kiroku ni yoru Nihon Rekishi Sōsho*. Kodai Chūsei-hen 23. Tokyo: Soshiete, 1980.

Imatani Akira. 'Muromachi Local Government: Shugo and Kokujin'. In *The Cambridge History of Japan*, III, *Medieval Japan*, ed. Kozo Yamamura, 231–259.

Imatani Akira. *Nobunaga to tennō: Chūseiteki ken'i ni idomu haō*. Tokyo: Kōdansha, 1992.

Imatani Akira and Kozo Yamamura. 'Not for Lack of Will or Wile: Yoshimitsu's Failure to Supplant the Imperial Lineage'. In *Journal of Japanese Studies* 18.1:45–78 (1992).

Inga Koji. Tnga Koji jihitsu Azuchi mondō'. In *Dai Nihon Bukkyō zensho: Shūron sōsho*, I, ed. Bussho Kankōkai. Tokyo: Bussho Kankōkai, 1914.

Inoue Toshio. 'Shūkyō ikki'. In *Iwanami kōza Nihon rekishi*, VIII, *Chūsei*, 4, ed. Ienaga Saburō et al., 158–188. ser. 2. Tokyo: Iwanami Shoten, 1963.

Inoue Toshio. *Ikkō ikki no kenkyū*. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1968.

Ishida Yasuhiro. 'Oda Nobunaga shusshō-kō'. In *Kyōdo bunka* 47.1:1–9 (1992).

Ishii Yōichi. 'Oda Nobunaga hakkyū monjo ni miru "tenka" — Tenshō nenkan o chūshin ni'. In *Waseda Daigaku Daigakuin Bungaku Kenkyūka kiyō*, 10:101–110 (1983).

Iwasawa Yoshihiko. *Maeda Toshiie*. *Jinbutsu Sōsho* 38. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1966.

Iwasawa Yoshihiko. 'Honnōji no hen shū: Nichinichi-ki shoshū Tenshō jūnen natsu-ki ni tsuite'. In *Rekishi chiri* 91.4:213–224 (1968).

Iwasawa Yoshihiko. 'Shinchō-Kō ki no sakusha Ōta Gyūichi no sekai'. In *Shisō* 32:1–17 (1983).

Jansen, Marius B. 'Tosa in the Sixteenth Century: The 100 Article Code of Chōsokabe Motochika'. In *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and Marius B. Jansen, 89–114.

Jojitsu. Tenshō ninen sekkō ki'. In *Zoku zoku Gunsho ruijū*, XVI. Tokyo: Kokusho Kankōkai, 1909.

Jorissen, Engelbert. *Das Japanbild im "Traktat" des Luis Frois*. Portugiesische Forschungen der Görresgesellschaft. ser. 2. vol. 7. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1988.

Kamen, Henry. *Philip of Spain*. New Haven and London: Yale University Press, 1997.

Kanda Chisato. *Nobunaga to Ishiyama kassen: Chūsei no shinkō to ikki*. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1995.

Kanemi-Kyō ki. Edited by Saiki Kazuma and Someya Mitsuhiro. 2 vols. *Shiryō Sanshū* 19 and 47. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1971 and 1976.

Kasahara Kazuo. *Ikkō ikki: Hōken shakai no keisei to shinshū no kankei*. Nihon Rekishi Shinsho. Tokyo: Shibundō, 1966.

Katō Akira. 'Shūkyō seisaku'. In *Oda Nobunaga jiten*, ed. Okamoto Ryōichi et al, 94–102.

Katsumata Kazuo. *Sengoku-hō seiritsu shiron*. 2nd printing. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1982.

Katsumata Kazuo and Martin Collcutt. 'The Development of Sengoku Law'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 101–124.

Kawai Masaharu. *Ankokuji Ekei*. Jinbutsu Sōsho 32. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1969.

Keene, Donald. 'Joha, a Sixteenth-Century Poet of Linked Verse'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 113–131.

Kido Masayuki. 'Azuchi jōseki hakkutsu chōsa no seika to kongo no kadai'. In *Nihonshi kenkyū* 369:73–81 (1993).

Kitajima Masamoto. *Tokugawa Ieyasu: Soshikisha no shōzō*. Chūko Shinsho 17. 49th printing. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1991.

'Kiyosu kassenki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXI.A. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1923.

Kleiser, Alfons, SJ. 'P. Alexander Valignanis Gesandtschaftsreise nach Japan zum Quambacudono Toyotomi Hideyoshi, 1588–1591'. In *Monumenta Nipponica* 1:70–98 (1938).

Kobayashi Chigusa and Sen Sōko. *Genpon 'Shinchōki' no sekai*. Tokyo: Shin Jinbutsu Ōraisha, 1993.

Kobayashi Seiji. *Hideyoshi kenryoku no keisei: Shosatsu-rei kinzei jōkaku seisaku*. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1994.

Kojima Hiroji. 'Shobata-kei Oda-shi to Tsushima-shū: Oda seiken no seikaku o saguru tame ni'. In *Nagoya Daigaku Nihonshi ronshū*, ed. Nagoya Daigaku Bungakubu Kokushigaku Kenkyū shitsu, 19–60. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1975.

Kojima Hiroji. 'Oda Nobutada no Owari Mino shihai ni tsuite'. In *Tokugawa Rinseishi Kenkyūjo kenkyū kiyō* 1978, 182–196.

'Kugyō bunin', 2. In *Kokushi taikai*, X. Tokyo: Keizai Zasshisha, 1906.

Kuroda Toshio. 'Shintō in the History of Japanese Religion'. In *Journal of Japanese Studies* 7.1:1–20(1981).

Kusaka Hiroshi (comp.). *Hōkō ibun*. Tokyo: Hakubunkan, 1914.

Kusunose Masaru. 'Ishiyama kassen kōwa o meguru Kennyo to Kyōnyo no tairitsu ni tsuite'. In *Hokuriku shigaku* 27:46–52 (1978).

Kuwata Tadachika. 'Chadō-shi yori mitaru Honnōji no hen'. In *Kokugakuin zasshi* 63.2–3:51–57 (1962).

Kuwata Tadachika. *Oda Nobunaga*. Kadokawa Shinsho 192. Tokyo: Kadokawa Shoten, 1964.

Kuwata Tadachika. *Taikōki no kenkyū*. Tokyo: Tokuma Shoten, 1965.

Kuwata Tadachika. *Taikō shiryō-shū*. Tokyo: Jinbutsu Ōraisha, 1965.

Kuwata Tadachika. *Toyotomi Hideyoshi kenkyū*. Tokyo: Kadokawa Shoten, 1975.

'Kyōroku irai nendaiki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXIX.B. 3rd rev. ed. 5th printing. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1978.

Lach, Donald. *Asia in the Making of Europe, I, The Century of Discovery*. 2 books. Chicago and London: University of Chicago Press, 1965.

Lamers, J. 'Oda Nobunaga no tanjōbi ni tsuite'. In *Hisutoria*, 140:85–87 (1993).

Laures, Johannes, SJ. *Kirishitan Bunko: A Manual of Books and Documents on the Early Christian Mission in Japan*. Monumenta Nipponica Monographs 5. reprint. Tokyo: Rinsen Shoten, 1985.

Laures, Johannes, SJ. *Nobunaga unddas Christentum*. Monumenta Nipponica Monographs 10. Tokyo: Sophia University, 1950.

Machiavelli, Niccolò. *The Discourses of Niccolò Machiavelli*. Translated by Leslie J. Walker, SJ. 2 vols. 1st rev. reprint. London & Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975.

Machiavelli, Niccolò. *The Prince*. Translated by George Bull. London: Penguin Books, 1961.

Machiavelli, Niccolò. *The Prince*. Edited by Quentin Skinner and Russell Price. In *Cambridge Texts in the History of Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Maffei, G. P., SJ. *Historiarum Indicarum Libri XVI*. Florence: Filippo Giunta 1588.

Mass, Jeffrey P. and William B. Hauser (eds.). *The Bakufu in Japanese History*. Stanford: Stanford University Press, 1985.

Matsuda Kiichi. *Kinsei shoki Nihon kankei Nanban shiryō no kenkyū*. 2nd printing. Tokyo: Kazama Shobō, 1981.

Matsuda Kiichi. 'Nobunaga o torimaku kokusaiteki kankyō'. In *Oda Nobunaga jiten*, ed. Okamoto Ryōichi et al, 17–24.

Matsuda Ryō. *Nobunaga no Mino kōryaku-shi kenkyū*. Gifu: Shin Mino Shi Gakkai, 1976.

Matsuo Yoshitaka. 'Tenshō hachinen no Yamato sashidashi to ikkōku hajō ni tsuite'. In *Hisutoria* 99:15–43(1982).

Matusawa Tomosato. 'Shinchōki kō: Hoan Shinchōki no bungakusei'. In *Tōyō Daigaku kiyō bungakubu-hen* 17:69–86 (1963).

Matsuura Yoshinori. 'Shibata Katsue no Echizen kenchi to sonraku'. In *Shigaku kenkyū* 160:1–20 (1983).

McMullin, Neil. *Buddhism and the State in Sixteenth-Century Japan*. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Miki Seiichirō. 'Nobunaga no kuniokite o megutte'. In *Shinano* 28.5:414–424 (1976).

Miki Seiichirō. 'Nōbi bushidan: Oda seiken no seiritsu o megutte'. In *Rekishi techō* 6.1:4–9 (1978).

'Mino no kuni shokyū-ki'. In *Kokushi sōsho*. Tokyo: Kokushi Kenkyūkai, 1915.

Miyagawa Mitsuru and Cornelius J. Kiley. 'From Shōen to Chigyō: Proprietary Lordship and the Structure of Local Power'. In *Japan in the Muromachi Age*, ed. John Whitney Hall and Toyoda Takeshi, 89–105.

Miyakami Shigetaka. 'Azuchi-jō tenshu no fukugen to sono shiryō ni tsuite: Naito Akira-Shi "Azuchi-jō no kenkyū" ni taisuru gimon'. I–II. In *Kokka*, 998:7–26 (1977), 999:5–27 (1977).

Miyamoto Yoshiki. 'Mino sanninshu no kyoshū: Oda Nobunaga no Mino keiryaku'. In *Rekishi techō* 6.1:22–28 (1978).

Moran, Joseph. 'A Commentary on the Arte Breve da lingua Iapoa of João Rodriguez S.J., with particular reference to pronunciation'. D. Phil, dissertation: Oxford, 1971.

Moran, Joseph. 'The Well of Japanese Undefined: João Rodrigues' Advice on How to Study Japanese'. In *Monumenta Nipponica* 30.3:277–289 (1975).

Moran, Joseph. *The Japanese and the Jesuits: Alessandro Valignano in Sixteenth-Century Japan*. London and New York: Routledge, 1993.

Morillo, Stephen. 'Guns and Government: A Comparative Study of Europe and Japan'. In *Journal for World History*, 6.1:75–106 (1995).

Morris, V. Dixon. 'The City of Sakai and Urban Autonomy'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 23–54.

Morita Takeshi. *Hōyaku Nippo jisho sakuin*. 3rd printing. Tokyo: Iwanami Shoten, 1993.

Murdoch, James. *History of Japan, II, During the Century of Early Foreign Intercourse (1542–1651)*. 3rd printing. London: Routledge & Kegan Paul, 1949.

Murakami Naojirō. 'The Jesuit Seminary of Azuchi'. In *Monumenta Nipponica* 6.1–2:370–374 (1943).

Nagae Shōichi. *Miyoshi Nagayoshi*. Jinbutsu Sōsho 149. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1968.

Nagahara Keiji. 'The Decline of the Shōen System'. In *The Cambridge History of Japan, III, Medieval Japan*, ed. Kozo Yamamura, 260–300.

Nagahara Keiji and Kozo Yamamura. 'Village Communities and Daimyo Power'. In *Japan in the Muromachi Age*, ed. John Whitney Hall and Toyoda Takeshi, 37–63.

Nagayasu Shoshun. 'Tshiyama sensō no ketsumatsu to sono haikai'. In *Shinshū kenkyū* 10:27–34 (1965).

'Nagoya kassenki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, XIII.

Naito Akira. 'Azuchi-jō no kenkyū'. ML In *Kokka*, 987:7–120 (1976), 988:7–63 (1976).

Nakamura Koya. *Tokugawa Ieyasu-Kō den*. Nikkō: Tōshōgū Shamusho, 1965.

Nakamura Koya. *Shintei Tokugawa Ieyasu monjo no kenkyū*. 4 vols. Tokyo: Nihon Gakujutsu Shinkōkai, 1980–1982.

Nakane, Chie and Shinzaburō Ōishi (eds.). *Tokugawa Japan*. Tokyo: Tokyo University Press, 1990.

Nakao Takashi. 'Azuchi shūron no shiteki igi'. In *Nihon rekishi* 112:48–54 (1957).

Nakao Takashi. 'Nichirensu no hatten to Hokke ikki'. In *Ajia Bukkyō-shi: Nihon-hen*, VI, *Muromachi Bukkyō: Sengoku ransei to Bukkyō*, ed. Kasahara Kazuo et al., 277–343. Tokyo: Kōsei Shuppansha, 1972.

Okamoto Ryōichi (ed.). *Oda Nobunaga no subete*. 8th printing. Tokyo: Shin Jinbutsu Ōraisha, 1991.

Okamoto Ryōichi et al., (eds.). *Oda Nobunaga jiten*. Tokyo: Shin Jinbutsu Ōraisha, 1988.

Okuno Takahiro. *Ashikaga Yoshiaki*. Jinbutsu Sōsho 55. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1960.

Okuno Takahiro. *Takeda Shingen*. Jinbutsu Sōsho 19. 5th printing. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1963.

Okuno Takahiro. 'Takeda Shingen no seijō sakusen'. In *Nihon rekishi* 198:16–26 (1964).

Okuno Takahiro. 'Nobunaga no shūkyō seisaku'. In *Nihon rekishi* 202:96–97 (1965).

Okuno Takahiro. *Nobunaga to Hideyoshi*. Nihon Rekishi Shinsho 9. Tokyo: Shibundō, 1966).

Okuno Takahiro. 'Oda Nobunaga to Azai Nagamasa to no akushu'. In *Nihon rekishi* 248:165–169 (1969).

Okuno Takahiro. 'Oda seiken no kihon rosen'. In *Kokushigaku* 100:29–58 (1976).

Okuno Takahiro. 'Akechi Mitsuhide no hatsubutai'. In *Nihon rekishi* 356:71–73 (1978).

Okuno Takahiro. 'Kanbe Nobutaka no yakuwari: Kōshū ensei ni okeru'. In *Nihon rekishi* 380:92–97 (1980).

Okuno Takahiro. *Zōtei Oda Nobunaga monjo no kenkyū*. 3 vols. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1988.

Okuno Takahiro. 'Azuchi shūron chokuzen no Nobunaga'. In *Nihon rekishi* 512:120–121 (1991).

Ōkubo Tadataka. *Mikawa monogatari*, ed. Saiki Kazuma, Okayama Taiji, and Sagara Tom. Nihon Shisō Taikei 26. 6th ed. Tokyo: Iwanami Shoten, 1981.

Ōmura Yūko. 'Koreto tajjiki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, XIII.

Oostrom, F. P. van. *Het woord van eer: Literatuur aan het Hollandse hof omstreeks 1400*. 3rd printing. Amsterdam: Meulenhoff, 1992.

Oostrom, F. P. van. *Maerlants wereld*. Amsterdam: Prometheus, 1996.

Ōta Izumi no Kami Gyūichi. *Shinchō-Kō ki*. Edited by Okuno Takahiro and Iwasawa Yoshihiko. Kadokawa Bunko 2541. Tokyo: Kadokawa Shoten, 1969.

Ōta Izumi no Kami Gyūichi. *Taikōsama gunki no uchi*, ed. Keiō Gijyuku Daigaku Fuzoku Kenkyūjo Shidō Bunko. Tokyo: Kyūko Shoin, 1975.

Ōura Akio. *Tettei kensho: Nobunaga koroshi no shinsō*. Tokyo: Shin Jinbutsu Ōraisha, 1992.

Owada Tetsuo. 'Nobunaga shutsugenji no shūi no jōkyō'. In *Oda Nobunaga jiten*, ed. Okamoto Ryōichi et al, 10–17.

Owada Tetsuo. *Toyotomi Hideyoshi*. Chūkō Shinsho 784. 5th printing. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1992.

'Oyudono no Ue no nikki', VI–VII. In *Zoku Gunsho ruijū*, supp. ser. 3. 3rd rev. ed. 6th printing. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1987.

Oze Hoan. 'Taikōki'. In *Kaitei Shiseki shūran*, VI. Tokyo: Kondō Kappanjo, 1900.

Oze Hoan. *Shinchōki*, ed. Kangōri Amane. 2 vols. Kōten Bunko 58 and 59. Tokyo, Gendai Shichōsha, 1981.

Parker, Geoffrey. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Perrin, Noel. *Giving up the Gun: Japan's Reversion to the Sword, 1543–1879*. Boston: David R. Godine, 1979.

Polgár, László, SJ. *Bibliographie sur l'histoire de la Compagnie de Jésus: 1901–1980*. 6 vols. Rome: Institutum Historicum S.I., 1981–1990.

Ridolfi, Roberto. *The Life of Niccolò Machiavelli*. Translated by Cecil Grayson. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.

Robinson, G. W. 'Early Japanese Chronicles: The Six National Histories'. In *Historians of China and Japan*, ed. W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank, 212–228.

Robinson, G. W. and Beasley, W. G. 'Japanese Historical Writing in the Eleventh to Fourteenth Centuries'. In *Historians of China and Japan*, ed. W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank, 229–244.

Rodriguez, João, SJ. *Arte da lingoa de Iapam*. Nagasaki: Collegio de Iapão da Companhia de IESU, 1604–1608.

Rodriguez, João, SJ. *Arte breve da lingoa Japoa*. Macao: Collegio da Madre de Deus da Companhia de IESU, 1620.

Rodriguez, João, SJ. *Arte da lingoa de Iapam*. Annotated Japanese translation by Doi Tadao, *Nihon daibunten*. Tokyo: Sanseidō, 1955.

Rodriguez, João, SJ. *This Island of Japan: João Rodrigues' Account of 16th-Century Japan*. Translated by Michael Cooper, SJ. Tokyo and New York: Kōdansha International, 1973.

Röhl, W. 'Das Goseibaishikimoku: Eine Rechtsquelle der Kamakura Zeit'. In *Oriens Extremus* 5:228–245 (1958).

Röhl, W. 'Das Gesetz Takeda Shingen's'. In *Oriens Extremus* 6:210–235 (1959).

Ross, Andrew C. *A Vision Betrayed: The Jesuits in Japan and China, 1542–1742*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.

Ruiz-de-Medina, Juan (ed.). *Documentos del Japón: 1547–1557*. Monumenta Historica Societatis Iesu 137. Monumenta Missiorum Societatis Iesu 52. Monumenta Historica Japoniae 2. Roma: Instituto Historico de la Compañía de Jesús, 1990.

Ruiz-de-Medina, Juan (ed.). *Documentos del Japón: 1558–1562*. Monumenta Historica Societatis Iesu 148. Monumenta Missiorum Societatis Iesu 61. Monumenta Historica Japoniae 3. Roma: Instituto Historico de la Compañía de Jesús, 1995.

Sakamoto Tarō. *Rikkokushi*. Nihon Rekishi Sōsho 27. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1970.

Sakamoto Tarō. *The Six National Histories of Japan*. Translated by John S. Brownlee. Vancouver/Tokyo: UBC Press/University of Tokyo Press, 1991.

'Sakuma gunki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XX.B. 3rd. rev. ed. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1958.

Sansom, George. *A History of Japan. 1334–1615*. London: Cresset Press, 1961.

Sasaki Junnosuke. 'Nobunaga ni okeru "gaibun" to "tenka" ni tsuite'. In *Niigata shigaku* 8:1–11 (1975).

Sassa Katsuaki. *Oda Nobunaga*. Tokyo: Shin Jinbutsu Ōraisha, 1992.

Satō Shin'ichi. *Kaō o yomu*. Heibonsha Sensho 124. Tokyo: Heibonsha, 1988.

Schütte, Josef Franz, SJ. *Valignanos Missionsgrundsätze für Japan*, I. Band I. Teil: Das Problem (1573–1580). Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1951. I. Band II. Teil: Die Lösung (1580–1582). Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1958.

Schütte, Josef Franz, SJ. *Introductio ad Historiam Societatis Jesu in Japonia, 1549–1650*. Rome: Institutum Historicum S.I., 1968.

Seta Katsuya. *Rakuchū rakugai no gunzō: Ushinawareta chūsei Kyōto e*. Tokyo: Heibonsha, 1994.

Shimomura Nobuhiro. 'Oda seiken to Owari bushi: Sakai Bunsuke Toshisada o rei to shite'. In *Nagoya Shi Hakubutsukan kenkyū kiyō* 15:15–28 (1992).

Shively, Donald H. 'Popular Culture'. In *The Cambridge History of Japan*, IV, *Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 706–769.

Skinner, Quentin. *The Foundations of Modern Political Thought*, I. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

Skinner, Quentin. *Machiavelli*. Past Masters. Oxford: Oxford University Press, 1981.

Smith, Bardwell L. 'Japanese Society and Culture in the Momoyama Era: A Bibliographic Essay'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 245–279.

Solomon, Ira Michael. 'The Dilemma of Religious Power: Honganji and Hosokawa Masamoto'. In *Monumenta Nipponica* 33.1:51–65 (1978).

Someya Mitsuhiro. 'Nobunaga no shukurō Hayashi Sado no Kami to Matsunaga Hisahide no shin Hayashi Wakasa no Kami'. In *Nihon rekishi* 361:45–47 (1978).

Someya Mitsuhiro. 'Takeda Shingen no seijō sakusen shōkō: Shinshiryō no Nobunaga to Shingen no monjo'. In *Nihon rekishi* 360:54–63 (1978b).

Someya Mitsuhiro. 'Oda seiken to Ashikaga Yoshiaki no hōkōshū-bugyōshū to no kankei ni tsuite'. In *Kokushigaku* 110–111: 66–87 (1980).

Someya Mitsuhiro. 'Oda Nobunaga no yūhitsu ni tsuite no josetsu'. In *Kokugakuin zasshi* 89.11:156–173 (1988).

Someya Mitsuhiro. 'Shinchō-Kō ki misai no Nobunaga kankei no jiseki ni tsuite: Ota Gyūichi wa Niwa Nagahide no yūhitsu datta'. In *Sengoku-Shokuhō-ki no seiji to bunka: Yonehara Masayoshi Sensei koki kinen ronbunshū*. Compiled by Yonehara Masayoshi Sensei Koki Kinen Ronbunshū Kan-kōkai. Tokyo: Zoku Gunsho Ruijū Kanseikai, 1993.

Sonehara Satoshi. *Tokugawa Ieyasu shinkakuka e no michi*. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1996.

Steensgard, Niels. *The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1974.

Steenstrup, Carl. *A History of Law in Japan until 1868*. Leiden: Brill, 1991.

Sueki Fumihiko, 'A Reexamination of the Kenmitsu Taisei theory'. In *Japanese Journal of Religious Studies* 24.3-4:449-466 (1996).

Swart, K. W. *Willem van Oranje en de Nederlandse Opstand: 1572-1584*. The Hague: SDU, 1994.

Suitō Makoto. *Asakura Yoshikage*. Jinbutsu Sōsho 82. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1981.

Susser, Bernard. 'The Policies of the Oda Regime'. In *Baika Tanki Daigaku kenkyū kiyō* 28:1-16(1979).

Suzuki Ryōichi. *Toyotomi Hideyoshi*. Iwanami Shinsho 171. Tokyo: Iwanami Shoten, 1954.

Suzuki Ryōichi. *Oda Nobunaga*. Iwanami Shinsho 649. Tokyo: Iwanami Shoten, 1967.

Tachibana Kyōko. 'Nobunaga e no sanshoku suinin ni tsuite'. In *Rekishi hyōron* 497:50-62 (1991).

Tachibana Kyōko. 'Nobunaga e no sadaijin suinin ni tsuite'. In *Nihon rekishi* 538:19-36 (1993).

Tagaya Ken'ichi. 'Oda-shi no seikei-kō'. In *Shigaku zasshi* 49.11-12: 1361-1396, 1481-1503 (1938).

Takagi Yōtarō. 'Oda seikenki ni okeru 'tenka' ni tsuite'. In *Oda seiken no kenkyū*, Sengoku Daimyō Ronshū 17, ed. Fujiki Hisashi, 436-457. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1985.

Takagi Yutaka. 'Azuchi shūron shūi'. In *Nihon rekishi* 168:51-60 (1962).

Takao Kazuhiko. 'Nobunaga no nyūkyō'. In *Kyōto no rekishi*, IV, *Momoyama no kaika*, ed. Kyōto Shi, 40-62. 7th printing. Tokyo: Gakugei Shorin, 1976.

Takaoka Tetsu. 'Oda-shi no Etchū shinshutsu to Saitō Shingorō no kiseki'. In *Toyama shidan* 64:14-24(1976).

Takase Kōchirō. 'Kirishitan to tōitsu kenryoku'. In *Iwanami kōza Nihon rekishi*, IX, *Kinsei*, 1, ed. Asao Naohiro et al., 196-226. ser. 3. Tokyo: Iwanami Shoten, 1975.

Takayanagi Mitsutoshi. *Akechi Mitsuhide*. Jinbutsu Sōsho 1. 4th printing. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1963.

Takayanagi Shun'ichi. 'The Glory that was Azuchi'. In *Monumenta Nipponica* 32.4:515-524 (1977).

Takeda Tsuneo. *Kanō Eitoku*. Translated and adapted by H. Mack Horton and Catherine Kapula. Japanese Arts Library 3. Tokyo, New York, and San Francisco: Kōdansha International and Shibundō, 1977.

Takeuchi Rizō (ed.). *Ietada nikki*, I. Zoku Shiryō Taisei 19. Kyōto: Rinsen Shoten, 1967.

Takeuchi Rizō (ed.). *Harumigi ki*. Zoku Shiryō Taisei 9. Kyōto: Rinsen Shoten, 1967.

Takizawa Naohiro. 'A Study of "Ars grammaticae Iaponicae linguae" 1632 by Diego Collado and its Sources'. Ph.D. dissertation: University of Illinois, 1993.

Tanaka Hisao. 'Ōta Gyūichi'. In *Kokumin seishin bunka* 8.4:73–86 (1943).

Tanaka Hisao. 'Ōta Gyūichi Shinchō-Kō ki seiritsu ko'. In *Teikoku Gakushūin kiji*, 5.2–3:137–157 (1947).

Tanaka Yoshinari. 'Shinchōki kō'. In *Shigaku zasshi* 1.1:36–39 (1889).

Tanaka Yoshinari. 'Oda Nobunaga no kinnō ni tsuite'. In *Kokugakuin zasshi* 17.11:10–17 (1911).

Tanaka Yoshinari. *Oda-jidai shi*. Tokyo: Meiji Shoin, 1924.

Taniguchi Katsuhiro. 'Ōta Gyūichi-cho Shinchōki no shinpyōsei ni tsuite'. In *Nihon rekishi* 389:38–51 (1980).

Taniguchi Katsuhiro. 'Oda Nobutada gundan no keisei to hatten'. In *Nihon rekishi* 419:49–64 (1983).

Taniguchi Katsuhiro. 'Genki nenkan ni okeru Nobunaga no Ōmi shihai taisei ni tsuite'. In *Nihon rekishi* 471:22–40 (1987).

Taniguchi Katsuhiro. *Oda Nobunaga kashin jinmei jiten*. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1995.

Taniguchi Katsuhiro. *Nobunaga no shin'eitai: Sengoku hasha no tasai najinzai*. Chūkō Shinsho 1453. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1998.

Taniguchi Kengo. *Rurō no Sengoku kizoku Konoe Sakihisa: Tenka tōitsu ni honro sareta shogai*. Chūkō Shinsho 1213. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1994.

Tanimori Atsuko. 'Ōta Gyūichi to sono chosho'. In *Shigaku zasshi* 38.6:32–58 (1927).

Tateri Sakyō no Suke Nyūdō Ryūsa ki' In *Kaitei Shiseki shūran*, XIII.

Teeuwen, Mark. *Watarai Shintō: An intellectual history of the Outer Shrine in Ise*. Leiden: Research School CNWS, 1996.

'Toki ruidaiiki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXI.B.

'Toki Saitō gunki'. In *Zoku Gunsho ruijū*, XXI.B.

Tokugawa Yoshinobu. *Shinshū Tokugawa Ieyasu monjo no kenkyū*. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1983.

Tōkyō Daigaku Shiryō Hensanjo (ed.). *Tokitsune-Kyō ki*, I. Dai Nihon Kokiroku. Tokyo: Iwanami Shoten, 1959.

Tollebeek, Jo. 'Het Duitse debat: Geschiedenis rond 1900'. In *Geschiedschrijving in de twintigste eeuw: Discussie zonder eind*, ed. Herman Belien and Gert Jan van Setten, 15–40.

'Tōdaiki'. In *Shiryō zassan*, II. Tokyo: Kokusho Kankōkai, 1911.

'Tōgoku kikō'. In *Gunsho ruijū*, XI. Tokyo: Keizai Zasshisha, 1907.

Totman, Conrad. *Tokugawa Ieyasu: Shogun*. San Francisco: Heian International, 1983.

Totman, Conrad. *Early Modern Japan*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1993.

Toyoda Takeshi. *Sakai: Shōnin no shinshūtsu to toshi no jiyū*. Tokyo: Shibundō, 1966.

Tsuji Zennosuke. *Nihon Bukkyō-shi*, VII, *Kinsei-hen*, 1. Tokyo: Iwanami Shoten, 1952.

Tsuji Zennosuke (ed.). *Tamon'in nikki*. Vols. II–III. Tokyo: Kadokawa Shoten, 1967.

Tsuyama Chie. *Furoisu ga mita Nihon: Oda Nobunaga to Takayama Ukon*. Tokyo: San'ichi Shobō, 1992.

Valignano, Alessandro, SJ. *Sumario de las cosas de Japón (1583)*, ed. José Luis Alvarez-Taladriz. Monumenta Nipponica Monographs 9. Tokyo: Sophia University, 1954.

Valignano, Alessandro, SJ. *Adiciones del sumario de Japón (1592)*, ed. José Luis Alvarez-Taladriz, printed but unpublished.

Valignano, Alessandro, SJ. *Sumario de las cosas de Japón*. Japanese translation by Matsuda Kiichi and Sakuma Tadashi, *Nihon junsatsuki*. Tōyō Bunko 229. Tokyo: Heibonsha, 1973.

Valle, Pietro della. *Delle Condizioni di Abbàs Rè di Persia*. Venice: Francesco Baba, 1628.

Valle, Pietro della. *The Pilgrim: The Travels of Pietro della Valle*. Translated by George Bull. London: Hutchinson, 1990.

Vaporis, Constantine Nomikos. *Breaking Barriers: Travel and the State in Early Modern Japan*. Harvard East Asian Monographs 163. Cambridge (Mass.) and London: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1994.

Varley, Paul. *The Ōnin War*. New York and London: Columbia University Press, 1967.

Varley, Paul and George Elison. 'The Culture of Tea: From its Origins to Sen no Rikyū'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 187–222.

Varley, Paul and Kumakura Isao (eds.). *Tea in Japan: Essays on the History of Chanoyu*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989.

Verkaik, Jan Willem. *De moord op graaf Floris V*. Hilversum: Verloren, 1996.

Vries, P. H. H. *Verhaal en betoog: Geschiedbeoefening tussenpost-moderne vertelling en sociaal-wetenschappelijke analyse*. Leidse Historische Studien 1. Leiden: Centrum voor Moderne Geschiedenis, 1995.

Vocabulario da lingoa de Iapam. Nagasaki: Collegio de Iapam da Companhia de Iesvs, 1603–1604.

Vocabulario da lingoa de Iapam. Japanese translation and adaptation by Doi Tadao, Morita Takeshi, and Chōnan Minoru, *Hōyaku Nippo jisho*. 3rd printing. Tokyo: Iwanami Shoten, 1993.

Wada Gun'ichi. 'Ranjatai'. In *Nihon rekishi* 335:40–43 (1976).

Wakita Haruko and Susan B. Hanley. 'Dimensions of Development: Cities in Fifteenth- and Sixteenth-Century Japan'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 295–326.

Wakita Osamu. 'The Emergence of the State in Sixteenth-Century Japan: From Oda to Tokugawa'. In *Journal for Japanese Studies* 8.2:343–367 (1982).

Wakita Osamu. *Oda Nobunaga: Chūsei saigo no hashu*. Chūkō Shinsho 843. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1987.

Wakita Osamu. 'The Social and Economic Consequences of Unification'. In *The Cambridge History of Japan, IV, Early Modern Japan*, ed. John Whitney Hall and James L. McClain, 96–127.

Wakita Osamu. *Oda seiken no kiso kōzō: Shoku-Hō seiken no bunseki*. Vol. I. 3rd printing. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1993.

Wakita Osamu. *Kinsei hōkensei seiritsu shiron: Shoku-Hō seiken no bunseki*. Vol. II. 3rd printing. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1993b.

Wakita Osamu and James L. McClain. 'The Commercial and Urban Policies of Oda Nobunaga and Toyotomi Hideyoshi'. In *Japan Before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*, ed. John Whitney Hall, Nagahara Keiji, and Kozo Yamamura, 224–247.

Watanabe Emiko. 'Azuchi no kashindan yashiki ni tsuite'. In *Kokushigaku* 125:55–61 (1985).

Watanabe Emiko. 'Oda Nobutada no monjo to kaō'. In *Komonjo kenkyū* 24:69–80 (1985).

Watanabe Emiko. 'Oda Nobutada kō'. In *Nihon rekishi* 440:23–37 (1985).

Watanabe Emiko. 'Oda Nobunaga no sokujo ni tsuite'. In *Kokugakuin zasshi* 89.11:174–189 (1988).

Watanabe Yosuke. *Azuchi Momoyamajidai shi*. Dai Nihon Jidai Shi 7. Tokyo: Waseda Daigaku Shuppanbu, 1907.

Watsky, Andrew M. 'Commerce, Politics, and Tea: The Career of Imai Sōkyū'. In *Monumenta Nipponica* 50.1:47–65 (1995).

Weber, Max. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5th rev. ed. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1972.

Weinstein, Stanley. 'Rennyō and the Shinshū Revival'. In *Japan in the Muromachi Age*, ed. John Whitney Hall and Toyoda Takeshi, 331–358.

Wheelwright, Carolyn. 'A Visualization of Eitoku's Lost Paintings at Azuchi Castle'. In *Warlords, Artists, & Commoners*, ed. George Elison and Bardwell L. Smith, 87–111.

Yamaguchi Shigeru. 'Oda Nobukatsu kashindan ni tsuite'. In *Kyōdo bunka* 38.3:15–28 (1984).

Yamamura, Kozo (ed.). *The Cambridge History of Japan, III, Medieval Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Yamamuro Kyōko. *Ōgon taikō: Yume o enjita tenkabito*. Chūkō Shinsho 1105. Tokyo: Chūō Kōronsha, 1992.

Yang Lien-Sheng. 'The Organization of Chinese Official Historiography: Principles and Methods of the Standard Histories from the T'ang through the Ming Dynasty'. In *Historians of China and Japan*, ed. W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank, 44–59.

Yokoyama Takaharu. *Nobunaga to Ise Iga—Mie Sengoku monogatari*. Tokyo: Sōgensha, 1992.

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь, я хотел бы выразить благодарность своей жене Анне за ту поддержку, которую она неизменно оказывала мне как во время написания докторской диссертации, так и при ее переработке для настоящего издания. Анна, ты самая лучшая! Неисчерпаемым источником вдохновения для меня также были наши дети: Исбранд, Ева и Джулия.

Среди всех тех, кто оказывал мне профессиональную помощь в работе над этой книгой, особого упоминания заслуживают профессор В. Д. Бот из Лейденского университета и профессор Д. С. А. Элионас из Университета Индианы. Профессор Бот открыл мне богатейший мир японской классической филологии, а профессор Элионас не уставал напоминать мне о справедливости старой истины «Лучше меньше, да лучше». Если их уроки не получили достойного воплощения в этом исследовании, вина лежит исключительно на ученике. Лекции Ту Мяо-лина, Яна ван Бремена, Эрики де Портер и Джека Схолтена в равной степени способствовали формированию и специализации моих интересов в японистике во время учебы в Лейдене. Том Харпер, Иво Смитс, Петер Энгельфрит и Марк Бейнстерс с радостью делились своими идеями по поводу этой книги в ходе наших многочисленных бесед в Лейденском университете. С особой признательностью я вспоминаю свои дискуссии с Гуитой Винкел. Отдельную благодарность я хотел бы выразить коллективу библиотеки Центра японских и корейских исследований Лейденского университета: Алларду Олофу, Полу Вейсману и Хейбу ван Бегену.

Я также хотел бы поблагодарить Робинсон Колледж (Кембридж, Великобритания) за предоставленную возможность обучаться в течение года в Кембриджском университете, а также Петра Корнички, Марка Морриса и профессора Ричарда Боуринга

с Восточного факультета Кембриджа за знакомство с англосаксонскими академическими традициями. Мое обучение в Кембридже финансировалось по Программе Эразма, ЕС. Также, благодаря гранту Лейденского университета, я смог провести семестр в Университете Коимбры (Португалия). Бенджамин Тенсма постоянно помогал мне корректировать переводы с португальского языка.

Стипендия Министерства образования Японии позволила мне провести два года в Университете Осаки (Япония) под руководством профессора Вакида Осаму, который помогал мне ориентироваться в море источников и современных исследований о Нобунага. Фудзита Каёко познакомил меня с японской университетской жизнью и часто разъяснял смысл древних текстов. Я хотел бы также выразить сердечную благодарность профессору Энмото Сатито из Университета Кобэ и его жене Эмико. От профессора Энмото более, чем от кого бы то ни было другого, я узнал о повседневной жизни Японии.

Огромным удовольствием для меня было готовить настоящую книгу к публикации с коллективом «Хотэй Паблишинг». Неоценимую помощь в редактировании текста, чтобы сделать его более доступным для неспециалиста, оказал мне Марк Пойсден.

Я глубоко обязан мистеру и миссис Г. Д. Кортелинг, сыгравшим большую роль в формировании моих личных, академических и профессиональных интересов в области японистики. Они также великодушно финансировали публикацию моей диссертации.

Наконец, данная работа никогда не была бы завершена без участия и интереса со стороны моей семьи и друзей. Я благодарю вас всех, в особенности Ому ван Кессел, Лин и Сашу, Хюба и Алетту, РН и Тоню, Тома и Пина, Тома, Ингмара и Каролин, Мартина, Феликса, Михаэля, Ричарда, Оскара и Аню.

Я несказанно благодарен своим родителям за то, что они позволили мне найти свой путь в этой жизни.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Ава, провинция 60, 219, 246

Авадзи, провинция 246

Аватагути 134

Адзай, семья 88, 100, 110

Адзай Хисамаса 35, 55, 56, 109, 110

Адзай Нагамаса 35, 63, 77, 82, 83,
84, 85, 86, 98, 100, 102, 103, 104,
109, 110, 187, 188, 189

Адзути, гора 138, 139, 140, 152, 160,
163, 165, 204, 251

Адзути, город 42, 149, 151, 152, 153,
155, 156, 159, 161, 162, 165, 166,
167, 177, 196, 205, 206, 207, 208,
209, 212, 214, 238, 250, 264

Адзути, замок 13, 21, 34, 36, 39, 43,
77, 79, 136, 137, 138, 139, 140,
141, 142, 143, 144, 145, 146, 147,
148, 149, 150, 151, 160, 164, 168,
173, 176, 178, 184, 220, 231, 242,
243, 244, 245, 246, 247, 252, 253,
256, 264, 265

Адзути сюрон дзицуроку 209, 210

Айти 20, 21, 26, 46, 53, 102, 126

Акахоросю 35

Аки, провинция 49, 176, 189, 217

Акияма Нобутомо 102

Акэти, замок 126, 153

Акэти Мицухидэ 36, 41 59, 77, 86,
95, 98, 112, 128, 129, 133, 148,
165, 173, 178, 184, 190, 216, 218,
220, 221, 223, 228, 230, 231, 232,
233, 238, 242, 244, 247, 248, 249,
250, 256, 257, 264

Амагасаки 181, 192

Анаяма Байсэцу 247

Андо Моринари 38, 40, 42, 43

андодзэ 40

Анкокудзи Экэй 111, 113

Анэ, река 55, 56, 82

Аояма Ёсозмон 26, 30

Араки, семья 181

Араки Мурасигэ 36, 106, 108, 120,
167, 178, 179, 181, 182, 183, 184,
185, 189, 190, 200, 201, 202, 204,
205, 217

Арако 221

Ариока, замок 165, 178, 180, 181,
182, 183, 184, 200, 204

Асакура, семья 20, 61, 62, 88,
100, 110

Асакура Ёсикагэ 35, 55, 56, 61, 77,
80, 81, 82, 83, 84, 86, 89, 90, 98,
99, 100, 102, 103, 104, 108, 109,
110, 131, 187, 188, 189

Асао Наохиро 13, 78, 116, 129, 145,
251, 254

- Асаяма Нитидзэ 77
асигару 31
 Асикага, клан 13, 15, 19, 79, 121, 125
 Асикага Ёсиаки 21, 30, 36, 43, 50, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 96, 97, 98, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 114, 122, 123, 135, 136, 139, 155, 169, 170, 172, 178, 189, 229, 262, 263
 Асикага Ёсихидэ 60, 64
 Асикага Ёсимаса 120
 Асикага Ёсимицу 143
 Асикага Ёсинори 175
 Асикага Ёситэру, или Когэнъин 46, 47, 48, 49, 59, 60, 61, 64, 67, 93, 111, 114, 173
 Асукай Масацу 174
 Асукай Масанори 125
 Асукай Масацуна 46
 Атаго, гора 248
 Аусака 106, 134
 Ацудзи Садахиро 148
 Ацута 21, 25, 53
- Б**
бакуфу 13, 15, 36, 43, 61, 73, 74
 Бан Наомаса 106, 120, 121, 133, 170, 229
 Берри, Мари Элизабет 13, 223
 Бива, озеро 13, 64, 108, 138, 141, 143, 150, 162, 220
 Бидзэн, провинция 39, 176, 184, 238
 Бинго, провинция 49, 109, 170
 Биттю, провинция 49, 249, 257
 Бон, праздник 23, 149, 150
 Бонза 25, 196, 197, 202
буге 22
- Будда 86, 120, 122, 173, 254, 255, 259
 буддизм 14, 16, 17, 25, 89, 186, 187, 194, 195, 196, 197, 201, 210, 214, 255
 Бунго, провинция 16, 177
буси 16, 187
 Бут, В. Д.
 Бэссэ, семья 127, 176, 184
 Бэссэ Нагахару 80, 178, 184
- В**
 Вакаса, провинция 19, 61, 67, 82, 94, 222
 Вакаэ, замок 109, 199
 Вакаяма 17, 83, 109, 170, 188
 Вакида Осаму 13, 70, 72, 154, 174, 190, 199, 200, 225, 226, 227, 231, 232, 234
 Валиньяно, Алессандро 78, 139, 142, 160, 234, 239, 240, 242
 Васи но Мори 193
 Вата, семья 61
 Вата Корэмаса 61
 Вата Корэнага 108
 Вилела, Гаспар 47, 48, 206
- Г**
 Гамо Катахидэ 166
 «Гёко но Ма» 143
 Гифу, замок 29, 30, 34, 55, 58, 67, 76, 77, 79, 81, 84, 91, 99, 104, 105, 106, 107, 108, 118, 126, 129, 134, 138, 139, 159, 161, 165, 173, 196, 215, 250
гокинай — см. Домашние провинции
 Го-Ёдзай, император 143
 Го-Комацу, император 143
 Го-Мидзуноо, император 144
гонайсэ 49, 77, 78, 80

Го-Нара, император 46
гондайнагон 118
Го-Ёдзэй, император 143
Го-Цутимикадо, император 143
Гузман, Луис де 251
гэкокудзё 15, 20
Гэнки, эпоха 41, 76, 77, 81, 82, 91, 95, 99, 110, 111

Д

Дайго 83
дайдзё дайджин 46, 246
дайкан 65
даймё 11, 13, 16, 17, 18, 19, 24, 30, 33, 38, 40, 45, 46, 47, 49, 52, 61, 62, 69, 74, 75, 77, 79, 80, 81, 86, 95, 117, 127, 133, 134, 139, 147, 150, 154, 155, 156, 169, 188, 189, 190, 199, 200, 204, 205, 206, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 234, 235, 242, 259, 263, 265
Дайтокудзи 73, 256, 258, 259
Дайходзи, семья 185
Даси 182
Датэ Тэрумунэ 133, 134
Дзёан 209, 212
«Дзёдзё» 77
Дзёдзицу 121, 122, 123
дзёкамати 152
дзикинин 42, 118
дзинаймати 18
Дзисёдзи 68
дзэни-дзиси 231
Дзюракутэй 143
«Дзяиси» 140
Домашние провинции 35, 51, 60, 67, 78, 105, 154, 189, 202, 265
Дота, госпожа 27
Дэва, провинция 133, 134, 185
«Дэнтю Онъокитэ» 70

Ё

Ёсида Канэми 99, 130, 158, 173, 174, 239
Ёсида, святилище 158

И

Ибараки, замок 84, 167, 178, 180, 203
Ивакура 20, 22, 29, 31
Ивамура, замок 102
Иванари Томомити 94, 108, 109, 189
Ига, провинция 162, 234, 238, 265
Идзу, провинция 19
Идзуми, провинция, 64, 78, 216, 219, 243
Идзумо, провинция 219
Идо Масамото 165
Имори, замок 60
Иезуиты 8, 11, 14, 18, 21, 25, 47, 48, 56, 60, 78, 85, 86, 133, 140, 141, 142, 151, 156, 161, 166, 167, 168, 179, 181, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 204, 205, 206, 207, 221, 239, 240, 251, 253, 254, 255, 266
Иё, провинция 246
Икэда Норимаса 199
Икэда Цунэоки 32, 36, 56, 98, 167, 216, 218, 222, 243, 257, 258, 259, 262
«Икэнсё» 80, 90, 91, 93
Иккан 139
икки 18, 123, 124, 129, 131
Икко йкки 83, 114
Икко, школа 27, 54, 82, 85, 88, 97, 100, 101, 114, 115, 116, 117, 118, 157, 170, 175, 184, 187, 188, 189, 227, 229, 230
Имагава, семья 19, 26, 30, 52, 53
Имагава Ёсимото 24, 28, 31, 51, 53, 54
Иматани Акира 129

- Инаба Гёбу 166
 Инаба Иттэцу 38, 42, 43
 Инаба, провинция 167, 238
 Инаба, гора 29, 38, 50, 62
 Инга Кодзи 209, 210, 213
 «Инга Кодзи дзихицу Адзути мондо» 207, 209, 210
 Иноко Таканари 164
 Исияма Хонгандзи 17, 18, 30, 57, 83, 103, 108, 109, 114, 115, 116, 123, 124, 135, 162, 165, 169, 170, 171, 172, 176, 178, 179, 180, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 199, 200, 205, 215, 217, 224, 227, 228, 230, 236, 237, 238, 263, 266
 Иссики Ёсимити 133, 239
 Истинной Чистой Земли, школа 17, 18, 83, 114, 117, 118, 199
 «История Японии» 9, 25, 60, 159, 167, 196, 197, 204, 250, 257
 Исэ, провинция 23, 34, 38, 42, 51, 64, 67, 76, 85, 88, 115, 116, 117, 118, 162, 177, 188, 189, 210, 221, 222, 228, 255, 261, 265
 Исэ Садаоки 108, 112, 239
 Итами, замок 84
 Итами Тикаока, 108
 Итидзё, улица 182, 183
 Итидзё Утимото 135
 Итидзёин
 Итихаси Нагатоси 38
- К**
- Кабраль, Франсиско 92, 196
 Кавати, провинция 56, 60, 64, 78, 83, 88, 89, 109, 170, 199, 216, 217, 227, 228, 229, 243, 258
 Кавадзири Хидэтака 36, 166, 167, 219, 244, 245
 Кага, провинция 18, 57, 110, 133, 172, 184, 191, 192, 216, 218, 238
 Кадзюдзи Харутоё 130, 180, 191, 192, 193, 246
 Кадзюдзи Харумуги 125
 Каи, провинция 16, 49, 57, 63, 74, 126, 184, 206, 216, 219, 229, 230, 242, 243, 245, 252, 261
 Камакура, период 17, 79, 186
 Камо, святилище 73, 74, 94
 Камэи Санэнори 218, 219
 Камэяма, замок 248, 249
кан 46, 154
 Канамори Нагатика 243
канбаку 46, 246
 Кано Эйтоку 139, 140, 146, 148
канрэй 19, 64
 Канродзи Цунэмото 125
 Канто Ходзё 19, 261
 «Канэми-кё ки» 119, 124, 127
 Карасумару Мицунобу 95, 239
 Карасумару Мицуясу 75, 95, 172
каро 30, 32
 Касуга, святилище 119, 121
 Катано, замок 84
 Кёнё 193, 194
 Кинай 67, 72, 79, 81, 103, 105, 116, 119, 127, 153, 190, 199, 201, 202, 206, 228
 Кидзу, река 170
 Киёмидзудэра 73, 74
 Киёсу 20, 22, 23, 24, 28, 29, 31, 33, 37, 38, 54, 162
 Киёсу-тё 20
 Киёсу кассэнки 47
 Кии, провинция 83, 170, 172, 188, 193, 243, 244
 Кимура Дзиродзаэмон 139, 140, 153, 156
кинпэки 146
киндзэй 48, 73, 74, 75
 Киото 11, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 30, 34, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 59, 60, 61

- Киото (*продолжение*) 62, 63, 64, 66, 67, 68, 72, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 118, 121, 123, 124, 127, 129, 130, 132, 134, 135, 139, 143, 147, 148, 152, 154, 156, 158, 159, 160, 162, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 180, 182, 183, 184, 187, 190, 195, 196, 201, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 214, 226, 227, 228, 229, 237, 238, 239, 240, 241, 246, 248, 249, 256, 257, 258, 262, 263, 264
- кисёмон* 42, 231
- Кисо, река 23
- Кисо Ёсимаса 19, 121, 218, 219, 243
- Китабатакэ, семья 76, 162, 228
- Китабатакэ Томонори 76, 80
- Китай 195, 216
- Кита но Сё 130, 260
- Китасиракава 158
- Китё но Ката 24
- Китибоси 25
- Кобаякава Такакагэ 109, 176
- Кодзукэ, провинция 57, 217, 219, 221, 222, 243
- Кока 61, 144
- коку* 34, 135, 148, 163, 171, 177, 212, 227, 231, 233
- кокудака* 163, 226, 227, 233, 234
- кокудзин* 33, 34
- Комаки 260
- Комано, замок 40
- Конгобудзи, монастырь 16, 187
- кондзин* 242
- Конная гвардия 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 110, 120, 128, 133, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 174, 262, 265
- Коноэ Сакихиса 135, 177, 182, 190, 193, 194, 211, 237, 239, 263
- Коноэ Танэйэ 46
- Конфуций 147
- Корея 216
- Корияма 203, 225, 228
- Кофукудзи 231
- Коя, гора 16, 215, 243
- кугё* 118, 119
- Куки Ёситака 176, 190
- кунигаэ* 219, 265
- курохоросю* 35
- Кусан хаккай 68
- Кусацу 65
- Кувана 23
- Куваномидэра 143
- Кэйсю Тэссо 209, 211
- кэмари* 124
- кэн* 140, 158, 159
- кэнти* 163
- Кэннё Коса 30, 83, 89, 90, 103, 105, 108, 115, 118, 133, 134, 169, 178, 179, 180, 182, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 200
- Кюсю 16, 25, 49, 153, 199, 207, 211, 223, 237, 252
- ## Л
- Лотосовая сутра 8, 17, 209, 259
- ## М
- Макиавелли, Николо 72, 98, 249, 262
- Макиносима, замок 108, 109
- МакМаллин, Нейл 186, 187, 190, 191
- мандокоро* 72
- Манми Сигэмото 162, 163
- Маффен, Джованни 8, 9
- Мацуда Рё 29
- Мацудайра, семья 52, 53, 54
- Мацудайра Киёясу 52
- Мацудайра Нобумицу 28, 52

- Мацудайра Нобуясу 55, 58
 Мацудайра Хиротада 52, 53
 Мацуи Юкан 120, 128, 148, 173, 191
 Мацунага Хисахидэ 15, 48, 59, 60, 61, 64, 80, 87, 88, 89, 147, 172, 173, 174, 189, 218, 232, 256
 Мацуо Ёситака 224, 225, 227, 228, 230, 231, 232
 Мазба Ёсицугу 100, 129
 Маэда Тосиэ 32, 36, 41, 131, 219, 220, 221, 262
 Мехиа, Лоуренсо 18, 194, 203, 239, 253
 Мёкакудзи 147, 173, 249
 Мёкэндзи 183
 Мёрдок, Джеймс 197
 Мидзуно Тадасигэ 242
 Миёси Ёсицугу 56, 59, 60, 61, 64, 77, 80, 88, 89, 103, 109, 188, 189
 Миёси Нагаёси 15, 47, 48, 49
 Миёси, триумвиры 64, 67, 82, 83, 84
 Миёси Ясунага 134, 218, 219, 243, 246
 Микава, провинция 18, 19, 24, 26, 35, 46, 47, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 64, 67, 89, 102, 104, 105, 126, 216, 260
 Миками, гора 150
 Мики, замок 39, 176, 178, 184
 Мимасака, провинция 176, 238
 Минамото но Ёритомо 79
 Минасэ Канэнари 241
 Мино, провинция 16, 23, 24, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 50, 51, 54, 62, 63, 64, 66, 67, 82, 88, 89, 92, 100, 102, 115, 126, 129, 133, 136, 138, 153, 154, 160, 161, 162, 164, 166, 167, 173, 210, 222, 243, 262, 265
 Мино, триумвиры 38, 40, 42, 43
 Митикацу 22
 Мицубути Фудзихидэ 99, 108, 112, 135, 229
 Мицукури, замок 34, 42
 Миябэ 100
 Мияками Сигэтака 138, 141
 Миякэ, семья 230
 Мияниси Юдзаэмон 139
мон 154
 Мори, клан 16, 19, 49, 78, 108, 111, 169, 170, 171, 175, 176, 181, 200, 217, 223, 237, 238, 242, 245, 247, 248
 Мори Мотонари 16, 79
 Мори Нагахидэ 219
 Мори Нагаёси 219
 Мори Ранмару 163, 249
 Мори Такамото 49
 Мори Тэрумото 109, 110, 111, 170, 172, 178, 179, 180, 184, 189, 190, 193, 257
 Морияма 25
мунзбэцу 140
 Мурай Садакацу 68, 111, 112, 124, 139, 158, 159, 172, 209
 Муромати, сёгунат 15, 16, 19, 30, 43, 45, 47, 59, 66, 70, 112, 155, 239
 Муромати, период 19, 125, 186
 Мусаси 19
 Муто Киёхидэ 143, 181
 Муцу, провинция 185
мэйбуцу 147
 Мэйдзи 253
мэцукэ 41
- Н**
 Навуходоносор 195, 251
 Нагакутэ 260
 Нагаока 104, 221
 Нагао Кагэтора — *см.* Уэсуги Кэнсин
 Нагара, река 23
 Нагасаки 199, 254
 Нагасима 27, 51, 85, 100, 114, 115, 116, 118, 157, 188, 189, 221, 222

- Нагасино 57, 126, 127, 128, 129, 133
- Нагата Кагэхиро 148
- Нагато, провинция 49
- Нагоя, город 25, 226
- Нагоя, замок 24, 25, 28, 30, 31
найдайдзин 171
- Наито Акира 10, 138, 141, 144, 145
- Наито Сёсукэ 26, 30
- Накагава Киёхидэ 167, 178, 180,
181, 203, 243
- Накасэндэ 139, 152
- Накаэ 115
- Накаяма Такатика 113
- Накаяма Тикацуна 241
- Нанао, замок 229
- Нангэ Гэнко 151
- Наоэ Кагэцуна 75
- Нара 61, 87, 119, 120, 139, 153, 173,
227, 232, 240
- Наруми, замок 27, 31
- Нёи, пик 150
- Нива Нагахидэ 36, 56, 120, 128, 140,
222, 257, 258, 262
- Нивада Сигэясу 180, 191, 192, 193
- Нидзё Акидзанэ 125
- Нидзё, замок 67, 69, 70, 103, 106,
107, 108, 109, 112, 144, 162, 182,
183, 249, 256
- Нидзё Харунага 107
- Никко 209, 210, 214
- Ниннадзи 135
- Нитирэн (Лотоса), школа 17, 48, 87,
205, 206, 207, 208, 209, 210, 211,
212, 213, 214, 248
- Ноби, равнина 23
- Нода, замок 83, 102, 105
- Нономура Масанари 164
- Ното, провинция 110, 133, 172, 184,
219, 220, 221, 229, 230, 238
- Нуруи, семья 230
- Нэгородзи 216
нэнгу 23
- О
- Оваки Дэнсукэ 208, 211, 212, 213
- Овари, провинция 8, 9, 19, 20, 21,
22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 32,
34, 35, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 46,
47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 62, 64,
66, 67, 88, 92, 100, 115, 116, 133,
136, 154, 157, 158, 159, 160, 161,
162, 164, 166, 167, 210, 215, 216,
221, 225, 260, 261, 262, 265
- Огасавара, семья 58, 239
- Огимати, император 113, 171,
190, 241
- Огимати Суэхидэ 239
- Ода Ёсинобу 22
- Ода Митикацу 21, 24
- Ода Нагамасу 160
- Ода Нагатоси 160
- Ода но Сё 19
- Ода Нобудзуми 37, 120, 160, 162,
181, 182, 203, 250
- Ода Нобуканэ 37, 160, 162
- Ода Нобукацу 37, 76, 160, 161, 162,
203, 238, 260, 261
- Ода Нобумицу 28
- Ода Нобусада 22
- Ода Нобутада 23, 34, 37, 41, 43, 58,
63, 100, 107, 126, 133, 147, 148,
158, 160, 161, 165, 173, 175, 203,
213, 243, 244, 245, 249, 250,
252, 265
- Ода Нобутака 37, 160, 161, 162, 203,
218, 222, 246, 250, 252, 256, 257,
258, 260
- Ода Нобутомо 28, 31, 37
- Ода Нобуудзи 160
- Ода Нобуцугу 25, 37
- Ода Нобухару 83
- Ода Нобухидэ 21, 22, 23, 24, 25, 26,
27, 46, 52, 53, 262
- Ода Нобухиро, или Цуда 28, 31, 37,
53, 107

- Ода Нобуюки 26, 27, 28, 29, 31, 37, 250
- Ода Хидэкацу, или Оцугимару 259, 260
- Ода Хидэнобу, или Санбоси 257, 260
- Ода Цуруги, святилище 19
- Ода, семья 19, 20, 21, 22, 24, 26, 27, 34, 35, 36, 37, 42, 54, 55, 61, 125, 161, 162, 171, 172, 173, 216, 217, 223, 225, 248, 250, 257, 258, 260, 261, 262, 265
- Одзака 17, 18, 30, 57, 83, 84, 88, 89, 114, 115, 118, 123, 124, 125, 133, 162, 165, 170, 171, 173, 179, 185, 190, 191, 192, 193, 194, 199, 200, 202, 215, 220, 229, 237, 250, 264
- Одзэ Хоан 126, 164
- Оиси Удзитэру 184
- Окабэ Матаэмон 139
- Окадзаки, замок 53, 54, 55, 56
- Окаяма 39, 184, 199, 238, 257
- Оки но Сима 150
- Окоти, замок 76
- Окуно Такахино 11, 112, 194
- Окэхадзама 31, 51, 53, 54
- Оми, провинция 34, 35, 38, 39, 41, 42, 55, 56, 61, 63, 64, 67, 82, 83, 85, 86, 88, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 106, 108, 110, 115, 124, 136, 138, 148, 162, 163, 164, 166, 188, 210, 216, 221, 238, 258, 260, 265
- Омура Юко 258
- Онин, война, 15, 17, 18, 20, 45
- Оомс, Герман 254
- Органтино 140, 161, 177, 179, 180, 198, 201, 202, 203, 204, 207, 208, 209, 210, 212
- Осака 17, 60, 75, 83, 109, 167, 200
- Осака, залив 176, 189
- Ота Гюити 11, 12, 25, 41, 51, 86, 90, 91, 115, 116, 117, 120, 121, 138, 141, 150, 151, 155, 160, 183, 184, 208, 212, 240, 241, 247, 256
- Отани, замок 100
- Отомо, семья 16, 49, 78, 237
- отомосю* 34
- Оуги Ёситака 15
- Оцу 65
- «Оюдоно но Уэ но никки» 86, 125
- Р**
- Рандзятай 119, 120, 121, 122, 123
- риндзи тансэн* 140
- ринси* 49
- Родригес, Жоао 231
- Роккаку Дзётэй 61, 64, 80, 82, 188, 205
- Роккаку, семья 61
- Рокудзэ Кавара 183
- Рэйё 208, 211, 212
- Рэннё 17, 193
- С**
- Саваяма 108
- Сагами, провинция 19, 184, 222
- Сайка 83, 172, 188, 192, 243
- Сайкодзи 208
- Сайто Досан 16, 24, 26, 29, 31, 38, 46, 256
- Сайто Ёсихацу 47
- Сайто Сингоро 38, 41, 42, 161
- Сайто Тацуоки 29, 38, 40, 50, 62, 63, 82
- Сакай, город 17, 43, 48, 59, 65, 67, 109, 111, 128, 139, 147, 148, 154, 156, 177, 191, 199, 205, 209, 210, 211, 250
- Сакай, семья из Микава 52
- Сакай, семья из Овари 33
- Сакай Дайдзэн 28
- Сакай Тосисада 33, 34, 161
- Сакамото 86, 89, 108, 247
- Сакума, семья 98, 215

- Сакума Нобумори 26, 32, 36, 41, 43, 57, 86, 107, 120, 122, 133, 170, 180, 191, 215
- Сакума Нобухидэ 170, 215
- Санга Ёрицура 200
- санги* 118, 119, 121
- сангон* 68
- санкин котай* 220
- Сантё Санга Ёритэру 199
- Санэхито, наследный принц 125, 128, 171, 182, 183, 241, 249
- Сасаока Хатизэмон 157
- сасидаси* 224, 231, 232, 234
- Сасса Наримаса 32, 36, 41, 131, 219, 221, 262
- Сато Кии но Ками 38
- Сатомура Дзёха 68, 248
- Сэбата 21, 22, 23, 24, 26, 27, 46
- Сёкокудзи 120, 124, 127, 147
- Сёсоин 119, 121, 122
- сээн* 16, 17, 231, 234
- Сиба, семья 19, 20
- Сиба Ёсиканэ 20
- Сиба Ёсимунэ 22
- Сиба Ёсисигэ 19
- Сибата Кацуиэ 26, 29, 31, 32, 36, 41, 43, 63, 98, 120, 130, 131, 132, 133, 172, 180, 184, 216, 218, 221, 222, 229, 238, 239, 256, 257, 258, 260, 262, 265
- сики* 232
- Сикоку 16, 134, 162, 218, 230, 243, 245, 246, 248, 250, 252
- Симадзу, семья 16, 49, 223, 237
- Симадзу Ёсихиса 237
- Симодзума, семья 191
- Синано, провинция 57, 74, 105, 219, 229, 230, 243, 245, 252, 261
- Сингон, школа 16, 17
- «Синтё-ко ки» 22, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 42, 47, 51, 58, 62, 67, 68, 79, 84, 86, 90, 91, 97, 99, 103, 111, 119, 123, 125, 126, 127, 134, 141, 148, 149, 160, 161, 162, 173, 207, 208, 209, 210, 229, 256
- Сиокава Китидаю 167, 243
- Сирацути, семья 232
- Сокэндзи 21, 143, 144, 145, 149, 250, 253
- Сомэя Мицухиро 99
- создэё* 75
- Стефанони, Франсиско 142, 178, 200
- Суганоя Нагаёри 120, 162, 163, 164, 165, 220, 229, 265
- Сумо 9, 124, 148, 177, 242, 264
- Сунпу 53
- Суо, провинция 49
- Суруга, провинция 19, 24, 27, 28, 29, 51, 52, 53, 57, 105, 219, 242, 243, 245, 261
- Суэ Харуката 15
- Суэмори 25, 27
- Сэйё Дзёан 208, 210, 211, 213
- Сэйрёдэн 128
- Сэкигути Удзихиро 53
- Сэнгоку 10, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 28, 30, 33, 35, 45, 48, 55, 60, 61, 63, 73, 74, 77, 78, 129, 154, 155, 187, 201, 204, 205, 206, 224, 225, 226, 227, 262, 263, 267
- Сэнкэй 103
- Сэта 134
- Сэтцу, провинция 42, 56, 60, 64, 75, 78, 82, 84, 89, 165, 167, 170, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 190, 199, 200, 201, 203, 218, 222, 227, 228, 242, 243, 255, 259
- сюго* 16, 19, 24, 47, 48, 52, 103, 130
- сюгодай* 19, 20, 28, 29, 37, 129
- сяку* 120, 158
- Т
- Тагая Сигэцунэ 185
- Тада 167, 243

- Тадзима, провинция 170, 217, 218, 238
- Тайко кэнти* 226, 233, 234, 235, 266
- Тайра, семья 21
- Тайра но Сукэмори 21
- тайсё* 167
- «Тайхэйки» 33
- Такаги Садахиса 38, 39, 40, 41
- Такакура Нагасукэ 108, 112
- Такакура Нагатака 239
- Такао Кадзухико 50
- Такасэ Коитиро 199
- Такатэндзин, замок 58, 126, 242
- Такахаси Торамацу 162, 163, 164
- Такацуки, замок 84, 167, 178, 180, 199, 201, 202, 203
- Такая, замок 229
- Такаяма Укон 42, 166, 167, 178, 179, 180, 181, 199, 200, 201, 202, 203, 204
- Такаянаги Мицутоси 145, 247
- Такаянаги Сюнъити 10
- Такигава Кадзумасу 32, 36, 43, 57, 140, 165, 190, 219, 221, 222, 230, 231, 232, 244, 258, 260
- Такэда, семья 105, 114, 133, 161, 164, 175, 188, 242, 243, 244, 246, 248, 252, 264
- Такэда, семья из Вакаса 20, 61
- Такэда, семья из Каи 49, 57, 59, 110, 124, 170, 217
- Такэда Ёсимунэ 61
- Такэда Кацуёри 58, 63, 115, 123, 126, 127, 133, 167, 184, 188, 189, 193, 238, 243, 245
- Такэда Мотоаки 80
- Такэда Сингэн 16, 57, 62, 63, 75, 77, 82, 86, 88, 89, 90, 92, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 110, 195, 206, 218, 220, 221, 223, 256
- Такэи Сэкиан 38, 120, 128
- Такэнака Сигэхару 38, 39, 40
- Такэсима 150, 162
- Такэути Суэхару 87
- Тамару, замок 228
- Тамон, замок 120, 122
- Танба, провинция 51, 67, 133, 184, 190, 218, 221, 248, 257
- Танго, провинция 67, 133, 190, 216, 218, 221, 228, 259
- Тани Собоку 46
- Татэри Мунэцугу 49, 50, 180
- «Татэри Сакё но Сукэ нюдо Рюса ки» 180
- Тёмёдзи Каннон 150
- Тёсогабэ, семья 16, 134, 223, 242
- Тикубудзима 150
- Тогаси Масатика 18
- Тодайдзи 119, 120, 122, 123
- Тодайки 35
- тодзама* 223, 263
- Тоётоми Хидэёси 10, 13, 32, 36, 39, 40, 41, 48, 56, 59, 98, 101, 109, 111, 113, 125, 129, 139, 140, 143, 144, 145, 146, 148, 154, 155, 156, 163, 165, 173, 176, 178, 179, 184, 186, 187, 190, 199, 200, 205, 216, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 233, 234, 235, 238, 242, 244, 247, 250, 253, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267
- Токайдо 150
- «Токи-Сайто гунки» 253
- «Токицунэ-кё ки» 209
- Токугава Иэясу 9, 10, 13, 18, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 80, 82, 88, 102, 104, 105, 106, 126, 133, 139, 144, 145, 156, 184, 186, 187, 194, 199, 205, 219, 220, 223, 238, 242, 243, 247, 253, 257, 260, 261, 264, 266, 267
- Токугава, период — см. Эдо, период
- Токугава, семья 55

Токугава, сёгунат 263
токусэй 155
Томита Нагасигэ 100
Томо но Цу 109, 170
Тоно Магодзиро 185
Торагодзэ, гора 100, 101
Тоса, провинция 134, 246
Тосёгу 145
тотигэ 40
Тотоми, провинция 19, 24, 51, 57,
58, 89, 102, 104, 105, 126, 238,
242, 245, 260
Тояма Синкуро 162
Тэдори, река 172
Тэндай, школа 16, 17, 206
тэнка 47, 51, 60, 64, 78, 79, 80, 95,
219, 237, 247, 249, 250, 257
тэнка но ги 44, 78, 79
тэнка сёсидай 64
Тэннодзи 170, 172, 180, 189
Тэнсё, период правления 34, 39, 40,
104, 110, 111, 113, 118, 123, 134,
147, 153, 162, 163, 174, 192, 209,
218, 219, 221, 233, 245, 257
«Тэнсё нинэн сэкко ки» 11, 12, 121,
122, 123
тэнсю 139, 142, 144
тэнтю 10, 144, 145, 256
Тюгоку 39, 179, 192, 218, 244,
245, 247

У

удайдзин 174
Удзи, река 109, 194
Удзинэ Бокудзэн 38, 42, 43
Уилрайт, Кэролин 147
Укита, семья 176, 184
умамаварисю — см. Конная
гвардия
умамавари — см. Конная гвардия
Усяяма, замок 83

Уэно Хидэмаса 93
Уэсуги, семья 16, 57, 88, 169, 175,
184, 217, 223
Уэсуги Кагэкацу 238
Уэсуги Кэнсин 16, 30, 47, 48, 62, 75,
88, 90, 99, 100, 101, 102, 110, 170,
172, 173, 180, 189, 230

Ф

Фройс, Луис 8, 9, 11, 12, 21, 22, 25,
26, 43, 48, 60, 68, 69, 72, 74, 75,
84, 85, 86, 89, 92, 93, 103, 107,
108, 133, 138, 142, 143, 145, 149,
150, 153, 154, 155, 159, 167, 182,
183, 195, 196, 197, 198, 201, 204,
207, 209, 222, 228, 234, 239, 240,
247, 250, 251, 252, 253, 254, 255,
256, 257, 259, 266
Фува Мицухару 38, 41, 42, 131
фудай 37, 41, 43, 52, 223, 263
Фудзи, гора 150, 245
Фудзивара, семья 21
Фудзика Хисаси 13, 70, 78, 97, 103,
119, 129, 174, 190, 219, 220, 224,
227, 230
Фудзитоиси 68
Фудэн 207, 209, 211, 212, 213, 214
фуку сёгун 64
Фукуда Ёити 165
Фукудзуми Хидэкацу 153, 156, 162, 164
Фукусима 83
Фурута Кабёэ 94
Фуруватари, замок 25
фурэдзё 80
Фусими, замок 229
Фусэ Кимиясу 42, 166
Футамата, замок 102
Футю 41, 130, 220, 221

Х

Ханакума 192, 216
Ханда Минору 212

Харима, провинция 67, 127, 170,
172, 176, 178, 179, 184, 200,
218, 222

Хасиба Хидзёси — см. Тоётоми
Хидзёси

Хасидзумэ Сигэру 38, 39

Хасимото Масанобу 118, 119,
174, 175

Хасэгава Хидэкадзу 162, 163,
164, 166

Хатиман 171

Хатия Ёритака 120, 219

Хаяси Хидэсада 26, 30, 32, 43

Хигасияма 68, 106, 120

Хида, провинция 243

Хино Тэрусукэ 108, 112, 120,
122, 239

Хинэно, семья 166

Хирао Ёсиноа 141

Хиратэ Масахидэ 26, 30

Хирохаси Канэкацу 174, 180

Хитати, провинция 185

Хизэй, гора 16, 71, 83, 84, 85, 86, 89,
150, 205

Ходзё, семья 49, 62, 88, 223

Ходзё Удзимаса 88, 90, 184, 185,
222, 243, 256

Ходзё Удзиясу 75, 88

Хококу Дзиндзя 145

Хокурику 133, 170, 173, 180, 184,
229, 238

Холмс, Ричард 10

Хонкокудзи 67, 206

Хоннодзи 13, 21, 58, 63, 137, 146,
161, 162, 214, 221, 237, 241, 245,
246, 247, 248, 249, 250, 252, 256,
257, 262, 264

хонрё андо 230

Хонсю 15, 16, 19, 39, 49, 57, 110,
111, 180, 200, 223, 244, 247, 265

Хори Хидэмаса 164, 166

Хосокава, семья 15, 221, 239

Хосокава Фудзитака 36, 61, 68, 89,
99, 104, 105, 106, 107, 133, 165,
184, 217, 218, 228, 242, 259

Ц

Цудзи Дзэнносукэ 186, 206

Цукияма 53, 58

Цусима 23, 24, 25, 27

Цутимикадо Ариясу 135

Цуцуи Дзюнкэй 121, 215, 218, 227,
228, 231, 232, 233, 234, 243

Ч

Чистой Земли (Дзёдо), школа 17,
205, 206, 207, 208, 209, 210,
212, 213

Э

Эбосигата 243

Эдо, замок 220, 264

Эдо, период 11, 13, 14, 20, 35, 55,
152, 164, 186, 187, 219, 227, 267

Эйроку, период 29, 46, 47, 50, 54,
63, 67, 71, 73, 81

Эйсюн 227, 231

Элисон, Джордж 13, 70, 78, 97, 103,
119, 141, 146, 174, 219, 220, 224,
227, 230

Эллиотт 139

Энрякудзи 16, 17, 83, 84, 85, 86, 87,
88, 95, 187

Этиго, провинция 16, 30, 49, 57, 62,
110, 170, 230, 252

Этидзэн, провинция 18, 19, 20, 41,
42, 55, 56, 61, 63, 80, 81, 82, 83,
88, 100, 102, 109, 110, 117, 123,
124, 129, 130, 131, 132, 133, 134,
143, 154, 172, 181, 188, 204, 219,
220, 221, 222, 229, 239, 263, 265

Эттю, провинция 101, 133, 170, 184,
217, 219, 229, 238

Ю

Юки, Жоао 199

Юра 109, 170

Я

Ямагата Масакагэ 102

Ямагути, семья 27, 31

Ямадзаки 112, 250, 257

Ямасина 83, 134, 154

Ямасина, семья 154

Ямасина Токицугу 46, 47, 73, 76, 86

Ямасиро, провинция 9, 64, 78, 103,
109, 135, 170, 177, 221, 228, 238,
243, 257Ямато, провинция 60, 78, 88, 133,
170, 173, 216, 218, 224, 225, 227,
228, 230, 231, 232, 233, 234, 243,
255

Янагасима 115

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	8
Глава первая. Создание экономической опоры	15
Провинция Овари и клан Ода	19
Молодой Нобунага	26
Вассалы дома: конная гвардия, командиры, родственники	30
Люди из Мино: союзники, новая конная гвардия и триумвиры.	37
Глава вторая. Путь на Киото	45
Первые контакты с двором	45
Нобунага и Иэясу	51
Поход на Киото	59
Глава третья. Двоевластие	66
Нелегкий союз	67
Смута годов Гэнки	76
Гнев Нобунага	84
Глава четвертая. Распад сёгуната	88
Выступление Такэда Сингэн	88
Протест	90
Конфронтация	98
Глава пятая. Годы успеха	113
Усмирение Нагасима	114
Церемониальное признание	118
Новые победы	123
Признание при дворе	133
Глава шестая. Адзуту	137
Замок	138
Город	152
Жители	159

Глава седьмая. Годы несчастья	169
Второй союз против Нобунага	170
Кризис Араки	178
Глава восьмая. Покорение Хонгандзи и иные религиозные вопросы	186
Война с Хонгандзи	187
Мир с Хонгандзи	190
Нобунага и иезуиты	195
Диспут в Адзути	205
Глава девятая. Радикальные меры, постепенные реформы	215
Управление вассалами	215
Разрушение замков (сировари) и отчеты о земельном налоге (сасидаси)	224
Глава десятая. Кульминация и падение	236
Парад в Киото	238
Кампания против Такэда	242
Инцидент Хоннодзи	246
Нобунага-бог: факт или вымысел?	250
Похороны Нобунага	256
Эпилог	262
Примечания	268
Вступление	268
Глава I	269
Глава II	273
Глава III	276
Глава IV	280
Глава V	285
Глава VI	289
Глава VII	294
Глава VIII	297
Глава IX	301
Глава X	303
Глоссарий	307
Эпохи японской истории	311
Родословная семьи Ода	312
Библиография	313
Благодарности	333
Алфавитный указатель	335

Лажерс Й. П.

ЯПОНСКИЙ ТИРАН
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯПОНСКОГО ПОЛКОВОДЦА
ОДА НОБУНАГА

Научное издание

Директор издательства *Чубарь В. В.*

Главный редактор *Трофимов В. Ю.*

Верстка *Харитонов Л. А.*

Корректор *Чебыкина М. В.*

Подготовка указателя *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 10.10.2011 г. Формат 60 × 90^{1/16}.

Усл. печ. л. 22. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. (1-ый завод 1–2000). Заказ № 3992

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86, пом. 106.

Тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.

Ода Сабуро Кадзусаносукэ Нобунага родился в 1534 году в семье небольшого военного предводителя из провинции Овари. После смерти отца он начал войну с родственниками за наследство и в конце концов победил, став главой клана Ода. Затем, постепенно подчинив центральные области страны, Нобунага захватил доминирующее положение на политической арене Японии в период между 1568 и 1582 годами, тем самым положив начало процессу военного и политического объединения государства. Ода Нобунага был одним из ярчайших представителей эпохи Сэнгоку (Сражающихся царств), окончание которой датируется моментом его трагической гибели в 1582 г. За это время он прошел путь от эксцентричного диктатора, для которого даже вопросы веры были подчинены соображениям военной и политической целесообразности, путь от «большого дурака из Овари», так его прозвали в молодости за буйный нрав, до человека заслужившего эпитет «Демонповелитель Шестого Неба». Но герой этой книги был не только смелым и умным полководцем, сумевшим одним из первых оценить достоинства огнестрельного оружия, но и талантливым политиком, осуществившем на подвластных ему территориях целый комплекс реформ, способствовавших объединению страны и развитию свободной торговли.

ISBN 978-5-91852-015-4

9 785918 520154